

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

17

ФИЛИП ФАРМЕР

Сканировал и создал книгу - *vtakhankov*

WORLDS OF PHILIP FARMER

THE GATE OF TIME

**THE STONE
GOD AWAKENS**

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

ВРАТА ВРЕМЕНИ

**ПРОБУЖДЕНИЕ
КАМЕННОГО БОГА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Филипа Фармера. Т. 17 / Пер. с англ. —
Полярис, 1997. — 383 с.

В очередной том собрания сочинений вошли два остросюжетных приключенческих романа, повествующих о приключениях наших современников в мирах, отделенных от нашего бездной времени, — «Врата времени» и «Пробуждение Каменного Бога».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Gate of Time

Copyright © 1966 by Philip Jose Farmer

The Stone God Awakens

Copyright © 1970 by Philip José Farmer

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1996

ISBN 5-88132-306-4

В очередной том собрания сочинений одного из самых своеобразных фантастов Америки вошли два его приключенческих романа — «Врата времени» (1966) и «Пробуждение Каменного Бога» (1970).

Первый из них принадлежит стремительно набирающему в последние годы популярность, но довольно старому поджанру «альтернативной истории». Основной принцип ее — что было бы, если?.. (Если бы Наполеон победил под Ватерлоо, если бы Чингисхана придушили во младенчестве... подставьте по своему вкусу.) Одним из первых этой идеей воспользовался Л. Спрэг де Камп в своем романе «Да не опустится тьма!» еще до начала второй мировой, заставив занесенного в VI век американского археолога переписывать историю заново. «Врата времени» поворачивают похожую ситуацию несколько по-иному. Во время налета американской авиации на нефтяные промыслы Плоешти горящий бомбардировщик и преследующий его немецкий истребитель пролетают через некие Врата, открывающиеся в иной мир. Мир, где нет ни лошадей, ни самолетов, где броневики на деревянных колесах давят краснокожих солдат... мир, где тоже идет война. Но это иная война. И пилоту-индейцу по имени Роджер Два Сокола предстоит выяснить, чем Земля-2 отличается от его родного мира, почему в Румынии говорят на так хорошо знакомом ему ирокезском языке... и как выжить, когда с берегов Балтики на Европу надвигается угроза, носящая имя древнего балтского бога грома — Перкуниша.

А второй роман — «Пробуждение Каменного Бога», переведенный специально для нашего издательства Элеонорой Раткевич, одним из лучших фантастов нового поколения,

дважды выдвигавшимся на премию «Интерпресскон», — тоже переносит нас в непривычный, но все же отчасти знакомый мир. Во время одного из первых экспериментов по остановке молекулярного движения, которое позднее даст человечеству уже знакомые читателям по трилогии «Мир одного дня» каменаторы, ученый-физик Улисс Поющий Медведь оказался «заморожен». Его тело выпало из потока времени... чтобы вновь вернуться к жизни от удара молнии через много миллионов лет. Человечество исчезло с лица Земли, сметенное загадочными каплеобразными пришельцами. Его место заняли новые виды разумных существ — человекоподобные еноты, псы, медведи, слоны... Эволюция кардинально преобразовала животный мир. Но вышедшее из-под контроля творение сгинувших хозяев планеты — разумное дерево Вурутана — угрожает покрыть континент от берега до берега. И всем, кто не желает подчиниться ему, приходится вступить в смертельную борьбу. И проснувшийся Каменный Бог присоединяется к ним.

ВРАТА ВРЕМЕНИ

ПРОЛОГ

Через год после войны мой издатель отправил меня в Ставангер, в Норвегию, взять интервью у Роджера Двух Соколов. Кроме того, я был уполномочен заключить с ним договор — на весьма выгодных условиях, особенно если учесть трудности с книгоизданием и сбытом в те послевоенные годы. Я сам напросился на это задание, поскольку был немало наслышан о Роджере Двух Соколах. Большинство рассказов о нем были невероятными, даже противоречивыми, но рассказчики все до одного клялись, что говорят чистую правду.

Все это меня настолько заинтересовало, что я уволился бы с работы и на свой страх и риск отправился в Норвегию, не отпусти меня издатель. А в те времена человеку моей профессии нелегко было найти работу. Все силы были брошены на восстановление цивилизации, разрушенной войной — и умение обрабатывать металл и класть стены из камня ценилось гораздо больше, чем талант борзописца.

Тем не менее люди покупали книги, а таинственный чужак Роджер Два Сокола интересовал всех. Каждый слышал о нем, но те, кто знал его лично, были или мертвы, или пропали без вести.

Я записался пассажиром на старый пароход, который добирался до Ставангера пять дней. Когда я сошел на берег, я не стал даже останавливаться в гостинице, поскольку был уже поздний вечер, а вместо того поинтересовался на своем скверном норвежском, как добраться до отеля, в котором, как мне было известно, остановился Два Сокола. Перед отъездом я безуспешно пытался заказать там комнату.

Проезд на такси стоил очень дорого: бензин все еще отпускался по карточкам. Мы долго ехали по темным улицам города, где не горел ни один фонарь. Но фасад гостиницы был освещен неожиданно ярко, а фойе заполнено шумно веселящимися гостями, все еще радовавшимися, что им удалось пережить войну.

Я спросил у администратора, как найти Двух Соколов, и мне ответили, что он находится в бальном зале, где бургомистр Ставангера устраивает вечер.

Я без труда разыскал Роджера Двух Соколов, поскольку через мои руки прошло немало его фотографий. Он стоял в углу зала в окружении толпы. Я пробился туда и оказался рядом с ним. Два Сокола был высок и широкоплеч; приятное лицо не портил даже орлиный нос. Он имел темно-каштановые волосы и смуглую кожу — не смуглее, впрочем, чем у многих норвежцев в зале. Но глаза оказались неожиданно серыми — холодными и серыми, как зимнее небо в Исландии. Он что-то рассказывал, держа в правой руке стакан с выпивкой, и его белые зубы то и дело поблескивали в улыбке. Его норвежский был не лучше моего — то есть понятный, но с сильным акцентом и пренебрежением к грамматике. Рядом стояла красивая блондинка, которую я тоже узнал по фотографиям, — его жена.

Воспользовавшись возникшей в разговоре паузой, я представился. Роджер, конечно, знал о моем приезде из переписки с моим издателем. Он спросил меня, как прошла поездка.

— Терпимо, — ответил я.

— Я уже боялся, — заметил он глубоким, приятным и в то же время суровым баритоном и улыбнулся, — что ваш издатель передумал и вы не приедете. Видимо, у вас на судне вышел из строя беспроволочный телеграф.

— Как и все остальное, — ответил я. — Во время войны это корыто ходило в каботажные рейсы и четырежды попадало под бомбежки. Чинили его в спешке и чем под руку попадется.

— Через два дня я покидаю Норвегию, — коротко пояснил Два Сокола. — А это значит, что я смогу посвятить вам полтора дня. Я расскажу вам свою историю и буду надеяться, что вы ее не слишком перевернете. Как у вас с памятью?

— Фотографическая, — ответил я. — Согласен. Но это значит, что нам обоим не удастся выспаться в ближайшие два дня. Я устал, но готов выслушать ваш рассказ, как только вам будет угодно...

— Немедленно. Я только скажу жене, что мы пошли в мой номер, и поблагодарю бургомистра.

Минут через пять мы уже были в его комнате. Он поставил на газ большой кофейник, а я тем временем достал контракт, перо и блокнот.

— Не знаю, — сказал он, — зачем я это делаю. Может... ну, неважно. Мне нужны деньги, а эта книга кажется мне самым простым способом добыть их. Хотя я могу и не вернуться, чтобы получить гонорар. Все зависит от того, чем закончится мое путешествие.

Я поднял брови, но ничего не сказал. Одним плавным, так характерным для него движением Роджер поднялся, быстрыми шагами пересек комнату и подошел к столу, где стоял глобус — еще довоенный, так что изменения границ, происшедшие за последний год, на нем не отразились.

— Идите сюда, — сказал он. — Я покажу вам, откуда все началось.

Я подошел. Роджер медленно повернул глобус и кончиком карандаша коснулся точки, расположенной неподалеку от западного берега Черного моря.

— Плоешти, Румыния, — произнес он. — Отсюда я и начну. Я мог бы отодвинуть начало еще дальше в прошлое, но тогда рассказ потребует времени, которого у нас нет. Если возникнут вопросы о моем прошлом, вставляйте их по мере рассказа. Впрочем, у меня есть рукопись, в которой описана моя жизнь до того дня, когда я отправился в атаку на нефтяные скважины Плоешти.

— Плоешти в Румынии? — переспросил я.

— Да. Плоешти, центр добычи и переработки нефти нового Германского рейха. Цель атаки Девятого Воздушного флота, который тогда базировался в Киренаике, в Северной Африке. Прошло пять лет войны, прежде чем американцы смогли совершить нападение на этот важнейший центр, сердце, качавшее по Германии бензин, кровь войны. Нагруженные бомбами, боеприпасами и горючим, с полевого аэродрома в оккупированной части Южной Италии стартовали сто семьдесят пять четырехмоторных бомбардировщиков, чтобы нанести удар по резервуарам с горючим

и нефтеперегонным заводам. Мы еще не знали, что немцы называли город *Festung Ploesti* — крепость Плоешти, что город и нефтеперерабатывающий комплекс окружены самым большим скоплением зенитных батарей во всей Европе. Но даже если бы мы об этом узнали, ничего бы не изменилось — разве что мы не были бы так удивлены.

Я был первым пилотом на «Гайавате». Моим вторым пилотом был Джим Эндрюс, из Бирмингема в Алабаме, но ему, казалось, ничуть не мешало мое происхождение — я ирокез-полукровка. Мы были лучшими друзьями.

Он улыбнулся:

— Кстати, стоит заметить, что я ирокез в квадрате. У меня есть предки в каждом из ирокезских племен, включая прапрадедушку, который был чероки — тоже из племени ирокезской группы. Но мой отец был наполовину исландец, а мать — наполовину шотландка.

Я кивнул и спросил:

— Я могу надеяться, что все это разъяснит та рукопись, которую вы мне обещали?

— Да, конечно. Итак...

ГЛАВА 1

Командир звена бомбардировщиков сбился с курса над Тарговеште. Вместо того чтобы двигаться к Плоешти, он повел машины прямо на Бухарест. Старший лейтенант Два Сокола заметил ошибку и, как многие другие пилоты, нарушил предписанное радиомолчание. Командир звена не ответил, упрямо продолжая придерживаться неправильного курса. Через несколько минут далеко слева, над самым горизонтом, Два Сокола увидел темное пятно в облаках — дым над горящими нефтехранилищами. Первая волна нападающих достигла цели и сбросила бомбы.

Наблюдая за ведущим самолетом, Два Сокола спрашивал себя, видит ли полковник этот предательский дым. Внезапно ведущий бомбардировщик лег на крыло и взял курс на дымный столб. Два Сокола, а с ним и остальные, повторил этот маневр с такой точностью, что построение звена не нарушилось. Под вой моторов «Гайавата» неся на север со скоростью 245 миль в час в полусотне ярдов над землей; мелькали зеленые кукурузные поля, посевы альфальфы и

пшеничные нивы. Впереди, в дыму, парили огромные серые тени заградительных азростатов. Некоторые только поднимались в воздух, а те, что висели на большой высоте, опускались, встречая атаку.

Два Сокола был разочарован, хотя Эндрюсу ничего не сказал. Соединение заходило не с той стороны, так что инструктаж по зрительному определению целей, проводившийся на протяжении нескольких недель, оказался теперь совершенно бесполезен. Под таким углом распознать что-либо было решительно невозможно.

Двадцать пять миль до Плоешти самолеты преодолели за пять минут. Но задолго до конца пути ловушка захлопнулась. Копны сена взорвались 20- и 37-миллиметровыми зенитками. Грузовые вагоны на железнодорожных путях сбросили обшивку, обнажив 37-миллиметровые пушки. Даже поля зазияли окопами, откуда бешено застрочили пулеметы. А впереди 88- и 105-миллиметровые чудовища стреляли вслепую, наполняя воздух черно-белой круговертью огня. Началась кровавая битва, к которой так долго готовились и нападавшие, и защищавшиеся.

«Гайавата» затрясся — вначале под ударными волнами взрывов, потом оттого, что бортовые стрелки открыли огонь по зенитным установкам из спаренных пушек 50-го калибра. Воздух покрылся сеткой трассирующих пуль и осколков, так что казалось, будто никакой самолет не сможет преодолеть ее неповрежденным. Мощный рев 134-х 14-цилиндровых моторов смешивался с громом пушек, разрывами снарядов и яростным треском 230-ти пулеметов В-24.

Роджер Два Сокола сохранял положение самолета в звене, в пятидесяти ярдах над землей. Несколько раз ему удалось бросить взгляд по сторонам. Блеснуло сбоку, на перекрестье прицела, пушечное дуло, пилот почти видел, как устремилась на убийственное свидание темная туша снаряда, и рефлекторно подал штурвал от себя. Земля пронеслась в двух десятках футов под брюхом, и снаряд просвистел мимо.

Впереди поднялись Гималаи огня — взорвались нефтехранилища. Роджер вернул «Гайавату» на положенную высоту. Машина дрогнула под ударом осколка, но удержалась в воздухе. Хвостовой стрелок сообщил, что левый элерон и стабилизатор сорваны. Машина справа выглядела так, словно ее фюзеляж изрубил гигантский меч, но еще

держалась в строю. Самолет слева вдруг нырнул, нос его окутался дымом, вероятно, от прямого попадания 88-го калибра. В следующее мгновение он камнем рухнул вниз, ударился о землю, и его обломки исчезли в ярком шаре взрыва.

Мимо «Гайаваты» пролетели сверкающие на солнце осколки алюминия и плексигласа. Завеса дыма разорвалась, открывая полыхающие баки с горючим и ректификационные колонны. Горящий бомбардировщик спикировал, протаранив еще неповрежденное хранилище и нефтеперегонную установку; другой, с двумя охваченными огнем моторами, медленно вошел в штопор и рухнул на землю; еще один, тоже горящий, пытался набрать высоту, чтобы его экипаж смог выпрыгнуть с парашютами. Четвертый сбросил все бомбы, и несколько баков взорвались один за другим; огненная волна нагнала и поглотила самолет. Тот раскололся пополам, и его обломки врезались в еще один уцелевший бак. Взрывная волна подхватила «Гайавату» и швырнула вверх. Несколько секунд Два Сокола и Эндрюс пытались удержать машину от падения.

Взглянув на самолет командира эскадрильи, Два Сокола увидел, как он развалился в воздухе на две части и в облаке дыма рухнул вниз.

Впереди громоздилось скопление трубопроводов и буровых вышек. Два Сокола рванул штурвал на себя, посылая «Гайавату» вверх, чтобы не врезаться в ажурные конструкции, и проревел:

— Сбросить бомбы!

Эндрюс не стал спорить. Люки открылись, и самолет, освободившись от груза, круто пошел ввысь. Верхушка буровой вышки пропорола «Гайавате» брюхо, но машина удержалась в воздухе.

— Газзара мертв! — с сильным ирландским акцентом прохрипел О'Брайен, стрелок из верхней башни. — Его только что снесло вместе с пушкой!

— Чарли-на-хвосте пришел капут, — бросил Два Сокола Эндрюсу.

— Черт, я даже не почувствовал попадания! — крикнул Эндрюс. — А ты?

Два Сокола ничего не ответил. Он бросил бомбардировщик вниз, чтобы избежать губительного огня на высоте. Машина промчалась между двумя баками, едва не задев их кончиками крыльев, но Два Сокола был вынужден тут

же снова подать самолет вверх, чтобы не врезаться в радиовышку, дрожавшую от разрывов снарядов как собачий хвост.

— Боже! — выдохнул Эндрюс. — Я думал, не проскочим!

Два Сокола промолчал. Самолет накренился, верхушка башни проскользнула под правым крылом. Машина дрожала и редела. Совсем рядом оглушительно разорвался снаряд; в кабине ветер завыл. В лобовом стекле перед Эндрюсом зияла дыра, второй пилот безвольно повис на ремнях; лицо его превратилось в сплошную массу разорванного мяса, раздробленных костей и сгустков крови.

Два Сокола повернул машину на восток, но, прежде чем бомбардировщик успел закончить маневр, в них попало еще несколько осколков. В салоне кто-то закричал, да так громко, что крик можно было расслышать даже в адском грохоте снаружи и пронзительном вое ветра в кабине. Два Сокола повел «Гайавату» вверх так круто, как только осмеливался. Он должен был набрать высоту, даже проходя через свинцовые кружева разрывов. Два мотора горели, а внешний мотор справа потерял пропеллер. Машина теперь долго не продержится; нужно было набрать максимальную высоту и прыгать.

У Роджера появилось странное чувство раздвоения. Это длилось секунды две, потом исчезло, но он знал, что за этот короткий промежуток времени произошло что-то чуждое, что-то... противоестественное. Самым удивительным было то, что он был убежден — что-то затронуло не только его: сама машина и все, что в ней находилось, было вырвано из нормального мира — или из реальности.

Потом он забыл об этом. Паутина из трассирующих пуль, снарядов и молний шрапнели на мгновение разошлась, исчезла, и он пролетел сквозь нее, ввысь. Грохот взрывов стих. Только ветер ревел в продырявленном плексигласе пилотской кабины.

Откуда-то появился вражеский истребитель. Он вылетел так быстро, точно свалился из какой-то дыры в небе, что Два Сокола не успел его распознать. Истребитель мчался, как черная молния, пушка и пулеметы безостановочно плевались смертью. Столкновение казалось неизбежным. Внезапно немец лег на крыло и нырнул под «Гайавату».

Бомбардировщик содрогнулся в последний раз, на сей раз от смертельного удара. Его левое крыло обломилось и, кружась, падало вниз вместе с правым крылом истребителя.

Секундой позже Два Сокола покинул «Гайавату». Земля находилась так близко, что выпрыгивать, соблюдая инструкции, было нелепо, и он тотчас же рванул кольцо. В падении его не перевернуло, и Два Сокола ясно видел, что города Плоешти больше нет. Вместо его предместий, над которыми они только что пролетали, внизу были лишь проселок, деревья и отдельные крестьянские дворы. Плоешти теперь находился так далеко, что был виден только столб дыма над ним.

Внизу в сгустке пламени падал к земле «Гайавата». Немецкий истребитель тоже падал; в сотне футов над ним и в стороне разворачивался парашют пилота. Два Сокола почувствовал резкий рывок раскрывшегося парашюта и облегченно вздохнул.

Слева от него под шелковым куполом покачивался еще кто-то. Два Сокола узнал Пата О'Брайена, своего бортового стрелка. Из всего экипажа «Гайаваты» спастись удалось только им двоим.

ГЛАВА 2

Давление воздуха на парашют заставило лямки врезаться в тело пилота. В шее что-то щелкнуло, но боли не было. Позвонки словно бы встали на место, как под руками остеопата, и тело само расслабилось, избавляясь от накопившегося напряжения.

Два Сокола рассматривал приближающуюся поверхность. Подробности ее становились все ближе и яснее, но поле зрения сужалось. Его парашют раскрылся лишь в двухстах футах над землей, так что времени на исследования было немного.

Ветер нес парашютистов над густым лесом со скоростью примерно шесть миль в час, но приземлиться им предстояло за лесом, на убранном пшеничном поле. За полем бежала, пересекая линию полета, узкая, поросшая с обеих сторон деревьями дорога, а по ту сторону дороги, за деревьями, виднелись небольшой, крытый соломой крестьянский домик, сарай и амбары. За усадьбой был огороженный са-

дик, а дальше — изгородь и густой лес, в котором сумрачно поблескивала речушка.

Из-за неожиданно стихшего ветра Два Сокола опустил-ся ближе к опушке леса, чем рассчитывал. Его ноги задели верхушки деревьев, потом он оказался на земле, сделал кувырок через голову и тотчас вскочил на ноги, чтобы освободиться от строп. Деревья защищали место посадки от ветра, и купол парашюта быстро опал.

Два Сокола расстегнул ремни и принялся сворачивать парашют. О'Брайен, опустившийся неподалеку, делал то же самое. Когда все было готово, Роджер подхватил парашют и потрусил к О'Брайену.

— Ты видел этих солдат слева от нас? — возбужденно проговорил ирландец.

Два Сокола покачал головой:

— Нет. Они движутся в нашу сторону?

— Не знаю. Они шли по дороге, пересекающей эту, видимо, главную, хотя и не мощеную. Я не мог рассмотреть подробностей, но выглядели они как-то странно.

— Странно?

О'Брайен снял шлем и взъерошил короткопалой веснушчатой рукой и без того всклокоченную рыжую шевелюру.

— Да. Там было много повозок, запряженных волами. Во главе колонны была пара машин, но я такой модели никогда не видел. И один броневик — похож на броневики времен первой мировой войны, какие мне папаша в книжке показывал. — О'Брайен широко ухмыльнулся: — Ну, ты знаешь. Большая война. Великая. Настоящая война.

Два Сокола смолчал. Ему уже доводилось слышать, как относится отец ирландца к нынешнему конфликту.

— Сначала нужно закопать в лесу эти штуки, — сказал Два Сокола. — Ты не захватил с собой НЗ?

Они нырнули в лес.

— Мне еще повезло, что живой выбрался. — О'Брайен помотал головой. — Спасся еще кто-нибудь из наших?

— Не думаю, — ответил Два Сокола. — Я больше никого не видел.

Он пробирался через густой подлесок. Его трясло. Реакция, сказал он себе. Вполне естественно. Сейчас он успокоится, и все пройдет. Правда, он может и не успеть. Скорее всего немцы или румыны уже выслали поисковые

отряды. Заметить снижающиеся парашюты могли разве что окрестные крестьяне, но если они увидели горящий американский бомбардировщик и два парашюта, то, должно быть, уже звонят в ближайшее отделение полиции или гарнизон.

Опустившись на корточки, Два Сокола затолкал парашют в углубление между двумя толстыми древесными корнями и засыпал землей. Потом он резко выпрямился, выдохнув, точно от удара под ложечку. Ему только что пришлось в голову, что при спуске он не заметил ни одной телефонной линии. Не видел он ни электрических проводов, ни телеграфных столбов. Это было странно. Если бы самолет упал в глуши, Два Сокола не удивился бы — Румыния не слишком развитая страна. Но подбитый «Гайавата» не мог удалиться более чем на пять миль от нефтеперегонных установок Плоешти.

И куда делись пригороды, над которыми пролетал самолет в ту минуту, когда пилот ощутил странное раздвоение? Они пропали в какую-то секунду. Что-то загадочное было и в той внезапности, с которой появился немец. Два Сокола мог поклясться, что истребитель возник прямо в чистом небе.

После того как они спрятали парашюты, Два Сокола снял плотную пилотскую форму и сразу же почувствовал себя лучше. Поднялся легкий ветерок. О'Брайен тоже снял летнюю куртку, вытер веснушчатый лоб и пробормотал:

— Что-то тихо, да? Намного тише, чем скоро будет, а?

— У тебя пистолет есть? — спросил Два Сокола.

О'Брайен помотал головой и указал на пистолет-автомат калибра 0,32 в кобуре у пилота под мышкой.

— Это тоже не очень нам поможет. Сколько у тебя патронов?

— Пять в магазине и двадцать в кармане.

Но Два Сокола не упомянул ни о двухствольном пистолетике за поясом, ни о пружинном ноже в кармане.

— Ну что ж, — задумчиво произнес ирландец, — это все же лучше, чем ничего.

— Лучше, но ненамного. — Роджер секунду помолчал, понимая, как ждет О'Брайен его слов. Понятно было, что от ирландца новых идей не дождешься. Строго говоря, так и должно было быть — Два Сокола был старше его по званию. Но пилот сомневался, что и в противном случае его товарищ сумел бы взять инициативу на себя.

Ему пришло в голову, что он почти ничего не знает об О'Брайене, кроме того, что в воздухе на него можно положиться, что родился он в Дублине, переселился в Америку, когда ему было одиннадцать, и с тех пор жил в Чикаго.

— Я рад, что ты со мной, — заметил наконец ирландец. — Ты индеец, ты в лесу вырос. А я в этих деревьях как свинья в апельсинах. Я уже заблудился.

Два Сокола достал из нагрудного кармана куртки карту. Он решил, что не стоит огорчать товарища тем, что его спутник-индеец вырос в лесу — но в американском лесу, и в лесах румынских ориентируется не лучше его.

Он разложил карту на земле. Из-за жары летчикам пришлось снять мундиры и расстегнуть рубашки. За полчаса они продумали несколько возможных путей бегства. В любом случае им предстояло двигаться ночами и прятаться днем.

— Стоит пробраться назад, к опушке леса, и оттуда наблюдать за дорогой, — сказал Два Сокола. — И за усадьбой. Если повезло, нас никто не заметил. Но если какой-нибудь крестьянин уведомил полицию, они скоро начнут прочесывать лес. Надо поскорее исчезнуть отсюда... если дорога чиста.

Спрятавшись в густом кустарнике, в тени огромной ели, друзья принялись наблюдать за дорогой и крестьянским домом. Полчаса они отмахивались от комаров и слепней, стараясь прихлопывать их неслышно, но людей видно не было. Тишину нарушал только шум теплого ветра в кронах деревьев, далекий собачий лай, да где-то за домом проревел бык.

Два Сокола ждал терпеливо, меняя положение лишь затем, чтобы разогнать кровь в затекших от долгой неподвижности ногах. О'Брайен ерзал, тихо охал и в конце концов полез за пачкой сигарет.

— Не кури, — приказал Два Сокола. — Кто-нибудь может заметить дым. Или учуять.

— С такого расстояния? — поразился О'Брайен.

— Вряд ли, — согласился Два Сокола, — но рисковать не стоит.

Они прождали еще полчаса. О'Брайен постанывал, по-свистывал сквозь зубы и непрерывно вертелся.

— Охотник из тебя бы получился неважнецкий, — заметил Два Сокола.

— Я не индеец, — ответил О'Брайен. — Я парень городской.

— Мы не в городе. Так что учись терпению.

Два Сокола подождал еще пятнадцать минут, потом кивнул своему спутнику:

— Пойдем к дому. Он выглядит покинутым. Может быть, найдем там еду и проберемся в лес по другую сторону дороги.

— И кому тут надо учиться терпению? — съехидничал О'Брайен.

Два Сокола не ответил. Поднявшись, он заткнул нож за пояс и направился к дому. О'Брайен отстал поначалу, не желая покидать своего иллюзорного убежища, но вскоре догнал пилота.

— Не торопись, — сказал Два Сокола. — Веди себя так, будто имеешь полное право здесь находиться. Тогда, если нас увидят издалека, не обратят внимания.

Они перепрыгнули канаву, отделяющую поле от дороги, и пошли вдоль дороги. Земля под ногами была твердой, но непыльной, словно пару дней назад прошел дождь. Поверхность дороги была испещрена глубокими колеями от колес фургонов, следами копыт, засохшими и свежими коровьими лепешками.

— Ни одной лошади, — сам себе сказал Два Сокола.

— Что? — переспросил О'Брайен.

Но Два Сокола уже открыл деревянную калитку. Он обратил внимание, что петли тоже были вырезаны из дерева и прибиты к створкам ворот деревянными гвоздями. Щипавшие во дворе травку овцы с жирными курдюками испуганно подняли головы, но не издали ни звука. Пилоту пришлось в голову, что у них, должно быть, нет голосовых связок. Вряд ли обычная овца могла бы молчать с того момента, как летчики приземлились на опушке.

За домом кудахтали куры. Из стойла доносилось сопение какого-то крупного животного. Крестьянский дом был построен в форме буквы «L», причем длинное крыло выходило к дороге. Крыльца не было. Внешние стены были сложены из рубленых бревен, пазы замазаны чем-то белесым. Дом венчала крутая соломенная крыша.

На истертой деревянной двери кто-то неумело изобразил орла. Под ним был нарисован большой синий глаз и черный косой крест.

Два Сокола поднял деревянную щеколду и нажал на дверь. Но войти он не успел. Из-за угла появилась женщина. Она вскрикнула и застыла, уставившись на обоих мужчин широко раскрытыми карими глазами. Смуглая кожа ее побледнела.

Два Сокола улыбнулся ей и попытался мобилизовать все свое знание румынского языка. Он еще в Тобруке пытался изучить его под руководством приятеля — офицера румынского происхождения, но не успел выучить ничего, кроме пары общеупотребительных фраз и названий предметов.

Женщина смутилась, произнесла что-то на незнакомом языке и осторожно подошла. У нее было довольно симпатичное лицо, хотя фигура была на вкус индейца полновата, а ноги — слишком толсты. Иссиня-черные блестящие волосы были расчесаны на прямой пробор и смазаны маслом. На спину свисали две тощенькие косички. На шее красовалось ожерелье из красных раковин. Грудь обтягивала синяя хлопчатобумажная кофточка, а длинную красную юбку поддерживал широкий кожаный пояс с медной застежкой. Портрет завершали босые, запачканные землей и куриным пометом ноги. «Настоящая крестьянка, — подумал Два Сокола, — но, как мне кажется, настроена дружелюбно».

Он попробовал произнести еще пару фраз по-румынски, не добился ничего и перешел на немецкий. Женщина снова ответила на том же гортанном языке. Хотя славянских корней в нем не слышалось, Роджер попробовал болгарский, который знал еще хуже румынского. Женщина не поняла ничего, но произнесла несколько фраз на другом наречии, напоминавшем какой-то славянский язык. Два Сокола опробовал болгарский, русский и венгерский. Женщина только пожала плечами и повторила фразу. После нескольких повторений Два Сокола сообразил, что она тоже пытается объясниться на иностранном языке, которого почти не знает.

Два Сокола снова должен был признаться, что не понял, но на этот раз она, казалось, была этим довольна. Она даже улыбнулась и потом снова заговорила на своем родном языке. Пилот нахмурился. Что-то в этом языке было знакомое, он почти мог уловить слова... почти.

— Попробуем язык жестов, — сказал Два Сокола О'Брайену. — Я...

Он замолчал. Женщина посмотрела куда-то мимо него и стала ожесточенно жестикулировать. Он повернулся и увидел сквозь деревья машину, отсвечивающую металлом на солнце. Сквозь редкий лесок виднелось еще одно поле, а за ним — полоска леса вдоль еще одной дороги, идущей под прямым углом к первой.

— Машина, — сказал он. — Надо прятаться. Придется или поверить этой девице, или тащить ее с собой и, возможно, потом убить. Чем мы можем заняться и сейчас.

— Нет! — воскликнул О'Брайен. — Какого черта!..

— Не волнуйся, — успокоил его Два Сокола. — Если нас поймают, нам грозит всего лишь лагерь для военнопленных. А если мы убьем ее, нас просто повесят, как обычных уголовников.

Женщина схватила его за руку и потащила к дому, жестикулируя и оживленно что-то говоря. Ясно было, что она хочет спрятать чужаков от тех, кто ехал на машине.

Два Сокола пожал плечами, решив, что ничего другого им не остается, как довериться ей. Бегство в лес могло только ускорить их встречу с врагом — слишком редок был этот лес.

Женщина провела их во двор и через заднюю дверь в кухню. В углу находился огромный каменный очаг; на треножнике над огнем висел железный котел, откуда поднимался аппетитный пар. У беглецов не было времени разглядывать обстановку.

Женщина открыла маленький люк в середине кухни и знаком показала, что они должны спуститься вниз. Пилоту совсем не понравилась перспектива оказаться запертым в подвале, без путей к отступлению, но ничего другого не оставалось — разве что бежать в лес, а от этой мысли он уже отказался. Вслед за О'Брайеном он спустился вниз по крутой лестнице. Люк захлопнулся, и они оказались в полной темноте.

ГЛАВА 3

Что-то царапало по крышке люка — женщина заставляла ее какой-то мебелью. Два Сокола вытащил из кармана фонарик, и они смогли осмотреться. Обоняние уже подсказало ему, что с грубо обтесанных потолочных балок будут

свисать низки чеснока и гирлянды сосисок. В углу была дверь; пилот отворил ее и выключил фонарик — теперь сквозь щели в потолке соседнего помещения просачивалось достаточно света. На полках вдоль стен стояли покрытые пылью стеклянные банки с солеными огурцами, вареньями и прочими припасами. На полу валялась груда всяческого барахла, которое хозяева, очевидно, не решились выкинуть или собирались когда-нибудь починить. Внимание пилота привлекла огромная резная деревянная маска, изображающая какого-то демона или чудовище, раскрашенная алым, лиловым и мертвенно-белым.

— Как-то мне от всего этого не по себе, — пробормотал О'Брайен, держась ближе к пилоту, точно так ему казалось спокойнее. Хотя в подвале было холодно, ирландец взмок от страха.

— Что-то странное творится, — заметил он наконец. — Я хотел сказать тебе об этом раньше, но побоялся, что ты решишь, будто у меня просто заскок. Нас словно вывернуло, тебе не кажется? Перед тем как появился тот истребитель, меня вроде как морская болезнь пробрала. Сначала я подумал даже, что меня зацепило. Потом, конечно, стало не до этого. Но когда мы приземлились, это чувство снова вернулось, только послабее. Чувство... что находиться здесь... намного хуже, чем быть убитым или прятаться от немцев.

Два Сокола кивнул:

— Да, я знаю. Со мной было то же самое. Но объяснить я ничего не могу.

— Мне примерещилось даже, что старушка Земля куда-то пропала на минуту, — сказал О'Брайен. — Как насчет этого, а?

Два Сокола не ответил. Он слышал, как автомобиль приблизился и остановился возле дома. Мотор тарахтел, как у старой модели Т*. Вместе с сержантом пилот сложил мусор в кучу и, взгромоздившись на нее, глянул в отдушину. Щель была совсем узенькой, но Два Сокола мог хорошо разглядеть подъехавшую машину и вылезавших из нее солдат. Это была очень странная машина, может быть, не столько странная, сколько старомодная. Ему вспомнилось,

* «Форд» модели Т — первый автомобиль массового производства. (Здесь и далее примеч. пер.)

что сказал О'Брайен об автомобилях во главе колонны фургонов, которую заметил во время падения.

Что ж, Румыния, как известно, страна очень отсталая, хотя и располагает мощнейшими в Европе нефтеперерабатывающими заводами. И солдаты эти, конечно же, не из германского вермахта. С другой стороны, мундиры их не походили ни на какие из тех, что Два Сокола видел на картинках во время инструктажа в Тобруке. Офицер носил блестящий стальной шлем, сделанный в виде головы волка. Даже волчьи уши были изготовлены достаточно точно. На нем был длинный, до колен, серо-зеленый мундир, воротник которого был обшит серым мехом. На плечах красовались совершенно немыслимые золотые эполеты, а на отворотах мундира — три ряда золотых пуговиц. Облегающие красные брюки имели на коленях две накладки из черной кожи в форме бычьих голов. Костюм его дополняли широкий кожаный пояс с кобурой, меч в ножнах на левом боку и черные сапоги с высокими голенищами. В правой руке офицер сжимал странного вида пистолет, которым размахивал, отдавая приказы на каком-то славянском языке.

Солдаты носили цилиндрические шлемы с выступом над шеей, напоминавшие стальные заклепки, черные мундиры, покроем походившие скорее на фраки, оранжевые брюки и башмаки. На широких кожаных поясах у них были мечи, а в руках — ружья с барабанами для патронов, как у некоторых винтовок времен покорения Дикого Запада. У солдат были окладистые бороды и длинные, до плеч, волосы. Офицер же, светловолосый и светложкий, явно не румын, был гладко выбрит.

Солдаты принялись обыскивать дом. Сверху доносились крики, тяжелый топот башмаков, треск. Офицер исчез из поля зрения, но пилот слышал, как он говорит — медленно, точно на чужом, плохо выученном языке. Женщина отвечала, казалось, на своем родном наречии. Два Сокола пытался понять смысл их разговора, и хотя ему казалось, что он вот-вот поймет его, понять ничего так и не удалось. Прошло минут десять. Солдаты собрались вместе снова. Отчаянное кудахтанье сопровождало экспроприацию кур. В военное время в мародерстве нет ничего особенного, подумал Два Сокола, но грабить собственный народ? Нет, солдаты, очевидно, другой национальности, чем женщина, иначе у них не было бы и языковой проблемы. Может быть,

женщина принадлежит к какому-то нацменьшинству? Вполне логично. Но Два Сокола не поверил в это ни на минуту.

Он ждал. Солдаты смеялись и громко болтали о чем-то. Женщина вела себя тихо. Минут через двадцать офицер, видимо, решил, что его люди достаточно повеселились и пора ехать дальше. Он отдал приказ. Солдаты проворно выстроились перед ним. Офицер устроил им краткий, но энергичный разнос. Затем вся компания забралась в машину и укатила.

— Вряд ли искали именно нас, — произнес Два Сокола. — Они не могли не найти подвала. Но за кем же они тогда охотятся?

Он хотел выбраться из укрытия немедленно, но решил, что солдаты могут вернуться, — или поблизости может оказаться еще один отряд. Лучше подождать, пока крестьянка сама их выпустит. Время текло медленно. Наверху стояла тишина, нарушаемая только кудахтаньем оставшихся кур и мычанием коров.

Только после заката над ними послышались шаги, звук отодвигаемой мебели, и крышка люка в подвал со скрипом поднялась. В отверстие упал свет лампы.

Два Сокола достал пистолет и поднялся по лестнице, твердо решив сопротивляться. Несмотря на все доказательства, индеец не был уверен в том, что женщине стоит доверять: она могла передумать и вызвать солдат. Вряд ли те стали бы ждать до заката, но рисковать никогда не стоит.

Возле очага, жуя кусок вяленого мяса, стоял мужчина. Никакого оружия, кроме большого охотничьего ножа, у него не было, и Два Сокола сунул пистолет обратно в кобуру. Мужчина спокойно посмотрел на вошедших. Черные, как и у женщины, волосы были острижены «под горшок». На смуглом лице выделялись высокие скулы и орлиный нос. На крестьянине была рубашка, брюки из грубой прочной материи и грязные сапоги. От него воняло потом, как и положено после долгого, наполненного тяжелым трудом дня. По возрасту этот человек годился в отцы молодой женщине, спрятавшей их, и скорее всего и был им.

Женщина налила им две миски варившегося в котле густого супа. О'Брайен и Два Сокола не были голодны — во время ожидания в погребе оба успели опробовать сложенные там припасы, но Два Сокола боялся, что отказ обидит

этих людей. Возможно, они расценивают предложение чужаку еды как знак гостеприимства и доверия. Отведавший еды под крышей дома становится неприкосновенным. И наоборот — чужак, отведавший их хлеба, не нарушит запрета, причинив вред хозяевам.

Он объяснил О'Брайену свои соображения. Во время разговора он заметил, как изменилось выражение лица старого крестьянина. Мужчина удивленно переводил взгляд с одного мужчины на другого. На лбу его пролегли глубокие морщины, словно язык показался ему знакомым, но не настолько, чтобы понять его.

Летчики уселась за пятиногий стол из хорошо отполированных, но не покрытых лаком сосновых досок. Женщина поставила перед ними миски и снова занялась своими кухонными делами. Воду она качала насосом над раковиной. Два Сокола ощутил укол ностальгии — почти такой же насос стоял в сельском доме его родителей в штате Нью-Йорк. Мужчина прошелся по кухне, задавая женщине вопросы, потом сел за стол и, взяв свою миску, стал есть суп. Миска была глиняная. На боках ее виднелись синие узоры. Один символ походил на сломанную маску, которую Два Сокола видел в подвале.

Опустошив миску, хозяин встал и знаком показал обоим летчикам, чтобы они следовали за ним. Откинув тонкую марлеву занавесь, они вышли наружу. Марля казалась слишком тонкой, чтобы защищать от комарья, но потом Два Сокола заметил, что занавеска пропитана каким-то маслом. Он узнал запах. Этим же маслом женщина смазывала себе волосы.

Масло было явно не подсолнечное, но оно направило ход мыслей Двух Соколов совершенно в другую сторону. Пожилые индейки из резервации близ отцовского дома тоже смазывали свои волосы маслом. И Два Сокола пришел к невероятному, и все же единственно возможному выводу: теперь он признал в речи крестьян диалект ирокезского языка. Смысл большинства слов оставался ему непонятен, но этот язык не был ни румынским, ни венгерским, ни славянским, он не принадлежал ни к индоевропейской, ни к угро-алтайской семьям. Это был диалект, родственный языкам онондага, сенека, могикиан и чероки.

Он решил пока ничего не говорить О'Брайену о своих предположениях. Мужчина повел их по двору к сараю.

Проходя мимо сортира, О'Брайен попытался через Двух Соколов передать крестьянину свою просьбу. Тот, несмотря на явное нетерпение, согласился, так что путь через двор прервался на несколько минут.

— Ну и дыра, — ворчал О'Брайен. — У них даже бумаги нет. Только горка чистых тряпок и ведро для грязных — наверное, в стирку. Черт, а мы еще тут ели! Она, должно быть, даже рук не моет!

Два Сокола пожал плечами. Санитария и гигиена сейчас волновали его меньше всего. Крестьянин открыл дверь, и они вошли в амбар.

Огромная дверь за ними со скрипом закрылась. Наступила полная темнота. Два Сокола мягко положил руку на плечо О'Брайена и тихо оттолкнул его на пару шагов влево. Маленькая предосторожность — если вдруг крестьянин надумает неожиданно на них напасть. С полминуты ничего не было слышно. Два Сокола, готовый к прыжку, присел на пол рядом с О'Брайеном, сжимая вспотевшими пальцами рукоятку пистолета.

Затем зашуршало сено — крестьянин отошел в сторону. Раздался слабый металлический звук, словно кто-то вытаскивал мечи — или пистолеты. Внезапно вспыхнула спичка, и Два Сокола увидел крестьянина, подносящего пламя к фитилю фонаря. Фитиль занялся; крестьянин отрегулировал подачу масла, и на стенах сарая заплясали тени.

Мужчина коротко и одобрительно улыбнулся, увидев, что чужаки сидят в боевой стойке, и махнул рукой, призывая последовать за ним. Он прошел к дальнему углу сарая, где в загоне похрюкивал здоровый хряк, печально поглядывая на людей большими карими глазами. «Овцы, коровы, свиньи, — подумал Два Сокола, — а лошадей нет». Может, немцы их всех реквизировали? Но воздушная разведка показывала, что на румынских фермах лошадей обычно много. И та колонна, которую О'Брайен видел с воздуха... автомобили и фургоны, которые тащат упряжки быков.

Крестьянин остановился у последнего загона, трижды постучал в стену, подождал несколько секунд и снова постучал три раза. Дверь открылась, крестьянин прошел вперед и поманил летчиков за собой. Как только они вошли, он тут же закрыл дверь и запер.

Два Сокола и О'Брайен оказались в тесной комнатухе. Воздух был пропитан запахом застарелого пота и прогорклого масла. В полутьме Два Сокола смог разглядеть еще шестерых. Смуглолицые, носатые люди в одежде из грубой ткани сидели на полу, прислонившись к дощатым стенам. Все носили ермолки, украшенные на макушке красными перьями. Двое из них были вооружены заряжающимися с дула мушкетами, один мог похвастаться коротким роговым луком и полным колчаном стрел за спиной. Еще у двоих были ружья с барабанными магазинами, такие же, как у солдат. У каждого на поясе висел длинный нож в кожаном чехле, а у одного — и томагавк.

— Иисусе! — выдохнул О'Брайен, то ли от испуга, что попал в ловушку, то ли просто от самого вида этих диких фигур, вооруженных странным и разномастным оружием, а скорее всего оттого, что заметил среди них женщину. Она была одета так же, как и все остальные, но явно не принадлежала к их племени. Под слоем грязи ее кожа была светлей, чем у окружающих. Волнистые светлые пряди волос падали на прекрасное, но усталое лицо с курносом носом и россыпью веснушек. Глаза у нее были огромные и ярко-голубые.

Два Сокола, стоящий рядом с ней, отметил, что одежды она не снимала давно. От нее пахло потом, и под ногтями темнела застарелая грязь. Вся группа производила впечатление беглецов... или партизан, давно отрезанных от своей базы.

Судя по всему, их предводителем был высокий худой мужчина с впалыми щеками и темными горящими глазами. Его жесткие черные волосы были острижены «под горшок». На тыльных сторонах ладоней были вытатуированы гримасничающие демоны. Одет он был в куртку оленьей кожи и тяжелые кожаные башмаки.

Он завел с крестьянином длинную беседу, изредка бросая на американцев пронзительные взгляды. Два Сокола напряженно вслушивался. Временами ему казалось, что он понимает отдельные слова и даже выражения, но уверен в этом не был. Фонетика и даже некоторые корни были определенно знакомы ему, но он никогда не смог бы заметить этого, не владей он свободно всеми ирокезскими языками, включая чероки.

В какой-то момент предводитель — его звали Дзикохсес — повернулся к девушке и что-то ей сказал. При этом он использовал совершенно другой язык, но и тот показался Двум Соколам странно знакомым. Скорее всего он принадлежал к германской семье, и притом к скандинавской группе. Или нет? С такой же уверенностью он мог бы поклясться, что это нижненемецкий диалект.

Внезапно Дзикохсес перенес внимание на О'Брайена и Двух Соколов. Он задавал вопрос за вопросом, тыча пальцем то в одну, то в другую деталь их униформы. Два Сокола различал знакомые интонации, но вопросов не понимал. Он пытался отвечать на языке онондага, потом сенека, потом чероки. Дзикохсес прислушивался, подняв брови, с удивленным, а иногда и раздраженным выражением на лице. Он переключился на язык, на котором общался с девушкой. Обнаружив, что его и теперь не понимают, он попытался заговорить еще на трех языках, прежде чем добился хоть какого-то успеха. Последний был какой-то формой греческого. Увы, хотя Два Сокола мог немного читать по древнегречески, но разговорных навыков не имел. Да и они бы не помогли ему — греческий в исполнении Дзикохсеса имел весьма мало общего с тем, что знал Два Сокола.

— Что он там бормочет? — прошептал О'Брайен.

— Спроси его что-нибудь по-гэльски, — приказал Два Сокола.

— Ты псих? — осведомился О'Брайен, но все же отбарабанил пару фраз.

Дзикохсес нахмурился, потом поднял руки вверх, признавая свое поражение. В одном Два Сокола уверился твердо: Дзикохсес — не крестьянин. Человек, знающий столько языков, или получил превосходное образование, или много путешествовал. И вел он себя как человек, привыкший приказывать.

Когда Дзикохсес понял, что все попытки поговорить напрасны, он отдал какой-то приказ. Его люди проверили свои ружья, девушка вытащила из нагрудного кармана жакета револьвер и проверила, заряжен ли он. Дзикохсес протянул руку к пистолету Двух Соколов. Два Сокола, улыбаясь, покачал головой. Не спеша, чтобы не напугать остальных и не вызвать недоверия, он достал пистолет из кобуры, вытащил магазин, потом загнал его обратно и убрал оружие

в кобуру, предварительно убедившись, что оно поставлено на предохранитель.

Глаза странных партизан расширились, потом все заговорили одновременно, но Дзикохсес приказал им замолчать. Крестьянин погасил свой фонарь, и отряд покинул сарай. Через пару минут они уже были в лесу. Крестьянин и его дочь шепотом попрощались с ними и вернулись в освещенный луной дом.

ГЛАВА 4

Всю ночь отряд пробирался по тропе на северо-восток, стараясь держаться в тени деревьев, и выходил на открытые поля, только чтобы перебежать от одного перелеска к другому. Но ничего необычного не случилось, и под утро они остановились в ложине, непроходимая чаща в которой служила надежным укрытием.

Прежде чем заснуть на своей подстилке из листьев, О'Брайен поинтересовался у пилота, не в сторону ли России они движутся. Два Сокола кивнул: он думал так же.

— Эти парни не русские и не румыны, — задумчиво сказал О'Брайен. — В Чикаго, где я вырос, в нашем районе и тех и других хватало. Но они говорили не так, как эти ребята. Ну так откуда ж эти-то повылезали, черт бы их драл?

— Болтают, наверное, на каком-нибудь местном наречии, — ответил Два Сокола. Он решил, что сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы рассказать О'Брайену о своих фантастических догадках. А они были настолько фантастичны, что могли выбить из колеи любого. Даже его самого.

— И знаешь, что еще странно? — продолжил О'Брайен. — Мы нигде не видели ни одной лошади; у этих крестьян их не было или уже нет. Не фрицы ли их забрали?

— Кто-то точно отобрал. — Два Сокола вздохнул. — Давай спать. Нам предстоит долгая и трудная ночь.

День тоже был долгий и трудный. Комары, заедавшие ночью, не оставляли их в покое и при солнце. Не выдержав, Два Сокола разбудил Дзикохсеса и жестами показал, что готов принять предложение, которое прежде отвергал с презрением. Дзикохсес отдал ему маленькую бутылочку,

тошнотворно вонючая жидкость в которой обладала, однако, полезным свойством отпугивать не только людей, но и гнус. Два Сокола намазал ею лицо и руки и зарылся глубоко в сухую листву, защищавшую тело — хоботки кровососов протыкали любую одежду. Теперь Два Сокола поняли, почему их спутники в такую жару носили тяжелые куртки. Жару-то еще можно было вынести, а укусы комаров могли свести с ума кого угодно.

Даже защищенный от атак комарья, Два Сокола спал плохо. Около полудня жара стала невыносимой, и шорохи ворочающихся во сне людей все время будили его. Открыв в очередной раз глаза, он увидел над собой худое лицо и жгуче-черные глаза Дзикохсеса. Два Сокола усмехнулся и перевернулся на бок. Он был беспомощен. Эти люди при желании в любое мгновение могут обезоружить или убить его. Но Дзикохсес, по-видимому, пока не считал его врагом. «Похоже, мы его озадачили не меньше, чем он — нас», — подумал пилот, прежде чем провалиться обратно в зыбкий сон.

Когда опустились сумерки, они поели вяленого мяса с черным хлебом и запили водой из ближайшего ручья. Потом мужчины повернулись лицами на восток, вытащили из своих заплечных мешков нитки жемчуга, искусно вырезанные статуэтки и начали странную молитву. Надев низки жемчуга на шеи и перебирая их пальцами левой руки как четки, они подняли зажатые в правых руках статуэтки высоко над головами, монотонно напевая при этом нечто вроде псалмов, хотя каждый тянул свое. Двух Соколов поразил идол, которого поднял вверх стоящий возле него человек. То была голова мамонта с поднятым хоботом, загнутыми вверх бивнями и красными рубиновыми глазками.

Если мужчины стояли, повернувшись на восток, то светловолосая девушка опустилась на колени лицом на закат и вытащила четки правой рукой. Из мешка она вытащила серебряную заколку, воткнула ее в землю и, пристально вглядываясь в рельефное изображение, зашевелила губами. Только приблизившись, Два Сокола смог разобрать слова в ее неторопливой молитве. На этом языке никто в отряде при нем еще не говорил. В нем слышалось что-то семитское; Два Сокола готов был поклясться, что уловил еврейские слова «баал» и «адонаи». Булавка изображала маленькое

деревце с повешенным на нем человеком; на веревке были завязаны девять узлов.

Все это выглядело совсем уж нелепо. О'Брайен вздрогнул, выругался, перекрестился и тихо пробормотал про себя «Отче наш».

— Лейтенант, что это за язычники? — спросил он затем.

— Я бы сам хотел знать, — ответил Два Сокола. — И не стоит волноваться насчет их религии. Если они приведут нас в какую-нибудь нейтральную страну или хотя бы в Россию, я им все прощаю.

Молитва продолжалась минуты три. Потом четки и идо-лы (если то были идолы) были упакованы обратно в мешки, и отряд снова двинулся в путь. После полуночи сделали первый привал, всего в сотне шагов от небольшой деревушки. Двое партизан пошли туда и через полчаса вернулись с вяленным мясом, черным хлебом и шестью бутылками кислого вина. Одну бутылку пустили по кругу, и до самого рассвета отряд шел без остановок. На восходе они нашли убежище и устроились на отдых. Издалека донесся грохот тяжелых орудий. Два Сокола проснулся во второй половине дня. О'Брайен тормозил его, показывая на залитые светом вершины деревьев. В небе висело серебристое тело сигарообразной формы.

— Эта ерундовина — вылитый цеппелин, вроде тех, про которые я мальчишкой читал, — проговорил О'Брайен. — Я и не знал, что фрицы все еще используют их.

— Они этого и не делают, — ответил Два Сокола.

— Да? А это откуда? Ты думаешь, русские?

— Может быть, — ответил индеец. — У них много устаревшей техники.

Он не верил в то, что этот воздушный корабль был немецким или русским, но пока не хотел беспокоить О'Брайена. Конечно, когда правда выплывет наружу, ирландец впадет в панику. Два Сокола мог только надеяться, что его товарищ переживет это. Он сам с трудом держал себя в руках.

Он встал, зевнул, потянулся, изображая полное безразличие к окружающему, которого на самом деле не испытывал. Девушка спала рядом, полуоткрыв губы. Несмотря на грязь и пятна противомоскитной жидкости, она казалась

милрой — как девчонка, слишком уставшая от игр, чтобы умываться перед сном.

Два Сокола уже успел узнать, что ее зовут хускарле Ильмика Торсстейн. «Хускарле» было скорее не именем, а титулом, соответствующим «леди». Партизаны относились к ней с огромным уважением.

Но поспать дольше Ильмике не удалось: Дзикохсес разбудил всех, и группа вновь двинулась в путь, не ожидая наступления темноты. По-видимому, Дзикохсес решил, что они уже дошли до свободной от врага территории. Крестьянские дворы встречались реже, лес стал совсем непроходимым. На протяжении нескольких дней холмы становились все выше, а леса — все гуще; потом отряд углубился в горы. Сверившись с картой, Два Сокола пришел к заключению, что это не могут быть Карпаты — до них было слишком далеко. Но горы высились перед ним, неумолимо реальные. Больше того, они явно были выше, чем показывала карта.

Запасы вяленого мяса и черного хлеба закончились. Целый день отряд впроголодь пробирался по крутым склонам. На следующий день Кахния, взяв лук и стрелы, пошел на охоту в горный лес, пока остальные спали. На этой высоте было гораздо холоднее, чем на равнине, и ночами ложился иней. Комары, однако, не унимались. О'Брайен и Два Сокола сооружали себе постели из листвы, чтобы не замерзнуть в своих тонких мундирах и не быть заеденными на смерть.

Через пару часов Кахния вернулся назад, шатаясь под тяжестью кабаньей туши. Он радостно принял поздравления и сел отдыхать, пока остальные свежевали добычу. Два Сокола помогал партизанам — выросший на ферме, он знал, как разделяют свинью. Он понял, что Дзикохсес считает эту местность достаточно безопасной, чтобы идти по ней днем, но боится привлечь внимание шумом выстрелов. А может, они взяли с собой луки и стрелы только из соображений безопасности? С другой стороны, разнообразие оружия этих людей говорило просто о том, что они умели с этим оружием обращаться и что все оно попало к ним из разных источников; так, вероятно, две винтовки были взяты у убитых врагов.

Вскоре ломти свинины уже жарились на нескольких небольших, бездымных кострах. Два Сокола ел жадно,

чувствуя, как силы вновь наполняют его. Мясо было жестким, пахучим и не совсем прожаренным, но великолепным на вкус.

А вот Ильмика Торсстейн, казалось, считала иначе. От предложенного ей толстого ломтя она отказалась с улыбкой, но, когда она отвернулась, Два Сокола заметил на ее лице гримасу отвращения. Потом она, казалось, задумалась о чем-то — или проголодалась. Вытащив из походного мешка маленькую книжечку, она полистала ее. Два Сокола глянул ей через плечо. Это был календарь, но даты в нем помечались не арабскими цифрами, а знаками, произошедшими явно от греческих букв и рунических знаков. Ильмика спросила о чем-то Дзикохсеса. Тот указал на второй квадратик в ряду из семи значков. Ильмика облегченно улыбнулась, сказала что-то, и Дзикохсес подал ей тот же кусок мяса. В этот раз она съела его с аппетитом.

Два Сокола мог только заключить, что свинина была для нее табу по определенным дням недели.

— Все страньше и страньше, — пробормотал он.

— Что? — переспросил О'Брайен.

Два Сокола сделал вид, что не расслышал. Ему не хотелось расстраивать сержанта. Бедняга не привык к таким долгим и трудным пешим маршам на голодный желудок и за последние дни очень устал и выдохся. Теперь же он мурлыкал от удовольствия.

О'Брайен похлопал себя по животу, рыгнул и сказал:

— Господи, как хорошо! Теперь бы еще с недельку поспать, и я стал бы новым человеком — хотьставляйте против меня пуму!

Несколько дней спустя отряд все еще брел по предгорьям, порой забираясь выше, чтобы пересечь перевал. А на четвертый день после пира все-таки пришлось применить огнестрельное оружие.

Отряд спустился в долину шириной миль в шесть и вдвое длиннее. Лес в ней перемежался лугами и болотами. С воды доносилось кряканье уток. Мимо промчался заяц, удирая от лисы. Огромный бурый медведь долго стоял на верхушке холма, принюхивался, следя за путниками, потом повернулся и скрылся из виду. Отряд добрался до дна долины и двинулся через луг. Вдруг справа донесся низкий трубный рев. Обернувшись, путники увидели, как на них надвигается огромный бык.

— О Боже, что за чудовище! — выдохнул О'Брайен.

Бык был не менее семи футов в холке. Бурая шерсть блестела. Массивные рога оказались не меньше десяти футов в размахе.

— Зубр! — воскликнул Два Сокола.

Его рука сама собой стиснула пистолет, словно тот был единственной реальной вещью в этом невероятном мире. Его испугали не столько размеры животного — у людей, идущих рядом, достаточно ружей, чтобы убить такую громадину, — сколько ощущение, что он попал в доисторическую эпоху, когда человечество только начинало свой путь к цивилизации. С такими чудовищами люди сражались в каменном веке. И стерли их с лица земли, напомнил он себе. Не такая это и древняя тварь. В лесах Германии и Польши несколько измельчавшие зубры встречались еще во времена первой мировой.

Зубр предупреждающе заревел и двинулся на них, по временам останавливаясь, чтобы, вскинув вверх тяжелую голову, принахаться. Его черные глаза блестели на солнце, но выражал ли этот взгляд стремление убивать или просто любопытство, было непонятно. В пятидесяти ярдах позади быка показались пробирающиеся через кустарник коровы. Каждая из них была достаточно велика, чтобы о себе позаботиться, но агрессивности они не выказывали. Возможно, они защищали телят, хотя Два Сокола понятия не имел, когда у этих зверей наступает период размножения. Бык же, казалось, не на шутку настроился защищать свою территорию от непрошенных гостей.

Дзикохсес что-то сказал своим людям, потом вышел вперед и пронзительно крикнул. Бык не двигался. Дзикохсес крикнул снова, бык повернулся и побежал прочь. Два Сокола облегченно вздохнул. Внезапно, словно что-то почуввав, бык развернулся, опустил огромную голову, потом взрыл копытом землю так, что комья полетели в стороны. С глухим ревом огромная туша бешеным галопом устремилась вперед. Земля задрожала под ударами копыт.

Дзикохсес что-то прокричал, и его люди бросились в разные стороны, окружая быка. Зубра этот маневр не смутил. Его мишенью оставались два американца и Ильмика, которые оказались в центре отряда и остались на месте, когда остальные разбежались. Два Сокола заметил, что ни О'Брайен, ни Ильмика не поддались панике. Девушка

вытащила револьвер, держа его для уверенности обеими руками. Безоружный ирландец встал по правую руку от товарища.

— Бежим! — выдохнул он. — Я направо, ты налево! Может, это его собьет.

Они не успели. Грянули два мушкета. Кахния выпустил стрелу, она застряла в правой лопатке зверя, но тот словно и не заметил. Удары пуль только заставляли его вздрагивать. Ильмика тоже стреляла, но даже пули 40-го калибра не могли остановить такую громадину — они безвредно расплющивались о толстые кости черепа. Два Сокола крикнул девушке, чтобы она прекратила тратить зря патроны, но она не услышала.

По случайности или намеренно, но вторая стрела попала быку в правую переднюю ногу. Он упал и несколько шагов проскользил по траве, чтобы замереть у ног пилота. Два Сокола опустил взгляд на массивную голову, посмотрел в большие черные глаза — такие же длинные ресницы были у девушки, с которой он познакомился в Сиракузах, — позднее Роджер удивлялся, что в такой критической ситуации ему в голову пришла подобная мысль. Он отошел на шаг и выстрелил зверю в глаз. Остальные тоже стреляли. Зубр вздрагивал под ударами пуль, кровь сочилась из дюжины ран, но могучая жизненная сила заставляла его сопротивляться. Шатаясь и ревя, бык поднялся на ноги.

Два Сокола выстрелил в упор. Глаз лопнул, из глазницы хлынула кровь. Рев оборвался, и зверь рухнул на землю. Он еще раз попытался встать, издал слабое мычание и затих.

Только теперь индейца охватила дрожь. Его чуть не вырвало, но Два Сокола быстро пришел в себя, и ему не пришлось позориться перед товарищами.

Дзикохсес вытащил длинный нож и перерезал животному горло. Потом выпрямился и на какое-то мгновение забыл и о быке, и о столпившихся вокруг него людях. Он прислушивался и внимательно осматривал долину и склоны гор, опасаясь, что выстрелы могли привлечь чье-то внимание. Два Сокола хотел было спросить Дзикохсеса, кого можно опасаться в этой глуши, но потом передумал. Он не только был уверен, что его вопрос не будет понят. Он хотел, чтобы его спутники полагали, будто могут свободно говорить в его присутствии. Это не было большой ошибкой —

пилот понимал едва одну шестнадцатую из их разговоров. Но он быстро учился.

Тушу освеживали и вырезали огромные куски мяса из бедер и задней части. Кахния хотел достать сердце, но Дзикохсес запретил. Они некоторое время ожесточенно спорили, потом Кахния угрюмо сдался. Два Сокола понял, что сердце нужно было Кахнии не для еды. Похоже, Кахния предлагал съесть всем по кусочку сердца, чтобы приобрести частицу силы и храбрости быка, а Дзикохсес возражал против этого обряда, поскольку хотел покинуть долину как можно быстрее.

Дальше шли «волчьей рысью»: сотню шагов бегом, сотню нормальным шагом. Мили оставались позади, но давалось это дорогой ценой. К тому времени когда отряд достиг другого края долины, все были изнурены и истекали потом. Но Дзикохсес был неумолим и не дал ни минуты на отдых. Он повел отряд дальше, вверх по петляющей тропке. Остальные переглядывались, словно решая, стоит ли просить устроить привал или лучше поберечь дыхание. Два Сокола ухмыльнулся про себя. К нему уже пришло второе дыхание, и он был полон решимости доказать, что ни в чем не уступит главарю партизан.

Они не успели проползти и сотни шагов вверх по крутому склону, цепляясь за ветки редких кустов, когда раздался выстрел. Кахния, вскрикнув, упал и покатился вниз по склону. Остальные тут же бросились на землю. Два Сокола осторожно огляделся, но никого не заметил.

Снова грохнул выстрел, и Два Сокола услышал, как пуля рассекла листву над его головой. Посмотрев в ту сторону, откуда раздался выстрел, он заметил за стволом дуба человека, но стрелять в ответ не стал — стрелок снова исчез в своем укрытии, да и меткость при стрельбе из пистолета с расстояния в пятьдесят ярдов оставляла желать лучшего. Патроны надо беречь.

Дзикохсес что-то крикнул и начал карабкаться вверх, чтобы укрыться в чаще деревьев. Все последовали его примеру. Несколько раз слышались выстрелы, и пули свистели над головой. По звуку Два Сокола заключил, что противник использует мушкеты. В этом случае попасть в человека с такого расстояния они могли только случайно. Кахния был ранен лишь потому, что в момент атаки стоял неподвижно. Два Сокола решил рискнуть, прежде чем противник

подойдет достаточно близко для прицельной стрельбы. Вскочив, он зигзагами побежал к дубраве. Выстрелов от туда не доносилось. Либо враги сидели в укрытии где-то в другом месте, либо затаились, пока Два Сокола не подойдет поближе. В последнем случае он выбрал довольно сложный способ самоубийства.

Позади и с обеих сторон загремели выстрелы и послышались крики. Пули свистели совсем рядом, но Два Сокола добежал до ближайшего дерева, и ни одна из них не задела его. Затаившись за стволом, пилот осматривал лес, пытаясь засечь нападающих, если те решат подкрасться к нему поближе. Раздались поспешные шаги, и рядом на землю бросился Дзикохсес. Два Сокола указал на толстую ветвь над ними. Дзикохсес улыбнулся, отдал пилоту свое ружье и начал взбираться на дерево. Добравшись до нижней ветви, он забрал свое ружье и полез выше. Два Сокола полез за ним, остановившись веткой ниже. С минуту все было тихо, потом Дзикохсес выстрелил, и мужчина, прятавшийся за дубом, упал. Тут же раздался еще выстрел — и слился с криком другого человека, которого Два Сокола не видел. Третий противник показался из-за кустов и побежал к раненому, и в этот момент открыл огонь Скенаске, один из товарищей Дзикохсеса, прозванный Лисом за рыжеватые волосы; бегущий человек споткнулся и упал. Боль заставила его совершить ошибку — он попытался подняться, и залп всего отряда отшвырнул его тело на несколько шагов.

После этого все стихло. Два Сокола заметил еще двух человек, перебегающих от дерева к дереву, двигаясь в сторону большого дуба. Казалось, они искали подходящее укрытие, чтобы посоветоваться.

Друг за другом все члены отряда достигли дубравы. Выстрелов больше не слышалось. Дзикохсес со своей ветви отдал приказы своим людям и хускарле Ильмике. Отряд развернулся в цепь и двинулся вверх по склону, к дереву, за которым скрывались враги. Дзикохсес оставался на своем дубу и изредка постреливал, не давая врагам поднять головы. Два Сокола последовал за Скенаске. О'Брайен остался на левом фланге. Ильмика некоторое время шла между Скенаске и пилотом, но потом тот потерял ее из виду.

Со стороны противника внезапно раздались выстрелы. Дзикохсес отвечал им беглым торопливым огнем. Вероятно, враги тоже покинули свое убежище, чтобы устроить нападающим засаду. «Какой нелепой будет моя смерть, — подумал Роджер, — если меня убьют в этой мелкой стычке в затерянной долине... так и не узнавшего, за кого я сражаюсь...» Впрочем, против кого он сражается, он тоже не знал. И зачем.

Ильмика вскрикнула, следом раздалось три выстрела — два из мушкетов, один из винтовки. Скенаске и Два Сокола начали пробираться в ту сторону, двигаясь осторожно, используя каждое прикрытие и поминутно останавливаясь, чтобы осмотреть местность впереди. Буквально через несколько шагов они наткнулись на труп. Человек лежал на спине, уставившись в небо мертвыми глазами. Его голова была повязана красным платком, в правом ухе было большое серебряное кольцо, а под курткой виднелась некогда белая рубашка. Из-за пурпурного пояса торчали узкий кинжал и однозарядный пистолет. Черные шаровары были явно велики владельцу; грубые шерстяные чулки им под цвет в алых узорах прикрывали блестящие кожаные башмаки с огромными серебряными пряжками.

Кожа мертвеца была смуглой, как у индуса, и Два Сокола подумал, что убитый похож на цыгана.

Скенаске и Два Сокола разделились и продолжили поиски. Вокруг не было никаких следов борьбы, но, похоже, девушку захватили товарищи убитого. Секундой позже пилот заметил что-то белое между деревьями. Связанную Ильмику толкал перед собой мужчина, похожий на убитого; сзади, прикрывая их, шел второй, вооруженный шестизарядной винтовкой.

Два Сокола подождал, пока они не исчезнут из виду, потом по широкой дуге, чтобы не попасть в засаду, последовал за ними. До него донеслись слабые крики, звук оплелухи и неразборчивое бормотание.

Что-то шевельнулось в кустах справа. Два Сокола бросился на землю, потом осторожно поднял голову. То был Скенаске. Помахав пилоту, рыжеволосый воин исчез из виду. Два Сокола ужом пополз к своей цели, но на несколько секунд потерял ее из виду, карабкаясь по узкой промоине. Грохнуло ружье Скенаске. Два Сокола поднял взгляд как раз вовремя, чтобы заметить, как пошатнулся один из

охранников. Вскочив, Два Сокола выстрелил в него с двадцати шагов и кинулся вперед, нырнув в кусты как раз в тот момент, когда второй противник преодолел замешательство. Винтовочная пуля расплескала грязь в паре дюймов от носа пилота, и Два Сокола перекатился к другому кусту.

Скенаске продолжал стрелять, так что противник не мог поднять головы, и, перекрывая грохот, что-то крикнул пилоту. Тот не разобрал слов, но значение уловил. Вскочив, он бросился на холмик, пока Скенаске прикрывал его огнем. Пилот старался не шуметь, но его противник, должно быть, услышал шлепанье подошв по грязи. Из-за дерева показалась повязанная черным платком голова, потом ее сменило длинноствольное ружье. Скенаске не мог видеть его, но враг боялся поднять голову, и это мешало ему целиться. Первая пуля ушла «в молоко»; противник прицелился лучше и выстрелил еще раз.

Мимо просвистела пуля. Два Сокола не удивился, что она пролетела мимо — он заметил, как Ильмика пнула охранника в бок. Тот замер на секунду, соображая, прикончить ли ему девушку или сначала разобраться с противником. Это его погубило. Два Сокола выстрелил дважды, и обе его пули нашли цель. Одна попала противнику в висок, вторая пробила грудную клетку. Он сжался, как проколотый воздушный шарик.

Девушка рыдала и билась в истерике, пока Два Сокола развязывал ее. К тому времени когда они вернулись, бой уже закончился. Из нападавших двое были мертвы, некоторым удалось уйти, а еще двоих, раненых, взяли в плен. Они сидели на траве, полузакрыв глаза от боли.

Дзикохсес задал одному из пленников несколько вопросов; тот вместо ответа плюнул ему в лицо. Тогда Дзикохсес приставил дуло ружья к виску пленника и повторил вопросы. Мужчина снова плюнул. Раздался выстрел, и несчастный рухнул на землю с разлетевшимся на куски черепом.

Скенаске подвел второго пленника. Дзикохсес собрался было пристрелить и его без лишних разговоров, но передумал. Несчастного раздели догола, связали по рукам и ногам и повесили на ветке старого дуба в нескольких футах над землей. Трофейным ножом Дзикохсес отрезал уши пленника, и тот потерял сознание.

Отряд отправился дальше. На полпути к вершине они услышали крики повешенного, потом снова наступила тишина — вероятно, тот вновь потерял сознание. Второй раз вопли слышались, когда отряд взойшел на перевал, но затихли быстро и уже навсегда.

О'Брайен и Два Сокола оба были бледны, и не от усталости.

— Святая Богородица! — прошептал ирландец. — Эти парни шутить не любят!

Два Сокола посмотрел на леди Ильмику Торсстейн. Казалось, она полностью пришла в себя. Зрелище пытки ее явно подбодрило и доставило удовольствие. Пилота передернуло. Скорее всего нападавшие цыгане, или кто бы они там ни были, в случае своей победы поступили бы точно так же, если не хуже. Но этот акт возмездия был для него неприемлем. Он мог бы хладнокровно пристрелить врага, но такое!.. Пусть он и ирокез, цивилизация все же коснулась его.

С этого дня между Ильмикой и пилотом установились более теплые отношения. Светловолосая девушка была благодарна ему за свое спасение, хотя заслуга эта принадлежала не только ему. Она говорила с ним, когда представлялась возможность, и старалась обучить своему наречию. Но, хотя он и стремился узнать ее язык, занятия шли туго. Он долго не мог забыть той самозабвенной радости, с которой она наблюдала, как Дзикохсес отрезает пленнику уши.

ГЛАВА 5

Две недели спустя отряд спустился на плодородную равнину. Дзикохсес приказал возобновить ночные марши: это была территория противника, перкунишан, как называла их Ильмика. Через два дня отряд остановился на дневку в большом доме. Было ясно, что совсем недавно тут произошло кровавое побоище. Повсюду валялись трупы — шесть внутри дома, и еще больше во дворе. Вероятно, на дом напали партизаны, но все до единого погибли в неравном бою вместе с перкунишанскими солдатами. Не осталось никого, кто мог бы похоронить убитых. Отряд стащил трупы в находящуюся неподалеку вязовую рощу и сложил в две братские могилы. Старинные мушкеты заменили на многозарядные винтовки.

Два Сокола недоумевал, почему Дзикохсес не выбрал для дневки более укромное место, но из разговоров в отряде — он понимал уже почти половину сказанного — понял, что дом был условленным местом встречи. Дзикохсес отправил двух человек в разведку. Вернувшись, они сообщили, что местность свободна от врагов. Но в нескольких милях грохотали пушки.

Два Сокола осматривал большую комнату, бывшую когда-то кабинетом владельца поместья. На полках стояли книги, часть из них валялась на полу, разорванная взрывом. За стол закатился большой глобус. Два Сокола поднял его и поставил на стол. Даже одного взгляда было достаточно, чтобы подтвердить его предположения — и раскрыть часть тайн.

Азия... Африка... Австралия... Европа... Все есть, но очертания... Очертания были не совсем такими, какими их помнил Два Сокола. Пилот медленно поворачивал глобус. Вот и Тихий океан...

Два Сокола втянул воздух сквозь зубы. О'Брайен, раскрыв рот, стоял рядом, вглядываясь в немыслимую картину.

— Что за черт? — пробормотал ирландец. — Матерь Божья!

Гавайи были на месте. За ними, там, где должна была располагаться Аляска, начиналась цепь островов, которые пологой дугой тянулись на юго-восток и заканчивались большим островом на месте Мексиканского нагорья. Пара крошечных островов на востоке — все, что осталось от высочайших вершин Аппалачей. А всю остальную площадь занимала вода.

На месте Центральной Америки — сплошная синева. От Южной Америки осталась еще одна цепочка островов, крупнее, чем в Северном полушарии, — Анды.

Два Сокола, у которого от волнения вспотели ладони, пару минут изучал Западное полушарие. Потом повернул глобус и попытался прочитать названия в европейской части. Алфавит явно происходил от греческого, как и в календаре Ильмики. Альфу и бету узнать было легко, но гамма была повернута налево. Еще в ходу были дигамма и коппа. Заглавных букв не было — вернее, все буквы были заглавными.

О'Брайен застонал:

— Меня сейчас вырвет. Я же чувствовал, что что-то неладно, но понять не мог что. Черт, черт, да где же мы?!

— Если поможет, пойд и переблудся, — посветовал Два Сокола. — Потом тебе все равно придется признать правду.

— Какую?

— Ты научную фантастику читал?

— Нет. Бред всякий, тоже мне.

— Плохо. Тебе было бы легче понять, что с нами случилось. Или принять. Потому что принять придется. Иначе ты попросту умом тронешься.

— Я уже тронулся. Где Америка? Где Чикаго, черт?!

У О'Брайена началась истерика. Члены отряда недоуменно смотрели на него.

— Ты можешь представить себе два параллельных мира? — спросил Два Сокола. — Помнится, я у тебя видел комикс на эту тему.

— Да, было дело, — с облегчением согласился О'Брайен. — Но... ты хочешь сказать, что мы в одной из параллельных Вселенных? Которая под прямым углом к нашей?

Два Сокола кивнул и усмехнулся «прямоуголу» О'Брайена. Этот ничего не объясняющий термин придумали специально для того, чтобы читатель решил, будто понимает то, что понять невозможно. Но О'Брайену знакомые слова помогали сохранить связь с реальностью, унять панику. В бурю годится любой порт.

— Это странное ощущение на «Гайавате»... — пробормотал О'Брайен. — Думаешь, оно возникло при переходе через... ну, через ворота, что ли, в другой мир?

— Можешь называть это вратами, если хочешь. Но то, что было лишь вымыслом писателей-фантастов, стало для нас реальностью. Параллельные миры существуют, как бы нам ни хотелось обратного. И мы как-то попали в другую Вселенную. Это тоже Земля, но не наша.

О'Брайен показал на глобус:

— И на этой Земле Северная и Южная Америка находятся под водой?

Он вздрогнул и перекрестился.

— Я уже давно понял, что многое здесь просто не имеет права на существование, — ответил Два Сокола. — Эти люди, например, — он показал на партизан, — говорят на диалекте ирокезского языка. А девушка, веришь или нет,

говорит по-английски. В некотором роде. Она называет его *ингвинеталу* или *блодланд шпраэх*.

— Ты издеваешься?! Я думал, что она датчанка или, может быть, шведка. Это — английский?

Два Сокола повернул глобус.

— На нашей Земле предки индейцев в доисторические времена переселились из Сибири в Северную Америку, а оттуда в Центральную и Южную. Переселение началось около двенадцати тысяч лет назад и продолжалось добрых сто веков. Последними были эскимосы, наиболее монголоидные из этих метисов между белой и желтой расами.

Но на этой Земле индейцы не могли переселиться в Америку. Поэтому они двинулись на запад и стали серьезной силой в Старом Свете. То есть в Европе и Азии.

Он провел указательным пальцем по Европе и ткнул в Апеннинский полуостров. Государство, отмеченное малиновым цветом, включило часть Хорватии и Сицилию. Два Сокола прочел вслух название этой страны:

— Акхавия! Ахей? Если это Ахей, тогда получается, что древние греки почему-то переселились на Апеннинский полуостров, а не осели в Пелопоннесе!

Он склонился над глобусом. Греция была подписана «Хатти».

— Хатти... Хетты? — размышлял он вслух. — На нашей Земле они завоевали часть Малой Азии, пережили расцвет одновременно с микенской Грецией, а потом исчезли. А что произошло здесь? Они вторглись в страну, которую обошли греки, покорили пеласгов и дали свое имя Элладе?

Он продолжал рассуждать вслух, отчасти затем, чтобы помочь сориентироваться О'Брайену.

— Я, конечно, не знаю подробностей и исхожу только из своих наблюдений. Но могу поклясться, что ирокезы, а может, и другие индейские племена вторглись в Восточную Европу и осели там. Если это было очень давно, пути миграции индоевропейских народов с их прародин в Германии и Польше* могли измениться. В результате вторже-

* Дальнейшие размышления героя содержат множество домыслов. В частности, до сих пор не совсем ясно, откуда произошли народы индоевропейской языковой группы. Кроме того, связь между языком и расовым типом вовсе не так стойка, как считалось во время написания романа.

ния эти народы оказались оттеснены на запад — хетты, эллины, итальянцы, германцы и так далее. Возможно...

Хм-м... Спрашивается, что же стало с итальянскими народами: самнитами, сабинянами, латинами, вольсками? Может быть, их тоже оттеснили на Запад? Или они поселились в Италии до ахейцев и были теми покорены и ассимилированы?

Он указал на светло-зеленое пятно, занимающее Румынию и Украину.

— Хотинохсоних. «Строители домов» на ирокезском*. Конечно! А этот крестик на месте земной Одессы — Эстоква, видимо, их столица. Эстоква? Весло? Может быть, хотя понятия не имею, кто мог назвать город «лопаточкой». Впрочем, я не знаю их истории.

Думаю, мы движемся на Эстокву, потому что эта блондинка, Ильмика Торстейн — важная особа. Судя по их беседам, она дочь блодландского посла в Дакоте, нашей Венгрии. Дакота? Интересно, не на языке ли сиу там говорят? — Он ухмыльнулся О'Брайену и заметил: — Тебе не уютнее при мысли о том, что здесь есть своя Дакота?

Два Сокола показал пальцем на реку, в устье которой на берегу Черного моря стояла Эстоква.

— А вот еще одна родная деталь. Наш Днестр здесь называется Охайио — «прекрасная река». Если я правильно помню, наша река Огайо получила название от того же ирокезского слова. Как тебе это нравится, О'Брайен? Дакота и Огайо! Может, тут будет не так и плохо?

О'Брайен слабо улыбнулся:

— Спасибо, что пытаетесь меня подбодрить, лейтенант. Но что мне эти знакомые названия? Не могу я еще во все это поверить.

— А придется, — сказал Два Сокола.

Он показал на закрашенную розовым область, включающую в себя Данию, Нидерланды, Германию, Польшу и часть Чехословакии.

— Перкуниша. Это слово похоже на производное от литовского слова «Перкунас». Он был главным богом древних литовцев. Я слышал, как Дзикохсес называл своих

* В нашем мире «оденосауни» — самоназвание тех племен, которые европейцы называли ирокезами

врагов «позоша». Учтем произношение; может, имеются в виду пруссы, жители Боруссии, которые первоначально говорили на языке, близком к литовскому.

Он посмотрел на остальные страны Европы (по-ирокезски — Эзопы).

Северная половина Скандинавии была покрашена белым — снег? — и у нижней кромки белого поля красовался полярный медведь.

Два Сокола тихо присвистнул и повернул глобус на пол-оборота.

Все было так, как он и предполагал. Гольфстрим был и здесь. Но, не отклоняемый Североамериканским континентом, он сворачивал на северо-запад, вдоль цепи островов Скалистых гор, и в конце концов объединялся с северным рукавом течения Куро시오.

Два Сокола снова присвистнул. Для истории Европы данного мира этот фактор был куда важнее, чем вторжение индейцев.

— Сейчас здесь жарко, — пробормотал он. — Но могу поклясться, что это ненадолго, скоро наступит адски холодная зима.

Два Сокола подошел к уцелевшим полкам и, просмотрев несколько книг, нашел атлас с более детальными картами. Сопроводительный текст и подписи на картах были двуязычными: на греческом и на ирокезском. Разобраться в здешнем греческом было трудно — он отличался от языка Гомера и содержал множество заимствованных слов, — но все же это было проще, чем читать по-индейски.

— А мы-то гадали, почему нет лошадей. — Два Сокола повернулся к О'Брайену: — Больше того, тут и верблюдов не найдется. Равно как помидоров, табака, индюшек и еще много чего.

— Почему?

— Лошади, каких мы помним по нашей земле, возникли на Американском континенте. Потом они попали в Старый Свет, а на родине вымерли. Только в наше время их завезли испанцы. Верблюды тоже возникли в Америке, переселились в Азию, а в Америке остались только ламы, альпака и гуанако. Теперь ясно, почему никто не понимает, чего тебе надо, когда ты просишь прикурить?

О'Брайен угрюмо кивнул.

— Эй! А резина? Так вот почему у тех броневиков были колеса с железными ободьями! Каучука-то нет!

— И шоколадку тебе уже не съесть.

— Что за паршивый мир! — сплюнул О'Брайен. — Что за паршивый мир!

— Да, похоже на то, — задумчиво сказал Два Сокола. — Но мы — здесь, и единственное, что нам остается, — выкабаниваться.

Их прервали. Дверь распахнулась, и в комнату вошел Дзикохсес, а с ним человек двадцать солдат в светло-зеленых мундирах, коричневых высоких ботинках и штанах в обтяжку с золотым галуном. Мундиры напоминали покроем фраки — и широкими рукавами, и четырьмя большими пуговицами. Конические стальные каски походили по форме на шляпы китайских кули; у офицера на каске красовались символические стальные перья. И у каждого солдата была длинная изогнутая сабля и однозарядное ружье. Почти все чужаки были смуглыми и темноволосыми, хотя среди них попало несколько блондинов, и все без исключения — безбородыми.

Офицер, *кициаскос* (от греческого «хилиархос» — тысячник), о чем-то расспросил Дзикохсеса, поминутно поглядывая на летчиков. Внезапно нахмурившись, он прервал Дзикохсеса на полуслове, подошел к пришельцам и резким тоном потребовал у Двух Соколов оружие. Два Сокола выполнил приказ не сразу, но в подобном положении лучше было подчиниться. Проверив, стоит ли пистолет на предохранителе, он протянул оружие офицеру. Кициаскос повертел пистолет в руках и сунул за пояс.

Дзикохсес и его партизаны ушли; солдаты вывели летчиков и хускарле Ильмику из дома. И снова начались ночные марши; днем приходилось отдыхать в укромных уголках. Враг уже захватил эту местность, но закрепиться еще не успел. И если отряду удавалось избежать встреч с перкунишанами, то спрятаться от полчищ комаров было просто невозможно. И солдаты, и их спутники вынуждены были ежедневно натирать руки и лица вонючим жиром, чтобы защититься от кровососов.

На третий день пути у О'Брайена началась лихорадка; стрелка знобило и бросало в пот. Два Сокола решил, что у сержанта малярия, и санитар группы подтвердил этот диагноз.

— Боже правый, у них что, хинина нет? — осведомился О'Брайен. — В этих-то комариных рассадниках самое важное...

— Нету, — отозвался Два Сокола. — На нашей Земле его привезли из Южной Америки. Так что...

— А до Колумба что — так и мерли? Было же что-то!

— Не знаю. Может, и было, но пользы от него было немного.

Он не стал рассказывать О'Брайену, что малярия была самой смертоносной болезнью Средиземноморья, а во многих местах оставалась ею до последнего времени. Пилот волновался не только за товарища, но и за себя. Нелеченая малярия могла убить человека. А в этом мире паразит мог оказаться еще вирулентнее, чем на их Земле.

Идти О'Брайен не мог, и его понесли на носилках, сооруженных тут же из двух веток и одеяла. Два Сокола взялся за один конец носилок, кто-то из солдат — за другой. Каждые полчаса солдаты сменялись, но Два Сокола ни разу не выпустил носилок, пока руки совсем не одеревенели, ноги не налились свинцом, а спина не была готова переломиться в следующую секунду.

О'Брайен глотал выданные санитаром таблетки — по одной зеленой и одной красной каждый час. Но лекарства не помогали: по четыре часа ирландец мерз и потел попеременно, его все так же бил озноб. Как и следовало ожидать, постепенно приступы прекратились, и дальше О'Брайена, несмотря на слабость, заставили идти пешком. Офицер ясно дал понять, что никаких задержек не потерпит. Два Сокола, как мог, подгонял товарища. Он понимал, что командир без колебаний застрелит возможного шпиона, если тот помешает группе двигаться вперед. Судя по всему, главной его заботой было провести блодландку через вражескую территорию и доставить в столицу.

После четырех дней перехода, во время которых О'Брайен совсем ослабел, отряд вышел к деревне. В последний день они путешествовали днем. Видимо, враг еще не дошел до этих краев. Здесь Два Сокола впервые в этом мире увидел железную дорогу и локомотив. В его мире такой паровоз можно было бы датировать концом прошлого века, если бы не высокая дымовая труба в виде маски демона. Выкрашенные алым вагоны были разрисованы знаками удачи, включая свастики.

Деревня была конечной станцией железнодорожной линии. Три десятка домов и лавок тянулись вдоль рельсов. Два Сокола с любопытством разглядывал и поселок, и его обитателей. Архитектура напомнила ему дешевые декорации к вестерну. Но у каждого крыльца красовался столб с нарисованным или вырезанным изображением духа-защитника, и еще одно — под крышей, наподобие носовой фигуры корабля. Мужчины носили тяжелые башмаки и кожаные рубахи, женщины — вышитые бисером блузы и юбки до щиколотки, к которым были кое-где пришиты ракушки и каменные фигурки. И у тех, и у других волосы спадали до плеч. Видимо, стрижка «под горшок» была частью военной формы.

Стариков было немного; лица их пестрели синей и красной татуировкой. Два Сокола подозревал, что изначально этот обычай был распространен по всей Хотинохсоних, но что-то, возможно, влияние восточноевропейских народов, привело к его вымиранию.

Офицер проводил хускарле Торсстейн к пассажирскому вагону и вежливо помог ей подняться. С американцами он так не церемонился. Из его криков пилот разобрал, что им следует пройти на три вагона ближе к хвосту поезда. Два Сокола сделал вид, что ничего не понял — он не хотел, чтобы захватившие его догадывались, что он понимает их речь. Солдаты схватили его и О'Брайена и поволокли вдоль состава. Пилот помог трясущемуся сержанту влезть по ступенькам и заполз в передвижную тюрьму сам.

Товарный вагон был битком набит ранеными. Немного потолкавшись, Два Сокола нашел место, где О'Брайен мог лечь, не сгибая ног, и решил раздобыть воды. Но воду давали только в соседнем вагоне. За ним, не отставая ни на шаг, шел человек с перебинтованной рукой и окровавленной повязкой на голове. В здоровой руке раненый держал длинный нож и сообщил, что при малейшей попытке к бегству перережет горло и пилоту, и его приятелю. До самого конца путешествия, пока поезд не прибыл в город Эстоква, раненый конвоир не отходил от пленников ни на шаг.

Дорога заняла пять дней. Поезд часами стоял на запасных путях, пропуская на запад военные эшелоны. В один из дней раненым и больным не давали воды — ее не было во всем поезде. О'Брайен едва не умер тогда. По счастью,

поезд остановился на запасном пути, поблизости от ручья — и все, кто мог ходить, выбежали, чтобы наполнить водой котелки и фляги.

В вагоне было тесно, душно, шумно, в нем стояла невыносимая вонь. У солдата, лежавшего рядом с О'Брайеном, была гангрена. От тошнотворной вони Два Сокола не мог есть. На третий день пути несчастный умер, и только через четыре часа товарищи похоронили его в лесу у насыпи, пока поезд нетерпеливо разводил пары.

Как ни странно, О'Брайен начал потихоньку выздоравливать. К тому времени когда поезд прибыл в Эстокву, лихорадка и озноб прошли. Сержант был слаб, бледен и тощ, но болезнь отступила. Два Сокола не знал, что тут помогло: собственные силы и упорство О'Брайена или же таблетки, которыми продолжал пичкать его санитар, или то и другое вместе. А может, у него была вовсе не малярия. Но это уже не имело значения. Главное, что О'Брайен снова был здоров, хотя и не совсем.

ГЛАВА 6

Поезд прибыл в Эстокву ночью, под проливным дождем. Два Сокола прильнул к окошку, но кроме ярких вспышек молний, разгоняющих тьму, так ничего и не увидел. Ничего не смог увидеть он и после того, как его вывели из вагона. С завязанными глазами, заломленными за спину руками и под охраной солдат американцев повели куда-то. Когда дождь забарабанил по парусиновой крыше над его головой, Два Сокола решил, что находится в грузовике. Его усадили спиной к стене рядом с О'Брайеном, также связанным.

— Куда нас везут? — Голос О'Брайена был слаб и тревожен.

— Не знаю, — так же тихо ответил Два Сокола.

Сам он полагал, что скорее всего на допрос, и отчаянно надеялся, что цивилизация хоть как-то смягчила старые ирокезские методы обращения с пленными. Не то чтобы «цивилизованные» народы обязательно отказывались от пыток, самых жестоких или изощренных — вспомним «цивилизованных» немцев его собственного мира. Или русских. Или китайцев. Или американцев в их войне с индейцами. Или кого угодно.

Минут через пятнадцать машина остановилась. Пленников грубо вытолкали из кузова, завязали на шеях веревки и повели — по бесконечной лестнице, потом по длинному коридору, еще по одному и, наконец, по винтовой лестнице вниз. Два Сокола молчал; О'Брайен ругался. Внезапно пленников остановили. Заскрипели несмазанные дверные петли, и американцев втокнули куда-то. Несколько минут они стояли, ожидая. Затем повязки сняли, и яркий свет электрической лампочки ударил им в глаза.

Когда глаза привыкли к свету, Два Сокола увидел, что находится в подземелье. Стены из голых гранитных плит, высокий потолок. На столе стояла лампа, и абажур был повернут так, чтобы свет бил прямо в глаза пленникам. За столом стояло несколько человек, одетых в тугие черные мундиры; на груди у каждого красовался кривой череп. Головы их были гладко выбриты.

Предположение Двух Соколов оказалось верным: их привели на допрос. К несчастью, летчикам не в чем было признаваться. А правда была так невероятна, что допрашивающие не поверят ни единому их слову, приняв их рассказ за выдумку перкунишанских шпионов. Да по-другому и быть не могло. Если бы человек из этого мира попал на родную Землю американцев, ни немцы, ни союзники не поверили бы ни единому слову из его рассказа.

Но, несмотря на это, пришло время, когда Два Сокола вынужден был сказать невероятную правду. О'Брайену повезло. Ослабленный малярией, он плохо переносил боль. Он терял сознание раз за разом, пока допрашивающие убедились, что он не симулирует. Стрелка вытащили за ноги — голова билась о глянцевые плитки пола. Затем всю свою энергию и изобретательность следователи сосредоточили на пилоте. Возможно, они упорствовали потому, что считали его предателем — на перкунишанина Два Сокола явно не походил.

Пилот молчал, пока хватало сил. Он помнил, что древние ирокезы его Земли всегда восхищались людьми, стойко выдерживавшими мучения. Иногда даже — правда, очень редко — они прерывали пытку, чтобы принять такого человека в свое племя за мужество и стойкость.

Чуть позже он начал подумывать, что предки были сильнее его. Как они только могли не просто молчать, а танцевать, петь и даже осыпать оскорблениями своих палачей?

Да к черту этот стоицизм! Два Сокола закричал. Легче не стало, но, по крайней мере, это помогло выпустить внутреннее напряжение.

Время шло. Он повторил свою историю пять раз, и каждый раз клялся, что это правда. Шесть раз он терял сознание, и его приводили в чувство потоком ледяной воды. Дальше он уже не помнил, что говорил и что делал. По крайней мере о пощаде он не молил. Он ревел, плевал им в лица, кричал, обзывал их жалкими, презренными тварями и клялся, что при первой же возможности выдернет им кишки и наматает на шею.

Потом он снова кричал... мир превратился в сплошной раскаленный алый вопль.

Когда пилот пришел в себя, все его тело ныло, но скорее по привычке. Было больно, но это было ничто по сравнению с теми мучениями, которые он перенес в том каменном мешке. Все же единственным желанием пилота было умереть и покончить со всем этим. Потом он подумал о людях, которые так его отделали, и снова захотел жить. Он должен выжить, встать на ноги, бежать и прикончить их всех!

Время шло. Когда он очнулся снова, кто-то поднимал его голову, вливая в пересохший рот холодное питье. В комнате было несколько женщин в длинных черных одеждах, с белыми косынками на головах.

Они отвечали на его вопросы успокаивающими жестами и меняли бинты, которыми Два Сокола был замотан с ног до головы. Они делали это осторожно, но от боли Два Сокола едва не заорал снова. Женщины обработали его раны смягчающей жидкостью и наложили чистые бинты.

Он спросил, где находится, и одна из женщин ответила, что он находится в уютном и безопасном месте и что никто и никогда больше не сделает ему больно. Тут Два Сокола сломался и заплакал. Женщины смущенно отвели глаза, но было непонятно, чем вызвано их смущение — то ли порывом его чувств, то ли перенесенными им пытками.

С этой мыслью он снова погрузился в сон и пришел в себя только через два дня. Роджер чувствовал себя как после наркоза — голова была пустой, во рту стоял мерзкий привкус. Ближе к вечеру он исхитрился встать с постели и пройтись по коридору. Никто не мешал ему, даже когда он заговаривал — или попытался заговорить — с дру-

гими больными. В свою палату он вернулся ошеломленным.

На соседней койке лежал О'Брайен.

— Где мы? — слабо выдавил сержант.

— В ирокезском дурдоме, — ответил Два Сокола.

Сержант был слишком слаб, чтобы отреагировать бурно.

— Какого черта? — поинтересовался он.

— Похоже, наши палачи, индейское гестапо, решили, что мы психи. Мы крепко держались за нашу историю, а быть такого, по их понятию, просто не может. И вот мы здесь. Можно сказать, что нам повезло. Эти люди, кажется, сохранили древнее почтение к сумасшедшим. Они хорошо с ними обращаются. Но мы, как ты понимаешь, все равно в плену.

— Я думаю, что мне уже ничего не светит, — сказал О'Брайен. — Я умру. Что сделали эти дьяволы... и мысль о том, что в этом мире... Нет, с меня этого достаточно.

— Ты слишком много перенес, чтобы умереть, — сказал Два Сокола. — Где твой бойцовский дух? Где ирландское упрямство? Выберешься. Тебе просто не хватает чувств.

— Нет. Но на тот случай, если я не выкарабкаюсь — ты должен мне пообещать, что при первой же возможности разыщешь этих ублюдков и убьешь их. Медленно убьешь. Чтобы они орали, как мы. А потом сдохли!

— Совсем недавно я думал точно так же, — ответил Два Сокола. — Но я кое-что выяснил. На этой Земле Гагской конвенции нет. И то, что мы перенесли здесь, ждет любого пленника, если победителям не придет в голову его просто пристрелить. Если бы мы попали в руки перкунешан, с нами обошлись бы точно так же. По крайней мере нас не сделали калеками на всю жизнь. А могли. Но теперь худшее позади. С нами обращаются как с королями. Или пленными богами. Индейцы верят, что сумасшедшие одержимы сверхъестественными силами. Может, теперь они не верят в это всерьез, но обычаи еще сохраняют.

— Да пусть сдохнут! — пробормотал О'Брайен и заснул.

К концу следующей недели Два Сокола почти полностью поправился. Ожоги третьей степени еще заживали, но пилоту уже не казалось, что с него заживо сдирают

кожу и растирают пестиком в ступке каждый мускул и нерв по отдельности. Постепенно он подружился с директором этого заведения, высоким, худым мужчиной по имени Тархе, обладавшим огромным носом и глазами сытого орла. Он являлся не только главным администратором, но и старшим *латулац*, то есть местным эквивалентом психиатра. Слово это обозначало буквально «тот, кто охотится».

Тархе был человеком незлым и образованным. Он разрешил пациенту пользоваться своей библиотекой, и Два Сокола ежедневно по многу часов проводил за изучением этого мира, Земли-2, как он теперь называл его. В библиотеке имелись книги на всех основных языках планеты и на многих из мелких, сотни томов справочного материала, а также многоязычный словарь, к помощи которого Два Сокола часто прибегал. Уровень его знаний рос не по дням, а по часам.

По временам Тархе вызывал пациента к себе для терапевтических бесед. Он был очень занятым человеком, но рассматривал случай обоих чужаков как вызов своему мастерству. Он выделял пациенту каждый день по часу, отрывая это время от своего сна.

— Так вы полагаете, что на западном фронте я пережил что-то столь ужасное, что подвинулся умом? — спросил Два Сокола во время одной из таких бесед. — Что я бежал из реальности в вымышленный мир якобы моей родной Земли, потому что действительность оказалась для меня невыносимой? Предположим, что все именно так, — Два Сокола ухмыльнулся врачу, — но тогда почему у О'Брайена такой же психоз, почему? Ведь его вымышленный мир до мельчайших деталей совпадает с моим. Не находите ли вы странным, я бы сказал, невероятным, что о тысячах подробностях этого вымышленного мира мы имеем одну и ту же информацию?

Тархе пожал плечами:

— Вероятно, ваш психоз его настолько привлек, что он захотел присоединиться. Ничего странного. Тем более что он явно во многом зависит от вас. Если бы он не присоединился к вам на этой... Земле-1, то чувствовал бы себя одиноким, заброшенным.

Тархе не использовал слова «психоз». В буквальном переводе примененный им термин обозначал «одержание».

Латулац обходился со своими пациентами как с одержимыми злым духом или демоном. Но в отношении к демонам преобладал научный подход — их делили на категории. Один из справочников Тархе приводил сто двадцать девять типов злых духов. Два Сокола, очевидно, оказался жертвой *теотья'тья'кох* (буквально «с телом, разделенным на двое»).

Два Сокола предположил, что Тархе слишком умен и от природы слишком скептичен, чтобы верить в духов и демонов, и забросал его вопросами, на которые психиатр отвечал улыбками и двусмысленностями. Однако пилот убедился, что врач использует общепринятую терминологию только потому, что она общепринятая. Возможно, когда-то категории злых духов понимались вполне буквально, но Тархе в них не верил ни на грош. Однако вера в демонов еще жила в народе и поддерживалась жрецами государственной религии, так что признаваться в своем атеизме было небезопасно. Поэтому Тархе подчинялся общественному мнению.

Удивительнее всего было то, что принципы лечения душевнобольных мало отличались от тех, что использовались фрейдистами-психоаналитиками на Земле-1. Ирокезы по-иному объясняли происхождение безумия, но терапия оставалась той же.

— Как же вы объясните мое незнание вашего языка? — спросил Два Сокола.

— Вы умный человек. И ваш *теотья'тья'кох* не глупее. Он решил навсегда изгнать вас в вымышленный мир. И вы просто забыли родной язык. Так ваш шанс вернуться в реальный мир был куда меньше.

Два Сокола вздохнул:

— Вы рационализировать все, что я ни скажу. Можно даже подумать, что врач здесь не вы, а я. А не приходило ли вам в голову хоть раз, что я могу говорить правду? Почему вы не отважитесь на научный эксперимент? Расспросите нас о нашем мире по отдельности. Вы услышите две одинаковые истории. Но если вы все это проанализируете, сравните все подробности рассказа об истории, географии, религиях, обычаях, языках и так далее, ваше мнение, возможно, изменится. Вы обнаружите удивительное соответствие.

Тархе снял очки и начал с задумчивым видом протирать стекла.

— Да. Это был бы научный эксперимент. Конечно, двум людям не под силу создать целый новый язык, со всем его словарным запасом, грамматикой, синтаксисом и особенностями произношения. Равно как и придумать все подробности истории целого мира, архитектуры и так далее.

— Так почему бы вам не сделать такой попытки?

Тархе снова надел очки и посмотрел на Двух Соколов совиным взглядом.

— Может быть, когда-нибудь. А пока давайте выясним, каким образом демон проник в вас. Что вы почувствовали — не подумали, — когда я только что вам противоречил?

Когда волна возмущения и ярости улеглась, Два Сокола громко рассмеялся. В чем он мог упрекнуть Тархе? Окажись он сам на месте психолога — разве поверил бы?

Большую часть дня в лечебнице занимали различные процедуры. Каждый день пациентов водили в парилку с целью изгнать из тела находившихся там всевозможных демонов. Были и религиозные церемонии, во время которых это же пытались сделать жрецы из ближайшего храма. Тархе не принимал участия в подобных ритуалах. Он, казалось, считал все эти процедуры пустой тратой времени, но открыто не проявлял своего презрительного отношения к ним, что говорило о силе церкви в этом мире.

Поспрашивав окружающих о государственной религии, Два Сокола обнаружил, что она была местного происхождения и основывалась на примитивных верованиях ирокезов. Свел ее в единую систему и записал около четырехсот лет назад пророк Каасьотиетха, превратив расплывчатый пантеизм в строгий монотеизм и введя в новую веру множество заимствований из религий Западной Европы, перекроив их, впрочем, на ирокезский лад.

Однако в государстве Хотинохсоних проповедовалась религиозная терпимость.

В свободное время Два Сокола упражнялся в языке, общаясь с персоналом и другими пациентами, или шел в библиотеку. Он не терял надежды вырваться на свободу и старался как можно больше узнать об этом мире. Один из учебников по истории для школьников, напечатанный в Эстокве, дал ему картину исторического развития народов на Земле-2. Планета находилась в конце ледникового перио-

да; приближалось общее потепление. Это было очень кстати для Европы — иначе вся северная ее часть была бы покрыта ледниками. Здесь не было Гольфстрима, который смягчал бы резко континентальный климат в этой части света. Это обстоятельство довольно ощутимо тормозило технологическое развитие и распространение цивилизации. Большая часть Скандинавии и север России почти весь год были погребены под слоем снега и льда. Отсутствие лошадей и верблюдов также замедляло передвижение и связь.

Много тысячелетий индейские племена (западными народами обычно называвшиеся людоедскими) все новыми и новыми волнами устремлялись из Сибири и Центральной Азии в Восточную Европу, покоряя и поработывая находящиеся там народы, или сами покорялись ими. Обычно покорители и поработители со временем ассимилировались.

Но в последние восемь столетий индейцам кое-где удалось привить свой язык и культуру коренному белому населению. Чехословакия Земли-1 называлась здесь Кинуккину. Это алгонкинское слово первоначально обозначало «смесь», что относилось как ко множеству ходивших там диалектов, так и к смешению индейцев с белыми туземцами. Два Сокола вспомнил Венгрию Земли-1, где монголоидные пришельцы, говорившие на финно-угорском языке, завоевали европейцев, навязали им свой язык и растворились без следа.

О гуннах в этом мире, конечно, и не слыхивали.

Финноговорящие народы устремились на восток и вторглись в Японию, называемую здесь Саарисет. Японцы, не сумевшие отвоевать архипелаг у финнов, двинулись на юг, покорив местность, которую Два Сокола назвал бы Южным Китаем. Северный Китай населяли монголоиды, говорившие на атабаскском языке, близком к наречиям навахо и апачей.

Индия, Бирма, Малайзия и Индонезия мало чем отличались от своих аналогов на Земле-1. Но все же отличия были — в некоторых североиндийских княжествах говорили на тюркских языках, а на юге господствовал арабский.

Малая Азия представляла собой совершенно незнакомую картину. Турция сплошь говорила на хеттском, Палестина — на семитском языке выходцев с Крита. Иврит

отсутствовал как таковой. Вся остальная Малая Азия говорила на индо-иранских языках.

Ахейвой — эллинское племя — покорили Апеннинский полуостров, получивший имя Акхайвия, и построили там свою цивилизацию, во многих отношениях превосходившую классическую афинскую культуру Древней Греции, хотя отсталую в других.

Египет подарил свой диалект греческого другим государствам Северной Африки, хотя там в ходу были и иберийский, и берберский. В отличие от полупустынного Магриба Земли-1, эти страны могли похвастаться плодородной почвой и немалым населением.

Германские племена покорили Британские острова и Ирландию уже в ранние времена. Следующие волны переселения германцев, кельтов и даже балтов накатывались так быстро и яростно, что Англия в конце концов стала называться Блодландией — Кровавой Страной. Племя ингвайн-нов наконец смогло захватить там господство, и их речь развилась в некое подобие староанглийского Земли-1. Но вскоре начались новые вторжения из Дании и Норвегии, по сравнению с которыми набеги викингов Земли-1 выглядели просто жалкими. В течение двух поколений половина населения Дании и Норвегии переселилась и осела в Блодландии.

Долгое время там правили датские короли. В этот период появились Исландия, Ирландия, Норландия (Шотландия), Блодландия, Греттирсланд (Нормандия) и Южная Скандинавия, которые стали известны как Шесть королевств. В таком виде они оставались до нового времени. Во всех шести государствах говорили на диалектах общего языка — ингвинеталу. Его можно было описать как архаичный и креолизированный английский с огромным количеством слов, заимствованных из норвежского и, в меньшей мере, критского (семитской группы), расна (этрuscoго) и греческого.

Французские и латинские корни отсутствовали совершенно, и, Боже, как это изменило речь! Изучение ингвинеталу для Двух Соколов было равносильно изучению совершенно неизвестного языка.

Перкуниша, страна балтов, включала территории Германии, Голландии, Дании, Польши Земли-1, а также стра-

ну Кинукинуку (Чехословакию), где говорили на алгонкинском.

Перкунишане явно походили на немцев как в отношении техники, культуры, науки и философии, так и в отношении агрессивности. Тридцать лет назад они развязали первую мировую этой Земли и готовились к полному завоеванию всей Европы и Северной Африки, когда континент опустошила чума («Черная Смерть?» — подумал Два Сокола). Теперь, вооруженные техникой нового поколения и идеологией сверхчеловека, перкунишане готовы были повторить попытку. И в этот раз она могла увенчаться успехом.

Два Сокола еще раз осознал, какое влияние оказывало на судьбу этого мира отсутствие Северной Америки. Европе некого было призвать на помощь против жестокого захватчика.

ГЛАВА 7

Состояние О'Брайена постепенно улучшалось, хоть он и твердил постоянно, что скоро умрет. Уже через несколько дней он мог вставать и делать простейшие упражнения. Два Сокола как раз гонял его в спортзале, когда к ним подошел санитар и сказал, что пилота ждет посетитель. Два Сокола пошел за ним в страхе, что ему, может быть, предстоит новый допрос в тайной полиции. Он готов был напасть на палачей с голыми руками. Если его и убьют — тем лучше; во второй раз ему не вынести таких пыток.

Но как только Два Сокола вошел в приемную, мрачная гримаса растворилась в улыбке. Его ждала леди Ильмика Торстейн. Она не встала, когда он вошел — блондландской дворянке не подобало приветствовать простолюдина таким образом, — но на улыбку ответила.

— *Юр хускарлешип* (Ваше превосходительство), — произнес Два Сокола, целуя протянутую руку Ильмики.

— *Ху фар'т ви ти, лаутни Тва Хавокен?* (Как поживаете, господин Два Сокола?) — осведомилась она.

— *Ик ар фарн беир* (Уже лучше), — ответил он. — *Юр хускарлешип ар мест хюнлих эксен мин хэлф оф* (Ваше превосходительство весьма добры, спрашивая о моем здоровье).

Было заметно, что после прибытия в Эстокву с Ильмикой обращались намного лучше, чем с ним и О'Брайеном. От уродливой вонючей замухрышки с ввалившимися щеками, которую он помнил, не осталось и следа. Ильмика посвежела, набрала вес: глаза ее, уже не обведенные темными кругами, сияли.

Ее жемчужно-белое платье с большим декольте было перехвачено на талии желтым кружевным поясом, от которого вниз спадали пышные юбки. Ильмика носила конический головной убор, украшенный синей газовой лентой, а на ногах — белые туфельки с синими помпонами. Два Сокола подумал, что костюм вызывает в памяти гобелены средневековья.

Она была очень красива. Глядя на нее, пилот внезапно ощутил наплыв желания, так долго подавляемого — вначале тяготами пути, потом пытками. Возвращающиеся силы и долгое воздержание вызвали в нем необычайное возбуждение. А может, и не столь необычайное?

Он понимал, что никогда не получит этой женщины. Сословные барьеры существовали по всей Европе и поддерживались столь же жестко и жестоко, как, скажем, во Франции XVII века. Только в Хотинохсоних — стране «его народа» — появилась концепция демократии. Это была единственная европейская страна, где женщины имели право голосовать.

Но Два Сокола был пришельцем с иной Земли. Социальные барьеры этого мира казались ему незначительными и нелепыми. И он не мог не смотреть с вожделием на свою гостью. Видимо, она заметила это — улыбка ее поблекла, а глаза холодно прищурились, — и Два Сокола поторопился успокоить ее. Он не желал оскорблять единственного своего связанного с внешним миром.

— Простите меня, госпожа. Я много дней не видывал девы столь прекрасной. Смилуйтесь. Кроме того, — добавил он с усмешкой, — я не отвечаю за свои действия. Иначе я не сидел бы здесь.

— Я прощаю вас, — ответила она с натянутой улыбкой. — И я рада, что вы упомянули свое... задержание.

— Скажите уж «заклучение», — поправил он. — Хотя пожаловаться на лечение не могу. Очень милый персонал в этом заведении.

Она чуть придвинулась к нему и внимательно посмотрела в глаза:

— Я не верю, что вы сумасшедший.

Он понял, что она пришла сюда, не просто чтобы нанести визит вежливости. Она осталась с ним наедине, а это могло случиться только по ее личной настоятельной просьбе. Он уже знал, что она — дочь хускарла, то есть лорда, Торсстейна, блодландского посла в Дакоте. После перкунишанского вторжения оба бежали в страну ирокезов, но разделились по пути. Партизаны провели Ильмику через линию фронта.

— Почему вы решили, что я не псих? — полюбопытствовал он.

— Я просто не могу в это поверить, — ответила Ильмика. Пытаясь скрыть внутреннее напряжение, она откинулась на спинку широкого кресла и положила руки на колени. — Но... если вы не сумасшедший, то кто же тогда?

Если он скажет ей правду, то ничего не потеряет. Даже если ее прислала тайная полиция, чтобы посмотреть, не расскажет ли он ей другую историю, то они не услышат ничего нового. Но все же маловероятно, что девушка сотрудничает с Хотинохсоних. А подтверждения его рассказу местные гестаповцы могли получить и от Тархе.

Нет, думал Два Сокола, скорее всего девушка — агент своей страны. Может быть, у Блодландии есть информация, о которой здесь ничего неизвестно. Например, кто-то нашел остатки «Гайаваты». Это могло убедить даже тайную полицию, что Два Сокола — пришелец из параллельного мира, обладающий важными знаниями. Вполне возможно, что Ильмика постарается выяснить, не представляют ли пленные какой-нибудь ценности для тайной полиции Блодландии и нельзя ли их как-нибудь использовать.

Если это так, то блодландцы не полностью откровенны со своими союзниками-хотинохсоних. Два Сокола нужен им самим. Он усмехнулся. Даже на грани гибели оба союзника продолжали смертельную игру друг против друга. Национальная безопасность здесь занимала не менее важное место, чем на Земле-1.

Но если Блодландия интересуется им, то с ней можно и поторговаться. Возможно, они с О'Брайеном смогут не только выйти из психбольницы, но и покинуть страну,

оборона которой начинала рушиться. Блодландии вторжение пока не угрожало.

Прежде чем начать свой рассказ, Два Сокола по возможности объяснил ей свою концепцию двух «параллельных» Вселенных. Ильмика слушала внимательно, а ее вопросы доказывали, что она столь же умна, сколь красива. Она без труда понимала пилота, но верила или нет — это уже другой вопрос. Все же она просила его продолжать рассказ — возможно, признавала хотя бы теоретическую возможность существования параллельных Вселенных. Или получила приказ добросовестно выслушивать даже самый явный бред.

Два Сокола на нескольких примерах объяснил, как отличаются друг от друга его Земля и ее *Эрфе*. Потом он вкратце рассказал о двух мировых войнах, объяснил, какую роль он сам играл во второй из них, и закончил описанием налета бомбардировщиков на Плоешти, пролета «Гайаваты» сквозь «Врата» и прыжка с парашютом на крестьянское поле.

— Должно быть, Плоешти — это тот город, который здесь зовут *Тканотайе'куваах*, а мы — Дарес, как называли его троянцы. Перкунишанам он нужен по той же причине, по которой у вас — немцам: нефть. Вам повезло, что вы появились именно в тот день. Двумя днями позже Дарес был захвачен перкунишанами, и вы попали бы в руки этих варваров.

Два Сокола, не ответив, подошел к большому окну, из которого можно было видеть город Эстоква. Сумасшедший дом стоял на холме в нескольких милях от центра столицы, где громоздился мраморный купол *Теотоедзаяшохква* — ирокезского парламента. Сбоку от него виднелось здание поменьше, тоже в греческом стиле, но из красного гранита — резиденция *хакья'танеха* (буквально «того, кто смотрит за мной»), главы исполнительной власти.

Эстоква была когда-то аванпостом троянских колонистов, сожженным и разграбленным ирокезами дотла после долгой осады. На развалинах варвары возвели свои длинные дома. Но ныне Эстоква была современным по здешним меркам городом, неотличимым с такого расстояния от лубой западноевропейской столицы. Правительственные здания сооружались из мрамора или гранита в классическом акхайвийском стиле.

В кабинете Тархе Два Сокола видел фотографии парламента. Семь колонн, поддерживавших портик, представляли собой скульптуры семи зверей-тотемов захватчиков. Фризы на стенах изображали не только исторические сцены, но и жутковатые символы легенд и мифов, исполненные в особенном, неевропейском стиле, который краснокожие Земли-2 создали, ознакомившись с цивилизацией.

Два Сокола хотел бы думать иначе, но он не мог не признать себе, что не чувствует никакой общности с этими людьми. Они могли быть ирокезами, но не теми ирокезами, которых он знал. Их прошлое и настоящее было совсем другим, и влияние, которое они оказали на ход истории, еще больше увеличивало эту разницу. Он принадлежал этой культуре в гораздо меньшей степени, чем культуре белых пришельцев в Северную Америку.

Со временем при желании он, может, и прижился бы. Но это государство было обречено на поражение перед превосходящей мощью Перкуниши. И тогда новый дом превратится в ад. Официальной политикой Перкуниши по отношению к покоренным народам была полная ассимиляция, уничтожение всего чужеродного. Вначале — геноцид в масштабах, которые заставили бы покраснеть от стыда даже нацистов его мира, затем — заселение перкунишанами и другими европейцами, которых завоеватели считали достаточно близкими по крови.

Даже сейчас бои шли в двадцати милях к северо-западу от города. Три вражеские армии пробивали путь к сердцу страны. Если ничего не изменится, Эстоква падет в течение ближайшей недели. Наверное, уличные бои будут идти еще долго, но правительство уже готовилось к эвакуации.

Взглянув в небо, Два Сокола увидел в синеве три блестящие точки. Приближались дирижабли. Три серебряные сигары скользили в небесах, а под ними расцветали маленькие черные облачка дыма. Не обращая внимания на огонь примитивных зенитных орудий, они двигались точно к цели — зданию парламента и резиденции премьер-министра. По мере того как левиафаны пролетали над целью, из них сыпались маленькие черные предметы, которые расцветали, касаясь земли, столбами дыма. Через секунду в окнах зазвенели стекла, здание вздрогнуло, и Два Сокола услышал разрывы бомб.

Надвигалась следующая волна воздушных кораблей. Купол над зданием парламента раскололся и рухнул. Деревянные дома охватило пламя. Скрылся в клубах дыма какой-то завод.

Когда раскаты далекого грома на минуту прервались, Два Сокола услышал, как позади него приоткрылась дверь, и, обернувшись, увидел красивую девушку, заглядывающую в комнату. Это была служанка Ильмики — метиска, потомок коренного населения, порабощенного хотинохсо-них. В распоряжение хускарле Ильмики ее предоставило правительство, поскольку она немного знала блодландский. Девушка была приписана к блодландскому посольству в Эстокве и скорее всего шпионила в пользу Хотинохсо-них.

Ильмика осведомилась, что служанке надо. Та робко поинтересовалась, не стоит ли ее госпоже спуститься в подвал, пока бомбардировка не прекратится. Бледная и напряженная, Ильмика тем не менее непринужденно улыбнулась и ответила, что здесь, на окраине города, не так уж и опасно. Девушка ушла не сразу. И только тогда, когда за ней захлопнулась дверь, Ильмика снова заговорила, из чего Два Сокола сделал вывод, что она тоже не доверяет своей служанке. Вероятно, именно поэтому она позволила себе остаться в одной комнате с мужчиной, хотя обычай требовал, чтобы незамужних дворянок в таких случаях сопровождали дуэньи.

— У нашего правительства есть основания считать, что ваш рассказ может оказаться правдой, — негромко сказала Ильмика.

— Они нашли летающую машину?

— Да. Но это не все. В Перкунише тоже об этом знают. Они даже нашли вторую летающую машину и человека, который прилетел на ней. Сейчас он в столице. Они пытались сохранить в тайне и то и другое, но у нас свой доступ к информации.

Два Сокола выругался. Собственные приключения и злоключения заняли его настолько, что он так ни разу и не вспомнил о немецком истребителе, который появился в тот миг, когда «Гайавата» прошел через Врата. Конечно! Немецкий истребитель тоже должен был попасть в этот мир!

— Вы в опасности, — прошептала Ильмика. — Так же, как мы знаем об этом... немцы, перкунишане знают о вас. И они верят, что вы пришли из другой Вселенной. Вы опасны для них своими знаниями в области оружия и техники, намного превосходящей все, созданное на Эрфе. Конечно же, перкунишане хотят использовать знания немца. Но они не хотят, чтобы те же знания получили их враги. Так что...

— ...они попытаются нас уничтожить при первой же возможности, — закончил за нее Два Сокола. — Удивительно, что до сих пор они ничего еще не сделали.

— Возможно, они колеблются потому, что неудачная попытка может убедить правительство Хотинохсоних в том, что вы не просто безумец. Но город вот-вот будет осажден, и тогда попытка может увенчаться успехом. Ждите атаки сегодня. Или сейчас — бомбежка послужит прикрытием.

— Тогда вы тоже в опасности, — заметил Два Сокола. — Ваше правительство, должно быть, считает меня очень ценным, если готово рискнуть вашей жизнью, чтобы перетянуть меня на свою сторону.

— Пока я здесь, больница под усиленной охраной, — отмахнулась Ильмика. — Мы бы оставили наших людей, чтобы защитить вас с О'Брайеном, но хотинохсоних могут поинтересоваться зачем.

Два Сокола выглянул из окна, чтобы посмотреть на дирижабли. Если перкунишане хотят убить его и О'Брайена, им проще всего разбомбить сумасшедший дом. Но воздушные корабли двигались в другую сторону. Возможно, перкунишане попытаются установить с ними контакт, решив, что, по старой пословице, две (или три) птицы в руках лучше одной в кустах.

Может, и так. Но Два Сокола был уверен, что перкунишане без малейших угрызений совести расправятся с двумя иномирными, если не смогут захватить их живыми.

А блодланцы — из тех же соображений — сделают все, чтобы чужаки не попали живыми в руки врагов. И тоже перед убийством не остановятся.

«Никто нас не любит», — подумал Два Сокола с усмешкой. Нас только двое против чужого враждебного мира. Пусть так. Надо быть предельно осторожными и

осмотрительными. Что бы ни случилось с ним и О'Брайеном, другие тоже должны заплатить свою цену.

Два Сокола повернулся и улыбнулся девушке:

— Почему ваше правительство не сообщило правительству Хотинохсоних о том, что им известно? Здешние власти могли бы охранять сумасшедший дом или отправить нас в безопасное место.

К его удивлению, Ильмика покраснела. Очевидно, она не была профессиональным агентом, а потому сохранила остатки совести. Скорее всего правительство использовало ее лишь потому, что у нее единственной был законный повод навестить больного.

— Я этого не знаю, — пробормотала девушка, замялась, покраснела еще больше и выпалила: — Нет, знаю! Правительство Хотинохсоних не позволит вам уехать. Они захотят оставить вас у себя, а этого нельзя допустить. У Хотинохсоних нет времени создать то, что вы им дадите. Почти все силы и средства они тратят в сражениях за собственную землю, но они все равно потеряют ее. Сказать им о вас — значит выбросить ваши знания на ветер. Самое лучшее для вас — попасть в Блодландию. У нас есть и технические знания, и люди, и материалы, и время. А Хотинохсоних долго не продержится.

— В этом я не уверен, — сказал Два Сокола. — У них за спиной еще много земли. Потеря Эстоквы еще не значит, что Хотинохсоних полностью разбита.

Он вспомнил, какие просторы русской земли заняли немцы, какие потери несли русские в первые годы войны. Но они не просто сражались — они гнали фрицев назад. Правда, без американской помощи им это не удалось бы. А здесь Америки нет.

— Согласен, — сказал он. — Я отправляюсь в Англию.

— Куда?

— Простите, в Блодландию. Вопрос в том, как мы туда попадем?

— Будьте наготове, — сказала Ильмика. — Сегодня в полночь.

— Без стрельбы вам меня не вытащить, — заметил Два Сокола. — Будете палить по своим союзникам, чтобы пройти внутрь? А как насчет дипломатических осложнений? И, кстати, если похищение не удастся, не сообразят ли хотинохсоних, что мы представляем какую-то ценность?

— Неважно. Мы все предусмотрели. — Она поднялась. — Ваш друг О'Брайен сможет идти без посторонней помощи?

— С трудом. Во всяком случае, бегать не сможет, — сказал Два Сокола и тут же нахмурился. Блодландские агенты не могут оставить О'Брайена в сумасшедшем доме в добычу перкунишанам. Во всяком случае, живым.

— Если ваши люди убьют моего друга, я не буду иметь с вами никаких дел. Вам придется убить и меня.

Ильмика, казалось, была потрясена его словами: то ли действительно не допускала подобной мысли, то ли делала вид.

— Я... я уверена, что мои люди этого не сделают. Мы блодландцы, а не дикари какие-нибудь.

— Тайные агенты все одинаковы — немецкие, русские, янки, перкунишанские, блодландские, ирокезские и все прочие, — усмехнулся Два Сокола. — Если речь идет о государственной безопасности, их даже убийство не остановит. Ладно. Я согласен. Но скажите своим людям, черт бы вас драл, что без О'Брайена я никуда не пойду.

— Да как вы смеете говорить со мной таким тоном?! — воскликнула Ильмика. Лицо ее покраснело, глаза опасно прищурились. — Вы... вы...

— Простолудин, — закончил за нее Два Сокола. — Дикарь. Там, откуда я пришел, нет ни королей, ни знати, ни им подобных паразитов и угнетателей. Конечно, у нас есть свои паразиты и угнетатели, но обычно ими не становятся по наследству. Этого достигают упорным трудом или жульничеством. Все рождаются равными — по крайней мере в теории. Практика выглядит менее привлекательно, но это лучше, чем то, что мы имеем здесь.

И не забывайте, что я пришел из более развитого, прогрессивного мира, чем ваш. Там вы были бы невежественной и нечистоплотной дикаркой, а не я. А на то, что вы происходите из рода великого воина Торсстейна Блотаксе и короля Хротгара Дана, мне в высшей степени наплевать. Можете из своей родословной сигаретки крутить, если это вам о чем-то говорит.

Заалевшее лицо девушки исказилось; она повернулась так поспешно, что чуть не упала. Когда дверь за ней захлопнулась, Два Сокола еще ухмылялся про себя. Но через минуту все это ему уже смешным не казалось. О'Брайен без отдыха не сможет долго идти. А что потом?

Он возвратился в свою комнату. Сержант лежал на кровати, прикрыв рукой лицо. Услышав, как вошел Два Сокола, он повернул голову:

— Мне сказали, что к тебе приходила посетительница. Эта девка, Ильмика. За что такая честь?

Два Сокола шепотом пересказал ему содержание беседы. О'Брайен тихо присвистнул сквозь зубы.

— Надеюсь, у них есть автомобиль. Мне сейчас не до марш-бросков. И как они хотят вывезти нас из страны?

— Вероятно, по Черному морю и через Дарданеллы. В Эгейском море базируется перкунишанский флот, но на катере можно проскользнуть. Дальше не знаю.

— Придется выложиться на полную катушку, — произнес О'Брайен. — Знаешь, что мне пришло в голову? Кормят тут неплохо, хотя кухня и странная, но я мечтаю о настоящем густом картофельном супе. Моя мать такой часто варила — со сливками и луком... Ты не можешь поговорить с поваром, чтобы он нас ублажил?

Два Сокола скорбно вздохнул. Выжидательное выражение исчезло с лица О'Брайена.

— О нет, — простонал он. — Только не говори, что старая добрая ирландская картошка...

Два Сокола кивнул:

— Происходит из южноамериканских Анд.

О'Брайен выругался:

— Что за адский мир! Табака нет! Индейки праздничной нет! Картофеля, Господи, и того нет!

Два Сокола усмехнулся:

— Ну, ты можешь быть доволен одним: здесь нет сифилиса. Но, зная твое легкомыслие, советую поостеречься, а то быстро подцепишь триппер.

— Сейчас это меня меньше всего волнует.

О'Брайен закрыл глаза и тотчас же захрапел. Два Сокола хотел обсудить с ним планы на вечер, но решил, что беседу можно и отложить. Сон для О'Брайена был важнее. Да и что им оставалось делать, как не гадать и ждать?

ГЛАВА 8

Полночь приближалась мучительно медленно. В сумасшедшем доме было тихо, только доносился издали гром

канонады. В комнате летчиков было лишь одно окошко под самым потолком. Обитая железом дверь из толстых дубовых досок запиралась снаружи. Доктор Тархе предоставлял полную свободу своим тихим пациентам днем, но он же заботился и о том, чтобы ночью они оставались в своих палатах.

Через толстую дверь глухо донесся бой стоявших в коридоре больших часов. Два Сокола насчитал двадцать четыре удара. Полночь.

Маленькое сдвижное окошечко в двери открылось, и от щелчка Два Сокола едва не вздрогнул. Из-под полуопущенных век он увидел в отверстии огонек керосиновой лампы и широкое скуластое лицо санитара Кайсехты — тот по ночам делал обход. Как только окошечко закрылось, Два Сокола поднялся с постели и потряс О'Брайена за плечо. Тот вскочил.

— Ты думал, я буду спать в такую ночь?

Оба были уже одеты. Теперь им опять ничего не оставалось делать, как ждать. Два Сокола мечтал о своих пистолетах. Тархе сказал, что тайная полиция, немного подержав их у себя и изучив, передала их ему. Врач держал оружие в сейфе, в своем кабинете. Пилот тогда еще удивился, почему никто не счел автоматический пистолет подтверждением его рассказа — ничего подобного в этом мире не придумали. Но пистолеты вернули Тархе без единого вопроса. Очевидно, здешние полицейские страдали острым отсутствием фантазии и решили, что псих сам соорудил оружие в приступе бреда.

Два Сокола и О'Брайен молча сидели на кроватях. Долго ждать им не пришлось. Из коридора донесся тут же прервавшийся сдавленный вскрик, шаги, потом кто-то, звеня ключами, отпер замок и сдвинул засов. Два Сокола вскочил, не зная, что их ждет: спасение или смерть от пули. За дверью стояли шестеро мужчин в масках, одетые как местные бедняки. Двое сжимали в руках револьверы, двое — винтовки, а еще двое — ножи.

— Вы Два Сокола и О'Брайен? — басовито спросил один из них. По-ирокезски он говорил с сильным акцентом.

Два Сокола кивнул.

— Дайте нам оружие, — потребовал он. — Револьвер или хотя бы нож.

— Вам оно не понадобится.

— В сейфе лежат мои пистолеты, — заявил Два Сокола. — Один из них — скорострельный. Эта система оружия увеличит огневую мощь вашей армии. Мне он нужен как модель.

— У нас нет времени вскрывать сейф, — поколебавшись, ответил говоривший. — И нечем его вскрыть.

— Я помню комбинацию, — ответил Два Сокола. — Я смотрел, как Тархе открывает его. Доктор довольно рассеян.

— Ладно. Только быстрее, у нас мало времени.

Двое побежали вперед, чтобы охранять вход. Басовитый жестом приказал следовать за ним. В конце коридора в луже крови лежал тот, кто крикнул — санитар Кайсехта. Череп его был расколен, смуглая кожа уже посинела.

— Зачем эти сучьи дети его убили? — шепотом возмущился О'Брайен. — Бедняга! Я не понимал ни слова из всего того, что он мне рассказывал, но ему удавалось меня рассмешить. Хороший был парень.

— Не болтайте! — оборвал его Басовитый.

Они прошли через столовую и добрались до кабинета Тархе. Два Сокола отодвинул картину, под которой прятался сейф, при свете фонарика набрал нужную комбинацию акхайвийских букв на циферблате, и дверца распахнулась. Внутри в картонной коробочке лежали его пистолеты — автомат и дуствольный.

Басовитый требовательно протянул руку, и Два Сокола неохотно отдал ему оружие. Что ж, следовало ожидать, что блодландцы вряд ли выпустят из рук свое новое приобретение.

Они спустились по лестнице и направились к главному выходу. Двое с винтовками, шедшие впереди, сообщили, что дорога свободна. Два Сокола с О'Брайеном вместе с остальными блодландцами вышли через портик наружу. Город у подножия холма скрывала темнота. Только кое-где полыхали не потушенные еще пожары. Луна пряталась за облаками.

Они двинулись по широкой лестнице к двум локомотивам, поджидавшим за кустами на подъездной площадке. Но как только двое сопровождающих оказались внизу, в кустарнике что-то блеснуло, и ночную тишину разорвал звук выстрелов. Два Сокола сбил О'Брайена с ног, бросился на землю сам и покатился по ступенькам вниз.

От удара о землю у него перехватило дыхание. Оказавшись в кустах, обрамляющих портик, он огляделся. Впереди продолжали стрелять. Один из блодландцев неподвижно лежал у подножия лестницы, другой вел ответный огонь, прикрываясь телом товарища. Два Сокола предположил, что нападавшие — перкунишанские агенты. Видимо, им пришла в голову та же идея, что и у блодландцев, но чуть позже.

Наверху кто-то вскрикнул, и через секунду грузное тело рухнуло на землю рядом с пилотом. Остальные блодландцы отстреливались, укрывшись за обрамлением портика и кустарником внизу. Один перкунишанин упал; остальные отступили к машинам блодландцев. В окнах больницы зажигались огни, превращая в мишени тех, кто стрелял с портика. Один из блодландцев хрюкнул и повис на перилах. Его револьвер упал на землю недалеко от американца. Перестал стрелять еще один агент.

Два Сокола подобрал револьвер и, покинув относительную безопасность своего укрытия, подполз к убитому стрелку. Прикрываясь его телом, пилот обыскал карманы мертвеца, найдя пару коробочек, открыл одну и нащупал внутри цилиндрики. У патронов были тканевые гильзы и медные капсулы.

Два Сокола на ощупь зарядил револьвер. Позади стонал и охал О'Брайен.

— Я ранен, — хрипел сержант. — Рука онемела! Я истекаю кровью!

— Не говори глупостей, — бросил Два Сокола. — Для тяжелораненого ты слишком громко орешь.

Вернувшись, он ощупал левое плечо О'Брайена. Ткань рубашки намокла от крови.

— Со мной все кончено, — бормотал О'Брайен. — С каждым ударом сердца из меня вытекает жизнь.

— Перестань скулить, — сказал Два Сокола. — Тебе кажется, что ты умрешь, только потому, что тебе этого хочется. У тебя всего лишь царапина, и не очень глубокая.

— Тебе хорошо говорить.

Высунувшись из кустов, Два Сокола осмотрелся. У входа осталось два человека, за машинами — столько же. Один из блодландцев — кажется, Басовитый — обернулся, чтобы выстрелом разбить предательскую лампу в доме позади

него. Послышался глухой удар, и агент упал лицом вниз. Выпавший из мертвой руки револьвер выбил окно.

Последний блондин побегал к углу здания, пригнувшись и отстреливаясь вслепую. Пули его противников градом шелкали по оштукатуренной стене. У самого угла он внезапно рухнул, прокатившись по полу, да так и остался лежать — или умер, или очень хорошо притворялся: Два Сокола услышал, как звякнул выпавший из пальцев револьвер.

— Перкунишан осталось еще двое, — прошептал Два Сокола О'Брайену. — Похоже, у них приказ захватить нас живыми или мертвыми. После такой перестрелки я склонен полагать, что скорее мертвыми.

Он снова выглянул, но никого не заметил. Видимо, их противники прятались за машинами, перезаряжая револьверы и обсуждая дальнейшие планы. Но они не могли не проверить, остался ли кто-нибудь в живых. А для этого им придется выйти. И выйти скоро — в сумасшедшем доме царило оживление: хлопали двери, раздавались крики, визг, топот ног. Кто-то наверняка вызвал бы полицию, если бы провода не были перерезаны. Да и так она сама явится сюда с минуты на минуту: такую пальбу трудно оставить без внимания. А тогда перкунишане окажутся в западне.

Два Сокола терпеливо ждал. О'Брайен снова начал стоять, и пилот вежливо попросил его заткнуться.

Он еще раз подполз к мертвому у подножия лестницы и забрал у него нож. Клинок был хорошо уравновешен и годился в качестве метательного; Два Сокола понадеялся, что ему представится случай проверить, помогли ли ему долгие часы тренировок.

Перкунишане действовали осмотрительно. Один из них выскочил из-за машины и побегал к углу портика. Два Сокола не стрелял. Он хотел бить наверняка, а в темноте и с такого расстояния это было почти невозможно. Кроме того, он хотел убедить противников, что тем нечего опасаться.

Неслышно обернувшись, он глянул в сторону подъездной дорожки. Как он и ожидал, второй перкунишанин под прикрытием кустарника короткими перебежками двинулся к другому углу портика. Потев от страха, Два Сокола подполз в ту сторону.

Достигнув угла, Два Сокола замер, ожидая, пока враг не подойдет поближе. Он перекинул нож в правую руку и, когда агент кинулся под прикрытие здания, вонзил клинок ему в горло.

Агент захрипел, опускаясь на колени; вытащив нож, Два Сокола снова отступил в тень портика, чтобы не попасть под фонтан крови.

Второй перкунишанин окликнул товарища. Два Сокола неразборчиво пробормотал в ответ все известные ему перкунишанские слова. Успокоенный звуками знакомой речи, агент вышел из своего укрытия. Два Сокола уверенно пошел ему навстречу, понадеявшись, что в такой темноте его примут за своего. Но луч света из окна, видимо, упал на лицо пилота; перкунишанин что-то крикнул и выстрелил. Крик послужил предупреждением; Два Сокола успел броситься на землю за мгновение до того, как пуля просвистела над ним.

Агент побежал к машине — Два Сокола услышал, как под его башмаками заскрипела щебенка. Пилот бросился следом, стараясь ступать тихо и держаться в тени.

Смутно видимая машина локомобиля двигалась почти неслышно — только скрипели деревянные колеса. На мгновение американцу пришло в голову, что агент толкает ее сзади, потом он сообразил, что это маловероятно. Локомобиль приводился в движение паровым двигателем.

Два Сокола выскочил из кустов, снова перекидывая нож в правую руку — зачем лишний раз тратить пулю и выдавать себя сторонним наблюдателям, буде таковые окажутся? Водитель сидел справа — движение в Хотинохсоних было левосторонним, — но стекло слева было опущено. Нож влетел в окно и вонзился в шею водителя. Два Сокола обежал автомобиль спереди, вытащил труп из машины и забрался на его место, даже не потрудившись выдернуть нож.

К счастью, в библиотеке Тархе он не раз видел изображения локомобилей и даже постарался разобраться в системе управления ими. На передней панели имелось два коротких рычага — левый заменял руль, правый регулировал скорость; педаль внизу служила тормозом. Два Сокола довольно долго дергал рычаги, прежде чем подчинил себе непокорную машину.

Наконец ему удалось кое-как, под едва слышный по-свист пара и скрип колес, провести локомобиль по подъездной дорожке к тому месту, где лежал на земле О'Брайен. Затормозив, Два Сокола начал щелкать тумблерами на панели управления, пытаясь зажечь фары. Первая кнопка включила единственный стеклоочиститель. Два Сокола подумал про себя, что по сравнению с его Землей транспорт в этом мире не на высоте.

Хорошо, что хоть такой есть.

Вторая кнопка включала передние фары и габаритные огни — слабые, но Два Сокола и тому был рад. Их лучи вырвали из темноты фасад сумасшедшего дома, трупы на ступеньках и дорожке. Два Сокола позвал О'Брайена, который с трудом поднялся и поплелся к локомобилю.

— Молодец вы, лейтенант, — признал он шепотом. — А куда нам теперь?

Два Сокола сам не знал этого. Он изучал указатели на панели управления. В середине ее торчали шесть стеклянных цилиндров с градуировкой, подсвеченных снизу. У каждой трубочки имелись пометки — значки ирокезского идеографического письма, давно замененного греческим алфавитом. Внутри их плескалась розовая жидкость. По-видимому, по ее уровню можно было следить за количеством топлива, воды, давлением, температурой пара, скоростью и состоянием аккумулятора. Прочитать метки Два Сокола мог, но с переводом мер хитиных в более ему привычные у него до сих пор были трудности.

Указатели воды и горючего стояли на отметке «полно», скорость же придется измерять собственным копчиком. Подождав, пока О'Брайен влезет в машину, пилот направил машину по крутой, извилистой дороге, ведущей к городу. Из сумасшедшего дома уже выбегали люди.

Из-за облаков появилась луна. При ее свете вести машину было легче, и Два Сокола выключил фары. У подножия холма он остановился, чтобы прочитать надпись на дорожном указателе. То, что здесь вообще стоял указатель, говорило, что где-то рядом проходит важный тракт — на обычных улицах указателей здесь не ставили. В жилых районах приезде надо было или иметь при себе план города, или все время спрашивать дорогу, чтобы найти нужный адрес.

Два Сокола внимательно изучил план Эстоквы и постарался запомнить расположение и направление основных улиц. Сейчас они, судя по надписи на указателе, находились в нескольких кварталах от ведущего на восток шоссе. Пилот знал это и так, но хотел проверить себя.

Свернув за угол и проехав два квартала, беглецы достигли шоссе, но еще до этого они услышали шум — гул толпы, скрип колес. Дорога была заполнена беженцами — мужчинами, женщинами, детьми, волокущими узлы, тачки, тележки, груженные скарбом.

На первый взгляд процессия казалась неуправляемой, но, вклинившись между двумя группами беженцев, Два Сокола обнаружил, что через каждые несколько кварталов стоят солдаты с керосиновыми лампами или большими фонарями в руках и управляют движением. Первые постовые не задерживали их локомотив, но Два Сокола понимал, что очень скоро его остановят и потребуют документы. Без документов их арестуют, а может быть, и просто расстреляют на месте. Так что при первой же возможности он свернул на боковую дорогу.

— Придется рискнуть; надеюсь, не заблудимся, — сказал он О'Брайену. — Что мы будем делать, когда придется вернуться на шоссе — не знаю. Наверное, будем просто таранить посты.

— Да ладно, — ответил О'Брайен. — Куда мы едем-то?

— Как рука? — ушел от ответа Два Сокола.

— Истекаю кровью, — простонал О'Брайен. — Мне крышка, лейтенант.

— Не так все плохо, как тебе кажется, — ответил Два Сокола.

Он остановил машину и при свете карманного фонаря, который нашел в ящике под сиденьем, обследовал рану товарища. Как он и ожидал, рана была поверхностной. Кровь еще текла. Два Сокола перебинтовал рану носовым платком и поехал дальше.

Поведение О'Брайена давно его удивляло. Сержант был хорошим солдатом, способным, храбрым и всегда пребывал в хорошем расположении духа. Но с тех пор как стало ясно, что они в чужом мире, он изменился. Он постоянно думал о том, что скоро умрет. Два Сокола решил, что причиной тому ощущение полного отчуждения. О'Брайен был навсегда отрезан от мира, в котором родился и вырос. В этом

мире он был чужим и не понимал его. Сержанта терзала такая ностальгия, какой не испытывал еще ни один человек. И она буквально убивала его.

Два Сокола понимал друга, хотя сам страдал в гораздо меньшей степени. То же чувство преследовало его всю жизнь. Потомок двух несовместимых культур, он не принадлежал ни к одной из них и с недоверием относился к ценностям и моральным понятиям обеих. Кроме того, по натуре он был более гибким, чем О'Брайен. Два Сокола смог перенести потрясение, приспособиться и верил в то, что сумеет преуспеть, если повезет. Но он беспокоился об О'Брайене.

ГЛАВА 9

Они раз десять сбивались с пути, петляли, и наконец часа через два машина снова выехала на *кадзиива* — главный тракт. Как оказалось, зря — в полумиле впереди Два Сокола увидел на дороге заграждение и кишевших вокруг него солдат. На его глазах солдаты вытащили из автомобиля какого-то мужчину и повели к палатке на обочине дороги.

— Ищут шпионов и дезертиров, — сказал Два Сокола. — Ну ладно, попробуем объехать.

Это оказалось нелегко. Они протряслись с милую по бездорожью, пересекли узкий ручей — медленно, чтобы не застрять в грязи, — и уперлись в каменную стену, которая, казалось, тянется от горизонта до горизонта. К тому времени уже начало светать. Два Сокола проехал вдоль стены полторы мили, пока она наконец кончилась, но теперь дорогу преградили с одной стороны густой перелесок, а с другой — речка.

Два Сокола направил машину по пологому спуску в воду. Ярдов десять они проехали без особых трудностей — только вода просачивалась в салон, — потом колеса забуксовали в песке и иле. Сдвинуть машину с места не удавалось никакими усилиями.

— Пошли пешком, — вздохнул Два Сокола. — Может, оно и к лучшему, что машина застряла. Я только сейчас сообразил — дойди вода до парового котла, взлетели бы мы на воздух.

— Тоже, сообразил! — вскинулся О'Брайен. — Нужно побыстрее уносить ноги.

Они пошли вдоль тракта. Через четыре дня мощеная дорога кончилась, сменившись грунтовой.

Питались они украденными на придорожных хуторах продуктами. На шестой день пути им удалось угнать машину с двигателем внутреннего сгорания. В этот день они проделали добрых тридцать миль по обочинам тракта, распугивая беженцев клаксоном. Завидев впереди пропускной пункт, свернули на разъезженный проселок. Потом бак машины опустел, и дальше пришлось снова идти пешком.

— На севере лежит страна Ицкапинтик, — сказал Два Сокола О'Брайену, — насколько мне известно, нейтральная. Придется нам перейти границу и отдаться на сомнительную милость ее жителей.

— Что-то мне твои слова не нравятся, — ответил О'Брайен. — Ты хоть знаешь, что это за люди?

— Смесь индейцев и белых. Говорят они на языке семейства нахуатль, как ацтеки Мексики. Они, кстати, на ацтеков и похожи. В Восточную Европу пришли вместе с ирокезами — и тех и других гнало перед собой могущественное племя, покорившее потом половину Азии. Ицкапинтик покорили другое племя, которое как раз кончило резать местных жителей: половину вырезали, остальных обратили в рабов.

— Суровые ребята, — нервно произнес О'Брайен.

— Точно сказано. Я читал, что лишь пятьдесят лет назад они перестали приносить людей в жертву богам. Они обращаются со своими рабами не просто как с низшими людьми; те не имеют даже малейшей возможности получить свободу, как в Хотинохсоних.

— Так на кой черт мы туда идем?

— Ясное дело, не для того, чтобы просить у них милости. Попробуем пройти незамеченными — ночами будем идти, а днем скрываться. Наша цель — Тюрсланд, Швеция. Перкуниша объявила Тюрсланду войну, но пока лишь на словах. Если доберемся, попробуем попасть на корабль, отплывающий в Блодландию. Там мы будем важными персонами. И там нам будет для чего жить.

— Мария, мать Христова! Я правый глаз готов отдать, чтобы снова услышать английскую речь.

— Не обольщайся, — посоветовал Два Сокола. — Тебе придется учить его заново. Хотя это проще, чем изучать ирокезский.

Дальше они шли осторожно, лесами вдоль проселочных дорог, выходя на них только по ночам. Даже это вызывало в Двух Соколах смутное беспокойство, но брести в темноте по полям, лугам и перелескам было настолько тяжело, что приходилось жертвовать безопасностью ради удобства. На пятнадцатый день после бегства из Эстоквы они вышли на главный северный тракт. Глянув на дорогу с вершины холма, путники увидели, что поток беженцев не иссяк. Но солдат не было видно, и Два Сокола решил, что они без особого риска могут присоединиться к колонне.

Следующие два дня они шли в колонне беженцев. Так, конечно, продвигаться было намного быстрее. Но на утро третьего дня они услышали на западе орудийную канонаду. К вечеру уже можно было различить щелканье ружейных выстрелов. На следующее утро появились отряды хотинох-соних — подкрепление с юга, которое должно было остановить наступление врага на северо-западе. Два Сокола и О'Брайен постарались, как могли, слиться с толпой беженцев. Кроме того, военные грузовики гнали по обочинам с такой скоростью, что выбиваться из общего потока было попросту опасно.

На четвертый день беженцы вышли к перекрестку и обнаружили, что дорога перекрыта. Приходилось сворачивать на восток.

— Перкунишане, похоже, перерезали дорогу, — сказал Два Сокола. — Они быстро наступают.

— Я все время считал, что индейцы — хорошие воины, — сказал О'Брайен. — А тут они, кажется, драпают, как у нас русские.

Два Сокола задело это замечание, словно оно каким-то образом касалось его лично. Он знал, что О'Брайен всегда считал его индейцем, и сам он, хотя никогда и не показывал, имел насчет этого собственное мнение.

— Я хочу тебе сказать вот что, — ответил он. — Может, перкунишане и побеждают, но такая победа обходится им куда дороже, чем у нас немцам. Война здесь — совсем не то, что у нас. Здесь нет Женевской конвенции. Что та или иная страна делает с пленными — ее дело. Перкунишане давно выяснили на опыте, что ирокезы — плохие

рабы. Они или бегут, или их пристреливают при попытке к бегству.

Так что Перкуниша объявила войну на уничтожение Пленных берут только для допросов — читай, пыток. Хотинохсоних это знают и сражаются до самого конца. Если приходится отступать, они убивают тех раненых, кого не могут вывезти. Так что здесь захватчики встречают более ожесточенное сопротивление, чем могли бы. То, что, несмотря на это, перкунишане быстро продвигаются вперед, объясняется превосходством в технологии и их стратегией обхода опорных пунктов противника с их последующим уничтожением. Плюс тем, что они готовы платить за это кровью.

Видишь ли, перкунишане хотят захватить как можно большую территорию до зимы. Хотя на нашей Земле на юге Украины климат мягок, здесь нет Гольфстрима. Зимы тут арктические. Вот тебе еще один хороший повод достигнуть Тюрсланда до холодов. Если зима застигнет нас на открытой местности, мы просто замерзнем.

О'Брайен содрогнулся:

— Господи, что за мир! Если уж мы прошли через эти Врата, то почему бы было не попасть на какую-нибудь милую, дружелюбную планетку?

Два Сокола улыбнулся и пожал плечами. Быть может, и существовал такой «параллельный» мир, но они явно оказались не в нем. Придется играть теми картами, что сданы.

Несколько минут спустя, когда они прошли мимо троих мужчин, пытавшихся вытащить застрявший в грязи на обочине локомобиль, Два Сокола вдруг сказал:

— Ты видел женщину за рулем? Волосы ее спрятаны под платком, а лицо измазано грязью, но я голову даю на отсечение, что это Ильмика Торстейн!

Несколько секунд он колебался, потом решил, что ее присутствие — подарок судьбы. Вероятно, она тоже направлялась в Ицкапинтик. С ней, дочерью посла, будут обращаться хорошо и, возможно даже, помогут попасть на родину. И она, конечно, захочет взять Двух Соколов и О'Брайена с собой. В конце концов, именно это она собиралась сделать первоначально, и он не видел причин, которые могли бы это намерение изменить.

Он смело подошел к машине. На мгновение девушка опешила от неожиданности, потом узнала пилота, и недоверие на ее лице сменилось радостной улыбкой.

— Мы можем поехать вместе с вами? — спросил пилот.

Ильмика поспешно кивнула.

— Это слишком невероятно, чтобы быть правдой...

Не теряя времени, двое американцев помогли вытащить застрявший локомотив. Когда машина вновь оказалась на дороге, Два Сокола и О'Брайен забрались на переднее сиденье, к Ильмике. Остальные, работники посольства Блодландии в Эстокве, уселись сзади. Ильмика гнала машину, как могла, частыми гудками прокладывая себе путь в толпе беженцев и, если те не убегали в сторону достаточно проворно, сворачивая на обочину. Во время одного из таких маневров, за десять минут до появления американцев, она и застряла.

По пути пилот рассказал ей, что с ними произошло. Ильмика, конечно, знала, что блодландские агенты погибли, но была уверена, что обоих чужаков захватили перкунишане. На этом тракте она очутилась, лишившись основного пути к бегству. Перкунишанский флот прорвался в Черное море, разгромив флот Хотинохсоных и ограниченный блодландский контингент. Теперь они властвовали и на водах Черного моря, и в воздухе. Маленький дирижабль, на котором Ильмика планировала бежать в Пехлевию (Турцию), был уничтожен, и ей ничего не оставалось, как бежать в Ицкапинтик.

Они ехали весь день и всю следующую ночь и на утро были уже намного севернее места встречи — но без горячего. Они попытались останавливать армейские машины, чтобы выпросить угля, но из двух десятков ни одна даже не притормозила.

— Далековато, но придется идти, — сказала Ильмика. — Может, если мне удастся поговорить с каким-нибудь офицером, я выпрошу какую-нибудь машину.

Звучало это не очень обнадеживающе. Было ясно, что хотинохсоных по горло заняты своими собственными проблемами и у них вряд ли найдется время или лишняя машина даже для леди Ильмики Торсстейн. Пройдя пешком каких-то четыре мили, путники убедились, что солдатам просто не до гражданских — самим бы выбраться.

Из ближайшего перелеска выбежали два десятка пехотинцев, пересекли дорогу и ринулись прочь. Беженцы, услышав их крики, побросали свои пожитки и помчались вслед за солдатами. Паника охватила всю колонну. Дорога превратилась в хаос наваленной друг на друга рухляди, лишившейся своих хозяев.

В сорока шагах впереди земля выбросила фонтан песка и дыма. Следующий снаряд взорвался в той части колонны, до которой новости еще не дошли.

Два Сокола и его спутники бросились в ближайший кювет, едва прогремел первый взрыв, вжимаясь в землю, пока снаряды один за другим вспахивали тракт. Рядом с пилотом шлепнулась на землю оторванная нога; он глянул на нее и зарылся лицом в грязь. Один снаряд угодил в кювет, разорвав кучку беженцев на части.

Внезапно канонада прервалась. Два Сокола осторожно приподнял голову. За дорогой и выгоревшим пшеничным полем, на холме, показались пять броневигов. Два были оснащены длинноствольными пушками, остальные — чем-то, издали похожим на пулеметы, хотя Два Сокола знал, что пулеметы в этом мире еще не изобрели: именно их устройство он и собирался разъяснить блодландцам. Но вид этих штуковин ему очень не понравился, хотя одних пушек хватило бы, чтобы решить исход боя. Махнув остальным, он помчался по придорожному пшеничному полю, чтобы выйти из зоны обстрела. Ирокезские войска укрылись в роще в четверти мили к северо-востоку. Она и будет основной целью атаки; а беглецам не стоит лезть на рожон. Когда группа была уже на середине поля, броневики выехали на дорогу и открыли огонь по бегущим солдатам. Скорострельность орудий поразила Двух Соколов. Было очевидно, что перкунишане снабдили свои бронемашину пулеметами, хотя он никогда не слышал об их существовании здесь, в этом мире. Вероятно, их создание до сих пор хранилось в глубокой тайне.

Вот и еще одна причина быстрого продвижения перкунишан, думал Два Сокола. Огневая сила этого оружия должна быть просто подавляющей.

Пока грохотали пушки, Два Сокола и его спутники пересекли ручей и под прикрытием зарослей кустарника направились к лесу. Они шли до наступления темноты, потом поспали пару часов и двинулись дальше.

На третий день после обстрела беглецы наткнулись на нескольких убитых солдат. Невдалеке, в овражке, стоял небольшой автомобиль — местный эквивалент джипа, неповрежденный, но с полупустым бензобаком. Покуда хватило горючего, ехали на нем. И через неделю отряд подошел к самой границе с Ицкапинтиком.

Заслышав стрельбу, отряд ползком выбрался на вершину небольшого холма, оставив Ильмику и одного из работников посольства, захворавшего в дороге, позади. Мертвецы, найденные ими близ джипа, снабдили их винтовками и револьверами. Но ввязываться в бой они не собирались — хотели лишь определить, придется ли идти в обход.

С вершины холма Два Сокола мог оглядеть в бинокль всю сцену подходившего к концу боя. Вокруг каменной стены — последней, оставшейся от сгоревшего крестьянского дома, — валялись тела в черно-оранжевой форме перкунишанской пехоты. В живых осталось семеро атакующих; из-за стены отстреливалось трое. Потом один из перкунишан швырнул из-за перевернутого фургона гранату. Та приземлилась по другую сторону стены.

После взрыва ответного огня не последовало. Перкунишане, однако, приближались по-прежнему ползком. Потом один из них рискнул поднять голову; все семеро, вскочив, кинулись к стене. Внезапно хлопнул выстрел. Один из атакующих упал. Еще выстрел; еще один перкунишанин грянулся оземь.

Остальные подошли уже слишком близко, чтобы бежать. Отстреливаясь, они ринулись к стене. Но их противник, не обращая внимания на град пуль, продолжал палить. Еще двое пошатнулись на ходу — один упал на месте, другой успел пробежать еще несколько шагов.

Два Сокола с удивлением обратил внимание, что мундир последнего защитника укрытия отличался от униформы нападавших только одним — двумя красными полосами на груди.

Потом нападавшие обогнули стену. Защитник замахнулся прикладом, на мгновение исчез из поля зрения пилота, потом появился вновь, держа над головой безжизненное тело перкунишанина, швырнул им в двоих оставшихся. Что произошло затем, Два Сокола не разобрал. Как-то так получилось, что человек с красными полосами одержал

верх, но один из раненых, приподнявшись, выстрелил. Шлем слетел с головы защищавшегося, и тот упал.

Через несколько минут двое из выживших выволокли своего противника на открытое место. Раненый, вместо того чтобы помогать им, перевязывал плечо оторванным рукавом рубашки. Остальные подтащили тело врага к большому клену. Связав противника по рукам и ногам, они разули его, потом перекинули веревку через толстый сук и подтянули его тело вверх, пока босые ноги не закачались в восьми дюймах от земли. Пленник уже пришел в себя, но, несмотря на страшную боль в растянутых руках, лицо его оставалось совершенно бесстрастным. Даже когда перкунишане начали разводить под ним костер.

Два Сокола решил вмешаться. Не только потому, что восхищался выдержкой неизвестного солдата. Его очень интересовало, почему два отряда перкунишан сражаются между собой.

Он разъяснил остальным свой план, добавив, что пленник может сообщить что-нибудь важное. Его спутники согласились. Раскинувшись цепью, они осторожно поползли с холма вниз, в лощину. Прошло минут десять, прежде чем они приблизились к перкунишанам достаточно, чтобы Два Сокола мог расслышать их разговоры. Хотя он почти не владел языком, было ясно, что они проклинают пленника и насмеваются над ним.

Пламя разгорелось уже достаточно, чтобы облизывать пятки висящего, но тот, несмотря на страшную боль, молчал. Два Сокола решил не ждать больше — пленный был нужен ему здоровым. Он взял на мушку ближайшего солдата, поднял руку, подавая сигнал остальным, и резко опустился, нажимая на курок. Слитный залп бросил троих перкунишан на землю. Ни один из них больше не встал.

Два Сокола бросился к дереву, разбросал костер и срезал веревку, на которой болтался пленный. Двое блондинцев осторожно опустили его на землю.

Два Сокола вынул нож из ножен, но резать путы, державшие солдата, пока не стал. Тот выглядел слишком опасным. При росте больше шести с половиной футов он имел в плечах все три, а могучая мускулатура плеч и рук делала его похожим на гориллу. Лицо его было лицом индейца — широкое, скуластое, с орлиным носом, волосы — черными

и прямыми. Но кожа оказалась светлее, чем можно было ожидать, а в карих глазах проблескивала зелень.

Один из блодландцев, Эльфред Херот, задал пленному несколько вопросов на перкунишанском.

— Он кинуккинок, — сообщил Херот, выслушав ответы.

Два Сокола кивнул. Этот алгонкинский народ жил на территории земной Чехословакии. Уже больше ста лет их страна находилась под властью Перкуниши.

— Его зовут Квазинд, что значит «Сильный». Он служил в кинуккинуком отряде под командованием офицера-перкунишанина. Они дезертировали, решив перейти на сторону Хотинохсоних. Но их выследили и окружили на этой ферме. Остальное мы видели. Я объяснил ему, кто мы. Он хочет идти с нами. Он говорит и на языке хотинохсоних — его мать была рабыней из этого народа, но его отец отпустил ее на волю до его рождения, так что он не сын рабыни. Кинуккинок — гордый народ, хотя перкунишане не считают их за людей.

Два Сокола молча разрезал веревки на руках Квазинда. Великан встал на ноги, растирая запястья, чтобы восстановить кровообращение. Ноги его покраснели от ожогов, но волдырей не было.

Квазинд присел на труп перкунишанина, чтобы обуться. Два Сокола подал ему винтовку, патронташ и нож.

— Спасибо, — сказал великан на языке хотинохсоних.

— Идти сможешь?

— Смогу. Но если бы вы задержались...

Два Сокола отправил Херота привести Ильмику и большого блодландца. Трое перкунишан были еще живы, хотя и тяжело ранены. Квазинд и блодландцы тут же избавили их от мучений, перерезав глотки. Саблей погибшего офицера Квазинд отрубил мертвым перкунишанам головы, сложил пирамидкой и отошел полюбоваться этим произведением искусства.

О'Брайена стошнило. Два Сокола тоже ощутил дурноту

— Отрубая головы врагов, — пояснил Херот, — он не дает их душам отправиться в Миклимакинак — их рай.

— Очень интересно, — сухо заметил Два Сокола. — Надеюсь, у него нет больше столь же интересных обычаев.

Подошли Ильмика и Элсон. Девушка при виде пирамиды голов позеленела, но ничего не сказала.

Квазинд прочел над телами своих соотечественников молитву, потом расстегнул их мундиры. Над сердцем у каждого была вытатуирована свастика. Квазинд срезал татуировки, заново разжег затоптанный костер и бросил кусочки кожи в пламя.

— В этих татуировках содержатся души, — сказал Херот. — Если их сжечь, души отправятся в Микклимакинак. Но, если их захватят враги, их могут высушить или заспиртовать, и тогда души не смогут найти покоя.

Два Сокола терпеливо ждал, пока Квазинд закончит. Будь причина задержки другой, он потребовал бы отправиться в путь немедленно. Но религиозные чувства оскорблять нельзя. Вера — это основа человеческой личности.

ГЛАВА 10

Следующие два дня группа, к которой теперь присоединился и Квазинд, брела на север. На утро третьего дня они проснулись от гула моторов. Два Сокола пробрался к краю леса и выглянул на дорогу, которая проходила у подножия холма в четверти мили от них. Колонна броневиков и грузовиков с прицепными орудиями двигалась на юг. Все машины были выкрашены алым с синими полосами, на дверцах красовался герб — черный стоящий медведь.

— Ицкапинтик, — произнесла Ильмика сзади. — Они направляются в Хотинохсоних. Мы давно знали, что Перкуниша уговаривает эту страну заключить с ними союз. Обещали им северную часть Хотинохсоних.

Два Сокола наблюдал за потоком людей, орудий, грузовиков снабжения. Потом снова пошли бронемшины. Лица солдат под круглыми касками напоминали мексиканцев Земли-1, только посветлее.

Колонны шли по шоссе до заката. Беглецы наблюдали, сменяя друг друга. Они не отваживались идти днем даже в самых глухих местах: повсюду были патрули. Когда солнце село, отряд продолжил путь.

На следующий вечер Эльвин Грэнфелд, больной блондец, не смог встать. Слабым голосом он просил оставить его, но остальные по очереди несли его на руках всю ночь. К рассвету он умер. Его тело легло в неглубокую могилу, вырытую при помощи поясных ножей.

Поминальную службу проводил Херот. Товарищи покойного обошли могилу кругом посолонь, и каждый бросил по горсти земли на ее дно, пока Херот читал молитву на блодландском. Два Сокола стоял, склонив голову, но наблюдал за всем очень внимательно. Блодландцы исповедовали ту же религию, что и вся Западная Европа. Основал ее тысячу лет назад человек по имени Хемилка. Движимый пророческим видением, он отверг старых богов и потребовал заменить их монотеизмом. Погиб он как мученик — ему переломали обе ноги, потом подвесили за ногу на дереве и оставили умирать так от боли и жажды. Еретиков перестали казнить таким образом лишь семьдесят пять лет назад.

После смерти Хемилки его апостолы разбежались, чтобы избежать той же участи и распространить его учение. И, как христианство на Земле-1, хемилкизм победил после многих лет преследований.

Эта религия имела много параллелей в христианстве: спасение всем, кто верит в Хемилку, его непорочное зачатие, рай, ад и чистилище для добродетельных язычников. Еще одна доктрина — обращение мертвых — напоминала учение мормонов.

Два Сокола пересказал основы этой веры О'Брайену. Сержанта особенно порадовало, что Христос Земли-2 оказался ирландцем.

— Интересное совпадение, — заметил Два Сокола. — Все великие западные религии нашей Земли были основаны семитами — иудаизм и христианство евреями, ислам — арабами, которые много заимствовали у своих предшественников. А вот здесь...

— Сын Божий ирландец, а не еврей, — закончил О'Брайен. — Ты же сам это сказал! А мать его кто? Тоже ирландка?

— Можешь смеяться, — ответил Два Сокола. — Ее звали Мариам.

Тело Грэнфелда забросали землей. И только тогда из кустов выступили наблюдавшие за церемонией ицкапинтские полицейские. Их было шестеро, все с однозарядными винтовками, и все — готовые стрелять без предупреждения.

Пленников тут же связали. Чуть в стороне гордо стоял маленький мальчишка — очевидно, сын местного крестьянина, который и привел полицейских.

Командир отделения, плотный темноволосый мужчина с широким ртом и большими, выступающими вперед зубами, похотливо оглядел Ильмику. Другой бросил девушку на траву. Пленники ничем не могли помочь Ильмике. Им оставалось только беспомощно смотреть на омерзительное зрелище.

Побледневший О'Брайен вдруг фыркнул и с воплем бросился вперед, увернувшись от удара прикладом. Прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, О'Брайен подбежал к склонившемуся над Ильмикой полицейскому, подскочил и в прыжке ударил обеими ногами вверх. Кто-то вскрикнул; насильник повернулся на звук, и носки сапог О'Брайена ударили его в подбородок. Что-то хрустнуло, словно переломили палку. Насильник рухнул в траву и остался лежать неподвижно.

О'Брайен упал на спину и завопил от боли: основная сила удара пришлась на связанные за спиной руки. Он перевернулся и попытался встать. Приклад ружья ударил его по затылку, и О'Брайен снова упал. Полицейский, ударивший его, перехватил ружье, приставил дуло к затылку О'Брайена и нажал спуск. Ирландец вытянулся, слабо вздрогнул и затих.

Ицкапинтик тоже был мертв: удар сломал ему челюсть и шейные позвонки. Полицейские начали остервенело избивать пленников. Двух Соколов сбили с ног ударом приклада. Полицейский дважды пнул его сапогом под ребра. Когда очередной удар пришелся по черепу, летчик потерял сознание.

Выместив ярость на своих жертвах, полицейские оставили их в покое и принялись яростно о чем-то спорить. Одни пленники стонали и охали, другие лежали молча и неподвижно. Херота, которого избили особенно жестоко, тошнило. Кровь из рассеченных губ и осколки зубов смешивались с рвотой.

Некоторое время Два Сокола не мог мыслить четко и ясно. Голова болела, словно пробитая раскаленным шипом, плечо ныло, как больной зуб.

Только потом он понял, почему О'Брайен так поступил. С той минуты когда сержант осознал, что навсегда оторван от родины, он медленно умирал. Глубокая скорбь переполняла все его существо, вытесняя волю к жизни. Он пошел на смерть сознательно. Для других его смерть не выглядела

самоубийством — скорее мужественным и рыцарским поступком. И он нанес этому миру последний удар.

Возможно, самым болезненным ударом для О'Брайена было то, что его религии здесь не существовало. Он не мог ни помолиться, ни исповедаться, и умер без покаяния, и похоронен будет не на кладбище.

Но его самопожертвование не было напрасным. Он отвлек внимание полицейских от девушки. Начальник отряда прорычал приказ. Ильмика с трудом поднялась на ноги и позволила заново связать себе руки.

Херота прекратило тошнить. Поднявшись на ноги, он заговорил с начальником. Ицкапинтик посоветовал ему заткнуться, а когда тот продолжил, ткнул блодландцу дулом пистолета в живот. Херот, видимо, то ли обезумел от боли и страха, то ли был слишком горд, чтобы обращать внимание на угрозы, — так или иначе, он продолжал, судя по тону, поливать индейца бранью. Два Сокола ожидал, что ицкапинтик просто вышибет Хероту мозги, но начальник только ухмыльнулся и, оттолкнув Херота, приказал загнать пленных на подъехавший грузовик.

Их везли девять часов, не давая ни еды, ни питья. Наконец пленники оказались в военном лагере, где их поместили в усиленно охраняемый барак и дали немного воды, черствого черного хлеба и вонючего супа. Те, кто мог шевелить челюстями после побоев, поели.

Пришла ночь, а с ней и кровососы. Лишь утром можно было вздохнуть посвободней. Один из офицеров, владеющий блодландским и языком хотинохсоних, допросил пленных. Их рассказ, казалось, встревожил его. Через час явились солдаты и увели Ильмику, обращаясь с ней с подчеркнутой вежливостью.

Два Сокола спросил Херота, имеет ли он хоть малейшее представление о том, что происходит.

— Если бы Ицкапинтик все еще был нейтральным, — пробормотал Херот распухшими губами сквозь выбитые зубы, — перед нами извинились бы и отпустили нас. Но теперь — нет. Можем надеяться разве что на жизнь в рабстве. Леди Торсстейн скорее всего отдадут кому-нибудь из высших офицеров в шлюшки. Когда она ему надоест, он отправит ее к своим подчиненным. Что произойдет потом — один Бог знает. Но Ильмика — блодландская дворянка. Она покончит с собой при первой возможности.

Два Сокола не был так уверен в этом. Ему казалось, что он стал свидетелем некоей закулисной игры. На следующий день его и Квазинда привели в один из кабинетов комендатуры. Там находились Ильмика Торсстейн, офицер Ицкапинтика и высокий перкунишанский чин в шикарном бело-алом мундире со множеством орденов и золотыми эполетами. Девушка выглядела намного лучше: она вымылась, стянула волосы узлом на затылке и переделалась в длинную юбку и женскую блузу. Но взгляд ее был отсутствующим; перкунишанину приходилось по несколько раз повторять вопросы, чтобы получить от нее ответ.

Два Сокола быстро оценил положение. Очень действенный аппарат перкунишанской тайной службы сразу же после доставки пленников установил их личности. По-видимому, правительство Перкуниши немедленно направило Ицкапинтику «просьбу» (читай — требование) о выдаче Ильмики, Двух Соколов и Квазинда. Здешнее правительство, может быть, и удивилось такой «просьбе», но истинных ее причин так и не выяснило — иначе никогда не призналось бы в том, что держит ценного пленника у себя.

Лишь намного позже он узнал, почему вместе с ним из лагеря вывезли еще и Квазинда с Ильмикой. Ильмика была внучатой племянницей кассандраса — правителя Перкуниши, дочерью его племянницы, вышедшей замуж за младшего брата короля Блодландского. Когда тот умер, племянница кассандраса вышла замуж второй раз, за лорда Торсстейна, приходившегося королю двоюродным братом. От этого брака и родилась Ильмика. Кассандрас не хотел, чтобы его племянница попала в руки ицкапинтских варваров.

Квазинда же по ошибке приняли за О'Брайена. Такая ошибка не могла долго оставаться незамеченной, но этого оказалось достаточно, чтобы Квазинда вместе с остальными отправили в столицу Перкуниши. О блодландцах Два Сокола больше никогда не слышал: скорее всего их перемолол какой-нибудь концлагерь.

Прежде чем отправиться в «Берлин», как называл Два Сокола про себя перкунишанскую столицу, пленников пригласили пронаблюдать за казнью полицейских. Обнаженных, избитых, связанных по рукам обидчиков леди

Ильмики вывели на мощный двор, где стояли крепкие глаголи. Палачи перетянули лодыжку каждого из приговоренных толстой проволокой и при помощи воротов подняли так, что несчастные закачались в воздухе под виселицами.

Ицкапинтики оказались отважны — этого Два Сокола не мог не признать. Двое плевали на своих палачей. Но боль от растягивания кожи скоро стала сильнее их храбрости. Они кричали, раскачиваясь на ветру, пока сознание не покидало их. Тогда палачи окатывали их холодной водой, и все начиналось сначала. Один упал — под тяжестью тела проволока рассекла и кожу, и мышцы, и сустав. Его подняли, перетянули проволокой колено и вздернули снова.

Два Сокола не испытывал к ним жалости — они получили то, чего заслуживали. Но тошнота от этого слабее не становилась, и он только обрадовался, когда Ильмика заметила, что довольна уже тем, что правосудие свершилось. Но им пришлось отъехать довольно далеко от лагеря, прежде чем они перестали слышать вопли.

Несмотря на то что в столице его не ждало ничего хорошего, Два Сокола ощутил облегчение, когда они пересекли границу Ицкапинтика. Только тогда пропало и неприятное ощущение под ложечкой.

Железнодорожный вагон, в котором они ехали, можно было считать роскошным. У Двух Соколов и Квазинда было личное купе. Еда была великолепной, и они могли пить пиво, вино, водку — столько, сколько хотели. Можно было даже принимать ванну. Но на всех окнах красовались железные решетки, а с обоих концов вагона стояли вооруженные охранники. Ответственный за их перевозку офицер, *хилиархос* (капитан) по имени Вилкис, все время находился рядом. Он обедал вместе с ними и помогал Двум Соколам в изучении перкунишанского языка.

Ильмика отсиживалась в своем купе, а в тех редких случаях, когда она сталкивалась в коридоре с Двумя Соколами, разговоров избегала. Он объяснял такое отношение тем, что был свидетелем ее унижения. И к смущению от того, что он видел, как с ней обошлись, примешивалось презрение, поскольку он не попытался защитить ее. А по ее понятиям дворянин скорее умрет, чем позволит совер-

шить насилие над женщиной. Два Сокола не пытались оправдываться. Она сама видела, что произошло с О'Брайеном. Причем ее же собственные подчиненные, Херот и другие не пытались защитить ее. Они смотрели на происходящее более трезво и, как он полагал, были правы.

Что думала об этом сама Ильмика, она держала при себе. На приветствие Двух Соколов она неизменно отвечала холодным кивком. Он пожимал плечами и иногда улыбался. Какая ему разница? Конечно, она привлекала его, но между ними зияла пропасть. Он ведь не блодландец и не дворянин. Даже если она вдруг и влюбилась в него, — а он не замечал тому никаких признаков, — ей все равно пришлось бы забыть о нем.

Два Сокола занимался изучением языка и смотрел на проплывающие мимо ландшафты. Топография, как ему казалось, ничем не отличалась от соответствующих районов Польши и Восточной Германии на его Земле. Архитектура большинства строений тоже могла привлечь внимание разве что специфической вычурностью. Лохматые и грязные крестьяне одевались просто.

Странным казалось отсутствие лошадей. Поля были в основном уже убраны, но Вилкис рассказывал, что для пахоты используют быков, хотя в больших поместьях их понемногу заменяют паровые или бензиновые тракторы. Офицер хвалился, что тракторов у них больше, чем в какой-нибудь другой стране этого мира.

В городе Геррвоге к ним присоединился еще один офицер. Вьяутас носил черный мундир с серебристыми эполетами и алый кивер с серебряной кокардой в виде головы кабана. Узколицый и тонкогубый перкунишанин оказался, однако, приятен в общении, остроумен и склонен уснащать беседу не всегда уместными каламбурами. Два Сокола не обманывался: у Вьяутаса было задание подвергнуть обоих пленников предварительному допросу.

Два Сокола решил рассказать ему все. Если он не сделает этого сейчас, позже его просто вынудят, изрядно попортив ему здоровье. Кроме того, он не обязан хранить верность какой-либо стране этого мира. Судьба сначала поставила его на сторону Блодландии и Хотинохсоних, но тайная полиция последней пыталась его и заперла в сумасшедший дом, а Блодландия обманула собственных союзников,

чтобы заполучить пришельцев в свои руки. Пилот не видел существенной разницы между поведением Перкуниши и Блодландии. Не хотелось ему только становиться союзником немца. Двум Соколам казалось, что, работая на ту же нацию, которой служит теперь немецкий пилот, он каким-то необъяснимым образом предает свою родину.

Но... здесь нет ни Соединенных Штатов Америки, ни Германии.

После проведенного Вьяутасом получасового допроса Два Сокола понял, какие именно вопросы ему задают. После каждого ответа офицер заглядывал в папку с машинописными листами. Несомненно, там содержались сведения, переданные немцем.

— Откуда вы знаете, что этот человек — как там его имя? — выложил вам чистую правду? — поинтересовался Два Сокола.

Вьяутас вначале подскочил от неожиданности, потом улыбнулся и произнес:

— Итак, вы знаете о нем? Блодландцы рассказали? Кстати, его зовут Хорст Раске.

— И как вы находите наши истории?

— Властей предрежащих они вполне убедят. Я же нахожу в них кое-какие поразительные аспекты.

Предположим, что существует Вселенная, занимающая то же самое «пространство», что и наша, но не пересекающаяся с ней. Я могу представить себе, что на обеих планетах могла развиться похожая флора и фауна, включая и человека. В конце концов, астрономические и геофизические условия на этих Землях почти одни и те же.

Но я никак не могу понять, почему в обоих мирах существуют почти идентичные языки. Вы понимаете, насколько маловероятно с точки зрения математики такое совпадение? Несколько миллиардов триллионов к одному, насколько я могу оценить. А вы просите меня поверить, что не один, а множество наших языков имеют родственные им на вашей Земле! — Вьяутас энергично покачал головой: — Нет! Нет!

— И Раске, и мы прошли сквозь Врата, — ответил Два Сокола. — Может быть, они не единственные. В течение ста тысяч лет, пока существует человечество, между нашими мирами могло происходить весьма интенсивное движение. Может быть, человек возник не на этой планете.

Он мог прийти с моей Земли и поселиться здесь. Окаменелости моей Земли ясно и недвусмысленно указывают на то, что человек был там с самого начала, но все же это доказано не до конца. До сих пор нет достоверного промежуточного звена между полуобезьяной и современным человеком.

— Еще пятьдесят лет назад говорить об эволюции человека было запрещено, — заметил Вьяутас. — Даже сегодня находятся сторонники теории, согласно которой человек был создан в один день и ему не больше пяти тысяч лет. Но есть серьезные доказательства тому, что человечество куда старше. И не только оно, но и его прямые предки.

— Я бы счел все же, что человек развился на моей Земле, — сказал Два Сокола. — Только...

— Только что?

— Если люди пришли в этот мир через Врата, то привели бы с собой лошадей и верблюдов. Можно допустить, что различные племена Земли-1 проходили сюда в числе достаточном для того, чтобы не вымереть, но было это до того, как одомашнили лошадей и верблюдов. Это объяснило бы, почему на Земле-2 так много народов и языков, явно произошедших от определенных групп Земли-1, а заодно и почему тут полностью отсутствуют другие этносы — славяне, евреи, итальянцы, аборигены Австралии и прочие.

Но если люди могли проходить через Врата — почему не животные? Почему не дикие лошади, например?

И еще одно странно: как немногочисленные иммигранты с Земли-1 могли победить и ассимилировать гораздо большее число потомков более ранних пришельцев? Просто не знаю.

— Я тоже не знаю, — ответил Вьяутас. — Но факт остается фактом: и мы — перкунишане, эллины, расна — здесь. И нам здесь жить. Вы тоже здесь, и вам жить с нами. Так что перейдем к делу.

После этого Два Сокола проводил со Вьяутасом почти все часы бодрствования. Порой ему удавалось самому задать несколько вопросов. Вьяутас отвечал охотно, и его поведение убеждало Двух Соколов в том, что этот человек ему верит.

Двух Соколов заинтересовало, что понятие нуля возникло здесь лишь три века назад, а в Европе появилось еще на сто лет позднее. Как и на Земле-1, это понятие пришло из Индии через арабов. Вьяутаса больше интересовало другое. В разговоре об арабах Два Сокола упомянул, что в его мире Аравийский полуостров богат нефтью. На Земле-2 этот район был настолько слабо исследован, что нефти там еще не нашли. А немец забыл сказать о ней перкунишанам.

— Придется Аравию покорять, — вздохнул Вьяутас. — Сейчас южное ее побережье удерживают блодландцы, но их базы придется взять. Знаете, одно это сообщение стоит всех усилий.

— Вы бы все равно узнали об этом от Раске, — отмахнулся Два Сокола. — Мне больше хотелось бы знать, что намеревается сделать с нами ваше правительство?

— Поскольку вы так активно сотрудничаете с нами, — а вы настоящий кладёзь информации, — с вами будут хорошо обращаться. Собственно говоря, мы предлагаем вам наше гражданство. Только второго класса, конечно, потому что вы не чистокровный белый. — Вьяутас помолчал немного и добавил: — Думаю, мы сможем сделать для вас исключение. Не в первый раз. Мы можем дать вам гражданство первого класса особым эдиктом кассандраса.

ГЛАВА 11

Поезд прибыл в столицу поздно вечером, и Два Сокола так и не сумел разглядеть город толком. Его, Ильмику и Квазинда посадили в машину и куда-то повезли в сопровождении двух броневиков. Пилот успел все же рассмотреть несколько домов, похожих на средневековые. Кривые узкие улицы освещались газовыми фонарями лишь на перекрестках. Порой мимо проезжали велосипедисты, подскакивая на каждом ухабе, — колеса были металлические.

Потом они въехали в центр города. Здесь старые дома были снесены, проложены мощеные бульвары. С обеих сторон возвышались огромные роскошные здания, украшенные несоразмерными колоннадами.

Машина пересекла площадь, посреди которой стоял памятник завоеваниям прадедушки нынешнего кассандраса,

и остановилась перед императорским дворцом. Илькику высадили и повели во дворец. Прежде чем выйти, она бросила на Двух Соколов короткий умоляющий взгляд из-под капюшона. Пилот понял, что она испугана до смерти. Но он ничем не мог помочь ей, а только ободряюще улыбнулся и показал незнакомый ей знак V — «победа». Девушка слабо усмехнулась и вышла.

Двух Соколов и Квазинда отконвоировали к другому зданию, стоявшему близ дворца. Их провели через огромные, богато украшенные залы, потом они поднялись по лестнице на два пролета и прошли по устланному мягким ковром коридору к двери четырехкомнатных апартаментов — их обиталища на ближайшее время. На окнах были решетки, а возле двери стояли на страже шестеро солдат.

— Сейчас уже поздно, — сказал Вьяутас, прежде чем пожелать спокойной ночи, — но Раске хочет поговорить с вами. Я подожду здесь, пока вы не поговорите.

Через пару минут снаружи послышалось «Стой, кто идет?» охранника, потом неразборчивое бормотание. Дверь распахнулась, и вошел высокий, очень красивый мужчина в сине-красном мундире офицера императорской гвардии. Когда он снял кивер, окантованный мехом белого медведя, Два Сокола увидел, что светлые волосы незнакомца подстрижены по-пилотски коротко. Пришелец улыбнулся, и эта улыбка заиграла в темно-голубых глазах, оттененных длинными ресницами.

Два Сокола понял, почему Вьяутас упоминал о необычном влиянии этого человека на дочь кассандраса. Таких красивых мужчин Два Сокола никогда раньше не встречал, но немец выглядел достаточно мужественно, чтобы его нельзя было назвать смазливym.

Офицер прищелкнул каблуками, слегка поклонился и произнес глубоким баритоном:

— Лейтенант Хорст Раске к вашим услугам.

По-английски он говорил со слабым немецким акцентом.

— Лейтенант Роджер Два Сокола.

Два Сокола представил и Квазинда, но Раске только слегка кивнул: этот представитель низшей расы не представлял для него никакой ценности и находился тут только потому, что на этом настоял Два Сокола. Когда перкунишане обнаружили, что Квазинд — не О'Брайен, они хотели

отправить его в рабочий лагерь. Они, по счастью, не узнали, что он кинуккинух и дезертир — иначе его просто поставили бы к стенке. Но Два Сокола наврал Вьяутасу, что Квазинд — хотинохсоних, бежавший с ним из сумасшедшего дома, и он, Два Сокола, хочет, чтобы Квазинда оставили при нем: ему ведь нужен слуга. Вьяутас согласился.

Раске отправил Квазинда за пивом, а сам уселся на огромную софу, укрытую волчьими шкурами. Рука его скользнула было в карман мундира, потом остановилась.

— Все еще машинально ищу сигареты, — пояснил немец с улыбкой. — Что ж, курение относится к тем вещам, без которых я понемногу учусь обходиться. Это лишь малая цена за мир, который предлагает нам больше возможностей, чем наш собственный. Я говорю вам, лейтенант, мы вытащили счастливый билет. Нам за наши знания готовы дать все. Все!

Он посмотрел на Двух Соколов, пытаюсь проследить, какое впечатление произвели его слова. Два Сокола сел в кресло напротив.

— Вы, кажется, неплохо устроились, учитывая, как мало у вас было времени.

Хорст Раске рассмеялся:

— Я не из «лежачих камней», под которые вода не течет. У меня хорошие способности к языкам. Я уже освоил здешнее варварское наречие, по крайней мере в той степени, в какой в нем нуждаюсь. Конечно, мне повезло — я наполовину литовец. Перкунишанский удивительно близок к родному языку моей матери. Что ж, это еще один знак моей счастливой звезды!

Он взял протянутый Квазиндом стакан с пивом.

— За наш успех, мой друг! — поднял он стакан. — За двух землян в чужом, но не обязательно негостеприимном мире! За нашу долгую жизнь и процветание, какого мы никогда не смогли бы достигнуть там!

— За это я выпью, — ответил Два Сокола. — И позвольте поздравить вас с замечательной способностью приспосабливаться. Большинство людей, оказавшись в таком положении, были бы потрясены настолько, что никогда не оправились бы.

— Вы, кажется, тоже неплохо освоились, — заметил Раске.

— Я непривередлив. Ем, что дают. Но это не значит, что не стану искать, где повкуснее.

Раске снова рассмеялся:

— Вы мне нравитесь! Такие люди мне по душе. На это я и надеялся!

— Почему?

— Буду с вами откровенен. Я не настолько хорошо устроился, как может показаться. Я чувствую себя несколько одиноко — немного, сами понимаете, но тоскую по общению с человеком нашей старой Земли. — Он хохотнул: — Конечно, лучше б на вашем месте оказалась женщина, но нельзя же получить все, что хочешь. Кроме того... — Он поднес стакан к губам и подмигнул Двум Соколам. — Кроме того, женского общества мне хватает с избытком. Я бы даже сказал, высшего женского общества. Мне удалось звывать, скажем так, интерес к своей особе у дочери здешнего властителя. Она имеет огромное влияние на своего родителя.

— Судя по всему, я нужен не только для общения, — сказал Два Сокола. — Вряд ли вы ради разговоров по душам встретили меня такой роскошью.

— Я рад, что вы не так глупы. Иначе от вас действительно не было бы большого толку. Да, вы нужны мне. И находитесь здесь, кстати, благодаря моим усилиям. У меня есть друг, который занимает высокий пост в разведке. Он рассказал мне о людях из другого мира, которых поместили в сумасшедший дом. Я предложил похитить вас и...

— А не вы случайно предложили убить нас, если не удастся взять живьем?

Раске был удивлен, но быстро взял себя в руки.

— Да, я, — ответил он с усмешкой. — Я не мог допустить, чтобы Хотинохсоних получила информацию, которая позволила бы ей подняться на уровень Перкуниши — моей приемной родины. Разве вы на моем месте поступили бы иначе?

— Возможно, нет.

— Конечно, нет. Но вас ведь не убили. И вы должны быть мне благодарны, что вас не сгноили заживо в рабочих лагерях Ицкапинтика. Это я настоял, чтобы правительство Перкуниши потребовало вашей выдачи. Конечно, кассандрас был в ярости, когда узнал о насилии над девушкой. Это он потребовал казни полицейских.

— А что с ней будет теперь? — поинтересовался Два Сокола.

— Ей предложат перкунишанское гражданство. Если Ильмика даст клятву верности, то будет жить, ни в чем не нуждаясь, как подобает племяннице кассандраса. Если же она откажется, — а она, вероятно, так и сделает, британцы упрямые, — ее посадят в тюрьму. Конечно, не слишком жуткую — личные апартаменты в каком-нибудь замке.

Два Сокола отхлебнул пива и посмотрел на немца. Немца? Раске уже забыл о войне в своем родном мире. Теперь его интересовало только то, что он может получить здесь, и он был счастлив, что располагал тем, за что в Перкунише могли дать высокую цену. Два Сокола не мог не признать, что такое отношение куда реалистичнее его собственного. Почему он должен продолжать войну? Германия, Америка и Россия с таким же успехом могли находиться в другой галактике. Присяги, данные Двумя Соколами и Раске, значили теперь не больше, чем если бы оба они погибли при Плоешти.

Это, конечно, не означает, что он может доверять Раске. Как только этот прирожденный оппортунист решит, что Два Сокола ему больше не нужен, то тут же от него избавится. Но в эту игру могут играть двое. Два Сокола мог использовать Раске.

— Я представляю для Перкуниши огромную ценность, — говорил Раске, — поскольку изучал самолетостроение. Еще понимаю кое-что в химии и электронике. А кто вы по образованию?

— Боюсь, что мое образование не так вам поможет, — ответил Два Сокола. — Я магистр лингвистики, специализировался на индоевропейских языках. Но я еще занимался математикой и электроникой, поскольку считал, что в лингвистическом анализе без них скоро нельзя будет обойтись. Еще у меня лицензия радиооператора первого класса. И об автомобилях немало знаю — во время учебы работал вечерами в автосервисе.

— Не так уж плохо, — признал Раске. — Мне нужен человек, который помог бы мне в создании радиосвязи и самолетостроении. Я занят чертежами истребителя, оснащенного радио и пулеметами. Не самая современная машина, по нашим понятиям — где-то на уровне самолетов первой мировой. Но здесь этого вполне достаточно.

Он выметет с небес блодландские *люфтишпз*, а в качестве разведчика и для борьбы с пехотой он просто незаменим.

Двух Соколов не удивило, что перкунишане не берутся за постройку новейших самолетов. Материалы для них могут быть созданы только при развитой технологии. Нужны особые сорта стали и алюминия (а он в этом мире был еще неизвестен), для чего придется строить необходимые фабрики и установки, и на все это потребуется очень много времени. А правительству Перкуниши самолеты нужны сейчас, в ближайшие месяцы, а не после окончания войны. Так что Раске вынужден был предложить им устаревший и несовершенный по его меркам самолет, который для этого мира был попросту фантастическим.

Раске продолжал говорить. Он был завален работой. Он почти не спал. Плотный график не оставлял времени даже для появления в обществе и ухода за дочерью правителя страны. К счастью, немец мало нуждался в сне и ухитрялся как-то справляться с нагрузкой. Но ему нужен был человек, который взялся бы за доработку мелких деталей и сумел бы справляться с сотней повседневных дел. В этом Два Сокола мог бы ему основательно помочь.

Раске указал на серебряный знак в виде двухголового волка, украшавший левую сторону его груди:

— У меня воинское звание, соответствующее полковнику люфтваффе. Я могу добиться, чтобы вас сделали майором, как только будет все улажено с вашим гражданством. Обычно это тянется недели или месяцы, но в нашем случае все будет сделано уже к утру. Личным повелением кассандраса вас почтят полным перкунишанским гражданством. Ничего лучшего и пожелать нельзя. Этой стране предназначено овладеть всей Европой, а возможно, и Африкой, и Азией.

— Как Германии, да?

Раске улыбнулся.

— Я не так наивен и трезво смотрю на вещи, — возразил он. — Я увидел письма на стене, еще когда Соединенные Штаты вступили в войну*. Но здесь, как вы видите,

* Раске намекает на известную библейскую историю. Когда на пиру у царя Вальтасара на стене появилась надпись «мене, мене, текел, упарсин», только пророк Даниил смог распознать в ней предсказание гибели царства

Америки нет. Да и Перкуниша здесь гораздо сильнее относительно своих противников, чем Германия на Земле. Для начала, она больше по площади. Ее технология и тактика намного превосходят все имеющееся у соседей. А с нами она станет просто непобедима. Но надо сделать еще так много — у нас море работы. Нужно время, чтобы создать новейшие установки для выплавки особой стали и выработки алюминия. Возможно, прежде чем прорываться к бокситам, придется взять Гренландию*, — а ведь бокситы надо как-то перевозить и обрабатывать. Нужно наладить производство синтетической резины. Для всех новых фабрик необходимо оборудование и механизмы, а их нельзя изготовить без чертежей и огромного управленческого аппарата. Нужно подготовить тысячи человек.

Это геркулесов труд. Но все трудности преодолимы, и как, вы думаете, вознаградят людей, которые смогут осуществить этот прорыв? Это риторический вопрос, можете не отвечать. Мы будем очень, очень важными людьми, Роджер Два Сокола. Вы станете великим человеком, более могущественным и богатым, чем могли представить себе, живя в своей резервации.

— Я никогда не жил в резервации, — сухо ответил Два Сокола.

Раске встал, подошел к пилоту и положил ему руку на плечо:

— Я не хотел обидеть вас. И вы не будьте столь горды. Я еще не знаю, что может вас оскорбить, а что — порадовать. Когда будет время, еще выясню. А пока давайте работать вместе. И не забывайте, что мы создаем себе будущее.

Он подошел к двери, но, прежде чем открыть ее, задержался.

— Спите, Роджер. Завтра утром примите ванну, пока вам примеряют новую одежду. А потом — за работу! А если устанете — подумайте о том, что принесет вам этот труд. Ауфвидерзеен!

* В Гренландии находится единственное в мире месторождение криолита — минерала, без которого невозможно получать алюминий в промышленных масштабах. Что касается бокситов, то Перкунише к ним надо именно прорываться — свое название этот минерал получил по французскому городу Бо.

— До завтра, — ответил Два Сокола.

Когда дверь за Раске закрылась, пилот встал и отправился в спальню. Кровать была огромной, с балдахином на четырех столбах. На бархатных занавесях были вышиты сцены из перкунишанской истории. Одна из них изображала пытки вождя викингов, схваченного во время налета на перкунишанские земли. В сон такое зрелище не тянуло, зато наводило на невеселые мысли. Планы побега надо составлять с очень большой осторожностью. Если их вообще стоит составлять. Предложение Раске было заманчивым.

Почему бы не согласиться? На Земле-2 все страны для него равны. И ни одной из них он ничем не обязан. Даже самая близкая родня, какую он мог найти, — хотинохсо-них, его народ, — сначала пытали его, а потом упрятали в сумасшедший дом.

В эту минуту в комнату заглянул Квазинд и спросил, можно ли ему поговорить с хозяином. Два Сокола жестом предложили ему сесть на край постели, но кинуккинук остался стоять.

— Я не понимаю язык, на котором вы говорили с Раске, — сказал он. — Мне позволено будет спросить вас, о чем шла речь?

— Не изъясняйся как раб, — прервал его Два Сокола. — Ты должен играть роль моего слуги, чтобы выжить, но это не значит, что мы не можем говорить друг с другом как мужчины, когда остаемся одни. — Он еще раньше тщательно обыскал комнату в поисках подслушивающих устройств и ничего не нашел. Здешняя электроника не доросла до «жучков». Но шпиона можно спрятать и за стеной. — Иди сюда, садись на край постели и говори очень тихо.

Два Сокола вкратце пересказал Квазинду содержание своей беседы с немцем. Индеец долго молчал, нахмутив густые черные брови.

— То, что сказал этот человек, — правда, — произнес он наконец. — Ты можешь стать великим человеком, хотя останешься чужаком и будешь видеть презрение за их улыбки, поклонами, богатыми домами и красивыми скво. Для *вапити* (белых) ты всегда останешься дикарем-выскочкой. А когда война закончится и ты станешь не нужен — что

тогда? Так легко будет оклеветать тебя, отобрать у тебя звания и титулы, может, превратить в раба, может, убить.

— Ты пытаешься о чем-то сообщить мне, — ответил Два Сокола. — Но пока ты не сказал ничего такого, о чем бы я сам не подумал.

— Эти люди хотят превратить в Перкунишу всю Европу, — сказал Квазинд. — Они — зло. Они хотят истребить дакота, кинуккинух, хотинохсоних и собственных союзников — ицкапинтик. А все белые народы Европы станут говорить на перкунишанском языке — остальные будут запрещены. Знамена других наций будут сожжены, их история предана забвению. И придет день, когда каждый ребенок в Европе будет считать себя перкунишанином, а не ибером, расна, блодландцем, акхайвиянином.

— И что тут нового? — спросил Два Сокола. — Может, так даже лучше. Не будет больше никаких национальных разногласий, никаких войн.

— Ты говоришь как один из них.

— Нет, — возразил Два Сокола. — Их цели разумны, хотя мне не нравятся их средства. Но какова альтернатива? Может, блодландцы лучше? Разве кинуккинух не уничтожили бы своих извечных врагов, ицкапинтик и хотинохсоних, получи они такую возможность? Разве Блодландия не стремится достичь господства над другими странами? Разве Акхайвия хотела бы возродить империю Кассандра Великого?

— Ты сказал мне, что считаешь рабство злом, — напомнил Квазинд. — Ты сказал, что белые Европы давно отменили у себя рабство и в этой... Америке... они сделали то же. Ты говорил, что с людьми с черной и коричневой кожей в Америке все еще обращаются как с рабами, но когда-нибудь исчезнет и это. Ты говорил...

— А ты хочешь сказать мне что-то еще, кроме этой лекции по этике, — прервал его Два Сокола. — Ты расспрашиваешь меня, потому что не уверен, можно ли мне сказать это. Верно?

— Ты смотришь в мою печень и читаешь мои мысли.

— Далеко не все. Но я ставлю десять к одному, что кто-то предложил тебе бежать. Это был блодландец?

Квазинд кивнул.

— Я должен довериться тебе. Иначе побег не состоится. Им нужен ты, не я. Я говорил с тобой о том зле, что есть Перкуниша, потому что хотел прочесть твою печень. Узнать, что ты *чувствуешь*, когда я рассказываю о них. Понимаешь ли ты печенью, что это совершенное зло? Да, ее враги полны недостатков, но разве у них нет права самим лепить свою судьбу? Что ты *чувствуешь*?

Два Сокола встал и положил руку на плечо великана:

— Насчет Блодландии и других стран — не знаю. Но Перкуниша слишком похожа на Германию моего мира. Может, я и научусь выносить перкунишан, но что-то не верится мне в это.

— Я надеялся, что ты скажешь так.

— Если бы я сказал тебе, что хочу остаться здесь и работать на Перкунишу, ты убил бы меня, верно? Блодландцам я нужен живым, но если они не смогут заполучить меня, то сделают все, чтобы я не достался врагу. Так?

— Я не хочу лгать, — ответил Квазинд мрачно. — Ты мой друг, ты спас мне жизнь. Но ради своей страны я убью тебя вот этими руками. А потом постараюсь уничтожить как можно больше перкунишан, прежде чем они убьют меня!

— Ладно. Итак, каков же твой план?

— Мне передадут, когда придет время. А пока тебе придется сотрудничать с врагами.

Квазинд вернулся в свою комнату. Два Сокола лежал еще некоторое время, не закрывая глаз, в своей роскошной постели, думая о Хорсте Раске. Немец верил, что приберет к рукам весь этот мир. Но если блодландцы намеревались убить Двух Соколов, если тот решит сотрудничать с перкунишанами, то наверняка они намерены уничтожить и Раске. Только убив его, они могли лишиться Перкунишу новейшего оружия и техники, которыми снабжал ее пришелец из иного мира.

ГЛАВА 12

Следующая неделя прошла в напряженной работе. Каждое утро Два Сокола проводил по три часа за изучением языка. Потом он работал в своем кабинете до полуночи, а

то и дольше. Кабинет находился на одной из больших фабрик на окраине города. На работу его доставляли в машине под эскортом броневиков — не только чтобы воспрепятствовать любой его попытке к бегству, но и чтобы защищать его в случае покушения.

Раске поручил ему сконструировать устройство для синхронизации пулеметного огня с вращением пропеллера самолета. Два Сокола знал основной принцип такого устройства, но, чтобы изготовить опытный образец, ему потребовалось четыре дня. Сразу же после этого пришлось консультировать группу, которая разрабатывала ракеты «воздух—земля». Это заняло у него еще неделю. Затем бывшего пилота назначили главным инженером группы по разработке машин, инструментов и технологий для массового выпуска самолетов.

Не успел Два Сокола толком приступить к работе, как Раске снял его с этого поста.

— У меня для вас есть работа поинтереснее. Мы с вами будем обучать пилотов, ядро новых военно-воздушных сил Перкуниши. Как вам понравится перспектива стать сооснователем воздушной армии?

Раске сиял от радости. Он постоянно исходил энтузиазмом, счастьем и оптимизмом. Два Сокола знал, что Раске застрелит его при первом же подозрении, но не мог не испытывать к нему симпатии. Это чувство облегчало ему работу на Раске и для Раске.

Прошло три недели. Пролетела осень, надвинулась вплотную скорая зима. Два Сокола поинтересовался у Квазинда, не получал ли он сообщений от блодланских агентов, но тот покачал головой.

— Нет. Мне сказали, что свяжутся со мной, только когда готовы будут действовать.

Два Сокола не сказал Квазинду, что и сам не думал пока бежать. Вопреки всему он воодушевился своим новым заданием — обучением пилотов. К тому времени было изготовлено вручную четыре двухместных моноплана. Каждый из них имел двенадцатицилиндровый мотор с водяным охлаждением, двойное управление и радиус полета сто пятьдесят миль при крейсерской скорости сто миль в час.

Разумеется, их нельзя было сравнить с машинами, которые построил бы Раске, будь у него больше времени и

необходимые материалы. Алюминия не было вовсе, а лучшая здешняя сталь уступала даже той, что на Земле-1 плавили во времена первой мировой. Авиабензин тоже был низкого качества. Поэтому машины оказались очень простыми, ограниченными в скорости и радиусе полета. Но, несмотря на это, как разведчики, штурмовики и легкие бомбардировщики для налетов на прифронтовые склады — а только такие самолеты и требовались перкунишанским ВВС — они вполне подходили. А еще — для уничтожения дирижаблей.

Раске планировал вскоре пустить в производство более маневренные и быстроходные истребители, а также создать звено двухмоторных бомбардировщиков, но главный штаб потребовал отложить этот проект. Ожидалось, что Европа будет завоевана прежде, чем его удастся завершить. Когда придет время помериться силами с южноафриканскими ихвани и саарисет (финноязычными жителями Японских островов), тогда можно будет заняться усовершенствованием воздушных кораблей.

В день, когда Раске представил первую готовую машину, сам кассандрас во главе верховного командования появился на аэродроме.

Король Перкуниши был широкоплечим, густобородым мужчиной лет пятидесяти. В последнюю войну он потерял правую руку. Тогда он командовал пехотой во время нападения на последний блодландский форт на Европейском континенте. И в рукопашной схватке блодландский офицер саблей отсек руку молодому королю. Разъяренные перкунишанские солдаты казнили офицера и вырезали всех защитников форта.

Двух Соколов представили правителю. Американец ухитрился не опозориться только благодаря тому, что больше часа зубрил предписанные обычаем обороты речи и жесты. Стоять ему пришлось рядом с кассандрасом — тот хотел, чтобы в случае нужды кто-то мог ответить на технические вопросы.

Раске вывел самолет из ангара. Ради такого случая он облачился в красно-сине-черный мундир, который сам соиздал в качестве формы новых военно-воздушных сил. На голову он надел прусский шлем, шею повязал желтым шарфом; глаза пилота прикрывали очки в форме сот. Персиняй, дочь кассандраса, подбежала к нему; немец

обнял ее за талию и поцеловал в щеку. Король, казалось, не был против, но кое-кто из придворных нахмурился. Они не одобряли романа принцессы с иностранцем и, хуже того — простолюдином. Влияния Раске в военных делах они тоже не одобряли. Но мнение свое все держали при себе. Раске ходил в больших друзьях у главы службы госбезопасности, мелкопоместного дворянина и полукровки-расна.

Раске забрался в машину и запустил мотор. По рядам офицеров высшего командования пробежал тихий говор. До сих пор двигатели внутреннего сгорания приходилось заводить вручную, а моторы дирижаблей перед стартом — запускать при помощи вспомогательных паровых машин. Серебристый моноплан оторвался от земли, поднялся на три тысячи футов и исполнил каскад петель, бочек и иммельманов, после чего благополучно сел. Два Сокола произвольно вздрогнул, когда железные ободья колес ударились о дерн. Пока штабные генералы наперебой поздравляли Раске, Два Сокола проверил шасси. Спицы колес были слегка согнуты. Через несколько посадок колеса придется менять. Чтобы наладить изготовление синтетической резины, нужно по меньшей мере два года. Химики экспериментировали на базе информации, полученной от Раске, но тот имел весьма слабое представление о получении неопрена из хлоропрена.

За следующие пять дней Раске и Два Сокола испытали все четыре прототипа, совершили нападение на колонну бутафорских машин, выпускали ракеты и сбрасывали бомбы. Два Сокола заметил, что, когда он поднимал самолет в воздух, бак машины был заполнен только на четверть. Раске не хотел, чтобы в голову его коллеге пришла мысль бежать на самолете к побережью, всего в девяноста милях к северу.

Авиастроительный завод работал на полную мощность, в три смены. Однако первые серийные машины должны были появиться только через месяц. Раске и Два Сокола от заката до рассвета находились в воздухе, обучая пилотов. Когда первые десять учеников освоили полетные навыки в достаточной мере (не по мнению Двух Соколов), они, в свою очередь, стали обучать других. Произошло неизбежное. Одна из машин сорвалась в штопор — погибли инструктор и ученик. Другая машина зацепилась при взле-

те и разбилась всмятку, хотя пилот отделался царапинами и ушибами.

Раске был в ярости.

— У нас осталось только две машины. Если учесть еще время на ремонт и замену колес, мы и ими не сможем воспользоваться как следует!

Два Сокола пожал плечами, хотя на самом деле беспокоился не меньше. Его план требовал, чтобы один самолет мог подняться в воздух. Если разобьются все четыре, он застрянет здесь надолго.

Однажды вечером, когда Два Сокола корпел над чертежами съемных баков для горючего, в его кабинет вошел Квазинд.

— Послезавтра, — сказал он. — Блодландский агент сказал, что мы должны быть готовы к закату. Когда нас повезут домой с аэродрома.

— Каков их план?

Квазинд разъяснил, что два броневика, охранявшие обычно важную особу пилота, будут отозваны якобы по случаю волнений в другом конце города. Приказ отдаст блодландский агент в форме *крейона* (генерала). Когда броневики скроются, Квазинд должен будет убить охранника, а Два Сокола — избавиться от шофера. Если командиры броневиков не подчинятся приказам псевдокрейона, обе машины будут расстреляны спрятавшимися вдоль дороги агентами, но блодландцы надеялись, что до этого не дойдет.

— Куда они хотят нас отправить?

— Ночами будем ехать, днем — прятаться. На берегу будет ждать лодка, которая доставит нас в Тюрсланд. Перкуниша туда пока не вторгалась — это не настолько влиятельная держава, чтобы стать первоочередной мишенью. Оттуда на дирижабле полетим в Норуэй, а там на корабле отправимся в Блодландию.

— Довольно рискованно, — заметил Два Сокола. — Надеюсь, они знают, что делают.

Когда пилот возвратился в ангар после второго учебного полета за день, его приветствовал Раске. На лице немца играла загадочная улыбка, и Два Сокола насторожился, не раскрыт ли план побега. Он осмотрелся — нет ли вокруг готовых схватить его офицеров тайной полиции, — но все, казалось, было как обычно. Рабочие собирали две новые

машины из только что привезенных с завода деталей. Группа учеников выслушивала инструкции одного из наскоро обученных пилотов. А несколько солдат, которых он заметил, были обычной охраной.

Тем не менее Два Сокола нащупал под широким поясом свой двухствольный пистолетик. Полиция Ицкапинтика не заметила оружия — их внимание отвлекла Ильмика. А перкунишане не обыскивали пленников, решив, что ицкапинтик и так отобрали все, что можно.

— Вы как-то рассказывали мне, — заметил Раске, — что восхищены фрау Ильмикой. Не хотите ее получить?

— Что вы имеете в виду? — озадаченно спросил Два Сокола.

Он не был уверен, что Раске не пытается поймать его на крючок. Хотя при чем тут блодландка?

— Вы не знаете, что произошло?

Два Сокола покачал головой.

— Да, вам же не говорят. Она попала в немилость. И в тюрьму. Сам кассандрас предложил ей свободу, если она откажется от Блодландии ради Перкуниши. Эта глупая сука отвесила ему пощечину! Можете себе это представить? Оскорбить короля перед всем двором! Странно, что ее не казнили на месте. Поверьте, его величество был для этого достаточно зол. Хорошо еще, что за девушку вступилась жена кассандраса. Так что она сидит в тюрьме, пока его величество ищет для нее подобающую кару.

Раске усмехнулся.

— Я помню, как вы говорили мне, что девушка эта красива, но вы никогда не сможете ее коснуться. Теперь, мой краснокожий друг, чтобы показать вам, как я ценю вас и забочусь о своих людях, я устроил так, чтобы вы получили свою даму сердца. Сегодня утром я говорил об этом с кассандрасом, и он пришел в восторг. Он считает, что девушка будет наказана так, как она этого заслужила. А вы будете вознаграждены. Я почти хотел бы оказаться на вашем месте. Но не осмеливаюсь. Дочь его величества не слишком-то снисходительна в этих вопросах.

— Это что, шутка? — осторожно спросил Два Сокола. Раске откровенно расхохотался.

— Благородная Ильмика, племянница короля Милки Блодландского и внучатая племянница кассандраса Перкуниши — ваша! Ваша рабыня! На обхождение с ней вы получили карт-бланш! Я... Что с вами, Zwei Habichten? Я думаю, вы обрадуетесь. Или вы...

— Ошеломлен — более точное слово, — сказал Два Сокола. — Только... Ну неважно. А что будет с ней, если я откажусь?

— Откажетесь? Вы сошли с ума?! Selig! Если вы такой безумец, что отклоняете мое предложение... ну тогда не знаю. Я слышал, что ее, может, посадят в одиночку, пока она не отдаст там Богу душу. А может, попадет в один из армейских борделей, хотя вряд ли кассандрас пойдет на это. Кто знает? И кого это заботит?

Два Сокола это тоже не должно было заботить. Но он вдруг понял, что, как бы ни обернулись дела, он должен принять Ильмику в качестве своей рабыни. Это единственный способ спасти ее. Конечно, ее присутствие все осложнит. Но блодландским агентам не стоит жаловаться — ведь она дочь дворянина, племянница правителя страны. Пусть радуются, что могут ее спасти.

— О'кей, — ответил он. — Пришлите ее ко мне.

Раске хлопнул его по плечу и подмигнул:

— Расскажите, как у вас там получится, а?

Два Сокола вынудил себя улыбнуться, хотя куда больше хотел сейчас сломать немцу челюсть.

— Может быть.

— Повеселились, и будет, — заметил Раске. — Пора приниматься за работу.

Обучением пилотов в тот день должен был заниматься Два Сокола, поскольку Раске вызвали на совещание у начальника службы снабжения.

— Это самый реакционный дурак в мундире из всех, которых я когда-либо видел, — возмущался Раске. — Я разработал ему магазинную винтовку, которая десятикратно усилит огневую мощь пехоты. Так вы думаете, этот осел захотел ее получить? Нет, он говорит, что обычный солдат злоупотребит ею. Он примется, дескать, палить в белый свет, вместо того чтобы тщательно целиться. Это оружие будет слишком щедро расходовать боеприпасы.

Но это не единственная причина, по которой он не хочет такого оружия! Вы знаете, что обслуживающий персонал здешних гетлингов* должен состоять только из кадровых офицеров? Простые солдаты и младшие чины могут подходить к ним только в случае крайней необходимости. Это нелепое правило возникло тридцать лет назад. После поражения в войне часть армии, а с ней и немало рабочих, крепостных и рабов восстали. Бунт был подавлен, но с тех пор аристократия заботится, чтобы у простолюдинов в руках не оказалось опасного оружия. Когда-то в этом законе был смысл, но сейчас он абсурден! Свинья!

Двум Соколам пришлось ждать до вечера, прежде чем привести в исполнение первую стадию своего плана. Он отстранил от полетов одну из машин под тем предлогом, что у нее шумит мотор, а потом заявил, что хочет провести опыт. Пока одни механики перебирали двигатель в поисках источника шума, другие приваривали крепления для дополнительных баков, которые должны были располагаться под крыльями, там, где находились направляющие для ракет. Шланги присоединялись к бензиновой помпе, снабженной двумя дополнительными вентилями. Механики, разбиравшие двигатель, заявили, что никаких неполадок не нашли. Два Сокола благосклонно заявил, что мог и ошибиться. Когда машину привели в рабочий вид, он залез в кабину и запустил двигатель. В двух основных баках находилось совсем немного бензина. Два Сокола позволил мотору поработать несколько минут, потом открыл вентили дополнительных баков. Во время переключения мотор работал без перебоев.

Тем временем наступила полночь. Два Сокола приказал убрать дополнительные баки и шланги и оттащил их в дальний конец ангара, чтобы они не попались на глаза Раске.

По дороге в столицу он объяснил Квазину, что сделал.

— Поговори со своим связником, выясни, что он собирается предпринять. И скажи, что планы изменились. А еще

* Гетлинг — картечица (названа по имени изобретателя, Р Гетлинга). Вышла из употребления к началу XX века.

лучше — пусть он сам поговорит со мной. Мне придется все объяснять до мелочей.

Квазинд возразил, что агент не пойдет на это: устанавливать контакт напрямую очень опасно.

— Если он этого не сделает, все их предприятие лопнет. Когда я могу его увидеть?

— Завтра, ранним утром. До отъезда.

Когда они добрались домой, то обнаружили там двух солдат и Ильмику Торсстейн. Она сидела на огромной софе очень прямо, сложив руки на коленях и высокомерно глядя в пол. Но, несмотря на попытки не терять достоинства, выглядела подавленной. Узел золотистых волос на затылке растрепался. Больше того, одета она была в свободную блузу и длинную юбку из дешевой крашеной хлопчатобумажной ткани — одежду рабыни.

Увидев Двух Соколов, девушка была потрясена. По видимому, ей не сказали, кто живет в этой квартире. А может, она даже не знала, что ее ждет.

Два Сокола отпустил солдат. Девушка заговорила первой.

— Зачем я здесь?

Два Сокола без обиняков рассказал ей. Она восприняла эту новость даже не моргнув.

— Вы, должно быть, устали и голодны, — сказал Два Сокола. — Квазинд, принеси ей еды и вина.

— А потом? — спросила она, взглянув на него.

Он стоял, улыбаясь, пока Ильмика не покраснела.

— Не то, что вы думаете, — ответил он наконец. — Мне не нужна женщина, которая меня не хочет. Я не буду принуждать вас.

Ильмика покосилась на двух девушек-индейнок, выглянувших из кухни.

— А они?

— Они рабыни. И сейчас уйдут. Можете спать в их комнате. Там есть запор изнутри.

Внезапно по щекам девушки побежали слезы, губы ее задрожали. Она встала, громко всхлипывая. Два Сокола положил ей руки на плечи и прижал ее лицо к своей груди. Несколько минут Ильмика безудержно рыдала, а потом осторожно высвободилась из его объятий. Два Сокола дал ей носовой платок. Пока она вытирала слезы, появился

Квазинд и сказал, что ужин ждет в ее комнате. Ильмика без единого слова последовала за ним.

— Я поговорю с ней перед тем, как она ляжет спать, — сказал Два Сокола, когда Квазинд вернулся. — Она должна знать, что здесь происходит.

— Зачем ты все это для нее делаешь?

— Может быть, я влюблен в нее, а может, это безнадежный случай рыцарства. Тоже мне Гавейн краснокожий нашелся... Не знаю. Знаю только то, что я не позволю посадить ее в темницу до конца жизни или отправить в армейский бордель.

Квазинд пожал плечами, показывая, что не понимает. Но если Два Сокола так хочет, пусть все так и будет.

Короткий сон не принес отдыха. Проснувшись поутру, Два Сокола вышел, собираясь на кухню, но застал в гостиной Квазинда, тихо беседующего с каким-то незнакомцем. Русоволосый усатый чужак был одет в сизую одежду слуги, а в руках держал только что выстиранную простыню. Как несколько позже узнал Два Сокола, звали его Рульф Андерссон. Два Сокола приказал обоим зайти в спальню.

— Квазинд объяснил мне ваш план, — говорил Андерссон, меняя белье на кровати. — Вы безумец!

— Что скажет правительство Блодландии, когда получит новейший самолет, обладание которым сэкономит ему месяцы разработок и подготовительных работ? — парировал Два Сокола. — Мой план исполним. Именно его дерзость, его неожиданность послужит гарантией успеха.

— Даже не знаю, — сказал Андерссон. — Это просто невероятно.

— Вы можете установить связь со своими людьми в Тюрланде?

— Да. Но для того чтобы все подготовить так, как вы сказали, нам нужно несколько дней.

— Нет времени, — сказал Два Сокола. — Если Раске сам не обратит внимания на дополнительные баки, то кто-нибудь обязательно ему скажет. Нет, мы должны действовать быстро. Все должно быть готово послезавтра. Не позже.

— Ладно, сделаем. Позже я увижу Квазинда еще раз и передам инструкции.

Два Сокола еще раз повторил важнейшие пункты своего плана и убедился в том, что Андерссон точно понял, что нужно делать. Потом агент ушел. Два Сокола подергал дверь в комнату Ильмики: она была заперта.

— Квазинд, сегодня ты останешься здесь. Мы должны создать впечатление, что она — моя рабыня. Пускай потрудится здесь: стирка, уборка и все такое. Достань ей приличное платье и косметики. Я же не хочу, чтобы моя наложница плохо выглядела, верно?

Он отправился на аэродром. Дело у него было в тот день немало: приходилось работать еще и за Раске, застрявшего в генштабе. Двум Соколам это было только на руку. Он еще немного поработал над дополнительными баками и поднялся в воздух, чтобы проверить эти изменения в полете. После посадки его встретил офицер, ответственный за сборку обоих новых самолетов. Он сказал, что машины готовы к установке бензобаков. Добавочные баки со старой машины придется снять, а подвесные крепления — удалить. Как ему ни жаль, но других баков для установки на новые машины нет.

— Очень хорошо, — сказал Два Сокола, бросив взгляд на часы. — Займетесь этим завтра.

— Но мы получили приказ от Раске подготовить новые машины как можно скорее. Ночная смена может присоединить баки до утра.

— Я хочу, чтобы Раске видел мои добавочные баки, — прорычал Два Сокола. — Они увеличат радиус действия наших машин на сотню миль. Это намного важнее, чем день промедления с новыми машинами. Я приказываю вам оставить баки там, где они есть.

— Мои люди не могут бездельничать! Раске снимет с меня голову за промедление!

— Я беру всю ответственность на себя, — ответил Два Сокола. — Вы и ваши люди можете отдохнуть ночь. Вы и так работали слишком много. Я подпишу приказ.

Некоторое время офицер боролся с сомнениями, затем отдал честь и направился в ангар, чтобы передать своим людям новый приказ. Два Сокола наблюдал за ним. Оставался шанс, что офицер свяжется с Раске, чтобы тот подтвердил только что полученный приказ. Если Раске услышит об этом, то сразу же поймет, что намеревается сделать американец.

Два Сокола подошел к офицеру.

— Вы, кажется, боитесь затруднений, — сказал он. — Можете немедленно связаться с Раске. Если он отдаст приказ продолжать работу, пусть так. А пока вы с ним не связались, всю ответственность за задержки несусь я.

Офицер облегченно вздохнул и поспешил прочь, чтобы через десять минут вернуться и разочарованно сообщить:

— Раске на совещании, у него нет времени. Но он распорядился, чтобы я обращался к вам, если возникнут какие-нибудь проблемы.

— Так что, как видите, ваша совесть чиста.

Два Сокола вздохнул. Эту партию он выиграл.

Квазинд нетерпеливо ожидал его в квартире.

— Андерссон сообщил, что агенты в Тюрсланде осведомлены обо всем. Агенты на запасном аэродроме уже готовы. До утра он больше ничего не сможет сообщить. Но очень волнуется. Если ветер на побережье силен, самолет нельзя будет увезти...

— В таком случае придется его оставить и взять рыбацкий баркас, — ответил Два Сокола. — Где Ильмика?

— В своей каморке.

Два Сокола постучал в дверь, и та сразу распахнулась, открыв его взору совершенно иную, как ему показалось, женщину. Прическа ее была безупречно проста, глаза подведены, губы накрашены. Она надела платье в неокритском стиле — с глубоким декольте, туго затянутым золотым поясом и юбкой-колоколом, в разрезе которой соблазнительно мелькали шелковые нижние юбки.

— Ваше превосходительство прекрасны, — заметил Два Сокола. — Но вам придется переодеться во что-то менее привлекательное, но более удобное. Сможете сойти за перкунишанского солдата?

— Я весь день перешивала один из ваших мундиров, — ответила она, смеясь, и, заметив, что пилот недоверчиво поднял бровь, добавила: — Пусть за блодландских дворянок работают слуги или рабы, но нас учат всем домашним ремеслам. Как мы можем присматривать за нашими рабынями, если сами ничего не знаем?

— Разумно, — признал Два Сокола.

Он мог сказать еще много в отношении рабства — правда, не в женском обществе. Но сейчас явно было не время.

— Завтра встаем рано. На аэродром надо попасть до рассвета. Я намеренно не придерживался строгого расписания, так что никто ничего не заподозрит.

Ильмика выглядела такой свежей и прекрасной, что плоту безумно захотелось поцеловать ее. Но он сдержался. Это оскорбило бы ее. Даже если он и вызывал в ней ответное чувство, она не имела права выказывать к индейцу больше приязни, чем к верному слуге или вассалу.

Два Сокола пожелал девушке доброй ночи и отправился в постель. Он тотчас же заснул, и ему показалось, что его разбудили через несколько минут.

— Что, неужели уже пора вставать?

— Нет, — ответил растолкавший его Квазинд. — Тебя вызывают по телефону. Раске.

— Среди ночи? — Он взглянул на часы на своем ночном столике, слабо освещенные газовым фонарем. Было два часа ночи. — Какого черта ему надо?

— Не знаю, — ответил Квазинд. — Надеюсь, его понос пробрал.

Два Сокола вылез из постели, прошлепал в соседнюю комнату и взял трубку. В ней шипело и шелкало, голос Раске был едва слышен. Перкунишанская телефонная техника оставляла желать лучшего.

— Раске?

— Два Сокола? — взорвался Раске. — Что это за фокус вы выкинули? Можно подумать, я ничего не узнаю! Умнее надо действовать, друг мой краснозадый!

— О чем это вы? — поинтересовался Два Сокола.

Раске объяснил. Именно этого и боялся Два Сокола. Дежурный офицер не удовлетворился его заверениями и еще раз попытался связаться с Раске. На сей раз ему повезло — он нашел немца на балу, устроенном женой кассандраса. Узнав о дополнительных баках, Раске тут же разгадал намерения Двух Соколов.

— Я никому ничего не скажу, — объявил Раске. — Вы мне симпатичны. Больше того — вы мне нужны. Так что вы легко отделаетесь. Но я вынужден ограничить вашу свободу. Станете жить по строгому графику. А я буду знать, что вы делаете каждую минуту.

Раске сделал паузу. Два Сокола молчал. Когда немец продолжил, в его голосе слышались жалобные нотки:

— Почему вы хотите бежать? Вам же здесь хорошо. Вы влиятельный человек. Блодландцы ничего не смогут вам предложить. Кроме того, Блодландия обречена. К следующему году она будет покорена.

— Мне в Перкунише просто неуютно, — ответил Два Сокола. — Она сильно смахивает на Германию.

— Ах ты, свинья краснозадая! — Раске запнулся — Два Сокола слышал его тяжелое дыхание в трубке — и выдал: — Еще один такой трюк — и пойдете к стенке! Или в камеру пыток! Ясно?

— Конечно, — сказал Два Сокола. — Еще что-нибудь? Я хочу спать.

Раске внезапно расхохотался:

— А вы хладнокровны. Мне это нравится. Очень хорошо. Вы покинете свою квартиру точно в шесть утра и сразу же по прибытии на аэродром доложите коменданту. Кроме того, ваш слуга, этот Квазинд, не сможет покидать квартиру. Я немедленно проинструктирую вашу охрану. И еще кое-что. Если вы будете плохо вести себя, у вас отберут вашу маленькую беленькую игрушку. Понятно?

— Понятно, — ответил Два Сокола и бросил трубку.

ГЛАВА 13

Два Сокола обернулся к Квазинду, который с безразличным видом стоял рядом с ним, и пересказал свой разговор с Раске. Великан выслушал его спокойно.

— Что теперь?

— Сейчас или никогда. Если не получилось выйти через парадное, пойдем другим путем.

Квазинд поднял брови.

— Через окно. Поиграй пока в Геркулеса с решеткой на окне в моей спальне. А я тем временем разбужу Ильмику.

Через пять минут они с Ильмикой уже были в спальне. Девушка была одета в мундир перкунишанских ВВС; фуражка скрывала ее светлые, безжалостно остриженные волосы.

Квазинд уже выломал из гнезда один железный прут и теперь пытался вырвать второй. Товарищи потрясенно смотрели на него. Лицо индейца оставалось спокойно и непросто.

нищаемо, в то время как дюймовый прут закаленной стали медленно, но верно гнулся под его руками. Внезапно железный стержень со скрежещущим звуком вылетел из гнезда. Квазинд пошатнулся, но устоял на ногах. Он бросил прут на ковер и ухмыльнулся:

— Теперь мы сможем протиснуться.

Они нарезали простыни полосами и связали из них канат. Материала хватило едва-едва, чтобы опуститься с третьего этажа, — нижний конец импровизированной веревки болтался в пяти футах над землей.

Выглянув из окна, Два Сокола осмотрел улицу вниз. Никого не было видно, но пилот знал, что у северного подъезда, направо, стоит часовая, скрытый за массивной колонной. Но если часовой не выйдет из-под портика, он не увидит, как из окна опускается белый канат.

— Заткни прут за пояс, — приказал Два Сокола. — Я возьму второй. Нам понадобится оружие.

Он торопливо привязал конец простыни к балдахину над кроватью, подергал узел, проверяя его прочность, и первым протиснулся в окно. Быстро перебирая руками, он спустился вниз и, оказавшись на земле, осмотрелся. Было тихо. За ним спустилась Ильмика, потом Квазинд.

Два Сокола провел их вдоль стены, подальше от часового. Он хотел найти машину, но случай подвернулся только через четыре длинных квартала — почти милю. Свет фар предупредил их за несколько секунд до того, как автомобиль вывернул на улицу. Беглецы нырнули в подъезд и прижались к створкам дверей. Два Сокола осторожно выглянул — слух подсказывал ему, что машина двигается достаточно медленно, а потому можно попытаться задержать и угнать ее. Мимо проезжал белый кабриолет с нарисованным на капоте рыцарем — полицейская машина. В ней сидели трое.

Два Сокола шепотом отдал приказ. Когда машина поравнялась с подъездом, двое беглецов выскочили и, сжимая в руках стальные прутья, кинулись к ней.

Мирно беседовавшие патрульные на мгновение застыли от изумления. А потом водитель совершил ошибку. Он затормозил, когда ему следовало нажать на газ. А потом Два Сокола прыгнул в кузов и набросился на полицейского, сидевшего сзади. Тот парировал удар стальной дубинки винтовкой. Оба упали на сиденье. Два Сокола взмахнул прутom,

как шпагой, и вонзил его в рот перкунишанина. Над его головой грохнул выстрел, но крика не последовало. Два Сокола изо всех сил проталкивал стальной прут в горло противника. Лицо перкунишанина налилось кровью, глаза вылезли из орбит; внезапно с костным хрустом тело его обмякло.

Два Сокола удерживал свое оружие еще несколько секунд, пока не убедился, что враг мертв. Потом вскочил и огляделся. Квазинд уже не нуждался в его помощи. Водитель валялся на сиденье с переломанной ударом стальной дубины шеей. Третьего полицейского, того, что стрелял, Квазинд задушил одной рукой и вышвырнул из машины.

— Ты не ранен? — спросил Два Сокола.

— Ружье выстрелило в воздух, — ответил великан. — Я в порядке.

Два Сокола тревожно огляделся. Но если кто-то и услышал выстрелы, тревоги не было. Он вышвырнул труп с заднего сиденья на мостовую. Пока он разбирался с рычагами управления, Квазинд сложил трупы в подъезде. Через минуту они уже ехали по дороге в аэропорт, вооруженные револьверами и карабинами. Дважды им попадались патрульные машины, но останавливаться не пришлось — встречные полицейские сигналили. Два Сокола нажимал на клаксон в ответ, тем дело и ограничивалось.

Два Сокола спросил у Квазинда, не знает ли тот, где прячутся блодландские агенты, надеясь, что сможет заручиться их помощью. Но Квазинд ответил, что его связной не сообщал ему таких деталей.

— Тогда придется рассчитывать только на себя, — заключил Два Сокола. — Великолепная тройка. Одно плохо — мы выпали из графика. Голову готов прозакладывать, что этот нервный офицерик приказал-таки снять дополнительные баки. Значит, нам придется заправляться по дороге к побережью. Если у блодландцев не окажется бензина под рукой, нам капут.

— Вначале надо подняться в воздух, — напомнил Квазинд.

Два Сокола покосился на него. Невозмутимое, как обычно, лицо великана блестело от пота. Пилот улыбнулся. Вряд ли индеец взмок от усталости или страха. Способ их побега вызывал у Квазинда тоскливый ужас. В бою на зем-

ле он был бесстрашен и незаменим, но мысль о полете была ему невыносима. Сам он предпочитал молчать, но само молчание и бесстрастность выдавали его.

Дело было не просто в полете. В старых религиях Европы летучие дьяволы просто кишели. Новая вера — хемилкизм — отбрасывала их как плод суеверия. Но древний ужас умирает с трудом; добрая половина европейцев верила в демонов. А Квазинд к тому же принадлежал к последователям древней веры, процветавшей в подполье его угнетенной страны. Даже сейчас ему мерещился, вероятно, шорох крыльев жутких демонов.

Выехав из столицы, беглецы минут десять катили по широкому шоссе и еще пять — по узкой, почти незаметной дороге через поля к аэродрому. Взлетное поле окружал забор из колючей проволоки в два человеческих роста, вдоль которого по ночам ходили часовые с собаками. Въезд был только один. И Два Сокола собирался во что бы то ни стало прорваться, хитростью или силой.

Увидев поднятую руку охранника у ворот, он остановился. Из сторожки выглянул один из охранников.

— *Пулкининкас* (полковник) Два Сокола с сопровождающими, — уверенно сказал Два Сокола.

При виде его мундира солдат отдал честь, потом заколебался.

— А где ваша охрана, капитан? — Охранник высунулся из окошка и присмотрелся. Глаза его расширились. — Это полицейская машина!

Два Сокола выстрелил в него. Тело солдата тяжело упало в будку. Квазинд вскинул ружье. Второй охранник не успел даже взяться за оружие. Пуля индейца попала ему в плечо и развернула на 180 градусов. Великан бросил винтовку на сиденье и выдернул из кобуры револьвер, но пуля Ильмики уже успокоила часового.

Квазинд выскочил из машины и снял с пояса убитого связку ключей. Он перепробовал несколько, прежде чем смог открыть висячий замок на воротах. Ильмика собрала винтовки и патронташи часовых и сложила на сиденье.

Квазинд распахнул ворота и прыгнул обратно в машину. Со стороны барачков уже неслись крики; из офицерских казарм выскочил полуодетый человек с револьвером и кинулся вслед за машиной, что-то крича. Два Сокола нажал на

газ. Позади грохнул выстрел. Из барачков уже выбегали солдаты.

Машина обогнула ангар. Два Сокола резко затормозил, развернулся и загнал ее в гараж, остановившись у самого аэроплана с надписью на фюзеляже «Раске-2». Квазинд, снова выскочив, подбежал к выходу и принялся отстреливаться от преследователей.

Рабочие, трудившиеся над двумя новыми машинами, ошеломленно глядели на белый полицейский кабриолет. Два Сокола выстрелил в воздух. Не дожидаясь второй пули, те метнулись к задней двери. Ильмика, спрятавшись за бочкой, прицелилась в проем, готовая застрелить первого же вошедшего.

Глянув на «Раске-2», Два Сокола крепко выругался. Дополнительные баки и шланги были сняты. «C'est la guegге»*, — пробормотал он, пожав плечами, надел шлем и вскарабкался в кабину. По крайней мере, баки были полны и патронов для пулемета хватало.

Он нажал на стартер. Послышался протяжный вой; деревянный пропеллер начал вращаться, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, и мотор, прогревшись, набрал полные обороты и закашлялся, точно подавился скоростью.

Квазинд и Ильмика кинулись к самолету: девушка забралась на сиденье второго пилота, Квазинд по сигналу пилота остановился, взявшись за крыло. Два Сокола прокричал приказ; индеец ухмыльнулся и выдернул из-под колес стопоры.

Два Сокола вывернул штурвал изо всех сил, и «Раске-2» описал аккуратный полукруг, нацелившись носом на своего собрата, стоявшего в сотне ярдов, в другом конце ангара. Квазинд ухватил истребитель за хвост и поднял. Когда дула спаренных пулеметов оказались параллельны земле, Два Сокола нажал на курок.

«Раске-1» вздрогнул под ударами пуль, прострочивших обшивку. Потом одна пуля попала в бензобак, и самолет взорвался. Ангар заполнили клубы черного дыма. Языки пламени тянулись ко второму самолету. Два Сокола пошел на риск сознательно. Он не мог допустить погони —

* Такова война (фр.)

перегруженный истребитель не сумел бы ускользнуть от «Раске-1».

Самолет продолжал поворачиваться. Когда нос его нацелился на ворота ангара, Два Сокола дал еще одну очередь, надеясь остановить тех солдат, что рискнули бы нырнуть в дым.

Квазинд втиснулся в кабину рядом с Ильмикой. Лицо великана было непроницаемо. Два Сокола глянул на него через плечо, ухмыльнулся, отпустил тормоза и дал полный газ. Самолет подпрыгнул, как испуганный кролик, и вылетел из ангара в ночь. Перкунишанские солдаты беспорядочно палили; одна пуля прошила крыло.

Хвост уже поднялся, но колеса еще катились по земле. Самолет упорно отказывался взлетать — на такой вес он рассчитан не был. Взлетная полоса кончилась; впереди был луг, а за ним — проволочная ограда. Два Сокола выжидал, пока самолет пересчитывал кочки, и только когда до ограды оставалось едва полсотни ярдов, нажал на штурвал. Колеса оторвались от земли и пронеслись в паре дюймов над забором. Два Сокола облегченно вздохнул. Они взяли курс на север.

Два Сокола пожалел было вновь, что не смог прицепить дополнительные баки, но потом сообразил, что их вес не позволил бы «Раске-2» взлететь с таким грузом. Можно было бы попытаться взлететь с северной полосы, но, чтобы взять разгон, нужно было сначала доехать до противоположного конца взлетного поля — а это недопустимая трата времени, да и ветер был встречный. Нет, все, что ни делается — к лучшему. Даже такое безумие.

«Импровизация — мой конек», — с иронией подумал Два Сокола, мурлыкая боевую песнь сенека, которой научила его мать, пополам с «Королем-бродягой». Взошло солнце. Квазинд сидел скорчившись и прикрыв голову руками. На вопрос пилота он выдавил, что ему нехорошо. «Колени мои, — сказал он, — превратились в воду, и кишки расползаются, как дым на ветру». Ильмика же была в восторге и, как ребенок, показывала на проплывающие внизу дома, дороги, крошечных людей.

Приподнятое настроение Двух Соколов улетучивалось по мере того, как вставало солнце. Уровень топлива падал быстрее, чем он ожидал. Кроме того, они могли прибыть на условленное место для дозаправки раньше

времени. Если блодландские агенты в столице не узнают о побеге в ближайшие часы и не предупредят своих товарищей с фермы близ Гервуоге, заправляться будет нечем. Не исключался и самый худший вариант: агенты обнаружены и при посадке самолет встретят перкунишанские солдаты.

Два Сокола пошипел немного сквозь сжатые зубы, потом взял себя в руки. «Кто ты такой — великий ирокезский воин или вшивый невротик? — осведомился он у себя. — Ну, не получится что-нибудь. До сих пор по плану вообще ничто не шло».

Вторая посадка, последняя на территории Перкуниши, должна была произойти на берегу Балтики, на северной оконечности полуострова, который Два Сокола не без колебаний соотнес с островом Рюген своей Земли. Ледниковый период сковал на Земле-2 столько океанской воды, что уровень моря понизился. Балтика была здесь меньше, чем на Земле-1, и остров соединялся с материком. На этом берегу беглецов должен был подобрать блодландский дирижабль и доставить на остров Аарбрюг. На Земле-1 он назывался Борнхольм и принадлежал Дании. Здесь Аарбрюг считался территорией Тюрсланда (Швеции), перевалочно-го пункта на пути в Блодландию.

Когда они достигли южного берега озера Рамунас, стрелка указателя уровня топлива застыла на нуле. Это значило, что в баке остался один галлон бензина. Не слишком много для поисков места встречи. Двум Соколам казалось, что он слишком уклонился к востоку. А на запад лететь пришлось бы против сильного встречного ветра, который съел бы драгоценный последний галлон в два счета.

«Ну давайте, давайте, лимонники*», — молился он. Через несколько минут внизу показалась развилка проселочных дорог в виде кельтского креста, и Два Сокола понял, что до фермы, до условного места встречи, осталось еще три мили. Через две мили под крыльями показалась проселочная дорога, а в полумиле за ней — хуторок. На белой крыше амбара были нарисованы переплетающиеся алые трискелионы — трехногие фигуры, составлявшие национальный герб шести соединенных королевств Блодлан-

* Лимонники — презрительное прозвище англичан

дии*. Если все в порядке, агенты должны были подать пилоту сигнал — две ракеты. Если нет... он ничего не увидит. Разве что поджидающий его полк перкунишан. Садиться придется в любом случае.

При виде хутора Ильмика облегченно утерла пот со лба. Два Сокола снизился и сделал круг, вглядываясь вниз и вслушиваясь в гул готового вот-вот зачихать мотора. Сделав еще три круга, Два Сокола понял, что больше откладывать посадку нельзя. Если сигнала не будет, он постарается посадить самолет как можно ближе к лесу и двинуться к ближайшей ферме. По крайней мере, они обогнали преследователей, хотя уйти от них совсем вряд ли удастся. Что ж, пусть перкунишане хотя бы побегают за наградой.

Из сарая выбежали три человека. Двое разом выстрелили из блестящих ракетниц, и над землей расцвели красная и зеленая вспышки.

Сесть было бы несложно, если бы импровизированный аэродром — обширный луг — не был разделен надвое изгородью. Двум Соколам пришлось быстро сбрасывать высоту и затем резко разворачиваться, чтобы не зацепить изгородь колесами. Самолет покатился по земле и остановился у самой опушки леса.

Доведя машину до сарая, Два Сокола заглушил мотор и вылез. Их ждали. Все встречавшие — пятеро мужчин и женщина — были одеты в домотканую крестьянскую одежду.

Люди на ферме оказались немногословны.

— Мы только-только получили сообщение по беспроводному телеграфу, — заметил Аэльфред Хенненд, руководитель группы.

Он отправил своих людей в сарай за бензином и маслом.

— Чтобы мы могли взлететь, изгородь придется снести, — предупредил Два Сокола.

Хенненд пообещал убрать ее немедленно и пригласил перебежчиков в дом поесть и выпить кофе, но добавил, что надолго здесь задерживаться не стоит.

* Подобную фигуру (три ноги, соединенные в бедре) можно видеть на гербе острова Мэн. Первоначально она представляла собой соляренный символ, аналогичный свастике.

— Могут появиться наши соседи и что-нибудь пронюхать. Вероятно, они уже видели вашу посадку, и, может, сюда уже направляются солдаты. Мы должны исчезнуть сразу же, как только заправим машину. Жалко, конечно, покидать эту ферму — она была идеальным местом для нашего подполья. Но если вам удастся доставить эту штуку в Блодландию, она с лихвой окупит все потери.

Два Сокола не стал извиняться. Во время еды он расспрашивал Хенненда о следующем месте посадки, и тот показал ему карту. К ним зашел радист и сообщил, что погода на берегу Восточного моря благоприятная: облачно, но без осадков, слабый ветер. *Люфтишип* — дирижабль — уже вылетел из Тюрсланда.

Два Сокола вернулся к машине, чтобы проследить за заправкой. Посередине изгороди уже зияла пятидесятифутовая брешь. Баки наполнились только спустя двадцать минут — каждую канистру приходилось наливать вручную через воронку.

Пилот подумывал, а не снять ли с машины пулеметы, — чем меньше вес, тем легче будет взлетать и тем меньше будет расход горючего, — но решил этого не делать. После заправки бензина хватит вполне, а прототипы нового оружия блодландцам еще пригодятся.

Два Сокола и его спутники попрощались с агентами — пилот и его друг-индеец пожали руки, Ильмика протянула пальчики для поцелуя — и забрались в кабину. Два Сокола с некоторым ехидством наблюдал за Квазиндом. Индеец не скрывал своей радости, когда колеса самолета коснулись земли, и теперь вовсе не горел желанием продолжить полет. Если бы Два Сокола предложил ему присоединиться к агентам и перебраться в Тюрсланд пешком, Квазинд, без сомнения, ухватился бы за эту мысль как за соломинку. Может, оно было бы и к лучшему — освободившись от такой тяжести, самолет летел бы куда быстрее. Но пилот не стал этого предлагать. Пусть пострадает. Чем быстрее Квазинд уберется из этой страны, тем лучше. Его индейское происхождение слишком очевидно. Если с ним что-то случится по пути, в этом будет виноват Два Сокола.

Изгородь больше не мешала, и стартовать было просто, хотя Квазинд, вероятно, считал иначе — самолет проскользнул в каких-то паре ярдов над верхушками деревьев. Два Сокола поднял машину на высоту полутысячи футов и взял

курс на новую цель — ровный и безлюдный пляж на берегу Балтики. Скоро он увидел под собой дорогу, которую Хенненд пометил на карте красным карандашом, и полетел вдоль нее на север. Когда в поле зрения появился портовый город Салдус, пилот свернул на восток. Салдус был городом с сорокатысячным населением и десяти тысячным гарнизоном — в нем размещалась военно-морская база. В гавани стояли военные корабли; Два Сокола видел и посадочные площадки дирижаблей, но самих воздушных кораблей не было.

В десяти милях восточнее Салдуса начиналась гряда каменных утесов, а за ними виднелся берег и полоса песка. В конце обозначенной посадочной полосы стояли люди, а невдалеке от берега покачивался на волнах двухмачтовый рыбачий баркас. Два Сокола совершил посадку, которая оказалась довольно жесткой. После чего вылез и осмотрел шасси. Спицы колес погнулись, но несильно. Впрочем, если все пойдет нормально, об этом беспокоиться уже не стоит.

Два Сокола поболтал с агентами, и те пересказали ему последние новости с театра военных действий. С перкунишанской точки зрения, в военных делах наблюдался прогресс. С блодландской — это была катастрофа. Перкуниша полностью подчинила себе Дакоту, Готсланд, Нефтрою и восточную часть Хотинохсоних. Перкунишане оккупировали северную часть Расны (Франции и Бельгии Земли-1), но завоевание южной ее части захлебнулось. Из Готсланда армии балтов двигались на Акхайвию и дошли уже до самого Веспероса (Флоренции). Судя по всему, Акхайвия, Дория (Югославия) и Хатти (Греция) будут оккупированы в течение пары месяцев. Перкунишанский флот правил на Средиземном море с тех пор, как шофет Нового Крита (Иберийского полуострова) разрешил ему пройти через пролив Геракла (Гибралтар).

Большой флот перкунишанских дирижаблей разгромил воздушные силы Блодландии над Нарве-Лагу (Ла-Маншем), другой бомбил столицу страны, город Бамму. До сих пор сухопутные силы обеих стран не вступали в серьезные столкновения. Но перкунишанский флот был сильнее блодландского, а на берегах Расны уже собиралась армия вторжения. А превосходство Перкуниши в воздухе могло оказаться

решающим. Их дирижабль уже потопил один блодландский дреднот.

А утром пришла еще одна убийственная новость. Шофет Нового Крита решил присоединиться к победителю. Новый Крит давно претендовал на южную Ирландию и Корнуолл, отбитый у него блодландцами несколько веков назад. Шпионы донесли, что при личной встрече шофет и кассандрас согласились, что Новый Крит получит обратно эти земли — после захвата островов.

Уход блодландского флота из Дравидии (Индии) в помощь осажденной метрополии послужил приглашением саарисет. Финноязычные жители Японского архипелага отправили флот на захват Дравидии. Перкуниша вряд ли примет такую весть с радостью — эта держава давно намеревалась присоединить к себе этот благодатный полуостров, — но пока балты ничего не могли поделать с этим.

— А что ихвани? — спросил Два Сокола, имея в виду южноафриканских арабов.

— Они воюют без объявления войны, — ответил блодландец по имени Эрик Шоп. — Их армии захватывают без разбора все африканские колонии, и наши, и перкунишанские. А часть их флота и транспортных судов направилась к Дравидии, чтобы вернуть ее — мы ведь у них ее отняли.

— На обеих Землях разруха, — пробормотал Два Сокола. — Как всегда. Слышно что-нибудь о нашем побеге?

— Пока ничего, — ответил Эрик.

Их перебил другой агент, сообщивший, что на горизонте показался дирижабль из Тюрсланда. Два Сокола обернулись, чтобы посмотреть на серебряную точку на горизонте. Секундой позже его накрыла тень. Он поднял голову. Второй воздушный корабль пролетал над ними. На серебряном боку красовался черный герб — кабанья голова. Дирижабль стремительно двигался на север.

Эрик выругался.

— Перкунишанин, класс «мамонт»!

— Сможет ваш корабль устоять против этакого чудовища? — спросил Два Сокола.

— «Гутхавок» — всего лишь легкий крейсер, — ответил блодландец. Лицо его побледнело. — Сможете вы перелететь через Балтику?

— Вряд ли. — Пилот глянул на огромную тушу дирижабля и пожал плечами. — Кажется, осталось только одно.

ГЛАВА 14

Подбегая к самолету, он поспешно задавал Эрику вопросы о деталях устройства воздушных кораблей. То, что он узнал, его порадовало. Забравшись в кабину, Два Сокола поспешно запустил мотор и отогнал самолет к дальнему концу пляжа, благодаря Бога за то, что в баках еще оставался бензин.

Остальные агенты вцепились в крылья самолета живыми тормозами, пока пилот прогревал двигатель. Подбежала Ильмика и застыла на песчаном пригорке.

— Если я не вернусь, — крикнул ей Два Сокола, перебивая гул мотора, — уплывайте с остальными! Они переправят вас домой!

Ильмика махнула ему рукой:

— Вы храбрый человек, Два Сокола! Я не говорила вам об этом из гордости! Ведь...

— Я простолудин, да еще индеец-полукровка! — закончил он за нее. — Все равно спасибо! Я-то понимаю, каково вам было склонить свою упрямую шею!

Видимо, девушка не услышала его — она ободряюще улыбнулась. Два Сокола дал полный газ и взмахнул рукой, подавая сигнал. Блодландцы отпустили самолет, и «Раске-2» рванулся вперед, подскакивая на кочках. Пилот повел самолет круто вверх, едва колеса оторвались от земли, но ему пришлось взять вправо, чтобы не врезаться в мрачные утесы впереди. Потом самолет выровнялся.

Вытянутая тень дирижабля росла на глазах. Хотя перкунишанский воздушный корабль изрядно обогнал крохотный самолетик, скорость истребителя была вдвое выше. А блодландский крейсер отважно мчался навстречу неизбежной гибели.

Отважно, но глупо... И все же Два Сокола восхитился солдатами, исполнявшими свой долг, даже когда этот долг требовал встретиться лицом к лицу сильнейшего врага. Несмотря на множество отличий, блодландцы напоминали англичан Земли-1 главным — упрямой храбростью.

Когда Два Сокола нагнал перкунишанский дирижабль, противников разделяло едва полмили. Пилот начал набирать высоту. Мимо промелькнула черная надпись на сером боку: «Пилкас тиграс» — «Серый тигр», класс «мамонт-3». Выше надписи зияли черные амбразуры, изрыгающие огонь. Пулеметная очередь прошла правое крыло, мимо пролетела ракета и взорвалась в пятидесяти футах — взрывная волна качнула самолет, мимо пролетели осколки.

Два Сокола продолжал уводить самолет вверх. Вокруг продолжали рваться ракеты, но осколки, по счастью, пролетали мимо. Когда дирижабль остался в трех сотнях ярдов внизу, Два Сокола развернулся и вошел в пике. Черные писти верхних амбразур плевались свинцом, еще две ракеты пролетели мимо и разорвались в небе. Когда до серой обшивки оставалось пятьсот футов, он нажал на курок.

Он стрелял и стрелял, пока серая туша не замаячила совсем близко, потом развернулся и снова пошел вверх. Взрывная волна нагнала его раньше звука. Самолет трянуло.

Два Сокола описал полный круг над гибнущим дирижаблем. Середина «Серого тигра» полыхала вовсю, и пламя быстро распространялось. Горящий корабль медленно опускался, а крохотные синие фигурки одна за другой падали вниз, предпочтя быструю смерть от удара о воду гибели в огне.

«Серый тигр» накренился носом вниз и через несколько секунд ударился о воду. Горящая обшивка лопнула и развалилась. Через четыре минуты после начала боя от «Серого тигра» не осталось ничего, кроме пары выгнутых шпангоутов, клочьев ткани да лужицы горящего бензина.

Два Сокола посадил самолет на том же берегу. Ильямика повисла у пилота на шее, едва тот вылез из кабины. Остальные хлопали его по спине и шумно выражали свою радость. Но Два Сокола не ощущал гордости, хотя только что победил в первой в истории этого мира битве между самолетом и дирижаблем. Перед глазами его еще стояли перкунишанские летчики, выпрыгивающие с борта «Серого тигра». Он сам слишком часто встречался со смертью, чтобы не посочувствовать им.

Блодландский крейсер «Гутхавок» приблизился и на высоте полусотни футов завис носом против ветра прямо над

самолетом. Из отверстия в его брюхе спустили огромную сеть на стальном канате. Агенты расстелили ее на песке и закатали на середину самолет. Затем края сети были подняты и повешены на крюк на конце стального троса. Потом Два Сокола подал знак, что можно начинать подъем. Трос натянулся, и машина начала плавно подниматься. Давление сети могло повредить самолет, но это уже не заботило Двух Соколов: машину можно будет спокойно отремонтировать в Блодландии.

Самолет исчез в брюхе летающего кита. Через минуту трос спустился снова; на сей раз на его конце висела большая корзина, приспособленная для подъема пассажиров, Ильмика, Квазинд и Два Сокола залезли в нее. И в тот же миг корабль начал подниматься, поворачиваясь на север. Гигант взял курс на Тюрсланд.

Как только корзина прошла в отверстие, ее оттянули в сторону, на платформу, и Два Сокола и его спутники с чувством громадного облегчения вылезли. Один из офицеров провел их по узкому мостику сквозь чрево дирижабля — на блодландском *«люфтишип»* — на корму. Два Сокола зачарованно рассматривал деревянный остов корпуса с гигантскими шаровидными отсеками, наполненными водородом. Офицер пояснил, что газовые баллоны делаются из кожи — неудивительно, учитывая, что прорезиненной ткани в этом мире нет. Синтетического каучука еще не изобрели... а ведь Два Сокола мог бы помочь в этом химикам. Этот мир нуждался в нем куда больше, чем его родной. Проблема состояла в другом — сам пилот отдал бы десять таких миров за то, чтобы вернуться к себе домой. Но это было невозможно. Оставалось сражаться.

Через люк по лестнице они спустились в гондолу, где новых пассажиров ожидали херетога — капитан Ательстан и старшие офицеры. Двух Соколов многословно поздравляли с победой. Потом капитан и летчик прошли к самолету. Поначалу Два Сокола никак не мог взять в толк, почему Ательстан не разделяет его воодушевления. Но потом понял: капитан любил свое судно, любил этот огромный корабль, наполненный легким газом. А в хрупкой, маленькой машине, покоившейся в чреве корабля, как птенец в гнезде, он видел свою погибель. Когда этих машин станет много, они изгонят с небес дирижабли. Их эра скоро

завершится, а с ней и карьера капитана. Ему придется или переходить на штабную работу, или учиться летать на незнакомой и опасной машине, — а для этого он был уже слишком стар.

И таких капитанов будет немало. Война несет изменения, и в ее пламени сгорит много людей, которые жили только ради нее и годились только на то, чтобы воевать. Вступление Раске и Двух Соколов в этот мир стало катализатором, который еще больше ускорил эти изменения.

Через три дня они уже были в Бамму, столице королевства Блодландия. Бамму находился в том же месте, где на Земле-1 был Лондон. Название ему дали переселенцы с Нового Крита, назвавшие когда-то кельтскую деревеньку «Баб Му» — «врата реки». Город был, впрочем, поменьше своего аналога с Земли-1 — три четверти миллиона человек, — а архитектура напомнила Двум Соколам двенадцатый век. Многие общественные и правительственные здания выглядели здесь чужими; их очертания отдаленно напоминали ближневосточный стиль архитектуры. Семитское влияние новокритян было очень сильным. Многие улицы назывались новокритскими словами. Здешний парламент — витезнамот — представлял собой смесь северных и восточных традиций. Даже короля здесь называли шоф, искаженным критским словом шофет — правитель.

Жизнь в Бамму для Двух Соколов началась с допросов. Конечно, они очень отличались от допросов в Хотинохсо-них: блодландцы прекрасно понимали ценность чужака. Через неделю после того, как под руководством Двух Соколов началась постройка авиационного завода, он получил низшее дворянское звание с присвоением титула «ателинг Фенхопа». Вместе с титулом ему было даровано поместье в пятнадцать крестьянских дворов и замок на севере страны, у границы с Норландом (Шотландией). В Бамму у него был городской дом с множеством рабов и слуг.

Два Сокола осведомился у Ильмики о судьбе прежних владельцев поместья.

— Хускарл Фенхоп был еретиком, — ответила девушка. — Его повесили тридцать лет назад — не за ересь, конечно, а за убийство раба. Не будь он еретиком, отделался

бы тюрьмой и вирой. Дети его уехали в Дравидию, а собственность перешла короне.

— Так что теперь я дворянин, — заметил Два Сокола. — Имею ли я теперь право жениться на даме голубых кровей?

Ильмика побагровела.

— О нет! Титул дан вам только на время жизни и не наследуется. После вашей смерти поместье вновь вернется к короне. Ваши дети будут низкорожденными. Вы никогда не сможете жениться на женщине из дворянской семьи.

— Так моя кровь, значит, недостаточно хороша для вас? — съехидничал он. — И мои дети пойдут просить милостыню? Из замка в шалаш, или как там это у вас?

Ильмика возмутилась:

— Иначе и быть не может! Чистота древних блодландских родов будет запятнана! Наши дети будут бастардами! Разве вам недостаточно того, что вы стали дворянином, несмотря на...

— Ну давайте, Ильмика Торсстейн! Говорите! Несмотря на то что я краснокожий чужестранец — у вас это не хватило смелости сказать?

Он процедил пару слов древнегерманского происхождения и вышел, едва не отвесив ей пощечину. Едва. Гнев его был вызван не просто тем, что его называли метисом; корни этого гнева уходили гораздо глубже. Он надеялся — пусть почти безнадежно, — что Ильмика станет его женой. Проклятье! Он любил эту лицемерную, надменную, холодную, безграмотную патрицианку с ледяным сердцем и кучей предрассудков! Будь она трижды проклята! Настало время сделать то, что давно уже пора было сделать: выбросить эту девушку из головы.

Но в то же время именно она превозносила до небес его доблесть и отвагу перед шофом и витенаэмотом. Она предложила одарить его дворянством.

«Впрочем, она сделала бы то же самое для любого, кто дважды спас ее от армейского борделя», — подумал он. Ее благодарность велика... но не чрезмерна. И она не любит его.

Два Сокола погрузился в работу. Самолетостроение теперь занимало все его время. Он работал день и ночь. Он не только руководил строительством авиазавода и вел курсы пилотов *Блодланд шофлиш люфтвазон* — блодландских военно-воздушных сил, но также создал карабин для пехоты

и ввел танк. Он даже попытался убедить санитаров и врачей в необходимости поддерживать в лазаретах чистоту и обрабатывать раны, но после короткой и жаркой борьбы был вынужден сдаться. Этот мир еще не обрел своего Пастера и не был готов признать Двух Соколов таковым. А пока солдаты и больные будут по-прежнему умирать от заражения крови, тифа и оспы, а женщины — от родильной горячки. Проклиная косность и предрассудки, Два Сокола сосредоточился на создании действенных инструментов для уничтожения людей.

Через месяц после прибытия Двух Соколов в Бамму перкунишане вторглись на остров. Соединенный флот Перкуниши и Нового Крита разбил военно-морской флот Блодландии в Нарве-Лагу. Защитники заставляли врага платить двумя судами за одно потопленное, но, потеряв две трети своих сил, включая последние два дредноута, вынуждены были отступить. Одновременно два флота цеппелинов столкнулись друг с другом в воздухе. Оба понесли громадные потери — по сорок дирижаблей с каждой стороны.

Природа, казалось, сговорилась с захватчиками. В день вторжения стояла ясная, безветренная погода, пролив был гладок как стекло. Благоприятная погода держалась пять дней, и к концу этого времени враг захватил на английском берегу плацдарм пяти миль в поперечнике, положив ради этого двадцать тысяч человек.

Армия Нового Крита высадилась на южном берегу Ирландии и быстро захватила контроль над широкой прибрежной полосой, несмотря на потери.

Потом пришла зима. Таких зим Два Сокола еще никогда не видел. За месяц оба острова покрыл слой снега выше человеческого роста. Арктические ветры с ревом дули с севера, и температура опустилась до минус тридцати градусов по Фаренгейту. Два Сокола мерз, кутался в шкуры белых медведей и думал о том, что это только начало. Прежде чем зима сдаст свои позиции, столбик ртути в термометре опустится ниже сорокаградусной отметки*.

Два Сокола был убежден, что в таких условиях все бои прекратятся: как можно вести войну в таком ледяном аду?

* Соответственно —37° и —42° по Цельсию.

Но и нападающие, и защитники привыкли к таким морозам. Они продолжали сражаться и, когда бронемашин и грузовики вышли из строя, стали подвозить припасы на санях, в которые впрягались отряды лыжников. Павших заносило снегом. Миля за милей, платя кровью за каждый шаг, перкунишане все глубже и глубже вторгались на территорию Блодландии и под конец зимы захватили всю южную часть острова — Кент, Суссекс, Суррей и Хэмпшир.

К этому времени Два Сокола уже построил двадцать монопланов с пулеметами и полозьями вместо колес. Он даже обучил четырех молодых пилотов, хотя на таких морозах было трудно запускать мотор. Эти четверо сами стали инструкторами. К началу весенней оттепели военно-воздушные силы Блодландии уже обладали сотней истребителей, полутора сотнями пилотов и двумя сотнями учеников.

Шпионы доносили, что у Раске уже пятьсот машин первого эшелона атаки и восемьсот квалифицированных пилотов.

Примерно в это время Двум Соколам пришла в голову идея самоходных саней. Почему бы не построить машину с самолетным двигателем, но на лыжах? Действуя на льду замерзшего пролива, отряд таких машин мог бы перерезать линии снабжения врага. А без постоянного подвоза продовольствия, горючего и боеприпасов перкунишане ничего не смогут сделать на враждебном острове. А когда начнется весна и ледяная каша в проливе сделает его временно несудоходным, мощный удар блодландских сил может выбить обессиленных захватчиков.

Его предложение было отклонено генштабом как слишком радикальное. Два Сокола заявил генштабу, что тот ни черта не смыслит в своем деле, за что был вознагражден пространной отповедью лично лорда Рэдеша, тощего старца с пышными снежно-белыми бакенбардами и глазами цвета айсбергов. Рэдеш с самого начала не скрывал, что считает пришельца полубезумным выскочкой. Он полагал, что летучие машины можно использовать только для наблюдения, и вообще отказался бы тратить время и силы на эту затею, если бы не личный приказ шофа.

Два Сокола терпел, пока были силы, потом перебил дряхлого лорда, умоляя выслушать его еще раз. Ледоходы могли

уничтожить весь перкунишанский флот, стоящий в замерзших гаванях. Отряд таких машин мог бы по льду преодолеть не только пролив, но даже Северное море и Балтику, чтобы расстрелять беззащитные крейсера, линкоры и транспорты.

И действовать надо было срочно, пока не началась оттепель. Если эта мысль кажется фантастической — отчаянное положение требует соответствующих мер.

Лорд Рэдеш, побагровев, потребовал выставить безумца. Пусть тот возвращается к своим летающим игрушкам и скорострелкам, годным лишь для черни, и не беспокоит больше генеральный штаб своими нелепыми выдумками.

Дрожа от гнева, Два Сокола подчинился. Ничего другого ему не оставалось.

— Наплюю на все, — сказал он Квазинду, вернувшись домой. — Посмеюсь над Рэдешем и его приятелями-ослами. В конце концов, они же просто люди, то есть закосневшие в своих традициях идиоты. Они ничем не отличаются от таких же придурков на моей Земле. Квазинд, я мог бы поведать тебе полную историю глупости на Земле, особенно глупости военных, и ты содрогнешься.

— У блодландцев нет монополии на глупость, высокомерие или несгибаемость, — ответил индеец. — Ты слушал последние новости?

Новый Крит и Перкуниша объявили друг другу войну. Новокритские силы в Ирландии зависели в снабжении от своих союзников, но перкунишане выделяли им припасы с крайней неохотой, ссылаясь на трудности. Но шофет Нового Крита прекрасно понимал главную причину. Хотя Перкуниша обещала Ирландию своему союзнику, этот остров нужен был ей самой. Если новокритские оккупационные войска будут уничтожены, Перкуниша после победы сможет претендовать на Ирландию по праву завоевателя.

Шофет обвинил своего союзника в предательстве. Горделивые перкунишане отреагировали бурно. Уже сейчас их флот в Средиземном море и войска в южной Расне всю сражались с бывшими товарищами.

— Они думают, что им под силу захватить весь мир, — заметил Квазинд. — Но это уже слишком... я надеюсь. Это ведь не все. Перкуниша потребовала от ихвани вернуть захваченные африканские колонии и не лезть в западную Дра-

видию. Если те не подчинятся, Перкуниша объявит войну и им.

— А что блодландское правительство? У ихвани сильный флот, наверное, сильнейший в мире теперь, когда Перкуниша понесла такие потери. Если они станут нашими союзниками...

— Не станут. Они ждут, пока Европа растерзает себя. А потом приберут себе остатки. Вот увидишь.

— Это зима Фимбуль*, — пробормотал Два Сокола. — *Gotterdammerung*. Сумерки богов.

Но зима прошла, а мир остался. Снег стаял, и островом завладела липкая грязь. Блодландцы надежно окопались на своих позициях вместе с артиллерией. Перкунишанам же приходилось перетаскивать пушки с позиции на позицию. Дороги приходилось строить заново — те немногие, что были прежде, отступающие блодландцы взрывали. Наступление захлебывалось раз за разом.

В двадцати милях южнее столицы произошел первый воздушный бой. Два Сокола сам принял в нем непосредственное участие, считая, что в бою его людям опытные пилоты нужны больше, чем простой руководитель. И его пилоты бились хорошо: несмотря на численное превосходство противника, они сбили двенадцать самолетов врага, потеряв только шесть машин. В тот день летчикам пришлось делать десять вылетов. Два Сокола с полусотней машин совершил дерзкий налет на ближайший прифронтовой аэродром врага, уничтожив двадцать машин, стоящих на земле, бомбовый склад и четыре зенитки. В течение двух недель самолеты Блодландии с утра до вечера находились в воздухе. В бесчисленных воздушных стычках над Бамму они несли тяжелейшие потери: перкунишане шли на все, чтобы сломать отчаянное сопротивление военно-воздушных сил островитян. По счастью, далеко не все их силы были брошены на непокорный остров. Раске требовал поступить именно так, но генштаб наложил свое вето. Половина самолетов атаковала Новый Крит, а против Блодландии была отправлена только четверть.

Раске находился в столице Перкуниши и не отваживался ее покидать, вероятно, из политических соображений.

* Зима Фимбуль, по скандинавской мифологии, наступит перед гибелью мира.

У него было много врагов в рядах знати, которые не погнушались бы сбросить выскочку в его отсутствие. А командующим перкунишанскими ВВС в Блодландии был назначен бывший капитан дирижабля, который так и не понял, как эффективно воспользоваться возможностями новых машин. Офицеры, ведущие пилотов в бой, были не лучше. Два Сокола отдал приказ в первую очередь избавляться от командиров — их легко было отличить по красным плюмажам на шлемах. В воздушном бою ввязаться в схватку для командира — верная гибель, но ложная гордость не позволяла уйти: иначе подчиненные сочли бы такого командира трусом. Командный состав в ВВС захватчиков пополнялся с устрашающей быстротой.

Успехи военно-воздушных сил в начале года обрадовали Двух Соколов, но они, казалось, почти не оказывали влияния на наземные бои. Враг брал город за городом, форт за фортом, теряя трех солдат за одного и не обращая на это никакого внимания. А потом враг ворвался в столицу. Перкунишанский флот в течение недели расстреливал крепости в устье Темзы, затем высадил там десант. Один день истребители прикрывали десант с воздуха. Потом Два Сокола двинул на них всю свою летучую армию и вымел перкунишан с небес, как метлой.

Но это уже никому не могло помочь. Через семь дней захватчики уже стучались в ворота Бамму.

Двумя днями позже на остров совершили налет пятьдесят новых двухмоторных бомбардировщиков Раске. В сопровождении сотни истребителей они смогли долететь до центра столицы и сбросить свой груз. Вернулись только половина бомбардировщиков и шестьдесят истребителей. Два Сокола в тот день лично сбил десять вражеских машин, доведя свой личный счет до пятидесяти одной. Но у блодландцев вернулось только тридцать машин. Больше не осталось никого.

ГЛАВА 15

Несмотря на огромные потери, налет бомбардировщиков увенчался успехом. Четыре бомбы попали в здание витезнаэмота, где шло последнее заседание перед эвакуацией на север. Погиб лорд Рэдеш; Два Сокола, узнав об этом,

подумал, что ничего лучше с Блодландией случиться не могло. Но кроме него под обломками также были погребены сам шоф, два его младших брата, королева и дети-наследники. За исключением дяди шофа, который двадцать лет провел в сумасшедшем доме, вся королевская семья была уничтожена. В суматохе, которую вызвало сообщение об их гибели, правителем Блодландии провозгласил себя молодой крейон по имени Эрик Леонифа, внебрачный сын сумасшедшего дяди шофа.

Он приказал армии отступить из Бамму на новые линии укреплений севернее столицы и отдал распоряжение об отмене рабства по всей стране отныне и вовеки — не из гуманных соображений, а потому что назревало восстание рабов. Перкунишанские агенты сеяли в массах недовольство с самого начала войны.

Кроме того, Эрик Леонифа обещал, что после изгнания врага простонародье получит больше прав и каждый, вне зависимости от происхождения, сможет проявить себя в военном деле или ремесле. Соппротивление и ненависть старого дворянства заставляли его искать поддержки масс.

Два Сокола на свой страх и риск приказал демонтировать авиазавод и переправлять его на север. Сам он оставался в Бамму, пока последний станок не был погружен на платформу паровоза. Вместе с Квазиндом он покинул полуразрушенный город последним поездом. Когда он заходил в вагон, снаряды рвались в четверти мили от вокзала.

Поезд был забит офицерами и родовитыми беженцами. Проталкиваясь по проходу, Два Сокола услышал свое имя. Он обернулся и встретился взглядом с синеглазой Ильми-кой Торсстейн.

— Мы давно не виделись, госпожа, — произнес он. — Я слышал о гибели вашей матери и братьев. Я послал свои соболезнования почтой. Вы получили письмо?

— Нет, — ответила она. — Письма сейчас редко доходят. Но спасибо за сочувствие.

Он попытался продолжить разговор, но без особого успеха. Девушка, казалось, не слышала его — возможно, от усталости. Ее лицо было бледным, под глазами синели круги. Два Сокола вежливо откланялся, заметив, что хотел бы поговорить с ней еще, прежде чем поезд прибудет на север.

Протолкнувшись чуть дальше, он обнаружил свое купе, — крохотное, но и такое можно было считать удачей. Армия зарезервировала это купе для Двух Соколов и еще одной важной персоны, крейона. Когда американец вошел, генерал встал, отдал честь и, к удивлению Двух Соколов, протянул ему руку.

— Я лорд Хэмфри Гильберт, — представился он. — Судьба исполнила мое желание. Я уже давно хотел познакомиться с вами.

Два Сокола с любопытством глянул на своего попутчика. Ему всегда казалось, что Гильберт — фамилия французская. Но в этом мире нет ни Франции, ни ее языка... возможно, он ошибался. И все же что-то родное послышалось ему в звуках этого имени.

Гильберт был невысоким коренастым мужчиной лет пятидесяти, с седыми волосами и кустистыми черными бровями, широким лицом и двойным подбородком. Он заговорил с Двумя Соколами, словно тот был его старым знакомым, отчего понравился пилоту еще больше — большая часть здешних аристократов обходилась с ним презрительно или холодно-вежливо. Но, как оказалось, Гильберт действительно уже давно знал о нем — в определенном смысле — и собрал о Двух Соколах все сведения, которые только мог получить.

— Титул я унаследовал от отца, — сказал Гильберт. — Он принадлежал к очень богатой купеческой семье, чьи торговые корабли побывали во всех портах Земли. Теперь я потерял все свои земли и большую часть кораблей. К истории моей это отношения, в общем-то, не имеет, а рассказал я вам все это для того, чтобы вы ознакомились с моим родом. А он происходит от прапрапра... не помню, сколько раз прадеда, который прибыл в Блодландию в 560 году от Хемилки.

Два Сокола перевел это в привычное летосчисление, и у него получился 1583 год новой эры.

— Мой предок — его тоже звали Хэмфри Гильберт — прибыл не с Европейского материка. Он прибыл из западного Океаноса, на корабле, какого здесь до сих пор не видел еще ни один человек.

Гильберт сделал паузу, словно ожидая какой-то реакции. Два Сокола напустил на себя непроницаемый вид.

— Корабль назывался «Белка», в пару к ней была построена «Золотая лань»*, — добавил крейон.

Когда Два Сокола выказал не более чем вежливый интерес, Гильберту явно пришлось подавлять разочарование.

— Как я вижу, исчезновение моего предка не оставило никаких следов в истории вашего мира. Жаль; я надеялся, что он был известным человеком. Но это неважно. Хэмфри Гильберт был англичанином... о, я вижу, как у вас загорелись глаза. Он был моряком на одном из первых кораблей, которые совершали рейсы в Америку...

— Откуда вам все это известно? Я имею в виду, об англичанах и Америке? — спросил Два Сокола.

Гильберт поднял пухлую ладошку:

— Терпение! Я сейчас объясню. Гильберт плыл в сопровождении другого корабля, но во время последнего рейса они попали в шторм, и их разбросало в разные стороны. Когда шторм утих, другого корабля в виду не было, и «Белка» в одиночку вернулась в Англию. Когда корабль достиг Бристоля — здесь он называется Энт, — капитана и весь экипаж сочли сумасшедшими. Но для Гильберта и его людей свихнулся весь мир. Что произошло? Народ здесь был похож на англичан, но говорил на языке, имеющем только отдаленное сходство с английским. Все было незнакомым. Где же они оказались?

Блодландцы заперли всю команду в бедлам. Некоторые из моряков действительно сошли с ума от потрясения, но мой предок, вероятно, был весьма гибким человеком. Ему удалось убедить начальство сумасшедшего дома в своей безвредности. После освобождения он снова стал моряком, а потом и капитаном. Он занимался работорговлей, доставлял из Африки рабов-негров — Африка тогда была только открыта. Скоро он стал богатым, женился и умер состоятельным и уважаемым человеком.

Он был достаточно разумен, чтобы не отстаивать правдивость той истории, которую всем сначала рассказывал, когда прибыл в Энт. Сколько я знаю, он даже не упоминал о ней. Но он записал все, что с ним произошло, дополнив эту историю описаниями своего родного мира, и назвал сей труд «Неопубликованные путевые заметки, или Путешествие

* «Золотая лань» — корабль сэра Френсиса Дрейка, знаменитого мореплавателя и капера, впоследствии вице-адмирала английского флота

сквозь Врата Моря из слоновой кости». Со дня его смерти рукопись хранилась в семейной библиотеке. Почти никто из его потомков ее не читал, а те, которые прочли, считали своего прародителя человеком с буйной фантазией.

Сделав паузу, Гильберт продолжил:

— Я же никогда так не думал. Его история слишком логична. Он пытался нарисовать карту своей Земли. Он даже составил сравнительный словарь блодландского и английского языков. В его рукописи около пяти тысяч страниц. Я был заморожен ею. Ее изучение стало моим коньком. Я исследовал рассказы и легенды о других странных явлениях и в конце концов пришел к выводу, что существует иная Земля. И что время от времени люди каким-то образом переходят с одной Земли на другую. Вы уверены, что никогда не слышали о моряке по имени Хэмфри Гильберт?

Два Сокола покачал головой:

— Если когда-нибудь и читал о нем, то забыл. Я читатель всеядный. Что попадется, тем и интересуюсь.

— Возможно, он был одним из многих погибших в том плавании. Важно не это. Ваше присутствие подтверждает его рассказ. И мои исследования убедили меня в том, что «ворота» — это слабые места, бреши в стенах, разделяющих наши миры. И открываются они редко и ненадолго — быть может, всего единожды. — Он наклонился к Двум Соколам, глаза его горели. — Но я обнаружил одни ворота, которые являются более-менее постоянными. По крайней мере, они не блуждают и открывались многократно.

Два Сокола возбужденно подался вперед:

— Вы знаете это место? Где оно?

— Я никогда не видел его сам, — ответил Гильберт. — Я как раз собирался отправиться туда и исследовать его, когда разразилась война. А описание, явно относящееся к Вратам, я прочел в книге о колдунах Хивики.

Хивика, подумал Два Сокола. Так называлась цепь островов, оставшаяся от затонувшего Североамериканского континента, — он видел это название на картах. По своему положению они соотносились с верхушками Скалистых гор. Самый большой остров находился примерно там, где на Земле-1 был штат Колорадо.

Эти гористые острова населяли полинезийцы, пришедшие с Гавайев. До сих пор Хивика оставалась нейтральной

и независимой державой. Ее жители, как и маори на Земле-1, быстро научились изготавливать порох и огнестрельное оружие и употреблять их по прямому назначению. Первыми представителями Старого Света, вступившими в контакт с Хивикой, были не европейцы, а арабы-ихвани с юга Африки. Они вели торговлю с Хивикой уже сто лет, прежде чем блондландский корабль случайно открыл эту группу островов. Европейцы обнаружили там красивый и мудрый народ, умеющий выплавлять железо и золото, плавающий на парусниках, вооруженных пушками, и технология европейцев вовсе не пугала их. Кроме того, Хивика уже пережила несколько эпидемий, вызванных завезенными из Африки болезнями, но в результате этого потомки жителей острова приобрели иммунитет к болезням европейцев.

— Вы, наверное, знаете, что хивикане все еще придерживаются старой религии, — продолжал Гильберт. — Их священники, которые объявляют себя и колдунами, постоянно несут охрану некоторых мест, которые для всех остальных являются табу. Одно из таких мест — пещера на склоне самой высокой горы крупнейшего из островов. Известно о ней немного, но один перкунишанский ученый кое-что смог узнать. Священники называют эту пещеру «Дыра между мирами». Иногда из глубины пещеры, оттуда, где и появляется эта «дыра», доносятся ужасные звуки. Кажется, что задняя стена пещеры растворяется, и священники могут на миг увидеть другой мир. Может быть, «мир» — не совсем точный перевод хивиканского слова. Оно может означать и «Место Богов». Священники не осмеливаются приблизиться к Вратам, поскольку верят, что там живет Ке Аку'а, их главный бог.

— Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал Два Сокола после короткого раздумья. — Боюсь, что мне не стоит питать излишние надежды. Эта пещера может оказаться и каким-то природным явлением.

— Врата — тоже природное явление, — возразил Гильберт. — Но это стоит основательно изучить, как вам кажется?

— Я и намерен этим заняться, — ответил Два Сокола. — Я бы прямо сейчас отправился в Хивику. Но это невозможно.

— Когда война закончится, мы можем отправиться туда вместе. Если там действительно существуют Врата, мы можем пройти сквозь них. Я охотно взгляну на землю своих предков.

Два Сокола кивнул, но подумал, что Земля-1 покажется Гильберту интересным местом, чтобы погостить там, но вряд ли он найдет ее подходящей, чтобы остаться навсегда. Гильберт будет страдать от того одиночества, того жуткого отчуждения, которые испытали Два Сокола и О'Брайен. Даже теперь, когда пилот приспособился к новому окружению, он еще ни разу не чувствовал себя дома. Он просто не принадлежал к этому миру.

Большую часть времени забывать об отчуждении и неудобствах было несложно. Тяжелее всего приходилось ночью, в одиночестве.

Кто-то постучал в дверь купе. Два Сокола открыл. Молодой офицер отдал ему честь.

— Извините, что помешал, *койран*. Госпожа Торсстейн заболела и спрашивает вас.

Два Сокола последовал за офицером в другой вагон и обнаружил там Ильмику, лежавшую на диване в купе и окруженную озабоченными людьми. Она была очень бледна, хотя уже немного оправилась.

— С ней будет все в порядке, как только она утолит голод, — сообщил стоящий рядом врач.

— Ильмика, почему вы не попросили... — начал было Два Сокола и сам покачал головой. — Нет, вы же слишком горды.

— Это обычная история в такое несчастливое время, — заметил врач. — Многие из высокородных потеряли свои земли, состояния — все, кроме титула. И... — Врач осекся, словно сболтнул лишнего.

Два Сокола сердито взглянул на него. Состояние Ильмики, казалось, радовало этого человека. Наверное, он был простолюдином и разделял скрытую, но оттого не менее сильную антипатию низших классов к правящим. Два Сокола понимал его чувства. Большинство населения страдало от нещадной эксплуатации и несправедливости, по сравнению с которыми даже положение рабочих XVIII века в его родном мире показалось бы приятным. И все же поведение врача его возмутило. Ильмика тоже была человеком

и перенесла немало лишений. Семья ее была уничтожена, дом и имущество оказались в руках врагов. А попросив принести девушке тарелку супа, Два Сокола выяснил, что у нее не осталось ни монеты.

Ильмика ела суп, и слезы капали в тарелку.

— Я не могла удержаться в сознании. Теперь все знают, что я осталась без средств. Я нищая. Имя Торсстейнов обесчещено.

— Обесчещено? — негромко переспросил Два Сокола. — Если это так, то это произошло с большей частью дворян Блодландии. К чему эта фальшивая гордость? Виновата война, не вы. Кроме того, настало время показать, что дворяне крепче тех, кем правят. Нужно поступать благородно, чтобы быть благородным.

Она слабо улыбнулась. Пилот взял у одного офицера кусок ветчины, у другого — ломоть хлеба и отдал девушке.

Поев, она прошептала:

— Если бы только можно было спрятаться от их взглядов.

— В моем купе найдется место для вас, — сказал Два Сокола.

Он помог ей встать на ноги и повел через переполненный вагон к своему купе. Девушка рухнула на сиденье и мгновенно заснула. Когда она открыла глаза, наступил вечер. Два Сокола принес ей ужин в купе. Гильберт отправился в вагон-ресторан, Квазинд стоял за дверью — они были одни. Невкусный холодный ужин был съеден в молчании. Потом Два Сокола спросил Ильмику, не согласится ли та работать у него секретаршей. Девушка покраснела, и он уже ожидал, что Ильмика вспылит. Но когда услышал, как она заикается, ему стало ясно, что девушка неправильно поняла его предложение.

Он безрадостно усмехнулся:

— Нет, я не прошу вас стать моей любовницей. Кроме обычных обязанностей секретарши вам ничего не придется делать.

— Почему я не должна быть вашей наложницей? — спросила она. — Я в слишком большом долгу у вас.

— Но не настолько! И я никогда не потребовал бы такой платы. Мне нужна женщина, которая меня любит — или, по крайней мере, желает.

Покрасневшая Ильмика смело глянула американцу в глаза:

— Если бы я не хотела вас, разве стала бы принимать от вас еду и заботу? Вы думаете, я настолько лишена чести?

Два Сокола встал и нагнулся над ней. Девушка подняла к нему лицо, закрыла глаза и обхватила его за шею. Она нашла своими губами его губы и прижалась к нему всем телом.

Он оттолкнул ее:

— Ты переигрываешь. Ты же не хочешь целовать меня.

— Мне... жаль. — Отвернувшись, она разрыдалась. — Почему меня никто не хочет? Ты отталкиваешь меня, потому что это животное ицкапинтик обесчестило меня?

Два Сокола взял ее за плечи и повернул к себе:

— Я не понимаю тебя, Ильмика. Ты делаешь это, потому что была взята силой?

— А ты не знаешь? Никто из дворян Блодландии не примет меня в свой дом после того, что случилось.

— И ты выбрала меня, потому что я простолюдин, а низкородженным не пристало волноваться за добродетель своих жен? Или мне следует прыгать от радости, что я заполучил дворянку, пусть и несколько подержанную? Что я тебе — последнее убежище?

Она отвесила ему пощечину и попыталась вонзить ногти в щеку, но Два Сокола поймал и крепко сжал ее запястья.

— Ты дура! Я люблю тебя! И мне плевать на твою утерянную девственность! Я люблю тебя и хочу, чтобы ты тоже меня любила! Но я скорее повешусь, чем возьму себе женщину, которая считает меня такой мразью, которая даже от нее не откажется! Я не дам тебе казнить себя, мучая меня!

Он отшвырнул Ильмику с такой силой, что та упала на сиденье.

— Мое предложение остается в силе, — произнес он. — Можешь обдумать его, пока мы не прибыли в Толкинхэм. А я пока выйду.

Он захлопнул за собой дверь и остаток ночи провел в коридоре, на полу, прислонившись к стене. Спал он беспокойно.

Когда поезд прибыл в Толкинхэм, Два Сокола зашел в купе. Гильберт сидел там один.

— Куда ушла Торстейн? — спросил Два Сокола.

— Не знаю. Я подумал, что она хотела попрощаться с вами.

Два Сокола протиснулся сквозь толпу в коридоре, не обращая внимания на ругань и злобные взгляды, выбрался из вагона и обыскал вокзал. Ильмики не было. Он хотел послать Квазинда на ее поиски, но у вагона его остановил офицер, передавший последний приказ. Двум Соколам предписывалось прибыть к крейсеру Греттирссону. Два Сокола не знал, зачем он мог понадобиться пехотному генералу.

На армейских попутках летчик добрался до большого военного лагеря близ Толкинхэма и направился к бараку генерала. Греттирссон сообщил ему, что Блодландских военно-воздушных сил больше не существует. Нехватка горючего стала настолько острой, что все его запасы резервировались для военных машин. Двух Соколов назначили командиром полка броневиков — пока бензин не кончится совсем. А потом, как и все остальные, он будет сражаться в пехоте.

Два Сокола покинул барак с полной уверенностью, что война проиграна. Еще месяц-два — и Блодландия будет принадлежать Перкунише.

Через четыре недели оборонительных боев Два Сокола услышал первые новости о положении дел в Перкунише. Несмотря на триумфы на всех фронтах, в столице дела обстояли не так уж и хорошо. Оба сына кассандраса погибли в аварии на железной дороге. Блодландские агенты не слишком верили, что это была случайность. Когда кассандрас узнал о смерти сыновей, его разбил паралич, и неделю спустя он скончался от воспаления легких. Его наследник, племянник, был убит по пути в столицу. Перкунишане обвинили Блодландию вначале в убийстве, а потом и в аварии. Блодландия, естественно, отрицала какую-либо связь с этими событиями. Блодландские тайные агенты подозревали, что все это — дело рук Раске.

Амбиции немца были всем известны. Он хотел жениться на дочери кассандраса и стать принцем-консортом — при условии, что Большой Совет признает его жену королевой.

Совет уже собрался и теперь обсуждал, выбрать ли нового короля из рядов высших дворян или короновать принцессу.

Но на полях сражений все оставалось по-прежнему. Эрик Леонифа, новый правитель Блодландии, показал себя великолепным тактиком. Три раза он разбивал превосходящие силы противника в сражениях. И трижды был вынужден отступить, потому что не мог удержать захваченную территорию. А перкунишане присылали новые, свежие армии, снабженные новейшим оружием. Вражеские военно-воздушные силы, больше не опасаясь истребителей Двух Соколов, опустошали северную Блодландию бесконечными бомбардировками и налетами.

Вскоре запасы горючего в Блодландии были исчерпаны. Армия пешком отступала на последние позиции, преследуемая вражескими броневиками, расстреливаемая самолетами. Два Сокола и Квазинд, теперь простые пехотинцы, добрались до Ульфсталя. Там Два Сокола получил письмо от Хэмфри Гильберта. Он прочитал его, потом сказал Квазинду:

— Ильмика устроилась медсестрой в здешнем полевом лазарете. А до этого она работала на фабрике боеприпасов. Мужественная девушка. Я же знал, что полюбил ее не только за красивое лицо.

Квазинд тактичностью не отличался.

— Может, она и мужественная. Но любит ли она тебя?

— Не знаю. Но все еще надеюсь. Может быть, она работает, чтобы доказать мне, что может быть независимой. Может, она примет меня как равного, когда докажет, что пришла не просто потому, что я единственный, кому она нужна.

— Женщина слабее мужчины, — заявил Квазинд. — Тебе надо было взять ее и научить любить тебя. Что это за разговоры о независимости? Женщина должна зависеть от мужчины.

Тем же вечером Два Сокола отправился на поиски Ильмики. Госпиталь он нашел, но в разбомбленных зданиях никто не жил уже давно. Раненые были размещены в палатках, расставленных вокруг развалин. Ему понадобился целый час, чтобы найти девушку в большом шатре на окраине.

При появлении американца Ильмика от испуга уронила на пол сверток с бинтами, потом подняла его, явно собираясь использовать без стерилизации. Два Сокола не стал возражать, зная, что это бесполезно. О микробах тут не знали ничего и, кажется, не хотели знать.

— Добро пожаловать, мой господин, — произнесла она.

— Доброго вам здоровья, госпожа... Проклятье, Ильмика, не будь так официальна! Мы оба слишком много перенесли, чтобы тратить время на придворный этикет.

Она улыбнулась:

— Ты прав... как всегда. Что ты здесь делаешь?

— Скажем, захотелось повидать свою больную подругу.

— Ты имеешь в виду меня?

Он кивнул.

— Выйдешь за меня замуж?

Она вздохнула и чуть было не уронила бинты во второй раз.

— Ты же не... Не надо так шутить.

Он положил руки ей на плечи:

— Зачем мне шутить? Ты же знаешь, что я тебя люблю.

Я не мог раньше спросить об этом, потому что... ну, ты и сама знаешь почему. Но условия изменились. Голубая кровь, сословные барьеры теперь мало что значат. И проиграем мы войну или нет, по-старому здесь никогда уже не будет. И если ты сможешь перестать думать, как аристократка, посмотришь на меня, как женщина на мужчину, мы будем счастливы.

Ты сможешь это сделать?

Ильмика не ответила. Он ждал, пока тишина не сделалась невыносимой.

— Говори же, да или нет?

— Да!

Он обнял ее и поцеловал. И на сей раз ей уже не пришлось изображать страсть.

Прервал их один из врачей, приказавший Ильмике идти работать.

— Если завтрашний бой мы проиграем, — сказал Два Сокола, — я постараюсь разыскать тебя в Лефсвике. Оттуда я отправлюсь в Ирландию, если здесь не за что станет биться. Мы могли бы строить планы... но не время. До скорого. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю, — прошептала она со слезами на глазах. — Но, Роджер, я боюсь. Что, если я больше тебя не увижу?

— Значит, не увидишь. Это будет значить, что я убит

— Не говори так! — Она вздрогнула.

— Ничего нельзя оставлять недосказанным.

Он поцеловал ее на прощание и ушел, ответив на мрачный взгляд врача улыбкой.

По пути на квартиру Двух Соколов остановил унтер-офицер, который сказал ему, что его требует к себе правитель. Удивляясь, чего может хотеть от него Леонифа, Два Сокола без вопросов последовал за унтером в палатку главнокомандующего.

Прежде чем впустить, двое охранников заставили его предъявить удостоверение личности и обыскали. Меры безопасности были необходимы — убийство высших офицеров считалось одним из распространенных военных приемов. Только два дня назад Леонифа едва избежал покушения на свою жизнь. Один из неудачливых перкунишанских убийц успел застрелиться, прежде чем его успели схватить, второй был слишком тяжело ранен, чтобы спустить курок. Ему не повезло — когда он пришел в себя, его повесили вниз головой над костром.

ГЛАВА 16

Войдя в палатку, Два Сокола отдал честь сидящему за столом главнокомандующему. Но рука его опустилась куда медленнее, чем предписывалось уставом. В глубине палатки Два Сокола увидел развалившегося на стуле очень знакомого человека.

— Раске!

Немец ухмыльнулся и легкомысленно помахал рукой:

— Мой старый друг и враг, краснокожий Два Сокола!

Рядом с Раске сидела очень красивая блондинка в роскошном платье, увешанная драгоценностями. Два Сокола сразу узнал Персиняй, дочь кассандраса.

Главнокомандующий объяснил присутствие здесь этой пары. Большой Совет Перкуниши избрал нового короля. А первым же действием того был указ об аресте Раске. Немца обвинили в убийстве наследников трона.

Но Раске обошел своих противников. Он уговорил дочь кассандраса бежать вместе с ним и на новой двухмоторной машине покинул Перкунишу. На аэродроме в Расне (Франция) он угрозами и наглостью заставил персонал залить баки бензином и с трудом дотянул до Северной Блодландии.

Он и его невеста явились просить убежища.

— Я не знаю, что с ним сделать — расстрелять или выслушать, — заметил правитель. — Как заложник он не представляет из себя никакой ценности, а использовать его технические знания слишком поздно.

— Если вы наскребете для меня бензина, — сказал Раске, — я отвезу Двух Соколов в Ирландию. Блодландия нуждается в нас, а именно там вам придется дать последний бой.

— В Ирландии тоже нет бензина, — ответил Два Сокола. — И что от нас там будет проку?

— Сейчас я вам открою страшную перкунишанскую тайну. В ближайший год никакого вторжения в Ирландию не будет. Перкуниша перенапряглась. Она слишком глубоко завязла на материке, чтобы начинать новую кампанию. Конечно, Перкуниша будет блефовать, потребует безоговорочной капитуляции блодландских войск в Ирландии... Но если вы откажетесь, если вы продержитесь, у вас будет еще год на подготовку. За это время вы сможете обеспечить себя продуктами, бензином, маслом, боеприпасами. Я установил контакт с ихвани. Они готовы предоставить вам все, что нужно Ирландии. И перкунишанского флота они не боятся — тот уже изрядно ослаблен потерями. — Раске попытался было привстать, но охранник за его спиной усадил его. — Если мы с Двумя Соколами дадим ихвани информацию, которая нужна им для постройки воздушного флота, они помогут Блодландии!

Главнокомандующий взглянул на Двух Соколов:

— Можем мы ему верить?

— Да, еще бы. Я не сомневаюсь, что он держал связь с ихвани — на случай, если придется спасти свою шкуру. Но то, что они снабдят нас оружием и боеприпасами, — полная чушь. Даже если они рискнут гнать в Ирландию крейсера и грузовые суда, их потопят за полчаса. Перкунишанские ВВС об этом позаботятся. Нет, на ихвани надежды нет.

— Так я и думал, — сказал Леонифа и повернулся к Раске: — Вас отведут в арестантскую, а я тем временем подумаю, что с вами делать. Вашу невесту поселят в отдельном доме с почетом — она все же дочь кассандраса. А что случится с вами, Раске, зависит от исхода завтрашней битвы. Если мы проиграем, вас получают перкунисане и, думаю, расстреляют на месте. Если выиграем... может, я вас пристрелю. Из-за ваших летучих машин Блодландия не сможет теперь защитить свой последний бастион в Ирландии.

— Вам не повезло, друг мой фриц, — заметил Два Сокола, когда Раске выводили из палатки. — Вы все же были важной персоной — важнее, чем могли быть на нашей старой Земле. Будьте этим довольны.

Раске снова ухмыльнулся:

— Краснокожий, я еще не мертв. Еще увидимся — если доживете, конечно.

Два Сокола посмотрел ему вслед и подумал, что в словах Раске прозвучало нечто большее, чем бравада. Предстоящий бой мог легко стать для пилота последним.

И едва не стал. Два Сокола был четырежды ранен пулями и осколками гранат и один раз — штыком во время рукопашной. Наступил вечер; блодландцы отступали на север. Два Сокола и Квазинд двинулись на запад, уверенные, что перкунисане двинут основные силы к северу, чтобы расправиться с противником до конца.

— Мы можем уйти в холмы и вести партизанскую борьбу, — говорил Два Сокола своему спутнику. — Если мы не умрем с голоду зимой, то нас все равно поймают. Так что единственный путь — к берегу, а там по морю в Ирландию. К дьяволу, мы ничего не должны этим людям! Это не наша борьба. Это даже не мой мир. Я отправляюсь в Хивику — как смогу.

На следующий день они прибыли в Лефсвик, порт на северном берегу Ирландского моря. Город был полон беженцев, пытавшихся набиться на четыре больших парохода и множество рыбачьих суденышек. Два Сокола не слишком надеялся попасть на борт одного из этих пароходов, если только не найдется достаточно важной персоны, которая его туда пустит. Но едва он появился в порту, как его окликнули. Оглянувшись, он увидел Хэмфри Гильбер-

та, раздвигающего толпу выпирающим брюхом. Гильберт, ухмыляясь, размахивал пачкой бумаг.

— Два Сокола! Мой товарищ по несчастью! Какая удача! Я всюду искал вас, даже не надеясь, что вы появитесь! Я могу взять вас в свою каюту! Но вам придется спать на полу! Поторопимся! Корабль отплывает через тридцать пять минут! Я уже потерял всякую надежду!

— Вы не видели Ильмику Торсстейн? — спросил Два Сокола.

— Не видел ли я ее? — Толстяк радостно подскочил. — Она ждет в моей каюте! Она... ну, неважно... она тоже искала вас. С ней все в порядке! Влюбленные соединяются, возвращается радость, и все такое прочее!

Два Сокола были слишком счастливы, чтобы отвечать. Из болтовни Гильберта он воспринимал едва половину.

У трапа их остановила цепь постовых; офицер мучительно долго проверял бумаги, прежде чем пропустить их дальше. Остановить новых пассажиров он, однако, не посмел. А если посмел бы, Квазинд швырнул бы его в воду, а тем временем Два Сокола попытался бы пробиться на корабль, чтобы найти Ильмику. Но, конечно, это было бы глупо: на пристани было полно солдат, которые его тут же застрелили бы.

И все же его восторг был не так велик, чтобы не заметить знакомое лицо в толпе на палубе. Два Сокола остановился, присмотрелся внимательнее и покачал головой. Этого не могло быть!

Но он не ошибся. Сверху ему улыбался высокий, светловолосый, до омерзения симпатичный Раске. Немец помахал рукой, повернулся и скрылся в толпе. Расчет его был верен — Два Сокола промолчал. Американца очень занимало, как же Раске освободился из-под стражи, да еще попал на борт парохода вместе с самыми высокопоставленными беженцами. Ничего, потом все выяснится. Если Раске оказался достаточно быстр и умен, чтобы спастись, пусть бежит. Далеко не уйдет. А пока Двум Соколам хотелось только одного — сжать Ильмику в своих объятиях.

Это он и сделал, хотя и в не слишком романтической обстановке — кроме Гильберта и Квазинда, в каюте было еще пять человек. Все делали вид, что не замечают влюбленной пары, и продолжали беседовать, но, отрываясь по временам от губ возлюбленной, Два Сокола замечал их

взгляды — не то возмущенные, не то завистливые. Ему было плевать.

Корабль отчалил и быстро набрал скорость. Но никто не мог быть уверенным, что судно благополучно прибудет в Ирландию. Каждое мгновение могли появиться перкунишанские самолеты и забросать бомбами переполненный людьми пароход. Чуть позже на море лег туман и принес с собой безопасность — если только корабль не натолкнется на рифы или не врежется в другое судно.

Как бы это ни было неприятно, Два Сокола решил найти Раске и выяснить, каковы планы немца. Он все еще не был уверен, что Раске стоит покрывать перед властями. Пока что немец не представлял собой большой угрозы для Блодландии, хотя и проку от него не было никакого — пока. Кто знает, чем он сможет помочь потом? Никто не сказал, что Хорст Раске не всплывет через пару лет блодландским дворянином... или правителем. От этого человека Два Сокола мог ожидать чего угодно.

Он нашел Раске сидящим на палубе. Два Сокола выкрикал имя немца, пока тот не откликнулся из тумана.

— Что с Персиняй? — спросил индеец, подходя.

— Мертва, — безрадостно ответил немец. — Сразу после нашего бегства — надо будет как-нибудь рассказать вам эту историю, мой краснокожий друг, вы просто не поверите... в общем, у меня было оружие, и я дал ей револьвер. Она покончила с собой. С того момента как нас взяли под стражу, ее мучила депрессия. Совесть, наверное. Она чувствовала себя виноватой оттого, что бросила свою страну. И винила меня в смерти отца, а себя — в том, что полюбила меня.

Два Сокола помолчал. История выглядела вполне правдоподобно. С другой стороны, Раске мог просто бросить невесту, решив, что от нее одни помехи. Но правды уже не узнать никому, кроме немца.

— Что, как думаете, ждет нас, землян, в будущем? — спросил Раске. — В Ирландии мы будем некоторое время в безопасности. Перкуниша не станет вторгаться туда в ближайший год-два, если только ее не вынудят. У нее хватает других забот, и новая война ей не с руки.

— Если — вернее, когда — Перкуниша узнает, что мы в Ирландии, она потребует нашей выдачи, — ответил Два Сокола. — Вы не хуже меня знаете, что они спят и видят,

как бы заткнуть нам глотки. Они считают, что мы для них слишком опасны, хоть это и смешно.

— Почему это? — поинтересовался Раске. Два Сокола задел его гордость.

— Этот мир уже выжал из нас последние капли наших — скажем прямо — ограниченных знаний. Мы можем предоставить теперь разве что техническую помощь. Конечно, блодландцы засопротивлялись, когда я попытался ввести основы антисептики, но они придут и к этому. И пришли бы сами через пару лет, когда какой-нибудь местный Пастер поднимется над местными предрассудками. Все, что мы дали, появилось бы само в ближайшие лет десять. Мы лишь немного подстегнули прогресс.

Раске хохотнул:

— Да, Два Сокола, вы правы. Это, конечно, неприятно, но я могу признать очевидную правду. Только... ну, черт, у меня было что им предложить и я так уверенно шел к трону, что если бы все сложилось чуть иначе...

— Но не сложилось. Так что мы оба здесь. Обреченные бежать до самого края земли из-за того, чего у нас нет, — но попробуйте-ка убедить в этом туземцев!

Он поколебался и решил не говорить Раске о своих планах. Тот мог оказаться даже полезен, но, получи он хоть малейший шанс пройти к цели через труп Двух Соколов, рука его не дрогнет. Он уже доказал, что может хладнокровно убивать; возможно, он бросил женщину, которая ради него отказалась от своей страны и титула. И все же американцу трудно было скрыть что-то от Раске. Между обоими пилотами сохранялась некая кровная связь...

И Раске был очарователен. Он мог улыбаться, даже всаживая тебе нож под ребра. И самое удивительное, что эта улыбка действительно смягчала боль. Как анестезия.

«Надо было настучать на тебя капитану, — подумал Два Сокола, — чтобы ты отправился за борт».

— Я вас не выдам, — произнес он. — Но если узнаю, что вы взялись за старое, вам конец. И прощай. Видеть вас больше не хочу.

— Зачем вы оскорбляете меня, друг мой? — Раске, казалось, действительно обиделся.

Два Сокола пожал плечами и отошел. Он понимал, что скорее всего выпускает в мир бешеного волка, но он не мог

порвать связь, наложенную общей родиной. Странно, но убить Раске для него было все равно что отрезать кусок собственного сердца.

Туман висел над морем до конца пути. Корабль вошел в мглистый порт, пришвартовался. Пассажиры сошли на берег, окутанный водяной пылью. Гильберт повел Ильмику, Двух Соколов и Квазинда в дом к одному из своих друзей.

А на следующий день пришли вести о чуме.

Все было как тридцать лет назад, когда Перкуниша готова была подчинить себе западный мир. Валяющиеся повсюду непогребенные трупы, ослабляющий голод и убийственная зима, антисанитария и миллионы расплодившихся крыс снова принесли Черную Смерть.

— Европа спасена от перкунишан; сохрани ее теперь Господь от судьбы куда худшей, — сказал Гильберт. Обычно красное его лицо побледнело, он больше не улыбался. — Мои родители, трое братьев и две сестры умерли в прошлую эпидемию. Тетя отвезла меня в Ирландию, чтобы уберечь, но зараза оказалась быстрее, и тетя тоже умерла. Боже, помоги человечеству! Ну, теперь нам предстоит такая бойня, какую в Перкунише видели только в кошмарах. Эта страна тоже вымрет. В ближайшие два года погибнет половина человечества.

— Если бы они послушались меня... — начал Два Сокола, но голос его пресекся. Он пожал плечами и спросил: — Мы тоже останемся здесь и умрем?

— Нет! — воскликнул Гильберт. — Один из моих кораблей — последний мой корабль — стоит в гавани. Он загружен провиантом для долгого пути. Сегодня вечером мы отплывем в Хивику! Будем надеяться, что доберемся до острова прежде, чем там узнают об эпидемии. Иначе нам просто не позволят высадиться на берег.

Два Сокола понял, о чем еще подумал Гильберт.

— Хотел бы надеяться, — сказал он, — но я не питаю особого доверия к рассказам суеверных шаманов.

— Почему бы и нет? — парировал Гильберт.

«Действительно, — подумал Два Сокола, — почему бы и нет?»

Проходили дни, и единственное, что видели пассажиры, — холодный, серый, по временам бурный Атлантический океан. Оптимизм Двух Соколов постепенно угасал.

Даже если в этой горе на побережье Хивики и впрямь существуют Врата, они наверняка закрыты. Колдуны говорили, что Врата открываются приблизительно раз в пятьдесят лет и всего на несколько минут. Последний раз это произошло тридцать лет назад. Другая проблема — как добраться к Вратам. Из всех мест, которые считались на острове табу, пещера была самым священным. Кроме верховных священников и царя, никто не имел права входить туда. Саму гору на полпути к вершине окружала высокая, тщательно охраняемая стена.

И все же путешествие доставляло Двум Соколам радость, несмотря на все тяжелые предчувствия. Для них с Ильмикой это был долгий медовый месяц. Они впервые получили возможность по-настоящему узнать друг друга и к своему изумлению обнаружили, что питают друг к другу не только любовь и страсть, но и настоящее уважение. Разумеется, многое в поведении и даже образе мыслей каждого вызывало в другом раздражение, но постепенно различия стирались. Два Сокола были счастливы, как никогда в жизни, хотя понимал, что от некоторой доли высокомерия Ильмика не избавится никогда — сказывалось воспитание аристократки в стране, где о демократии и не слыхивали.

В первый раз он ощутил беспокойство, когда пароход пересек ту невидимую линию, за которой на Земле-1 начинался Американский континент. Он ожидал чуть ли не сотрясения корабля и готов был услышать шорох и царапанье под килем. Но «Хваэльгольд» спокойно плыл дальше, в то время как где-то внизу находился Ньюфаундленд. Корабль проплывал над тем местом, где в другом мире располагался Нью-Йорк, а Два Сокола представлял себе затонувший метрополис с небоскребами и обглоданными донными рыбами костями на улицах. Конечно, это была чистая фантазия: в этом мире Америку еще не видел ни один человек. Она находилась в двух милях под поверхностью моря, в темноте и холоде, погребенная под толстым слоем ила.

И Северная, и Южная Америки в этом мире располагались шестью тысячами футов ниже, чем на Земле-1. Поэтому в Северном полушарии над уровнем моря находились лишь пара островов на востоке — высочайшие вершины Аппалачей — и большой архипелаг на западе. Обитали там полинезийцы, переселившиеся с тихоокеанских островов

более семи веков назад. Южный архипелаг, более крупный, населяли выходцы с острова Пасхи.

Остров, к которому направлялся сейчас «Хваэльгольд», представлял собой гористую часть штата Колорадо Земли-1. Столица, Куалоно, располагалась на восточном побережье. Над гаванью громоздились огромные каменные храмы, дворцы, массивные идолы и легкие домики, мало приспособленные к холодным зимам. Летом местные жители не носили почти ничего, как и их родичи с Гавайев, но зимой кутались в тяжелые одежды из полотна и перьев. Были у них и рудники, и домны, и фабрики, и автомобили на дорогах, но, несмотря на индустриализацию и расцвет торговли (в основном с южноафриканскими арабами), хивикане оставались, как и прежде, народом легкомысленным, веселым, склонным к играм и жестоким лишь на войне. Последняя междоусобица закончилась около полувека назад, и после нее на перенаселенных островах стало куда просторнее.

Два Сокола много времени проводил с Гильбертом на мостике. Ильямика при этом садилась в углу и вязала, Квазинд стоял посреди рубки, как бронзовая статуя Геркулеса. Два Сокола, нарисовавший по памяти карту Северной Америки, какой он ее знал, объявил, что под ними река Миссисипи — вернее, то место, где она могла бы протекать.

И в этот момент капитан вскрикнул и поднес бинокль к глазам. Два Сокола тоже глянул в подзорную трубу. Над самым горизонтом колыхалось едва заметное дымное облачко. Понаблюдав за ним некоторое время, капитан приказал увеличить скорость, объяснив, что, хоть это может оказаться и мирный торговец из Южной Африки, в нынешнем положении лучше избегать встреч с любым кораблем.

К вечеру облачко дыма приблизилось. Скорость невидимого еще судна позволяла исключить его из разряда торговых. То был военный корабль — линкор или крейсер. Судя по тому, откуда он плыл, это был ихванский корабль, но с тем же успехом он мог оказаться и перкунишанским.

На следующий день расстояние между судами сократилось до одной мили. Белый корпус преследователей сверкал в лучах яркого солнца, и капитан определил, что это арабский крейсер.

— Топить нас они не станут, — объяснил капитан, — больно кусочек лакомый — большой, добротный блодландский корабль ихванскому торговому флоту всегда пригодится. Но просто высадить абордажную команду на «Хваэльгольда» и отправить его в Южную Африку они не могут — не хватит ни топлива, ни еды на борту. Так что им останется только отконвоировать нас в Куалано и там дозаправиться.

— А что будет с нами? — спросила Ильмика.

— Матросов могут заставить вести корабль в Ихван, — ответил Гильберт. — А остальных оставят на Хивике, добираться до Блодландии своим ходом. Больше пленников, чем нужно, ихвани брать не станут — еще кормить нас. Разве что решат обратить нас в рабство. Честно сказать, не знаю. Одному Богу это известно, да еще самим ихвани.

Пришла ночь. Крейсер шел в четверти мили от «Хваэльгольда», держа блодландский корабль в конусе света носового прожектора. Капитан отказался от бесполезных маневров, продолжая вести судно на полном ходу. До тех пор пока ихвани не пальнут из пушки поверх мачт и не потребуют сдаться, он больше ничего не мог сделать. А случиться это должно было на заре.

К полуночи с запада, как занавес, упала пелена дождя. С ней пришла и буря. Через две секунды после того как на корабль обрушились потоки воды, капитан приказал круто сворачивать на юг. Огни крейсера быстро исчезли во мгле. Когда взошло солнце, океан был чист. Капитан снизил скорость, так как машины слишком долго работали с полной нагрузкой.

ГЛАВА 17

В течение следующих пяти дней горизонт был чист. На утро шестого капитан измерил местоположение судна и сказал, что корабль находится в ста милях восточнее Куалано. Вскоре на горизонте должен был показаться маленький островок Микиао. И действительно, минут через сорок из морской глади на западном горизонте появился пятисотфутовый вулканический конус острова. Но довольная улыбка вдруг исчезла с лица капитана, когда, обернувшись, он увидел на горизонте ниточку дыма. Оба корабля шли на полном

ходу. Через два часа стало ясно, что быстро приближающийся ихванский крейсер отрежет «Хваэльгольду» путь к безопасной гавани Куалоно.

Капитан посоветовался с Гильбертом и приказал повернуть корабль на полтора румба к северу.

— Перед гаванью идет полоса опасных рифов, — сказал капитан. — Я хорошо знаю их. Мы пройдем через пояс рифов, а ихвани, если нам повезет, на них и останутся. Если нет — я выброшу судно на берег, если на этом гористом берегу найдется подходящее место. Во всяком случае арабы не наложат свои грязные лапы на мой корабль.

— Мы держим курс на гору Лапу, где находится Пещера Пришлых Богов, — добавил Гильберт. — Если мы бросим там якорь, у нас будет хороший предлог для вторжения в запретную зону. Кроме того, мы прибудем туда поздно вечером и, может быть, хивикане не заметят нас...

— Пойдем напролом? — Два Сокола ухмыльнулся. — А если ихвани проникнутся уважением к закону в территориальных водах Хивики и откажутся нас преследовать? Чем будем извиняться?

— Если бы они уважали закон, то давно бы отстали, — отозвался капитан. — Хивиканские воды начинаются в полусотне миль от берега. Нет, остановить их может только корабль береговой охраны. И то вряд ли. Ихвани давно ищут предлога повоевать, а на Хивику они точат большой зуб. От завоеваний их удерживала только угроза нападения со стороны Блодландии и Перкуниши. А тем сейчас не до соседей.

«Хваэльгольд» на всех парах мчался на северо-запад. Преследователь тоже изменил курс и уверенно приближался. Когда по левому борту появился черный крутой берег, крейсер ихвани приблизился на половину морской мили. Из дула носовой восьмидюймовки вылетел клуб черного дыма, и в двадцати ярдах от борта «Хваэльгольда» поднялся белый фонтан. Через полминуты такой же фонтан взлетел в пятнадцати метрах за кормой судна.

Тем временем капитан вел корабль зигзагами через узкий проход между рифами. Некоторые из них можно было различить только по изменению цвета воды; другие были так близко от поверхности воды, что море над ними, казалось, кипело.

С крейсера больше не стреляли. Похоже, арабы хотели не столько потопить свою жертву, сколько запугать и принудить сдаться. А поскольку «Хваэльгольд» попытался ускользнуть, то ихвани оставалось только пуститься в погоню. Они последовали за торговым судном, но осторожно и неторопливо, прощупывая дно. Два Сокола удивлялся, что арабы вообще пошли на такой риск. Почему они так настойчиво преследуют их? Что значит для них какое-то грузовое судно? Может быть, их шпионы в Блодландии узнали, кто плывет в Хивику на борту «Хваэльгольда»? Тогда крейсер мог получить это сообщение по радио и выйти на охоту.

Это объясняло и то, почему корабль еще не потоплен. Им — как и перкунишанам, и блодландцам — нужен был Два Сокола, и живой, чтобы использовать его знания. Ради этого они рисковали, проходя рифами и нарушая границы хивиканских вод.

Гора Лапу стояла у самого берега.

С севера и юга ее склоны были круты и неприступны, но восточный плавно спускался к широкому пляжу черного песка. К нему и направил капитан свой корабль, выйдя из полосы рифов. Раздался тихий шорох килия об один из рифов — и корабль вышел на чистую воду. Капитан Вильфрик облегченно вздохнул:

— Тут крейсер не пройдет, не пропоров себе днища. Очень надеюсь, что он попытается.

Он приказал лечь в дрейф, бросить якорь и спустить две шлюпки. Крейсер не отважился пройти между рифами. Он осторожно развернулся на месте и наконец остановился, повернув нос в открытое море. Его моторы все время работали, чтобы судно не снесло на рифы, пока на воду спускали два катера. Два Сокола наблюдал за ними в бинокль. Он обратил внимание, что шлюпки вооружены двухдюймовыми пушками и мортирами. Кроме команды, в каждой находилось примерно по три десятка морских пехотинцев. В шлемах, обмотанных тюрбанами, стальных кирасах, алых шароварах и носатых башмаках, с ятаганами в ножнах они были похожи на средневековых сарацин. У каждого на поясе была большая синяя сумка, а в руках — винтовка.

Капитан Вильфрик предложил подойти поближе и расстрелять катера, пока те нашупывают проход между рифами. Гильберт возражал.

— Крейсер тебя просто потопит, а потом пошлет еще пару катеров с морской пехотой за нами. Пропусти их, и пусть они нас преследуют. Если твои матросы смогут, пусть расстреляют их из засады, но жертвовать собой я их не прошу. Пусть нападают с позиции, которую ихвани не взять — если такая найдется.

В двух шлюпках разместились Два Сокола, Гильберт, Квазинд, Ильмика и часть экипажа судна. Добравшись до берега, они вылезли из шлюпок, быстро пересекли пляж и начали подъем. Солнце к тому времени скрылось за горой, и на склон опустились сумерки. Над ними было чистое синее небо; зеленое море с белой линией прибоя лежало у их ног. Когда шлюпка с крейсера достигла берега и морские пехотинцы в ало-белом выпрыгнули на мелководье, у преследуемых было двадцать минут форы, которыми они воспользовались в полной мере. Сумерки сгущались, и карабкаться становилось все труднее. Потом солнце село, и продвижение вверх замедлилось еще больше. Путники лезли по склону, цепляясь за кусты и поминутно оскальзываясь.

Тут и там путникам встречались огромные дубы, посаженные, как сообщил Гильберт, двести лет назад королем Маимаи.

— За охранной стеной, — сказал он, — дубовый лес. Там нас будет не найти — если мы сумеем проскользнуть мимо охранников-хивикан.

— Странно, почему нас еще не заметили? — полюбопытствовал Два Сокола. — Я понимаю, что уже темно, но уж кораблей-то они не могли не заметить.

— Понятия не имею, — ответил Гильберт. — Может, хотя бы устроить нам засаду, как мы — ихвани.

Толстяк Гильберт дышал громко и тяжело. Только его вздохи и нарушали тишину на горе, да еще шорох сухой листвы и звуки шагов — треск веточек, шорохи, редкие приглушенные проклятия. Когда они наконец остановились и Гильберт перевел дух, тишина стала такой полной, словно они оказались в соборе в ту минуту, когда все склонили головы, ожидая начала молитвы. Но Два Сокола чувствовал, что это место не создано для молитв. Казалось, даже брошенное слово может грянуть молнией, а брань — расколоть гору напополам.

При свете звезд они двинулись дальше. Часа через два на небе появилась луна в третьей четверти, залила гору ртутным светом, и ползти вверх стало легче. Но когда они достигнут стены, яркий свет станет уже не преимуществом, а недостатком. Два Сокола про себя надеялся, что между стеной и лесом нет вырубки. Пройти при таком свете по открытому месту — значит показать себя всем заинтересованным лицам.

Через двадцать минут они достигли опушки. Как и опасался пилот, до стены оставалось еще сорок ярдов по крутому открытому склону. Двадцатифутовая стена была сложена из серых с черными прожилками каменных блоков без следов цемента. Через каждые тридцать ярдов из стены выступала стройная башенка, увенчанная каменным конусом.

— А где же стража? — прошептал Гильберт.

Лунный свет сверкал на зубах стены, отливавших металлом, точно готовых зазвенеть от удара. Но кроме шелеста ветра в листве, не было слышно ни звука.

Два Сокола взгляделся в темные узкие сводчатые входы в башни.

— Если охрана там, то она хорошо прячется. Что ж, придется идти. Оставайтесь здесь, пока я не доберусь до места.

С мотком веревки в левой руке и трезубым якорьком в правой он выбежал из тени огромного дуба. Он ожидал оклика из черного нутра башни и последующей за ним вспышки ружейного выстрела, но на стене, залитой металлическим блеском, все было тихо. Добравшись до подножия, Два Сокола прикинул высоту и, подпрыгнув, забросил якорек. Сверху послышался звонкий лягз, заставивший его вздрогнуть. До этой минуты он и не подозревал, какое ощущение *святости* вызывает у него это место.

Он потянул за веревку, и якорек зацепился. Перехватывая веревку руками и упираясь ногами в стену, он полез вверх. Поднявшись, Два Сокола перевалился через парапет и нырнул в его тень, ожидая окрика. Прошла минута, но все было тихо; пилот встал. Он находился на широкой дорожке, шедшей по верхнему краю стены, за высоким, в человеческий рост, парапетом.

Он вытащил револьвер и взбежал по лестнице в узкую дверь ближайшей башенки. Сквозь узкое отверстие в

потолке пробивался лунный луч, рассеивая немного темноту. Внутри никого не было. Приставная лестница вела наверх, на деревянную платформу, откуда стражник мог осматривать — и обстреливать — окрестности через шесть амбразур.

Два Сокола покинул башенку, прихватив с собой лестницу, спустил ее с внешней стороны стены и подал сигнал остальным. Скоро весь отряд собрался на стене. Гильберт приказал морякам рассеяться по стене на протяжении ярдов ста. Если ихвани захотят штурмовать стену в этом месте, блондландцы ответят огнем, если решат обойти — наблюдатель с башни заметит их маневр.

Гильберт, Квазинд, Ильмика и Два Сокола отправились дальше. Они прошли по стене до того места, где с ее внутренней стороны имелась лестница. Сразу за ней начиналась тропа, которая, петляя, уходила в гору. Они решили пойти по ней. Шанс наткнуться на засаду был невелик. Уже стало ясно, что хивикане бежали, хотя причина тому была пока неясна.

Пускай склон оставался крутым, по тропе идти было легче. Когда засерел рассвет, до вершины оставалось всего несколько сот ярдов. И здесь они наткнулись на первого хивиканина. Человек лежал лицом вниз у тропы. На нем была накидка из ярких разноцветных перьев, высокий гребень; лицо скрывала деревянная маска, украшенная гранатами, бирюзой и изумрудами. Два Сокола перевернул труп на спину и снял маску. Лицо жреца было темно-серым. Два Сокола снял с тела плащ, нагрудник из костей и перьев, хлопчатобумажную юбочку и осмотрел тело. Ран не было.

У Двух Соколов мороз пробежал по коже, на темя словно лег ледяной шлем. Другие, казалось, были ошеломлены не меньше — все, кроме невозмутимого Квазинда. Но и он, видимо, дрожал — великан был больше других подвластен страху перед неизвестным.

Два Сокола шагнул вперед и вновь остановился. Серый свет зари, казалось, сбивался кое-где комьями. Подойдя поближе, путники поняли, что комья эти не что иное, как гигантские статуи из серого гранита, черного базальта или серого ноздреватого туфа, приземистые, жабообразные, ухмыльчивые. У большинства из них были лица — искаженные лица людей или богов, у некоторых — звериные

морды, ушастые, носатые, клыкастые. Сотни их стояли на склоне горы. Сотни глаз смотрели в сторону моря, и лишь некоторые устремляли взгляд вверх, на вершину.

Квазинд едва не наступал Двум Соколам на пятки, так что тот вынужден был приказать товарищу держаться чуть дальше, сказав:

— Это же только камни. Мертвые скалы.

— Скалы-то мертвые, — пробормотал великан. — А то, что в них живет?

Два Сокола пожал плечами и снова направился вверх по тропинке. Чем выше он поднимался, тем отчетливее ощущал мрачные, почти осязаемо тяжелые взгляды идолов. Он говорил себе, что это лишь его собственные страхи: он ждет опасности и смерти, а фигуры олицетворяют их как нельзя лучше. Но грудь давило, дыхание спирало, а сердце колотилось в груди куда сильнее, чем можно было объяснить горной болезнью. Пилоту оставалось только посочувствовать своим товарищам. Несмотря на груз суеверий, они упорно шли вперед.

Далеко внизу зашелкали выстрелы. Все вздрогнули. Но на лицах отразилось скорее облегчение, чем беспокойство. Этот звук был таким человеческим, таким бытовым, что разрядил напряжение страшной, давящей тишины.

— Еще ярдов сто, и мы окажемся около пещеры, — заметил Два Сокола, глянув вперед.

Утоптанная темно-коричневая почва тропы под ногами внезапно кончилась. Склон впереди покрывала тускло-серая масса. Два Сокола ощутил тепло сквозь подошвы сапог и приказал остановиться.

— Лава. Еще теплая.

Лавовый поток излился из отверстия пещеры и, уплотняясь, растекая по склону треугольным фартуком. Вход в пещеру был до половины забит застывшей каменной массой.

— Теперь понятно, почему нет людей, — сказал Два Сокола. — Хивикане, наверное, решили, что вулкан сейчас взорвется. Или что боги разгневались на них. Или и то и другое вместе. Наверное, жрец, которого мы нашли, умер от разрыва сердца — запаха вулканических газов нет.

По мере приближения к пещере жара становилась все сильнее. Вскоре путники взмокли от пота, а подошвы их

сапог нестерпимо накалились. Добравшись до входа, они поняли, что долго здесь не продержатся.

Да в том и не было нужды. Карманный фонарик пилота осветил нагромождения застывшей лавы. Уже в двадцати футах от входа пещера оказалась закупорена полностью. Дальше дороги не было. Два Сокола по описаниям Гильберта знал, что пещера тянется внутрь горы по меньшей мере ярдов на сто. А Врата находятся — находились — в самом ее конце. Если вообще существовали.

Ничего не оставалось, как только забыть о Вратах и постараться ускользнуть от ихвани. Путники повернули и пошли вниз по тропинке. Не успели они одолеть полпути до стены, как шум перестрелки затих. Два Сокола дал знак остановиться.

— Если ихвани прорвались, они пойдут наверх, за нами. Если их еще удерживают за стеной, мы можем позволить себе немного подождать.

Они спрятались за огромным идиолом в пятидесяти шагах от тропинки, поели немного вяленого мяса с хлебом, прислонившись к холодному каменному боку и негромко беседуя. Утреннее солнце прогнало ночную прохладу. Время от времени Два Сокола высовывался и оглядывал дорожку внизу. Примерно через полчаса в его поле зрения появились маленькие фигурки в белом, алом и черном, гуськом поднимающиеся в гору. Солнце отблескивало на стволах винтовок.

— Ваши люди или убиты, или взяты в плен, — сообщил он Гильберту.

Гильберт взял бинокль и принялся наблюдать за арабами.

— Там, внизу, — заявил он через некоторое время, крепко выругавшись, — человек в ихванском мундире, но с перкунишанскими медалями! Тюרבана на нем нет, и я вижу светлые волосы! Судя по вашему описанию... нет, лучше гляньте сами.

Два Сокола взял бинокль. Ему не надо было долго вглядываться.

— Это Раске, — проговорил он, опуская бинокль.

— Откуда он здесь? — поразилась Ильмика.

— Очевидно, он установил связь с ихванским посольством в Ирландии. Он узнал, куда мы плывем, и предложил ихвани послать за нами крейсер. Я им нужен для того же,

для чего был нужен Перкунише и Блодландии. И если они не смогут взять меня живым — убьют во что бы то ни стало!

Он снова взял бинокль. Ему удалось насчитать тридцать два врага. Шестеро из них остались далеко позади основного строя, нагруженные двумя тяжелыми переносными гранатометами. «Хваэльгольд» все еще стоял на якоре в бухте, около рифов его караулил крейсер, похожий на голодного волка за оградой.

Два Сокола осмотрел горизонт. Далеко в море виднелись две ниточки дыма. Он молил, чтобы это был дым из труб военных кораблей Хивики, которые спешили сюда, чтобы остановить не имеющих права высаживаться здесь чужаков... Если бы только...

Он отложил бинокль. Теперь каждая минута была на вес золота. Два Сокола повел своих товарищей снова вверх, на гору, до лавового поля, потом свернул на север, обходя горящие камни, а за ними снова наискось вверх.

Обогнув вершину, они остановились. Гору здесь словно срезало — отвесный обрыв уходил к водам глубокого залива. Когда они, наискось поднимаясь вверх, уже наполовину обошли вершину, дорогу преградило ущелье. Чтобы попасть на другую сторону горы, им пришлось бы перелезть через вершину.

Тем временем ихвани заметили их и устремились вперед из последних сил. От беглецов их отделяло всего лишь три сотни ярдов.

— Что ж, — заметил Два Сокола, — вряд ли в Южной Африке мне будет хуже, чем где-то еще. Точно только подумать, что придется учить арабский — это уже четвертый язык, который я пытаюсь здесь освоить, и ни на одном не могу разговаривать свободно. Думаю, — добавил он, — вас отпустят, если я сдамся.

— А как же я, Роджер? — спросила Ильмика. — Ты оставишь меня?

— Ты поедешь со мной в Ихван?

— С тобой, — прошептала она, обнимая его, — куда угодно. И с радостью.

— Грустно тебе будет жить, — усмехнулся он. — Ихвани строго охраняют гаремы.

Он отпустил ее и снова взял бинокль. «Хваэльгольд» горел, с него спускали шлюпки. С борта крейсера поднимались

черные облачка дыма, вода вокруг блодландского судна вздымалась фонтанами. От крейсера отделилась белая щепочка и поплыла к проходу в рифах, оставляя за собой длинные седые усы, — новое пополнение ихванской морской пехоты. Но арабам придется еще отбивать позиции у блодландских матросов, окопавшихся на берегу.

Далекие нити дыма на горизонте, казалось, нисколько не приблизились. С такого расстояния и за такое короткое время было сложно определить, как быстро и в какую сторону движутся эти неизвестные суда.

Два Сокола опустил бинокль и выругался:

— К дьяволу этих ихвани! Надоело, что меня передают из рук в руки, как безделушку какую-то. Я — за попытку бегства, а если не удастся — за последний бой. Раньше или позже хивикане придут посмотреть, что тут творится. Тогда и сдадимся на их милость.

— Мы покажем ихвани, — подхватил Гильберт, — как иметь дело с блодландцами!

Два Сокола рассмеялся: в их группе было только два блодландца, и один из них — женщина. Впрочем, Ильмику не следовало списывать со счетов — стреляла она лучше любого мужчины.

Они вернулись к тому месту, где гора обрывалась отвесно. Там природа создала уступ размером примерно сорок на двадцать ярдов. За ним громоздилась трехсотфутовая каменная стена. Крутой склон под уступом хорошо просматривался: для нападающих не было никакого укрытия, кроме нескольких больших валунов, ближайший из которых находился от уступа в сотне ярдов. С правого фланга к обороняющимся можно было подойти без риска быть застреленным только на пятьдесят ярдов. А обходить их слева пришлось бы только через вершину. А на это ушло бы слишком много времени.

ГЛАВА 18

К часу дня ихвани ползком добрались до четырех валунов, представлявших собой единственное укрытие вблизи уступа. В это время трое мужчин на уступе собрали все подходящие камни на краю площадки, соорудив из них нечто вроде баррикады. Два Сокола подсчитал боеприпасы:

получилось по тридцать патронов на человека. Их следовало беречь.

Морские пехотинцы первыми начали обстрел. Добрых три минуты над головами укрывшихся свистели пули, отскакивали от скал и камней. В ответ не раздалось ни выстрела.

Воодушевленные такой пассивностью, десять морских пехотинцев начали карабкаться вверх, остальные прикрывали их непрерывным огнем. Два Сокола наблюдал из укрытия, как они приближаются. Он отметил, что солдаты с гранатометами значительно отстали от остальных. Похоже, гранатомет здесь — очень тяжелое орудие, в отличие от легких переносных гранатометов в его мире.

Два Сокола ждал. Даже когда стрельба почти прекратилась, он оставался в укрытии. И был прав — скоро выстрелы загрели вновь. По прикидке пилота, арабам оставалось лезть вверх еще добрых пятьдесят ярдов. Быстрый взгляд подтвердил его предположение. Десять ихвани, растянувшись цепью, упорно карабкались вверх, помогая себе свободными руками.

Два Сокола сделал знак, и Квазинд с Гильбертом, поднатужившись, столкнули с уступа обломок скалы. По-заячьи подпрыгивая, глыба покатила с горы. Она не задела никого из солдат, но двое, шарахнувшись от нее, потеряли опору и полетели за ней вслед, ломая кости.

Второй валун ударил одного ихвани в грудь и подбросил в воздух, как куклу. Остальные прекратили стрельбу, слишком занятые тем, как бы увернуться от летящих камней. Два Сокола и Ильмика воспользовались этим и открыли огонь. Каждый сделал три выстрела — и еще четверо ихвани выбыли из строя. Остальные отступили. Один из них поскользнулся на обратном пути и прокатился ярдов тридцать вниз по склону, прежде чем расколоть себе череп о небольшой валун.

— Теперь они не станут лезть на рожон, — сказал Два Сокола. — Если у них хватит ума, то они подождут, пока придет гранатомет. А тогда нам капут.

— Они не хотят взять тебя живым, Роджер, — заметила Ильмика.

— Да, вижу. Зачем им нужен я, если у них есть Раске?

Ихвани ограничивались редкими предупредительными выстрелами. Солдаты с гранатометом приближались очень

медленно, хотя к ним на помощь спустились еще несколько человек. Два Сокола рассчитал, что раньше сумерек доставить гранатомет на место они не смогут, но это ничего не меняло: навесной огонь ночью был так же убийствен, как и днем.

Людей с «Хваэльгольда» не было видно.

Баркасы с крейсера давно уже высадили людей, и морские пехотинцы, покинув прибрежную полосу, находились теперь где-то в лесном поясе. «Хваэльгольд» сильно накренился, но пока оставался на плаву. А две ниточки дыма заметно приблизились.

Гильберт сообщил Двум Соколам, что гранатомет стреляет на расстояние до двухсот ярдов. Роджер облегченно ухмыльнулся. Чтобы установить орудие на таком расстоянии, ихвани придется покинуть укрытие за дальней грядой валунов и примоститься за каменными обломками под уступом. А сделать это они осмелятся только ночью — каменные снаряды обороняющихся научили арабов осторожности.

Солнце погрузилось в океан. Голубое небо потемнело.

— Как только совсем смеркнется, уносим отсюда ноги, — сказал Два Сокола. — Ихвани понадобится время, чтобы подтащить гранатомет к этим камням. Остальные, может, и прикроют артиллеристов огнем, а может, и нет. Так или иначе, другого шанса у нас не будет. Мы пересечем склон справа и посмотрим, нельзя ли обойти их, пока они будут обстреливать уступ.

С запада накатывали тучи. Вскоре солнце зашло совсем, и гору укрыла темнота плотная, как обгорелое желе. Четверка осторожно начала спускаться по склону. Минутой спустя ночь разорвали выстрелы: морские пехотинцы пытались удержать защитников уступа на месте, пока гранатомет не будет установлен на нужную позицию.

Два Сокола заметил, что находится сейчас ниже линии огня. В голове его созрел новый план. Он шепотом рассказал остальным, что собрался сделать, и предупредил, что не настаивает. Если его товарищи будут против, они могут спокойно спуститься вниз и скрыться в лесу. Но возражений не было.

Четверка поползла на северо-восток, в сторону ближайших валунов, и достигла их за пару минут до гранатометчиков. За валунами хрипло переговаривались арабы,

устанавливавшие орудия. Трудно было сказать, есть ли у них отряд прикрытия, но Два Сокола решил, что чем дольше он будет откладывать атаку, тем меньше шанс захватить противника врасплох.

Два Сокола с Ильмикой спрятались за одним валуном, Гильберт и Квазинд — за другим, шагах в десяти.

Вначале все шло даже лучше, чем пилот смел надеяться. По его сигналу все четверо открыли стрельбу. Белые шаровары и тюрбаны ихвани хорошо различались даже в такой темноте — достаточно было целиться в темные полосы лиц.

При каждом гранатомете было восемь артиллеристов. Половина упала, пока остальные вытаскивали револьверы. Некоторые пытались бежать, оскальзывались и скатывались по склону в темноту. Остальные сражались — и гибли.

Два Сокола с Ильмикой двинулись было к брошенному гранатомету, но им тут же пришлось броситься в ближайшее укрытие. Морские пехотинцы внизу открыли яростный огонь. Первоначально Два Сокола собирался обстрелять их из гранатомета и смести со склона, но теперь это было невозможно. Солдаты быстро продвигались вперед широко растянутой цепью, собираясь отбить захваченное оружие.

Беглецы изредка отстреливались из-за валунов, но град пуль держал их в укрытии. Любая попытка перейти в наступление была бы просто самоубийством.

Два Сокола проклинали себя. Лучше бы они действовали по первоначальному плану. Если бы он не прельстился этой нелепой, наглой, безумной контратакой, четверка была бы уже в безопасности.

Внезапно пули перестали свистеть над головами и щелкать о камни, хотя грохот стрельбы не утихал. Было похоже, что внизу разгорелся настоящий бой. Слышались пронзительный свист и крики на незнакомом языке, по звучанию похожем на полинезийский.

Хивикане наконец пришли.

Бой продолжался едва пять минут, после чего оставшиеся в живых ихвани сдались. Хивикане, которым о подоплеке событий рассказали пленники, на скверном блондландском потребовали сдаться. Гилберт ответил на хивиканском, и вскоре четверо беглецов спустились к остальным пленным.

В числе пленных оказался и Раске. Он стоял, заложив руки за голову. Увидев Двух Соколов, немец громко рассмеялся:

— Дьявол, да вы скользки как угорь! Едва не проиграли, а? Повезло вам, как Гитлеру.

— А кто такой Гитлер? — спросил Два Сокола.

ЭПИЛОГ

Когда Два Сокола закончил свой рассказ, за окнами отеля уже занялось северное утро.

— И это все? — переспросил я. — А где же конец?

— Я и забыл, — сказал Два Сокола, — что слова Раске ничего для вас не значат. Когда Раске произнес их, они и для меня ничего не значили. Я был слишком озабочен нашей собственной судьбой, чтобы задумываться над этим. Всех нас — ихвани, блодландцев, Квазинда, Раске и меня — судили за нелегальный въезд в страну (преступление не слишком серьезное) и за вторжение в священное место (что каралось смертной казнью). Но мы с Раске могли предложить хивиканам наши знания в обмен на свои жизни, а я откупил таким образом своего друга Квазинда и блодландцев. Но поскольку король Хивики решил, что преступление не должно остаться безнаказанным, в назидание остальным повесили ихванских десантников и тех моряков, что уцелели после сражения. Два столба дыма, которые я заметил, поднимались из труб хивиканских крейсеров. Они и потопили ихванский корабль.

Мы провели в Хивике год, очень насыщенный год, и повторили то, что уже сделали в Перкунише и Блодландии. Когда нас наконец освободили, война уже закончилась. Эпидемия тоже завершила свое смертоносное шествие, унеся за три месяца вчетверо больше жизней, чем вся война. Перкуниша развалилась; часть армии и простонародья взбунтовалась, новый правитель, простолюдин по имени Виссамбр, провозгласил республику... ну, вы все это знаете.

— Ну а как насчет этого... Гитлера? — спросил я.

Два Сокола улыбнулся:

— Раске ответил мне на этот вопрос, когда мы сидели в хивиканской тюрьме. Он рассказал мне о мире, из которого

пришел. Как я уже говорил, в Перкунише у нас было слишком много работы, и нам ни разу не удалось по-настоящему поговорить о нашей прошлой жизни на Земле, которую мы считали нашей общей родиной. Кроме того, мы избегали говорить о политике, решив, что бессмысленно продолжать ссоры, начатые в навсегда утерянном для нас мире.

И только в Хивике выяснилось, что мы одновременно прошли через одни и те же Врата, — но с двух *разных* Земель.

— Невероятно!

— О да. Правителем Германии в моем мире был кайзер, внук того кайзера, который втянул Германию в первую мировую войну. Судя по рассказу Раске, в его мире кайзер после первой мировой бежал в Голландию. Впрочем, эта война в его мире произошла на десять лет позже, чем в моем, если наша относительная хронология верна. Во Вселенной Раске власть в Германии захватил австрийский демагог по фамилии Гитлер, и он же развязал вторую мировую войну.

Конечно, кайзеры времен первой мировой в моем мире и в мире Раске были разными лицами. Даже имена у них были разные. Однако ход истории в наших мирах во многом удивительно совпадал — настолько, что это не может быть просто случайностью. Так что моя теория о том, что эта Земля населена людьми, которые прошли через Врата с моей Земли, теперь полностью опровергнута.

Вы знаете — впрочем, откуда же? — что два Плоешти подверглись нападению американских бомбардировщиков в один и тот же день? Раске летал на «мессершмитте», самолете неизвестного мне типа, и собирался атаковать американский бомбардировщик «либерейтор», очень похожий на мой, хотя «Гайавата» был класса «вендженс».

Итак, теперь мы знаем, что Врата могут связывать между собой не два мира, а больше.

В дверь постучали. Мой собеседник открыл ее. На пороге стояла прекрасная Ильмика Торсстейн.

— Простите, господа, но нам уже пора, — напомнила она.

Минутой позже в комнату вошли двое мужчин, и Два Сокола представил мне великана Квазинда и симпатичного блондина Раске.

— Куда вы направляетесь? — спросил я.

— Мы узнали о каких-то странных явлениях в ледниках Верхнего Тюрсланда, — сказал он. — Кочевники уокаша рассказывают истории о необычайных событиях в одной из тамошних долин; судя по описаниям, это Врата. Если эти рассказы основаны на фактах, мы, вероятно, больше никогда не увидимся. Но если у них нет никаких реальных оснований, как я подозреваю, мы будем вынуждены остаться здесь. Раске тоже хотел бы вернуться в родной мир, но если не получится, он отправится в Саарисет. Он получил оттуда великолепное предложение, и если примет его, то всю жизнь проживет как король. Боюсь, тигру полосы не замажешь. А мы с Ильмикой вернемся в Блодландию.

Он улыбнулся и встал:

— Это, может быть, не лучший из возможных миров. Но мы оказались в нем. И сделаем его лучшим.

**ПРОБУЖДЕНИЕ
КАМЕННОГО БОГА**

Он очнулся и не понял, где оказался.

В пятидесяти футах от него трещал огонь. Дым ел глаза, вызывал слезы. Где-то кричали и вопили люди.

Открыв глаза, он увидел, как из-под его простертых рук упал кусок пластика. Что-то легко ударило по коленкам, скользнуло к ногам и свалилось на каменную площадку.

Он восседал в кресле — своем рабочем кресле. Кресло покоилось на высоком троне, высеченном из гранита, а сам трон стоял на круглой каменной платформе. На камне виднелись темные красно-коричневые пятна. Упавший предмет оказался частью стола, на который он опирался, когда потерял сознание.

Он находился в одном из концов гигантского строения, сложенного из огромных бревен; высоко вознесенные над головой громадные балки опирались на деревянные колонны. Пламя вырывалось из-за стоящей перед ним стены. Крыша на другом конце провалилась, и дым относил ветром в сторону. Сквозь дыру виднелось небо. Оно было темным, чуть светлея вдали. В пятидесяти ярдах от здания виднелся освещенный пламенем холм. На вершине холма вырисовывались силуэты деревьев, покрытых листвой.

Еще мгновение назад была зима. Здания Исследовательского Центра Сиракузы, что в Нью-Йорке, окружали глубокие снега.

Ветер изменил направление, и панораму заволокло дымом. Пламя взвилось и охватило многочисленные столы и

скамейки, а потом и толстые колонны, поддерживающие крышу. Они напоминали тотемные столбы с жуткими, вырезанными одно над другим лицами. На столах стояли блюда, кубки и прочая посуда. Из перевернутого кувшина на ближайшем столе лилась темная жидкость.

Он встал и закашлялся, когда дымные щупальца потянулись к его голове. Он спустился с сиденья высокого трона — теперь, в свете разгоравшегося пламени, можно было различить, что сделан трон из черно-красного гранита с вкраплениями кварца. Он изумленно огляделся вокруг и увидел полуоткрытую дверь — не то двустворчатую, не то и вовсе ворота. А снаружи метались языки пламени и бородились, извивались и падали с криком чьи-то тела.

Покуда огонь и дым не добрались до него, следовало подумать о бегстве. Но и оказаться в гуще битвы неохота. Он припал к каменной платформе и потом соскользнул на твердый земляной пол зала.

Оружие. Ему необходимо оружие. Он пошарил в кармане пиджака и достал перочинный ножик. Нажал кнопку — выскочило шестидюймовое лезвие. В Нью-Йорке 1985 года законом возбранялось иметь нож с лезвием такой длины — но если в 1985-м человек хотел себя защитить, приходилось зачастую поступать так, как закон не велит.

Не переставая кашлять, он стремительно прорвался сквозь дым и достиг раскрывающихся в обе стороны дверей. Он встал на колени и заглянул под них, так как верхний край находился выше его головы.

Пламя горящего зала и других зданий слилось, освещая причудливую картину. Вокруг плясали пушистые лапы и хвосты, белые, черные и коричневые. Лапы, похожие на человеческие ноги — но и непохожие. Они странно изгибались, скорее напоминая задние лапы четвероногих животных, которые вдруг решили выпрямиться, подобно человеку, и сделались полузверьми-полулюдьми.

Хозяин одной пары ног повалился на спину; из его живота торчало копьё. Человек разрывался между ужасом и растерянностью. Существо напоминало гибрид человека с сиамским котом. Шерсть на теле была белой, мордочка ниже лба — черной, такой же, как и нижние части ног, рук и хвоста. Лицо было плоским, как у человеческого существа, без выдающейся вперед морды, однако нос был круглым и черным, как у кота, черными были и заостренные

уши. Из распахнутого предсмертным воплем рта торчали острые кошачьи зубы.

Существо с такими же кривыми ногами и длинным хвостом, но одноцветным коричневым мехом выдернуло копые из тела. А потом раздался крик, тварь качнулась вперед и упала поперек сиамски-человеческого создания, и человек смог внимательно рассмотреть тело копыеносца. Он также выглядел, словно на эволюционном пути от четвероногого существа к двуногому успел обзавестись многими вполне человеческими чертами — морда отсутствует, глаза расположены спереди, а не по сторонам, отчетливо виден подбородок, грудь широкая. Руки существа напоминали человеческие. Но если первое существо походило на сиамского кота, то второе — скорее на енота. Оно было почти все коричневым, за исключением глаз и щек, покрытых черными полосками меха.

Кто убил его, человек не видел.

Наружу лучше не выходить, пока пламя не заставит. Он нагнулся к воротам и посмотрел в щелочку. Его занесло в другую реальность. А может, он в своей реальности, а жуткое зрелище — всего лишь фантазия, порождение глубин его подсознания?

Пламя лизало спину. На другом конце здания рухнула часть крыши. Человек встал на четвереньки и подлез под ворота, надеясь остаться незамеченным.

Он крался вдоль стены. Дым вновь сгустился. Это было ему на руку, но вызвало кашель и наполнило глаза слезами. Поэтому-то он и не увидел енотоподобного существа, которое вылетело на него из клубов дыма с поднятым вверх томагавком. И человек так и не понял, что оно вовсе не нападало на него, а потом было уже слишком поздно. Видно, существо налетело на него чисто случайно, ослепленное дымом и потерей одного глаза, который висел на ниточке нерва. Возможно, оно вообще не подозревало о его существовании, пока не налетело на него.

Человек нанес удар снизу вверх, и лезвие вошло в поросший шерстью живот. Хлынула кровь, существо качнулось назад, соскальзывая с ножа. Томагавк упал возле головы человека. Существо пошатнулось, схватилось за живот, потом обернулось и упало на бок. И лишь тогда человек понял, что енотоподобный не собирался нападать. Он подобрал

томагавк, переложил нож в левую руку и пополз прочь. Дым вновь окутал его, и он закашлялся.

Хотя он и замерз, но двигаться был способен. К нему приближался еще один енотолицый. Этот, очевидно, видел его, но смутно. Щурясь от дыма, он заковылял к человеку. Короткое тяжелое копьё с каменным наконечником он держал обеими руками, выставив перед животом. Внезапно он присел, будто не веря глазам своим.

Человек выпрямился, держа томагавк и нож наготове. Он чувствовал, что надеяться ему особенно не на что. Хотя рост поросшего шерстью существа и не превышал пяти футов и двух дюймов и весило оно каких-нибудь сто тридцать пять фунтов, а человек был ростом в шесть футов три дюйма при весе в сто сорок пять фунтов, бросать томагавк он не умел. Надо же, какая ирония судьбы — ведь в его жилах текла и кровь ирокезов.

При его приближении енотолицый замедлил шаг и примерно за тридцать футов остановился. Потом глаза того округлились, и он заорал. Во всеобщей свалке никто бы и не услышал его крика, но шестеро других — трое кошколюдей, как человек их мысленно назвал, и трое енотолицых — их заметили. Бросив сражаться, они уставились на человека, а некоторые окликнули ближайших воинов. Те также бросили колоть и рубить друг друга, и над ними нависла недвижная безгласная тишина.

Человек рванулся к лестнице. На его пути оказался только енотолицый, который заметил его первым. Остальные, конечно, могли бросать копьё и томагавки, но рискнуть все же стоит. Луков и стрел он покуда не заметил ни у кого.

Енотолицый по мере приближения человека отодвигался в сторону, но все же мог бы, если бы захотел, преградить человеку путь к лестнице. Потом енотолицый шагнул вперед и поднял копьё, и человеку осталось только защищаться. Он не желал лишаться томагавка — но ведь ему даже и с томагавком против копьё не выстоять. Нет, его единственный шанс — расправиться с существом прежде, чем оно подберется достаточно близко, чтобы вонзить копьё. Он метнул томагавк изо всех сил, на какие только было способно его непослушное тело. И скорее благодаря везению, чем мастерству, лезвие ударило енотолицего в шею. Тот опрокинулся навзничь.

Зрители, которыми стали уже все бойцы, разразились воплями. Даже человек мог понять, что кошколюди кричали в восторге, а енотилицы — в отчаянии. Енотилицы все до одного бросились к лестницам, бросая наземь копья и томагавки. Кое-кому удалось перебраться через ограду, но большинство было зарублено или заколото в спину, прежде чем они добрались до лестниц, а то и прямо на них. И лишь немногие были взяты в плен.

Теперь только человек понял, что и этот енотиличий вовсе не собирался пронзать его копьем. Он поднял оружие, чтобы бросить его наземь в знак подчинения. Но в этот миг томагавк уже пришел в движение. Реальность — не магнитофонная лента, и ее невозможно проиграть заново, переписать или стереть.

Кошколюди столпились вокруг него, хотя и не настолько тесно, чтобы прикоснуться к человеку. Они опустились на колени и поползли к нему, простирая руки. Их оружие осталось лежать на земле. Выражение их лиц было странным. Мех, круглые, черные, влажные носы, широко расставленные длинные острые зубы, совершенно кошачьи глаза — невозможно понять, что они выражают. Но движения свидетельствовали о страхе, трепете и благоговении. Каким бы ни было выражение их лиц, опасности ему оно явно не сулило.

Пламя за его спиной разгоралось все ярче, он уже видел отблеск их глаз. Зрачки казались узкими листьями на фоне огня.

Один подошел совсем близко и вытянул руку, чтобы его коснуться. Рука, хотя и шерстистая, напоминала человеческую. Она имела четыре пальца и ногти, а не когти. Большой палец отставлен в сторону.

Человек почувствовал кончики пальцев на своем бедре, и это прикосновение словно пробило некий защитный барьер. Ночное небо, пылающие здания, высокие частоколы, коричневые и черно-белые хвостатые тела, а заодно и горящие глаза и маленькие лица женщин и детей, выглядывающих из хижин. Мир завертелся, все быстрее и быстрее. Коленопреклоненное существо в ужасе вскрикнуло и попыталось отползти, не вставая с колен. Человек повалился, ударился плечом и растянулся на земле, а все остальные опрометью неслись мимо него. Он видел отчетливо лишь черный кончик хвоста у себя перед глазами. Хвост все

подрагивал и подрагивал. Он сделался большим и черным, и все вокруг погрузилось во мрак и безмолвие.

Свет и звук возвратились. Он лежал навзничь. Спины его касался мягкий мех, а под ним еще что-то мягкое. Над головой нависал низкий потолок с почерневшими от дыма балками. С потолка тянулись кожаные ленты, на лентах болтались деревянные фигурки, украшенные полосками меха. Комната, футов двадцать на тридцать, была заполнена котоподобными созданиями. Рядом с его кроватью стояли самцы, но потом сквозь образовавшийся проход между самцами прошла самка. Она была около пяти футов ростом и имела совершенно круглые груди, покрытые мехом, и маленькие безволосые участки кожи вокруг сосков. На шее она носила три ряда бус из громадных голубых камней, на руках — меховые манжеты, на которых покачивались маленькие каменные фигурки. Ее удивительные темно-синие глаза напоминали ему глаза сиамских кошек, которые жили у его сестры.

Самцы носили костяные бусы и подвески, ручные и ножные браслеты с крошечными статуэтками или геометрическими фигурками, а у нескольких голову украшал убор из перьев на манер тех, что носили в вестернах индейские вожди. Лишь некоторые были вооружены, и их оружие скорее можно было счесть церемониальным, нежели боевым, судя по его декоративности и легкости.

Самка склонилась над человеком и что-то произнесла. Он не понял ни единого слова — впрочем, он и не надеялся понять. Язык невозможно было отождествить ни с одной известной языковой семьей. Ничего напоминающего германские наречия — или славянские, семитские, пусть даже китайский или банту. Если он и походил на что-нибудь, так это на плавно звучащий полинезийский диалект, но без гортанных звуков и пауз. Позже, когда его уши немного привыкли, он различил паузы, но в отличие от полинезийского, по-видимому, они ничего не значили.

Ее зубы были зубами хищника, но дыхание не было зловонным. Язык казался таким же шершавым, как у кошки. Несмотря на удивительно чуждую внешность, он посчитал ее достаточно привлекательной. Правда, он тут же решил, что сиамские кошки всегда были красивыми и загадочными созданиями.

Он приподнялся на локте и попробовал сесть. Рядом с ним лежал испачканный кровью нож. Самка отшатнулась, и самцы за ее спиной, тесня друг друга, отодвинулись прочь. В их шепоте слышался ужас.

Человек посидел недолго, хватаясь руками за край кровати. Собственно, он лежал не на кровати, а на куче шкур внутри небольшой ниши в стене. Окон не было, источниками света были две открытые двери в дальней стене и несколько факелов, горящих в подставках вдоль стен. Снаружи толпились самцы и с ними несколько самок и детенышей. Детеныши — котята? — с большими черненькими ушками, круглыми мордочками и большими глазами выглядели премоило. Хвосты их были несколько светлее, чем у взрослых.

Человек встал на ноги. На секунду в глазах потемнело, но потом в голове прояснилось. В тот же миг существа снова раздались, и сквозь них прошла еще одна самка. Она несла большую глиняную чашу, украшенную по бокам геометрическим орнаментом, с супом из мяса и овощей. Аромат был удивительно аппетитным, хотя и необычным. Он принял чашу и деревянное приспособление — ложку с одной стороны и двузубую вилку — с другой. Суп оказался восхитительно наваристым, а кусочки мяса напоминали оленину. На миг ему представилось, что на мясо пустили еноталице, но потом он решил, что слишком голоден, чтобы думать об этом. Не обращая внимания на напряженную тишину и пристальные взоры собравшихся, он съел весь суп. Самка унесла чашу, и все столпились вокруг, будто ожидая от него дальнейших действий.

Человек двинулся к ближайшей двери, и перед ним раступились. Солнце только что осветило холмы на востоке. Он слишком долго пролежал без сознания — возможно, вследствие шока, который он испытал, очутившись в незнакомой пугающей обстановке.

Теперь, когда его мысли прояснились... Где же он очутился? Где же, черт побери?..

Холмы и деревья, которые он видел вдалеке, на первый взгляд походили на окрестности Сиракуз. Но больше ничего знакомого.

Большой зал сгорел не полностью, да и все остальные здания, от которых, он думал, остались одни головешки,

тоже лишь полуобгорели. Земля вокруг них была еще мокрой от дождя, который погасил пламя.

Огороженная деревня, не говоря уже о громадном деревянном строении, удивительно напоминала своими длинными домами онондагское поселение семнадцатого века. Веревочные лестницы и трупы исчезли. Поблизости стояло несколько деревянных клеток с дюжиной пленных енотов.

Ворота частокола были открыты, и через них виднелись поля кукурузы и прочих злаков. На полях работали самки. Детеныши помоложе бегали вокруг, а более старшие помогали матерям. Вооруженные самцы охраняли поля, некоторые стояли на наблюдательных вышках или рядом с частоколом.

Прежними остались лишь солнце да небо.

Кошколюди явно выжидали, как он теперь поступит. Он надеялся, что не сделает ничего такого, что обратит их благоговение в ненависть. Он был совершенно сбит с толку и мог бы сойти с ума, не будь он прирожденным прагматиком.

Единственно правильное решение — изучить их язык.

Он указал пальцем на самку, которую увидел первой — ту, которая напоминала ему о сиамской кошке его сестры, — а потом на себя и произнес:

— Улисс Поющий Медведь.

Она взглянула на него. Остальные забормотали и непонятно заволновались.

— Улисс Поющий Медведь, — повторил он.

Она улыбнулась или, во всяком случае, приоткрыла рот. Жутковатая улыбка. Такие зубки за один укус могут вырвать из него изрядный шмат мяса. Не то чтобы они выглядели сравнительно большими, как у домашних кошек. Собственно, они были даже маленькими, и клыки лишь самую малость длиннее остальных зубов. Но до чего острые!

Самка что-то сказала, и он вновь повторил свое имя. Стало очевидно, что она пыталась повторить его слова, хотя, возможно, и не догадываясь, что он назвал себя.

Через некоторое время она сумела выдать:

— Вуриза бааюша мадеда.

Точнее воспроизвести звуки английского языка ей не удалось.

Он пожал плечами. Что ж, придется приспособливаться. Он должен узнать их язык.

— Вуриза, — сказал Улисс и улыбнулся.

Большинство существ выглядели озадаченными. Лишь много времени спустя Улисс понял почему. В конце концов, каждый думает, что его бог будет разговаривать на языке своих почитателей. Вот он, их бог и спаситель, тот, кого они ждали сотни лет — и говорит он на языке богов не лучше новорожденного младенца.

К счастью, вуфеа умели рассуждать не хуже людей. Их верховный жрец и его дочь Авина высказали предположение, что когда Вувизо, бог вуфеа, превратился в камень, его околдовал Вурутана, Великий Пожиратель. Вувизо забыл свой язык, но он его быстро вспомнит.

Авина сделалась его главной наставницей. Почти все время она была рядом с ним и, поскольку любила поболтать — даже и с богом, повергающим ее в трепет, — обучался он довольно быстро. Она была умна — иной раз ему казалось, что Авина умнее его, — и находила множество способов ускорить его обучение.

Нельзя было отказать ей и в чувстве юмора. Когда однажды Улисс наконец понял один из ее каламбуров, ему стало ясно, насколько он продвинулся в своих занятиях. Он был так доволен собой и ею, что чуть не поцеловал ее. Но потом спохватился и, образно говоря, оттащил себя за шиворот. Он слишком привязался к этому нежному, изящному смешливому созданию. И сделал это непреднамеренно. Тем не менее она стала точкой опоры, островком посреди моря неизвестности в неведомом мире. Да и общаться с ней было приятно. Когда она ушла, он почувствовал необычайное стеснение, словно лава напирала на стальную дверь его привычек.

С того времени как он понял ее первый каламбур, он уже успел ознакомиться с территорией деревни и ее окрестностями на несколько миль в округе. Ему всегда сопутствовали вождь и дюжина молодых воинов. Они отходили на некоторое расстояние от деревни в любом направлении и там его останавливали. Он хотел идти дальше, отдавая себе отчет, что не готов покуда навязывать свое мнение тем, кто, в сущности, были его тюремщиками.

К северу и западу тянулись высокие пологие холмы, между ними блестели озера, речушки и множество ручейков,

как возле Сиракуз. На востоке, в нескольких милях начинался огромный вечнозеленый лес. К югу на две мили пространство покрывали холмы, а за ними тянулась обширная низменность. Насколько Улисс мог видеть с вершины холма, повсюду простиралась равнина. Только где-то на горизонте виднелась темная полоска, которую он принял было за горную цепь. Во время второго путешествия он решил, что это облачная гряда. А на третий раз он вообще не мог сказать, что это такое.

Он спросил об увиденном Авину, и та, странно взглянув на него, ответила:

— Вурутана!

Она произнесла это так, словно не могла взять в толк, почему он спрашивает.

Слово «Вурутана», как уже знал Улисс, означало Великого Пожирателя. Означало оно и что-то еще, но Улисс не освоился покуда с языком в достаточной мере, чтобы уловить некоторые нюансы.

По словам Авины, на севере и востоке располагались другие деревни вуфеа. Их враги, которые называли себя вагарондитами, жили дальше к северу и востоку. В этой деревне было человек двести, а вообще вуфеа насчитывалось около трех тысяч.

У вагарондитов существовал свой язык, отличный от вуфеа, но обе группы для общения пользовались третьим наречием, которое они называли аирата.

Вуфеа не только не изготавливали металлических изделий, но даже понятия о них не имели. Нож Поющего Медведя был первой сталью, которую им довелось увидеть.

Более того, лук со стрелами остался им неведом. Этого Улисс не понимал. Они могли не знать металла, потому что его не было в округе. Но даже у людей каменного века существовали луки и стрелы. Правда, потом он вспомнил об аборигенах Австралии, которые были так технически отсталы, что тоже не имели никакого представления об использовании упругости материалов. Им это было просто ни к чему. Они были достаточно развиты, но лука не изобрели. И потом, существовали американские индейцы, которые делали колеса к игрушкам своих детей и тем не менее ни повозок, ни телег на колесах так и не построили.

В своих путешествиях, особенно на восток, он постоянно искал подходящее дерево и, найдя одно, напоминающее тис, велел воинам нарубить каменными топорами веток и отнести их в деревню. Там он раздобыл необходимые жилы и перья и после некоторых неудачных экспериментов изготовил изрядное количество луков и стрел.

Несмотря на все свое изумление, вуфеа быстро освоилась с луками. Немного попрактиковавшись с соломенными чучелами, которые он соорудил, они выпустили вагарондитского пленника, проводили за поля и велели идти своей дорогой.

Улисс было заколебался, ибо не знал, насколько простирается его авторитет. Он уже усвоил, что является кем-то вроде бога. Вуфеа сказали ему об этом, но даже и вздумай они промолчать, он догадался бы по их отношению. Он даже принял участие в некоторых церемониях, проходивших в еще не до конца отстроенном храме. А вот что он за бог и какова его сила, он не знал. Похоже, настало время это выяснить. У него не было особых причин вступаться за вагарондита, но он обнаружил, что попросту не может поступить иначе. Он не мог спокойно стоять в стороне, пока молодые бойцы пробовали на енотолицем свое искусство.

Поначалу кое-кто из вуфеа собирался заспорить. Они угрюмо поглядывали в его сторону, в их рядах слышался ропот. Но никто открыто не выступил против, а когда верховный жрец Аифира, отец Авины, обрушился на них, потрясая жезлом со змеей и большой птичьей головой, гремя камнями в тыкве, он на них быстро нагнал страху. Смысл его речи сводился к тому, что теперь они существуют при новом режиме. Их мысли, каким быть богу, совсем не обязательно должны совпадать с его собственным мнением. И если они сейчас же не образумятся, то удар божественной молнии обратит их в камень — в противоположность той процедуре, благодаря которой Каменный Бог проснулся, обрел плоть и вновь обитал с ними вместе.

Впервые Поющий Медведь получил хоть намек на то, что же с ним произошло. Позже он расспросил Авину, стараясь так формулировать свои вопросы, чтобы она не догадалась о глубине его невежества. Она застенчиво улыбнулась, взглянув на него искоса своими большими глазами,

и сузила зрачки. Может быть, она смекнула, что он не знает, что случилось. Но если она оказалась достаточно умна, чтобы понять это, у нее хватало ума и на то, чтобы держать язык за зубами.

Он был камнем. Его нашли на дне озера, которое обмелело после гигантского землетрясения. Он примерз к гигантскому креслу, и его локти покоились на обломке камня. Он сидел в каменном кресле, чуть подавшись вперед. Он был так тяжел, что потребовались усилия всех самцов двух деревень, чтобы выудить его из хляби и перетащить на катках в деревню. Там его водрузили на гранитный трон, который был приготовлен для него много поколений тому назад.

Улисс Поющий Медведь спросил ее о троне. Кто создавал его? Ничто не указывало на умение вуфеа обрабатывать камень.

Трон был найден в руинах великого города Древних. О самих Древних и о том, где находится их город, она высказалась крайне неопределенно. Где-то на юге. Давным-давно, двадцать поколений назад, вуфеа жили на много переходов южнее. Там была степь, и по ней бродили тысячи животных. Потом на месте деревень и древнего города возрос Вурутана, и вуфеа вынуждены были бежать на север, спасаясь от тени Вурутаны. Им пришлось бы передвинуться на север в следующем поколении вновь, если бы в Ву-визо не ударила молния, он перестал быть камнем и вновь не обрел плоть.

Похоже было, что молния ударила в него во время бури, свирепствовавшей в ночь нападения вагарондитов. Именно она и подожгла храм. А остальные пожары были на совести вагарондитов.

Этой ночью Улисс вышел наружу из своих новых покоев в храме. Он взглянул на небо и призадумался, на Земле ли он находится. Но как он мог оказаться где-то еще? А если он на Земле, то какой же сейчас год?

Звезды складывались в незнакомые созвездия, а луна казалась больше, словно она приблизилась к Земле. И она не была более нагим серебристым шаром, какой он знал ее. Она была голубой и зеленой с клубящимися белыми массами облаков. Собственно, луна больше всего напоминала Землю, видимую со спутника. Если это была Луна, то ее *терраформировали*. Над ее скалами потрудились, что-

бы добыть из них воздух, сформировать почву и снабдить ее водой. В прошлом не раз появлялись статьи о возможности терраформирования, но даже начать подобную работу предполагалось не раньше чем через несколько столетий.

Если он мог быть уверен хоть в чем-то, помимо того факта, что он жив, так это в том, что с 1985 года над Землей промчалось куда больше чем пара веков или даже тысячелетий.

К тому же требуются миллионы лет, чтобы эволюция смогла произвести разумное человекообразное существо из домашних кошек. Строго говоря, такая эволюция и вовсе невозможна. В его время кошки были слишком специализированными животными. Тупиковая ветвь развития.

Но вуфеа вовсе не обязательно были потомками этих кошек. Сходство с сиамскими котами вполне могло оказаться обманчивым. Возможно, у них был какой-то иной предок. Хотя бы тот же самый енот. У енотов специализация не зашла слишком далеко. Но как могло двуногое существо с человекоподобными руками произойти от современных ему кисок?!

Может, напоминающие кошек вуфеа и схожие с енотами в той же мере, что и с кошками, вагарондиты произошли от енотов или даже приматов — лемуров, к примеру. Однако если судить по форме глаз — едва ли. Нет, невозможно. И почему сохранились хвосты? Улисс не замечал, чтобы от них была хоть какая-то польза. Высшим человекообразным обезьянам эволюция хвосты пооборвала. Почему она оставила хвосты этим созданиям?

Встречал Улисс и других животных, о которых стоило поразмыслить. Были лошади, уменьшенные копии чистокровных рысаков его времени, обитавшие на равнинах к югу от деревни. Некоторые виды или породы населяли лес. Они служили пищей вуфеа, которым еще не приходило в голову прокатиться верхом. Лошади существенно не изменились. Но ему попадалось на глаза животное с изящной мордочкой и шеей, как у жирафа. Оно объедало листья с деревьев. Улисс мог бы поклясться, что животное произошло от лошади.

Встречалась ему и белка-летяга, правда, не совсем такая, как известный ему зверек, способный лишь к планирующему

полету. У этой белки крылья были как у летучей мыши, и летала она совсем как летучая мышь. Но она была грызуном — а значит, должна была вести свое происхождение от белки-летаги.

Встречалась еще птица, двенадцати футов ростом, на очень толстых ногах, однако выглядела она в точности так, будто ее предком служила обитавшая на юго-западе Соединенных Штатов маленькая птичка-бебугнок.

И существовала еще масса других животных, получившихся за много миллионов лет эволюции из видов, которые он знал когда-то.

Авине было любопытно, какую жизнь он вел до того, как обратился в камень. Он предпочел поведать ей как можно меньше, покуда он не выяснит, какой она представляет себе эту его жизнь. Она рассказала несколько религиозных преданий о Вувизо. Сводились они к тому, что он был одним из древнейших богов — единственным, пережившим ужасающую битву между ними и Вурутаной, Великим Пожирателем. Вурутана победил, и остальные боги были уничтожены. Все, за исключением Вувизо. Он спасся, но, чтобы обмануть врага, который следовал за ним по пятам, превратился в камень. Вурутана оказался бессилен причинить вред каменному Вувизо, но он унес бога и похоронил его под горой, где никто не мог его отыскать. Потом Вурутана начал разрастаться, чтобы захватить всю Землю.

Между тем Вувизо лежал в сердце горы, бесчувственный и неподвижный. И Вурутана был доволен. Но даже Вурутана не был сильнее величайшего из богов — Времени. Время размыло скалу, и потом река унесла Каменного Бога в каньон и спрятала на дне глубокого озера. Землетрясение подняло озерное дно, воды схлынули, и вуфеа нашли Каменного Бога, как и было предсказано. И вуфеа ждали много поколений — ждали предсказанного им удара молнии, которая вернет его к жизни. И, наконец, в час величайшей для вуфеа опасности, давно уже предначертанной, землю накрыла буря, и удар молнии освободил Вувизо от каменного плена.

Улисс Поющий Медведь не сомневался, что в этом мифе была доля правды.

В 1985 году — сколько эпох миновало с тех пор? — он был биофизиком, работающим над проектом «Ниоба». Он оказался на полпути к получению докторского диплома в соседнем Сиракузском университете. Целью проекта было создание «замораживателя материи», как его называли участники проекта. Механизм должен был останавливать на неопределенное время любое движение атомов в каком-либо объеме материи. Молекулы, атомы и частицы, которые составляют атомы — протоны, нейтроны и т.д., — должны были прекратить всякое движение. Бактерии, подвергнутые воздействию сложного облучения «замораживателя материи», стали бы микроскопическими статуями. Они были бы словно сделанные из камня — но камня неуязвимого. Ничто — ни кислоты, ни взрывы, ни атомная радиация, ни сильный нагрев — не могло бы его разрушить.

Механизм можно было использовать для сохранения объектов или для производства «лучей жизни» — или «лучей смерти», если вам больше нравилось это название. Но до его практического применения было еще далеко, ибо радиус действия прибора был невелик, а потребности в энергии огромны. И никто не знал хотя бы в теории, как вернуть к жизни «окаменелую» материю.

Замораживали бактерию, амёбу, земляного червя, крысу. В то утро когда Улисс впал в свой долгий сон, он работал над экспериментом, в котором облучали лабораторную морскую свинку. Если бы эксперимент удался, в следующий раз заморозили бы пони.

Все шло как обычно — до поры до времени. Улисс сидел за своим столом, готовый в любую минуту вскочить и помчаться через комнату к пульту управления, за которым следил. Подали энергию, и включился «замораживатель материи». Через стол он видел пульт со всевозможными индикаторами мощности, датчиками и целой уймой других измерительных приборов.

Вдруг стрелка главного индикатора мощности качнулась к красной черте. Операторы вскрикнули, один вскочил. Улисс заметил только, как стрелка зашкалила. И это все, что он помнил. Между этим воспоминанием и той минутой, когда он открыл глаза в горящем храме, не было ни малейшего промежутка.

Сообразить в общих чертах, что случилось, было нетрудно. Что-то в сложном механизме разладилось, аппарат взорвался или внезапно испустил тонкий концентрированный луч, хотя теоретически он еще не был на это способен. И его, Улисса Поющего Медведя, задело. «Заморозило». Спаслись ли остальные или тоже превратились в камень, он не знал. И никогда не узнает.

Пролетели века, а он все стоял и стоял, как статуя, сделанная из самого прочного в мире материала. Он остался бы точно таким же, даже если бы Солнце взорвалось, разнесло Землю и вышвырнуло его в круговорот гигантских осколков, через космос, к далеким звездам. Вполне возможно, что так оно и было и дрейфовал он сквозь космос миллионы, может быть, миллиарды миллиардов лет. Старые галактики умирали, и взамен формировались другие. А может быть, вся материя в окружающем пространстве сжалась до размеров обыкновенного первозданного атома и взорвалась вновь, а его вышвырнуло обратно со скоростью половины скорости света и потом облекло в форму новой материи, возможно даже, в ядре планеты. Он мог оказаться внутри новой звезды, и его выбросило оттуда невообразимо мощным космическим взрывом, захватило гравитационным полем планеты, всосало внутрь, и он упал, глубоко уйдя в землю. Там он и лежал, а в новых первозданных океанских водах зарождалась материя с совершенно иным содержанием солей. Континенты разламывались и расходились в стороны, дрейфуя по лику планеты. И его поднимали вновь формирующиеся горные цепи, выбрасывали наружу землетрясения, подкидывали вверх извержения вулканов, вода и ветер высвобождали его из горных пород неисчислимое количество раз. И после бесчисленных горений и выбросов он наконец оказался в руках вуфеа. И они водрузили его на гранитный трон. И наконец, то ли благодаря удару молнии, то ли ее сочетанию с естественным концом действия «замораживателя материи», но он в мгновение ока стал из каменного живым. Да так быстро, что его сердце, переставшее биться Бог весть сколько веков тому назад, продолжало отстукивать систолы и диастолы, даже не ведая, что его заморозили и остановили на тысячелетия.

Эта воображаемая картина была весьма яркой и даже могла, как он считал, содержать в себе крупницы истины,

но он не верил, что оказался в новом мире. Он полагал, что находится все-таки на Земле, пусть и сколь угодно древней. Слишком много совпадений: у планеты была луна, столь похожая на ту, что он помнил, а лошади, кролики и многочисленные насекомые ничуть не отличались от известных ему.

Возродиться из камня — само по себе изрядное потрясение. Это свихнет разум кому угодно, и Поющий Медведь не был уверен, что его мозги остались в целости. Но после того как первое потрясение схлынуло, Улисса начало одолевать одиночество.

Было довольно тяжело сознавать, что все твои современники и их правнуки превратились в прах сотни тысяч поколений назад. Но помнить, что ты — единственный живой человек, казалось, просто невыносимо.

Правда, он не мог бы сказать с уверенностью, что он — единственное на Земле человеческое создание, и эта неопределенность удерживала его от отчаяния. Оставалась надежда.

По крайней мере, он был не единственным живым существом. Он не испытывал недостатка в собеседниках, даже если они были так чужды, что подчас вызывали отвращение, и в их языке существовали понятия, которые он не понимал, а их образ мыслей то озадачивал его, а то и доводил до белого каления.

Их отношение к его божественному происхождению делало близость и теплоту поистине невозможной. Исключением была только Авина. Она взирала на него с трепетом, но в ней скрывался неистощимый запас душевного тепла и юмора. Даже бог не мог остаться к ним равнодушным, и даже по отношению к богу она не могла преодолеть их. Она то и дело твердила, что ей не следовало говорить то-то и так-то и что простит ли ей Вувизо? Она вовсе не хотела быть фамильярной или любопытничать и так далее. Улисс всякий раз заверял ее, что она не сделала ничего такого, за что бы стоило просить прощения.

Авине было семнадцать лет, и год назад она должна была выйти замуж. Но ее мать умерла, а отец, верховный жрец сорока лет от роду, своей властью отложил ее замужество. Он чуть не поплатился своим авторитетом, ибо неписанный закон гласил, что все здоровые женщины должны

быть замужем, самое позднее, в шестнадцать лет. Но Аифира умел весьма обходительно добиваться своего и в качестве жреца пользовался всеобщим расположением, так что в попытке оставить дочь в своем доме он преуспел. Но тем не менее тянуть долго он не мог. Вскоре ей придется выйти замуж и покинуть его кров. И хотя верховный жрец имел много привилегий, вновь жениться он не мог. Почему, никто не знал. Таков обычай, а за нарушением обычаев, как правило, не может не последовать немедленное наказание.

Теперь же, хотя он и не мог постоянно удерживать дочь подле себя, Аифира обрел новый повод для возражений против ее замужества. Она была правой рукой Каменного Бога и останется таковой, пока тот захочет, чтобы она ему служила. Разве кто-нибудь в племени посмеет возражать?

В открытую — никто. Поэтому Авина оставалась с богом до отхода ко сну, а потом возвращалась в отцовский дом. Иногда она жаловалась, что отец удерживает ее допоздна за беседой и она не высыпается. Когда Улисс напомнил, что может это запретить, она умоляла, чтобы он ничего не говорил. В конце концов, что означает малая толика сна по сравнению с отцовским счастьем?

Улисс тем временем все лучше осваивал речь вуфеа. Овладеть произношением оказалось довольно просто, не считая разве что некоторых незначительных вариаций гласных, обозначающих времена и наклонения глаголов. Обучался он и языку пленных вагарондитов. Их наречие было абсолютно чуждым вуфеа, насколько он мог определить, хотя любой школяр, допусти его к архивным записям (которых, конечно, не было), проследил бы, что они происходят от одного предка. В конце концов, разве мог неискушенный человек заподозрить, что в основе гавайского, индонезийского и тайского наречий лежит общий праязык? Но у вагарондитов было очень много труднопроизносимых звуков. Структура их языка напоминала Улиссу языки индейцев алгонкинов, хотя, конечно, сходство это было весьма поверхностным.

Общий язык аирата, казалось, никак не был связан ни с тем, ни с другим. Его звуки было легко произносить, а правила своей простотой напоминали эсперанто. Он спросил Авину, откуда тот взялся, и она ответила, что его при-

думали фулулики. Собственная речь фулулики была для остальных недостижимой, поэтому они и придумали аирату. «Для всего мира». Каждый мог сказать на аирате хоть несколько слов, а торговля, военные совещания и мирные переговоры велись только на нем.

Улисс выслушал ее описание фулулики и решил, что они — продукт мифотворчества ее племени. Таких существ быть не могло.

Еще он выяснил, что вагарондиты будут содержаться в плену до ежегодного праздника союза племен вуфеа. Там пленных подвергнут пыткам, а потом принесут ему в жертву. Ему впервые удалось выяснить происхождение темных пятен на площадке перед треном.

— Сколько дней осталось до праздника Каменного Бога? — спросил Улисс.

— Ровно одна луна, — ответила Авина.

— А что, если я запрещаю пытки и убийства? — спросил он после недолгих колебаний. — Что, если я велю отпустить вагарондитов?

Глаза Авины широко раскрылись. Был полдень, и ее зрачки казались черными щелочками на фоне голубых озер. Она приоткрыла рот и провела своим розовым остреньким язычком по темным губам.

— Прости, Повелитель, но зачем тебе делать то, о чем ты сейчас сказал? — спросила она.

Улисс не думал, что она поймет, если он станет объяснять концепции жалости и сострадания. Не то чтобы в ней не было этих качеств. Она казалась очень чувствительной, нежной и сострадательной по меркам своего народа. Но для нее вагарондиты были даже хуже животных.

Он не мог презирать ее за это. Его собственный народ — оондага и сенека — отличался точно таким же образом мыслей. Равно как и другие его предки — ирландцы, датчане, французы, норвежцы.

— Скажи мне, — попросил он, — разве не правда, что вагарондиты тоже считают меня своим богом? Разве они не совершили свой великий набег только для того, чтобы перенести меня в свой храм?

Авина хитро взглянула на него.

— Ты же бог — кому и знать, как не тебе? — ответила она.

Он нетерпеливо взмахнул рукой:

— Сколько раз я тебе уже говорил, что мои мысли тоже окаменели. Я до сих пор многого не помню, хотя и не сомневаюсь, что мне удастся все восстановить в памяти. Зато я отлично понимаю, что вагарондиты — мой народ в той же мере, что и вуфеа.

— Что? — вымолвила Авина и потом добавила тихим голосом: — Мой Повелитель?

Она была потрясена.

— Когда бог наконец обретает речь, он не всегда говорит то, что от него ожидали услышать, — произнес Улисс. — Если бог говорит только то, что и без него всем известно, какой от него прок? Нет, бог видит дальше и глубже любого смертного. Он знает лучше, что нужно его народу, даже если тот так слеп, что не может сказать, что со временем окажется хорошим, а что — плохим.

Наступила тишина. В комнату влетела муха, и Улисс подивился, до чего живуча эта зараза. Вот если бы у человечества было достаточно здравого смысла, то... Но тут ему подумалось, что вряд ли человечество обладало здравым смыслом. Даже в 1985-м казалось, что голод и загрязнение окружающей среды уничтожат всех людей до единого. Похоже было, что из всего человечества случайно уцелел только он. А вот обычная домашняя муха процветает, равно как и ее дальний родственничек таракан, буквально наводнивший деревню.

— Я не понимаю, чего мой Повелитель этим достигнет, — сказала Авина, — и почему старинные жертвоприношения, которые удовлетворяли моего бога много веков подряд и против которых он никогда не возразил ни единым словом...

— Молись о том, чтобы тебе было даровано понимание, Авина. Слепота, как ты знаешь, может привести к смерти.

Авина закрыла рот и кончиком языка облизала губы. Он осознал, что туманные утверждения вызывают только панику, заставляют опасаться самого худшего.

— Иди и скажи вождям и жрецам, что я хочу держать совет через время, которое понадобится человеку, чтобы не торопясь обойти вокруг деревни. И скажи рабочим, чтобы не стучали по крыше, пока мы будем держать совет.

Авина вскочила и выбежала из зала, и в течение пяти минут все сколько-нибудь значительные лица племени, что были не заняты охотой, собрались в храме. Улисс уселся на громадный холодный гранитный трон и объяснил, чего он, собственно, хотел. Они казались ошеломленными, но возразить не посмел никто.

— Наш Повелитель, так что же ты в действительности хочешь получить от такого союза? — спросил Аифира.

— С одной стороны, я хочу прекратить эту бесполезную резню. С другой, я стремлюсь отобрать из вуфеа и вагарондитов лучших бойцов для похода против Вурутаны.

— Вурутаны! — забормотали они в страхе и ужасе.

— Да, Вурутаны! Вы удивлены? Разве вы не ожидали исполнения древнего пророчества?

— О да, Повелитель, — сказал Аифира. — Вот только теперь, когда время пришло, колени у нас трясутся, а кишки ушли в пятки.

(По мнению вуфеа, средоточие храбрости находилось именно в кишках.)

— Я поведу вас против Вурутаны, — сказал Поющий Медведь. Правда, он не знал, каков собой Вурутана и что нужно сделать, чтобы одолеть его. Он постарался выудить побольше сведений, никак не выказав своего невежества. Он полагал, что никакое «окаменение мыслей» не извинит его забывчивость по отношению к Вурутане. Это извинение годилось для вещей маловажных, но Вурутана был чем-то настолько значительным, что он не смог бы забыть и малейших деталей. Так, по крайней мере, считали вуфеа.

— Вы пошлете гонца в ближайшую деревню вагарондитов и расскажете им о моем решении, — сказал он, представив им самим вырабатывать стратегию приближения к злейшему врагу. — Скажите, что я скоро нанесу им визит и что мы доставим пленников вагарондитов, если они, конечно, обеспечат нам безопасность, и там их освободим. А вагарондиты освободят всех вуфеа, какие только у них имеются. Мы будем держать большой совет, а потом пойдем в другие деревни вагарондитов и проведем там собрания. Я выберу бойцов вагарондитов. Я хочу сопровождать вас, и потом мы пересечем равнину и пойдем в поход против Вурутаны.

Внутри храма было светло. Обе двери были открыты, а большая дыра в крыше на другом конце оставалась еще не заделанной. Можно было отчетливо различить выражение лиц вуфеа, покрытых короткой, лоснящейся шерстью, и взгляды, которыми они обменялись. Их глаза — голубые, зеленые, желтые, оранжевые — казались кошачьими и злобными. Их хвосты извивались из стороны в сторону, вызывая волнение, охватившее вуфеа.

Они ждали, что он поведет их на истребительную войну против вагарондитов. Теперь он проповедовал мир и, что хуже всего, им предстояло разделить своего бога с бывшими врагами.

— Ваш настоящий враг — Вурутана, — сказал Поющий Медведь, — а не вагарондиты. Идите и делайте, что я велел.

Неделей позже он вышел через северные ворота на хорошо утопанную тропинку между садами и полями кукурузы. Старики, молодые бойцы, оставленные охранять деревню, самки и детеныши следовали за ним, крича и размахивая руками. За ними шагало двое вуфеанских музыкантов — прямо как в семьдесят шестом году, подумал он, — барабанщик и флейтист — и знаменосец. Барабан был сделан из шкуры и дерева. Флейта вырезана из кости какого-то гигантского животного. Флаг представлял собой высокое копьё с перьями, выходящими под прямым углом к древку, и увенчанное головами похожей на орла птицы, большой рысеподобной кошки, гигантского кролика и лошади. Эти головы соответствовали четырем кланам, или фратриям, вуфеа. В деревне жили все кланы, и эта клановая система пронизывала все племена вуфеа. Насколько он мог понять, договоры о мире и дружбе заключались между кланами разных деревень, а не между отдельными племенами. Так, еще совсем недавно, кланы кролика различных деревень не враждовали между собой, зато среди рысей и лошадей шла непрерывная война. Потом они заключили мир, и к ним присоединился клан орла, остававшийся доселе нейтральным. И уж только потом деревни выступили единым фронтом против вагарондитов. Улисс не понимал этой системы: она казалась очень сложной, запутанной и нежизнеспособной, но вуфеа считали ее вполне естественной.

За знаменосцами и музыкантами, игравшими атональную музыку, шел Верховный жрец и два младших жреца. У них были головные уборы из перьев, массивные бусы и жезлы. За ними шествовала группа из двадцати пяти молодых воинов, так же выраженных в перья, бусы и разукрашенных зелеными, черными и красными полосами на лице и груди. За ними тянулась шеренга из шестидесяти воинов постарше. Все воины были вооружены томагавками, каменными ножами и копьями. Они несли луки и колчаны со стрелами. Им не терпелось опробовать свое новое оружие на вагарондитах. Во всяком случае — молодым. А старые, находясь от Улисса на приличном расстоянии, выражали новому оружию свое презрение. Но он слышал лучше, чем они думали.

По одну сторону, параллельно молодым воинам, шла дюжина вагарондитов. Они тоже несли оружие, но выглядели чересчур мрачно, особенно для людей, которым следовало бы быть бесконечно счастливыми. Поющему Медведю так и не удалось уверить их, что их собственный народ не станет презирать их за то, что они позволили захватить себя в плен. Вначале пленные протестовали. Они говорили, что их не допустят на Счастливое Поле Боя (так понял Улисс их загадочные слова).

Улисс объяснил, что у них нет выбора. Более того, теперь все перевернулось. И он, Каменный Бог, заверяет, что они попадут на Счастливое Поле Боя после смерти — если, конечно, не будут продолжать глупо упрямяться в своем ослушании. Они замолчали, эмоционально так и не приняв новый порядок вещей.

Процессия быстро двигалась через покатые холмы по тропинке, которую многие поколения использовали для войны и охоты. Вдоль нее стояло много вечнозеленых деревьев, берез и дубов, но не настолько много, чтобы образовать лес. Пролетали птицы: голуби, вороны, воробьи, синицы, изумрудно-медные дятлы. Там и сям попадались на глаза рыжие или черные, как соболь, белки-летяги. Промелькнула серая лиса. Из-за древесного ствола футах в пятидесяти от земли выглянула головка ласкообразного создания с яркими глазками. По упавшему дереву промчалась рыжая крыса, и на вершине холма, в пятидесяти ярдах справа, села и уставилась на них бурая громадина. Этот медведь был подлинным вегетарианцем и никому не доставлял

неприятностей, лишь бы его не трогали. Он поедал кукурузу, грабил их сады, когда они оставались неохранными, но отогнать его труда не составляло.

Улисс вливал глазами холодное голубое небо, а легкими — холодный свежий воздух. Громадные величественные деревья, настоящая птичья и звериная жизнь, повсюду зелень — и никакого тебе загрязнения воздуха, ощущение полного простора — все это делало его сейчас счастливым. Он мог бы забыть боль от того, что был единственным человеком на Земле. Он мог забыть... И тут он остановился. За его спиной знаменосец тут же выкрикнул приказ, барабанщик и флейтист замолкли, стихло бормотание воинов.

Ему чего-то не доставало. Чего?

Нет, не чего-то. Кого-то.

Он повернулся к Аифире:

— Авина, твоя дочь — где она?

На лице Аифиры не дрогнул ни один мускул.

— Да, господин? — проговорил он.

— Я хочу, чтобы Авина шла со мной. Она — мой голос и мои глаза. Я нуждаюсь в ней.

— Я велел ей остаться, мой Повелитель, потому что самок не берут в другие деревни, когда замышляется что-нибудь важное, будь то война или мирный договор.

— Пора привыкнуть к переменам, — сказал Улисс. — Пусть за ней кого-нибудь пошлют. Мы подождем.

Аифира косо посмотрел на него, но повиновался. Иисама, самый быстроногий из воинов, помчался в деревню, находящуюся в миле от отряда. Через некоторое время он прибежал обратно. Авина следовала за ним. На ней была четырехугольная шапочка с тремя перьями и тройное ожерелье массивных зеленых бус вокруг шеи. Она бежала, как бегает обычно женщины, и когда в сотне ярдов от отряда перешла на быстрый шаг, засеменила так же, как семенит обыкновенная женщина. Сквозь мех на ее черных ушах, мордочке, хвосте, длинных руках и ногах просвечивала на солнце светло-розовая кожа, а сам мех сверкал белизной, как снег под ярким весенним солнцем. Ее большие темно-синие глаза смотрели только на него, и она улыбалась, показывая редкие острые зубки.

Подбежав к нему, она упала на колени и поцеловала его руку.

— Мой Повелитель, я плакала, потому что ты покинул меня.

— Твои слезы высохли достаточно быстро, — сказал он. Хотелось бы верить, что она действительно плакала, но нельзя было сказать наверняка — возможно, она преувеличивала или просто говорила то, что ему было бы приятно услышать. Эти благородные дикари умели лгать ничуть не хуже людей цивилизованных. Да и следует ли ему желать, чтобы она привязалась к нему? Такая дружба могла привести и к более интимным отношениям, последствия которых он мог себе представить. Эти мысленные картины притягивали и отталкивали его одновременно.

Довольно долго она молча шла по правую руку от него. Потом она, запинаясь, начала что-то объяснять и через некоторое время уже щебетала так же мило и интересно, как раньше. Он почувствовал себя совершенно счастливым, ощущение потери растворилось в потоках чистого воздуха и яркого солнечного света.

Они маршировали весь день, останавливаясь то тут, то там, чтобы поесть и отдохнуть. Здесь было вдоволь маленьких ручейков и речек, чтобы сполна обеспечить их водой. Хотя вуфеа и произошли, по всей вероятности, от кошек, они купались при первой возможности. К тому же они вылизывались, как настоящие кошки. Они были довольно чистоплотным народом — во всяком случае что касается их тел. Зато они испытывали полнейшее безразличие к клопам, тараканам, мухам и прочим насекомым в деревне. И хотя они зарывали свои отбросы, но совершенно не заботились об уборке за собаками, свиньями и другими животными, которых держали ради забавы или пищи.

Поздним вечером Улисс, разгоряченный, вспотевший и усталый, решил расположиться на привал у ручья. Вода казалась обжигающе-холодной и была такой чистой, что можно было различить плавающую у дна рыбу на глубине двенадцати футов. Он лежал на упавшем дереве, нависавшем над ручьем, и смотрел на рыб. Потом сбросил одежду и пошел поплавать, в то время как вуфеа и вагарондиты внимательно наблюдали за ним (как всегда и поступали,

когда он был раздет). Он подивился: неужели их втайне не отталкивает его тело, совершенно не прикрытое мехом, и прихотливое расположение волос? Наверное, нет. Вряд ли они могли ожидать, что он будет похож на них — он ведь бог, в конце-то концов.

Когда он вышел из воды, все остальные, за исключением стоящих на посту воинов и Авины, искупались. Авина вытерла его куском шерсти, а потом испросила разрешения присоединиться к остальным. Когда же все вышли на берег, он снова посмотрел с бревна на воду. Рыбки уплыли. Он нашел их в сотне ярдов вверх по течению. Потом соорудил телескопическое удилище с леской, сделанной из кишок, и костяным крючком и наживил червяка, которого специально для него нашла Авина. Это оказалось толстотелое создание длиной с его руку, с красной кровью и четырьмя громадными ложными глазами, состоящими из трех concentрических кругов: белого, голубого и зеленого.

Он забрасывал удочку двенадцать раз, но безрезультатно. На тринадцатый рыба клюнула. Он подсек ее и принялся вываживать прямо за леску, иначе она могла оторваться от удилища. Рыба была только десяти дюймов длиной, но очень сильной и боролась отчаянно. Он вываживал ее не меньше двадцати минут. Когда же он вытащил рыбку на берег и разглядел серебристое тело с алыми и зелеными пятнами, выпученными желтыми глазами и короткими хрящевидными усами, он почувствовал неизмеримое счастье. Если верить Авине, которая унесла рыбу, чтобы ее приготовили, иипавафа была просто восхитительна на вкус. Такой она и оказалась.

Ночью, лежа в своем спальном мешке и глядя на высокую зелено-сине-белую луну сквозь ветки вечнозеленого растения, он подумал, что ему для полного счастья недостает только двух вещей. Во-первых — большого глотка хорошего темного немецкого или датского пива или первого-классного бурбона. А во-вторых — женщины, которая любила бы его и которую он мог бы любить.

Не успев сообразить, что он натворил, он ощутил, что держит мохнатую ручку Авины в своей руке и подносит ее к губам. Он совершенно бессознательно потянулся за ней и уже собирался поцеловать.

— Повелитель! — произнесла Авина с дрожью в голосе.

Он не ответил. Осторожно положил ее руку поверх ее спального мешка и отвернулся.

Но она окликнула его:

— Смотри!

И он сел, пытаясь разглядеть сквозь ветви существо, на которое указывал палец Авины.

Черный крылатый силуэт промелькнул на фоне луны и исчез.

— Что это было?

— Я не знала, что они поблизости... мы уже давно не видели... опеавуфеапаеа.

— Крылатое разумное существо без волос, — пробормотал он, переводя на английский.

— Фулулики, — добавила она.

— А они опасны?

— Разве ты не помнишь?

— Стал бы я тогда спрашивать?

— Прости меня, Повелитель. Я не хотела тебя прогневать. Нет, они вообще-то не опасны. Их никто не убивает — ни мы, ни наши враги вагарондиты. Они оказывают нам всем большие услуги.

Улисс еще какое-то время расспрашивал ее, а потом уснул. Ему снились летучие мыши с человеческими лицами.

Двумя днями позже они подошли к первой деревне вагарондитов. Задолго до этого барабаны возвестили, что их заметили. Время от времени Поющий Медведь замечал разведчиков, которые перебежали от дерева к дереву и прятались за кустами. Они проследовали вдоль широкого и полноводного ручья, где водилось множество черно-белых рыб около трех футов длиной. Он присмотрелся и решил, что это не рыбы, а маленького размера млекопитающие. Авина сказала, что вагарондиты считают их священными и убивают только по одному в год на торжественной церемонии. Вуфеа не считали их священными, но, так как те водились только на вражеской территории, они предпочитали их не трогать. Если вуфеа во время набега убьют хотя бы одного, а вагарондиты обнаружат тело, то они поймут, что вуфеа где-то рядом.

Пятью милями дальше они оставили ручей и двинулись к вершине крутого холма. С другой стороны, в долине, на верхушке пологого бугра показалась деревня вагарондитов.

Дома кланов были круглыми. В остальном же она ничем не отличалась от поселений вуфеа. Однако высыпавшие в открытые ворота воины имели коричневую шерсть и черные полосы вокруг глаз и щек. И в придачу к каменным топорам и томагавкам они несли деревянные мечи и нечто вроде боло*.

На их штандарте виднелся череп гигантской птички-бегунчика. Авина сказала ему, что это общеклановый тотем, священный для всех вагарондитов. Они считали бегунчика, апуакауеи, священным. Но инициация молодых воинов происходила во время поединка с гигантской птицей. Будущий воин, вооруженный только боло и копьем, обязан был свалить птицу наземь, обмотав боло вокруг ее ног, и затем оторвать птице голову. В каждом селении ежегодно погибало во время этой опасной церемонии, самое малое, четверо храбрецов.

Процессия под предводительством Улисса начала спускаться по длинному пологому холму. Вагарондиты ударили в огромные барабаны, затрясли черепом бегунчика. Жрец, украшенный перьями, помахал на них тыквой и, вероятно, пропел что-то, хотя на таком расстоянии Улисс не мог ничего слышать сквозь грохот инструментов.

На поддороге с холма Авина промолвила: «Повелители!» — и указала на небо. Длиннокрылое, похожее на летучую мышь существо кружило над ними. Улисс заметил, как оно пронеслось над их головами. Авина не лгала и не преувеличивала. Это был крылатый человек или почти человек. Тело его было размером с четырехлетнего ребенка. Торс казался вполне человеческим, за исключением чудовищно выпяченной груди. Для крепления громадных мышц крыла требуется очень массивная грудная кость. Спина была как бы сгорблена — по всей видимости, мнимый горб состоял из крепких мышц. Его руки выглядели костлявыми, их кисти оканчивались длинными пальцами с длин-

* Род оружия, представляющий собой веревку с шарообразными грузилами. Используется при охоте на быстроногих животных. Боло следует метнуть таким образом, чтобы спутать ноги жертве и помешать ей бежать. (Здесь и далее примеч пер.)

ноющими ногтями. Ноги были короткими, хилыми и кривыми, а ступни — изогнутыми. Большой палец находился почти под прямым углом к остальным.

Крылья из натянутых между костями перепонки крепились к мускульному бугру на спине. Улисс в первый раз видел млекопитающее, у которого было шесть конечностей. Но скорее всего не в последний. Эта планета — пусть даже она и была Землей — припасла для него еще немало странных сюрпризов.

У существа было треугольное лицо и выпуклая округлая совершенно лысая голова. Уши были настолько велики, что их можно было принять за дополнительные крылья. Слишком большие для его личика глаза на таком расстоянии казались бесцветными.

И ни единого волоска на обнаженном теле.

Человек усмехнулся, скользнул вниз, сложил крылья и опустился на свои тонкие ножки с плоскими ступнями. Он заковылял к ним, мгновенно утратив всю свою грацию, едва лишь коснулся земли. Он воздел тощую руку и заговорил пронзительным детским голосом на языке аирата.

— Приветствую тебя, Каменный Бог! Глих приветствует тебя и желает тебе долгой божественности!

Улисс понимал его достаточно хорошо, но бегло говорить на торговом языке пока еще не мог.

— Можешь ли ты говорить на языке вуфеа? — спросил он.

— Запросто. Это один из моих любимых языков, — сказал Глих. — Мы, дхулулихи, говорим на многих языках, из которых вуфеа еще не самый трудный.

— Какие новости ты принес нам, Глих? — поинтересовался Улисс.

— Забавные и поучительные. Но, с твоего позволения, господин, мы вернемся к этому позже. Вагарондиты уполномочили меня побеседовать первым делом лично с тобой. Они желают тебе добра, что вполне естественно, поскольку ты и их бог тоже — во всяком случае они так думают.

В тоне этого бэтмена* явно сквозил сарказм. Улисс сурово взглянул на него, но Глих только усмехнулся, показав длинные желтые зубы.

* Бэтмен — «человек-летучая мышь», персонаж многочисленных комиксов и кинофильмов

— Они так *думают*? — переспросил Улисс.

— Ну, — ответил Глих, — им трудноато понять, почему ты принял сторону вуфеа, когда они только пытались перенести тебя в эту деревню, где тебе были бы оказаны более подобающие почести — или то, что они считают таковыми.

Улисс хотел поспешить вперед и игнорировать создание, которое вело себя вызывающе. Но Авина ему говорила, что крылатые люди были курьерами, представителями, разносчиками всевозможных сплетен и мало ли кем еще. Присутствие крылана в качестве третейского судьи между двумя племенами, желавшими добиться договоренности о мире, торговле, а то и об ограниченных военных действиях, было традиционным. К тому же крылатый народ сам иногда брался за торговлю, принося маленькие, легкие дефицитные товары из какой-то неизвестной страны, возможно, их собственной.

— Передай, что двое из них напали на меня. И за это я наказал их, — сказал Улисс.

— Я так и передам, — проговорил Глих. — А ты не собираешься еще кого-нибудь наказывать?

— Нет, разве что они будут этого заслуживать.

Глих замаялся, а потом громко сглотнул. Его острый кадык подпрыгнул, точно обезьянка на перекладине. Очевидно, он не был таким высшим существом, какое пытался корчить из себя. Или, может быть, сознавал, что на земле он уязвим, каким бы великолепным он себя ни считал.

— Вагарондиты говорят, что потребовать даже от бога доказывать, что он — бог, только честно.

— Прости меня, Повелитель, — прошептала Авина за спиной Улисса. — Но мой совет может пригодиться. Нужно проучить хорошенько этих заносчивых вагарондитов. Нельзя позволять им распоряжаться тобой...

Улисс был с ней согласен, но не нуждался в непрошенных советах. Он поднял руку, приказывая, чтобы она замолчала.

— Я не обязан ничего доказывать, — ответил он Глиху, — но просить меня не возбраняется.

Глих усмехнулся, словно предугадал ответ Улисса. Солнечный свет зажег в его желтых, как у кошки, глазах бледные огоньки.

— В таком случае, — сообщил он, — вагарондиты просят тебя убить Древнюю Тварь с Длинной Рукой. Уже много лет чудовище уничтожает поля и деревни. Оно погубило много урожаев и кладовых, а иногда доводило целые деревни до грани голода. Против Древней Твари посылали многих воинов. Иных она убила, иных изувечила — и тем не менее осталась непобежденной. Или же она спасалась бегством, ускользая ото всех охотничьих отрядов, появляясь то здесь то там лишь затем, чтобы снова пожирать злаки с полей, разрушать дома и ломать частоколы своими гигантскими ногами.

— Я обдумаю их просьбу, — сказал Улисс, — и отвечу на днях. А теперь, если тебе больше нечего сказать, дай нам пройти.

— Ну, остались лишь разные пустячки, сплетни и новости, принесенные мной из многих деревень самых разных народов, — сказал Глих. — Тебе они могут показаться забавными, мой Повелитель, а то и бесполезными.

Улиссу было трудно сказать, не насмехается ли бэтмен над его предполагаемым божественным всезнанием, но он решил пропустить его слова мимо ушей. Однако, если бы стало необходимо, он схватил бы покрепче худосочное маленькое чудище и в назидание другим свернул ему шею. Крылатый народ мог быть священным или привилегированным, но если этот парень будет слишком много себе позволять, он может дискредитировать образ Улисса как бога.

Они спустились с холма и пересекли долину, миновав деревянный мост через поток трехсот футов шириной. На другой стороне тянулись поля, засаженные кукурузой и другими злаками, а также луга, где красношерстные овцы с тремя закрученными рогами паслись в сине-зеленой траве. Большое количество деревянных мотыг и кос, брошенных на полях, показывало, что дети и женщины работали там до последней минуты.

Под барабанный бой вуфеа промаршировали к воротам, и здесь Улисс оказался нос к носу со жрецами и вождями вагарондитов. Когда отряд шагал через долину, крылан, спланировав с вершины холма, парил над ним. Теперь он скользнул над ними и опустился на землю в нескольких футах от Улисса, пробежав некоторое расстояние после

приземления. Потом он вернулся, ковыляя на своих кривых ножках и полураскрыв перепончатые крылья.

Потянулись нескончаемые переговоры. Посредником в них служил Глих. Затем Верховный вождь, Джидаумок, преклонил колени и возложил руку Улисса себе на голову. Прочие вожди и жрецы последовали его примеру, и Улисс со своей оравой вступил в деревню.

Прошло несколько дней в празднествах и восхвалениях, прежде чем Улисс смог продолжить свой путь. В общей сложности он посетил десять вагарондитских деревень. Улисс как-то поинтересовался, какую плату получает Глих за свои услуги. Глих ехал с ними, восседая на спине одного из воинов вагарондитов, обвив кривые ноги вокруг его толстой пушистой шеи.

— Моя плата... — сказал он, небрежно махнув рукой. — О, меня кормят, поят, дают мне пристанище. Потребностей у меня немного. Я неприхотлив. Мне только и надо, что поболтать с разными людьми, побеседовать, утолить мое и их любопытство, услужить... Для меня самое большое удовольствие — услужить другим.

— И больше тебе ничего не нужно?

— О, иногда я беру несколько побрякушек, каких-нибудь драгоценных камешков или превосходно вырезанных фигурок или тому подобных предметов. Но торгую я по большей части информацией.

Улисс не ответил, но почувствовал, что за работой Глиха скрывается нечто большее.

На обратном пути в первую деревню вагарондитов вождь Джидаумок спросил его, что он собирается предпринять против Древней Твари с Длинной Рукой.

— Люди Нишейманаки, третьей деревни, которую мы посетили, прислали гонца с сообщением, что Древняя Тварь вновь беснуется на их полях. Она убила двух воинов, которые погнались за ней следом.

Улисс вздохнул. Ничего не поделаешь — *noblesse oblige**

— Мы незамедлительно выступим против нее.

Он подозвал к себе Глиха.

* Положение обязывает (*фр.*)

— Вагарондиты хоть раз просили тебя обнаружить, где скрывается Древняя Тварь с Длинной Рукой? — поинтересовался Улисс.

— Ни разу, — ответил Глих.

— Почему?

— По-моему, им просто не пришлось в голову.

— А тебе не пришлось в голову подсказать им, какую пользу ты мог бы принести?

— Нет, тем более что для меня живая Древняя Тварь полезнее мертвой. Если она умрет, я буду получать меньше интересных новостей.

— Ты найдешь Древнюю Тварь, — приказал Улисс.

Глаза Глиха сузились, губы стянулись в узкую щелочку. Но он кивнул:

— Конечно, мой Повелитель.

Из подслушанных разговоров Улисс знал, что уже четыре поколения вагарондитов помнили Древнюю Тварь. Но она не всегда обитала на землях вагарондитов. Иногда она исчезала на несколько лет, должно быть, опустошая поля неизвестных племен севера, запада и, возможно, великий лес на востоке. Это было огромное животное, и ему требовалась большая территория.

Из отрывочных слухов, которые он сложил воедино, Улисс понял, что Древняя Тварь была чем-то вроде слона. Но какого слона! В нем было около двадцати футов роста, и он имел четыре бивня! Верхние бивни изгибались вверх, а нижние — вниз и назад. Длинная Рука была хоботом.

Хитрость Древней Твари, ее умение избегать ловушек и устраивать смертельные засады, ее способность скрываться и исчезать стали притчей во языцех.

— Она гораздо умнее, чем можно ожидать от бессловесной твари, — сказал Улисс Глиху. Авина остановилась рядом.

— Кто сказал тебе, что она бессловесная? — спросил Глих.

— Ты хочешь сказать, что она говорящая? — изумился Улисс.

Веки Глиха опустились.

— Откуда мне знать? — произнес он. — Я только хотел сказать, что никто не слышал, говорит она или нет.

— Она единственная в своем роде? — спросил Улисс.

— Откуда мне знать? Поговаривают, что в нескольких переходах к северу, далеко отсюда, они водятся во множестве. Но я не знаю.

— А должен бы знать, — сказал Улисс. — Ты повсюду летаешь, и если даже ты не бывал на севере, кто-нибудь из вашего народа наверняка побывал там.

— Я не знаю, — сказал Глих, но Улисс подумал, что тот едва сумел подавить улыбку.

Улисс кое-как сдержал подступающий гнев.

— Скажи мне, Глих, а ты не видел... — начал было он, но тут же смолк. В языке вуфеа не было слова, обозначающего металл. Во всяком случае, насколько он знал. Он перешел к описанию металла. Потом, вспомнив о ноже, вытащил его и раскрыл. Глих выпучил глаза, тяжело засопел и попросил разрешения подержать лезвие. Улисс наблюдал, как его тонкие длинные пальцы касаются стали, осторожно скользят по краю, как он пробует лезвие большим пальцем, лижет языком, прикладывает к щекам. Наконец Глих отдал нож обратно.

Некие нешгаи, как сообщил Глих в ответ на расспросы Улисса, были расой гигантов, обитавших в гигантской деревне в гигантских домах, сделанных из удивительного материала. Их поселение находилось на южном побережье этой земли, по другую сторону Вурутаны. Нешгаи ходили на двух ногах и имели только два бивня, да и те были куда тоньше, чем у Древней Твари. Но у них были большие уши и длинный нос, свисавший почти до пояса. Создавалось впечатление, что их предком был кто-то очень похожий на Древнюю Тварь.

Вопросы настолько переполняли Улисса, что он не знал, с чего начать.

— А каково твое мнение о Вурутане? — спросил он.

Он сформулировал свой вопрос именно так, чтобы не дать Глиху понять, как мало он знает про своего исконного врага.

— Что значит — «мое мнение»? — спросил пораженный Глих.

— Кто для тебя Вурутана?

— Для *меня*?

— Да. Как ты его называешь?

— Великий Пожиратель. Всемогуший. Тот, кто растет.

— Да, я знаю, но на что он похож? На тебя?

Глих, должно быть, понял, что Улисс старается получить представление о том, чего он не знает. Глих усмехнулся так саркастически, что Улиссу захотелось раздробить его хилый череп.

— Вурутана так огромен, что у меня не хватает слов, чтобы его описать.

— Ах ты, трепло! — возмутился Улисс. — Лживая скотина! Обезьяна крылатая! Это у тебя-то не хватает слов?!

Вид у Глиха был обиженный, но он промолчал.

— Ну ладно! — вздохнул Улисс. — Тогда скажи мне — где-нибудь в этом мире есть создания, похожие на меня?

— А... Да, несколько! — сказал Глих.

— Ну и где же?

— По другую сторону Вурутаны. На побережье, на расстоянии многих дневных переходов к западу от нешгаи.

— Почему ты ничего не говорил мне о них?! — возопил Улисс.

Глих казался ошеломленным.

— А разве я должен? Ты же меня о них не спрашивал. Это верно, они похожи на тебя, но они не боги. Всего лишь еще одна раса разумных существ.

Значит, теперь у него появилась более веская причина идти на юг. Ему придется вступить с Вурутаной в единоборство, хочет он того или нет. Если верить вуфеа и Глиху, Вурутана покрывал всю землю, за исключением северного и южного побережий.

Глих нарисовал на берегу ручейковой отмели приблизительную карту местности.

На севере была земля, называемая Неизвестной. Ниже ее находился треугольник с обращенным на север основанием. Океан или море омывало эту землю со всех сторон, за исключением северной, неизвестной. Но Глих где-то слышал, что там тоже было море.

Улисс призадумался, не была ли эта земля остатком восточного побережья Соединенных Штатов. Уровень океана мог подняться. Тогда запад и Атлантическая прибрежная равнина погрузились на дно. А эта земля была остатками горной гряды Аппалачей. Конечно, пока он был в «замороженном» состоянии, его могли перенести на другой континент и он мог оказаться на последнем уцелевшем осколке Евразии. Или на другой планете, возле другой

звезды. Сам он так не считал, но и такая возможность не исключена.

Найти бы хоть что-нибудь, что помогло бы определить это место. Но за многие миллионы лет ничто не могло уцелеть. Кости людей рассыпались бы в прах, за исключением нескольких окаменевших скелетов — а у скольких людей был шанс стать окаменелостью? Сталь заржавела, пластик испортился, цемент рассыпался бы, камень пирамид и сфинксов, мраморных статуй греков и американцев — все должно было за эти годы обратиться в пыль. Ничто не напоминало бы о людях, за исключением разве что нескольких примитивных орудий, сделанных еще людьми каменного века. Они надолго переживут всю человеческую историю с ее книгами, машинами, городами и скелетами.

Горные цепи рождались и умирали. Континенты раскалывались, и их обломки уплывали друг от друга. Океанское дно обнажалось, воздвигались новые континенты, а прежние уходили под воду. Что когда-то было высоким и неровным, стало плоским и низким. Что было низким и ровным, поднялось и вздыбилось. Огромные массы камней терлись друг о друга, перемалывая человеческие останки в пыль. Миллиарды тонн воды прорывались во внезапно открывающиеся долины, сметая все на своем пути или погребая в иле.

Остались лишь земля и вода. Материки и океаны приняли новые очертания. Только жизнь продолжалась, приняв какие-то новые формы, хотя кое-где сохранились и старые.

Но, если верить Глиху, человеческий род все-таки выжил!

Человек больше не был хозяином мира, но все еще существовал.

Улисс отправится на юг.

Но вначале ему придется убить Древнюю Тварь с Длинной Рукой, чтобы доказать свою божественность.

Он вновь принялся расспрашивать крылана. Иногда Глих становился уклончивым и раздражительным, но в открытую своего гнева не проявлял.

— Значит, на севере, — наконец подытожил Улисс, — полным-полно вулканов и гейзеров, дающих сильный и неприятный запах?

— Да, — ответил Глих.

Глих знал куда больше, чем хотел показать, но на этот раз Улисс не стал ломать себе голову над причинами его скрытности. Его интересовала только информация.

— Далеко на севере?

— Десять дневных переходов.

Около двухсот миль, заключил Улисс.

— Ты отведешь нас туда.

Глих открыл было рот, будто хотел что-то возразить, но передумал.

Улисс созвал жрецов и вождей вуфеа и вагарондитов и сказал им, что они должны сделать за время его отсутствия.

Высоких особ весьма озадачила необходимость собирать экскременты, а также производить древесный уголь. Улисс пообещал, что откроет им божественный смысл этих действий впоследствии.

Вдобавок он потребовал, чтобы как можно больше воинов и молодых самцов отправились с ним в поход на север. По дороге они будут отслеживать Древнюю Тварь, хотя это и не является их главной задачей. Но для уничтожения Древней Твари это необходимо.

Вождей его требования в восторг не привели, но они все же занялись претворением их в жизнь. Через неделю большой отряд, состоявший из сотни взрослых воинов, двух сотен молодых, нескольких жрецов, Авины и самого Улисса, отправился к северу. Глих был с ними, но был не всегда. Он летел впереди и разведывал территорию. Несколько раз ему удалось обнаружить дичь, а трижды — неприятельских разведчиков. Те принадлежали к народу, напоминавшему разновидность вагарондитов. У них был черный мех с каштановыми полосками вокруг глаз и щек, но во всем остальном они в точности походили на своих южных родичей.

Алканквибы собрали большое войско и постарались поймать отряд Улисса в засаду. Глих сообщил о ее месте, и охотники превратились в добычу. Полная внезапность, да еще стрелы, с которыми алканквибы были совершенно не знакомы, да еще появление гиганта Улисса, да еще рассказы о его божественности, наверняка известные алканквибам, превратили битву в обыкновенную резню. Улисс не возглавил ни одной атаки, да вожди этого и не ждали. Ну а он был только счастлив. Разве может бог оказаться

раненым? Конечно, спрашивать он никого не стал. Возможно, их богам не возбраняется претерпевать раны. Во всяком случае, даже древние греки и прочие народы считали своих богов бессмертными, но не неуязвимыми.

Дело обернулось таким образом: он стоял в сторонке и пускал в ход свой гигантский лук с убийственной эффективностью. Он возблагодарил Господа за то, что ему пришлось в голову заняться в колледже стрельбой из лука и не отказаться от этого хобби впоследствии. Он был отменным стрелком, и его лук был куда мощнее, чем у вуфеа. Хотя они были жилисты и сильны, несмотря на свой маленький рост, он казался для них слишком высоким. Его руки натягивали лук — «могучий лук Одиссея», того, прежнего Улисса, думалось ему, — и стрелы попадали в цель достаточно метко, чтобы убить двенадцать алканквибов и ранить еще пятерых.

После шести минут баталии враг был опрокинут и бежал, а многих из них поразили в спину копья и томагавки. Выжившие, однако, сражались до последнего. Достигнув своей деревни, где ждали объятые ужасом самки, детеныши и старые воины, все самцы, способные держать оружие, включая шестилетних детенышей, встали перед закрытыми воротами. Новоявленные кровные братья, вуфеа и вагарондиты, с воплями обрушились на защитников. Они действовали слишком неорганизованно и потому были отброшены назад с тяжелыми для себя потерями. Улисс воспользовался затишьем, чтобы приказать им оставить алканквибов в покое и двинуться дальше.

Жажда крови оказалась так велика, что они посмели возражать ему. Он возвестил, что они должны делать то, что он скажет, или же ему придется их уничтожить. К счастью, никто не решился объявить его слова блефом — по крайней мере вслух.

При виде алканквибов Улисса осенила идея. Для обратного путешествия ему понадобится столько носильщиков, сколько он сможет раздобыть, а здесь находилась по крайней мере сотня юношей.

Он устроил через Глиха совещание с вражеским военным вождем. Дебаты были бурными, но краткими, а потом вождь, уstraшенный возможностью уничтожения его племени, пошел на уступки. Двумя днями позже алканквибские юноши вышагивали рядом с боевым отрядом в каче-

стве заложников и будущих носильщиков. Деревня между тем послала сообщение другим племенам алканквибов, чтобы те оставили отряд в покое. Два племени не вняли посланию и атаковали, поэтому попали в засаду и были уничтожены. А Улисс приобрел еще сто пятьдесят носильщиков и заложников. Он сжег две деревни, дабы преподать наглядный урок, но жителей их вырезать не позволил.

Улисс никак уж не радовался своей воинской удаче. Все эти кровопролития страшно его угнетали. Разумная жизнь существует вот уже миллионы лет — четыре тысячи поколений, а то и вдвое больше, ушли в небытие за этот срок. Но разумные существа, владеющие речью, повелители животных, ничему не научились. Или же научились — тому, что борьба и кровопролитие неизбежны и не прекратятся, пока существует сама жизнь?

Передвижение большого отряда замедлилось. Столько людей не могли двигаться слишком быстро, и вместо намеченных десяти дней переход занял двадцать. Зато серьезных нападений на отряд никто больше не предпринимал. Кое-какие племена жались к опушке леса и время от времени пытались напасть с незначительными силами. Особых неприятностей они не доставляли. Куда более серьезной проблемой была необходимость прокормить целую армию. Крупный отряд распугивал всю дичь в округе, и маленьким группам охотников приходилось отдаляться от основного отряда на целые мили вперед и по сторонам. Это делало их легкой добычей для туземцев. Однажды Улисс по совету Авины устроил охоту на лошадей, согнав вниз с утеса целый табун. Даже много дней спустя отряд все еще не испытывал недостатка в еде — правда, им пришлось надолго задержаться, чтобы закоптить такую уйму мяса.

Наконец отряд достиг намеченной Улиссом цели — вулканов и горячих источников. Здесь, как он и надеялся, они нашли серу. Это были залежи зеленого полупрозрачного минерала, которые можно было добывать каменными орудиями его «людей». За две недели они добыли столько, сколько могли унести, и отряд двинулся в обратный путь.

В деревнях алканквибов Улисс договорился, что юных носильщиков отпустят назад с подарками после их возвращения с грузом в лагерь вуфеа.

Через некоторое время, когда отряд вернулся в исходную точку, Улисс обнаружил, что там собраны изрядные запасы нитрата калия: вуфеа следовали его наставлениям по части обработки экскрементов с целью ускорить их разложение. Спустя несколько дней, после празднеств и церемоний, Улисс приставил своих воинов и всех женщин, которых только можно было освободить от работы на полях, к изготовлению черного пороха. В результате получилась нужная смесь из нитрата калия, древесного угля и серы. Первая же демонстрация ошеломила и потрясла вуфеа, вагарондитов и алканквибов, вызвав у них благоговейный трепет. Это была пятифунтовая бомба, заложенная в хижину, построенную специально для этой демонстрации.

Улисс прочел всем лекцию об опасности нового оружия и взрывоопасности пороха. Он также запретил применять его без своего позволения. Не введи он таких ограничений, весь запас пороха был бы израсходован за один день на пустые забавы.

На шестой день он запустил ракету с двухфунтовой боеголовкой, заключенной в деревянный корпус. Та взорвалась прямо на поверхности каменного утеса, произведя изумительный фейерверк.

После этого Улисс натаскал Глиха, чтобы тот носил и бросал фунтовые бомбы. Глих летал над гигантским чучелом, сделанным из бревен и соломы и изображавшим Древнюю Тварь. Он пикировал вниз, потом, почти касаясь, взмывал вверх и вставлял конец своего запала в дырочку маленького ящичка. Потом он быстро швырял бомбу, которая падала на спину чучела, но она скатывалась и взрывалась в десяти футах поодаль. После четырех попыток Глих оказался в состоянии правильно рассчитать время, и бомба разнесла чучело на куски.

— Очень хорошо, — сказал Улисс, когда Глих, скалясь как демон, приземлился рядом с ним. — Ты просто молодец. Теперь следует обнаружить, где скрывается Древняя Тварь. Тебе это по плечу.

— Она может быть во многих переходах к северу отсюда! Или к востоку! — воскликнул Глих.

— Найдешь, — заверил его Улисс.

Крылан с мрачным видом удалился заморить червячка.

— Странно, — заметила Авина, — как мы не догадались использовать его, чтобы найти Древнюю Тварь. А следовало бы. Но мы же не боги.

— Странно, почему он так неохотно согласился сделать это? — размышлял вслух Улисс. — Ему ничто не грозит, разве что он неправильно рассчитает время, поджигая запал. Но он противился еще до того, как узнал о бомбах.

— Я не знаю, — медленно проговорила Авина, словно не желая никого ни в чем обвинять — во всяком случае, пока не желая.

Он попытался добиться, чтобы она высказала хоть какое-то подозрение, но Авина утверждала, что никого ни в чем не подозревает. Он сдался. При желании она могла вести себя загадочно, как кошка. Но Улисс решил присмотреться к Глиху поближе. Правда, если бы Глих не желал выследить Древнюю Тварь, он мог бы просто улететь. Или не найти гиганта.

Через три недели они снова были в стране алканквибов. За неделю до этого Древняя Тварь совершила набег на северную оконечность полей вагарондитов. Гонцы принесли Улиссу эту весть, и по прошествии часа он выступил в поход на север. Его силы состояли из двадцати воинов, двенадцати носильщиков, Авины и его самого. Они шли волчьей рысью: сто шагов бегом, сто — шагом. Они покрывали десятки миль с рассвета до заката. Каждую ночь Улисс проваливался в сон, едва успев забраться в спальный мешок. А наутро ощущал, как протестуют против пробуждения все его мускулы. Только на четвертый день он проснулся, не испытывая боли. За эти дни он похудел гораздо сильнее, чем за все время первой вылазки. В отличие от своих низкорослых, худых и жилистых спутников, он не мог бежать весь день напролет и не испытывать при этом крайнего изнеможения. Он был слишком высок для этого, и мускулы его были слишком тяжелы. Но не мог же он допустить, чтобы они сочли свое божество слабаком! Приходилось прилагать все усилия, чтобы не отставать.

Он уже износил башмаки, в которых его застало «оживление», и напялил мокасины. Ноги с непривычки болели долго, но постепенно он приспособился.

По его прикидкам, со дня пробуждения он сбросил около двадцати фунтов. Но тренировка пошла ему на пользу. На нем не осталось ни грамма жира, и он превратился в

великолепного бегуна. И все же любой вуфеа, даже Авина, мог загнать его до потемнения в глазах.

Отряд уже забрался в самую глубь территории алканк-вибов, когда однажды утром его остановил внезапно представший перед ним Глих. Он летел быстро, скользя над верхушками деревьев, и даже на таком расстоянии по выражению его лица можно было понять, что он нашел Древнюю Тварь с Длинной Рукой.

Мгновением позже он соскользнул на поляну и приземлился неподалеку.

— Она впереди! — задыхаясь, вымолвил Глих. — По другую сторону большого холма!

— Что она делает? — спросил Улисс.

— Питается! Обьедает с дерева листья!

Честно говоря, Улисс не ожидал, что Глих обнаружит зверя. Но он мог понять поведение крылана неправильно. Или, быть может, что-то заставило бэтмена изменить свои намерения? Если так, то кто или что?

Глих попытался оторваться от земли. Ему доставало открытого пространства для разбега, даже с пустыми руками. А с пятифунтовой бомбой шанса взлететь не было вообще. Да и крутой откос не годился под стартовую площадку: все холмы в округе были сплошь покрыты деревьями.

Улисс колебался. Он мог бы перенести Глиха на две мили назад, где тому хватило бы места для разбега. А потом Глих перелетел бы обратно и встретился с ними. Улисс не хотел дожидаться его, но, видно, придется, если он хочет воспользоваться помощью Глиха. Да и спешить ему некуда. Стоит ли беспокоиться о том, что он потратит немного времени понапрасну, раз проспал уйму тысячелетий, нисколько не побеспокоившись?

Улисс приказал двум вагарондитам отнести Глиха к большой поляне. Потом велел отряду продолжать путь как можно медленнее. Десять воинов держали луки и стрелы наготове, а другие десять вместе с носильщиками подготовили бомбы и ракеты.

Они пробрались по склону холма через высокие вечно-зеленые деревья, растущие слегка наискосок, а затем на четвереньках подползли к самому краю холма. Внизу простиралась долина, поросшая лесом; между деревьями там и сям виднелись прогалины. Около пятидесяти деревьев

выглядели так, будто на них внезапно обрушилась зима. Но не время года, а гигантский зверь пожрал их листву. Увидев его, Улисс едва поверил собственным глазам: зверь был настолько огромен, что возвышался над молодыми деревьями. Он был серым, как и положено слону, и на его правом плече красовалось громадное белое пятно. Его длинные желтые бивни казались такими тяжелыми, что Улисс подивился, как зверь умудряется поднять голову. Хобот его, куда более длинный, чем у слонов во времена Улисса, пребывал в постоянном движении, покачиваясь между деревьями, срывая ветки, засовывая их в громадную пасть и вновь выскальзывая из нее. Даже на таком расстоянии охотники слышали, как урчит в его великанском брюхе.

Ветер дул с севера, так что зверь не сможет ни учуять их, ни услышать, если они будут осторожны. Зрение у него могло оказаться и получше, чем у других представителей слоновьего племени, поэтому Улисс вновь напомнил охотникам, чтобы они использовали любое прикрытие, какое только смогут найти.

Чтобы спуститься по склону и рассредоточиться среди деревьев на дне лощины, у отряда ушло около часа. К этому времени Улисс уже вовсе успокоился за Глиха. Ему давно пора бы появиться. Что же с ним стряслось? Может, отступники-алканквибы или представители других северных племен, промышляющие в округе, убили Глиха и его носильщиков. Может... да что зря говорить! Раз уж Глих не объявился, ничего не поделаешь. Придется начинать без него.

Улисс жестом приказал всем оставаться на месте под прикрытием деревьев. Потом взял деревянную базуку, загнал в нее деревянную ракету и пополз вперед. Авина ползла следом, держа маленький, только что зажженный факел. Остальные подожгли свои факелы от ящиков с углями, которые раздули докрасна, навалив на них щепы. А когда факелы разгорелись, с их помощью подожгли сами ящики. Этот миг, по мнению Улисса, был решающим. Зверь мог учуять запах гари даже с подветренной стороны, а его близорукие глазки могли все же приметить густые черные клубы дыма.

Громовое урчание в брюхе, треск срываемых ветвей, засовывание их в глотку, сдирание листьев и шум падения

обглоданных сучьев продолжались. Китообразная серая туша покачивалась взад-вперед в непрерывном медленном танце. Хобот старался на совесть, и, должно быть, Древней Твари с Длинной Рукой жизнь казалась замечательной.

На Улисса упала тень. Он взглянул вверх. Над ним парил темнокрылый силуэт Глиха. Улисс махнул ему рукой, веля свернуть вправо. Если его тень упадет на зверя, который, возможно, был пугливым, как и все африканские слоны, это могло напугать его или насторожить.

Глих то ли не увидел жеста, то ли неправильно его понял. Он полетел прямо к животному на высоте около пятидесяти футов. Одной рукой он прижимал к животу бомбу, а в другой сжимал маленький факел. Словно за огненным демоном, за ним тянулся густой шлейф дыма.

Улисс выругался и помчался к Древней Твари. С обеих сторон, забыв от страха и возбуждения о всякой осторожности, ломились навстречу зверю воины и носильщики. С самого детства они слышали жуткие истории об этом чудовище, а кое-кому довелось собственными глазами увидеть, на что оно способно. Отцы двоих из них были раздавлены его громадными ногами. Но они не могли отступить — ведь это сочли бы трусостью, а лучше уж быть мертвым, чем опозоренным. В результате они повели себя слишком вызывающе, стремясь опередить друг друга, и тем самым выдали свое присутствие.

«А заодно и мое», — подумал Улисс.

Слишком поздно! Оставалось только атаковать, понадеявшись на удачу. Лишь бы Глих не сдрейфил и не промахнулся влопыхах — хотя кто же промахнется мимо такой громадины, разве что произойдет чудо.

Но Глих промахнулся. Очевидно, он залетел слишком далеко вперед и наклонился, стремясь спикировать и взлететь позади зверя. Не самое разумное решение. Сначала Глих пролетел точнехонько над зверем, и на его спину упала тень. Зверь ничего не заметил. Но тут он учуял запах дыма от факела, хотя Глих был в пятидесяти футах над ним.

Животное прекратило терзать ветки, подняло хобот, покачало им туда-сюда и затрубило.

Глих уронил бомбу и горестно вскрикнул.

Колосс закричал ему в ответ и из неподвижной туши внезапно превратился в невероятно быстро набирающий скорость снаряд. Зверь еще ничего не успел увидеть, он просто испугался и помчался, не разбирая дороги. Случайно или нет, но он надвигался прямо на Улисса, и ракета вдруг показалась тому удивительно ненадежной.

Но он же все водрузил заряженную базуку на плечо и велел Авине поджечь запал. Оборачиваться ему было некогда, но она спокойно сообщала, что делает.

В этот момент бомба Глиха взорвалась в тридцати ярдах позади серого монстра. Древняя Тварь затрубила еще пронзительней и помчалась еще быстрее. Теперь она неслась в другом направлении, чуть в стороне от Улисса и Авини. Если Тварь снова не свернет, то пробежит футаж в четырех от них. Но зверь скорее всего заметит их раньше и бросится на них.

Щеку Улисса обожгло, глаза застлал дым. Ракета зашипела, вылетела из трубы и, взмыв в воздух, описала широкую дугу по направлению к зверю, который заметил их двумя секундами раньше и бросился в атаку. Он высоко воздел хобот и уставился на них своими красными глазками. Темное пятнышко ракеты ударило в левое плечо монстра, и взрыв оглушил Улисса. Зверь исчез в клубах дыма. Улисс не стал дожидаться, когда можно будет увидеть результат взрыва, и бросился в сторону. Рядом бежала Авина. Носильщики подскочили к ним с другой ракетой, над их головами полетели остальные ракеты, одна прошла совсем рядом, и что-то ударило Улисса в спину.

Он упал навзничь, и дым укрыл его, словно шатер. Улисс закашлялся и встал на четвереньки. Оглушенный, он несколько минут не мог понять, что случилось. Кто-то из ракетчиков в горячке боя взял слишком низкий прицел. Именно эта ракета, чудом не убив Улисса, свалила на него соседнее дерево.

Черный от копоти Улисс поднялся на ноги. Одежда свисала с него лохмотьями. Он оглянулся в поисках Авини и тут же издал радостный вопль. Она стояла рядом — ошеломленная, с покрасневшими от дыма глазами, ее мех покрылся черной копотью. Но на ней не было ни единой раны.

Улисс обернулся к Древней Твари. Он все еще ничего не слышал — Тварь вполне могла оказаться прямо у него за спиной.

Но ее там не было. Зверь лежал на земле, дергая огромными колоннообразными ногами; из громадных ран ручьями текла кровь. Одна нога, наполовину оторванная взрывом, все еще двигалась.

И тут воины и носильщики, радостно вопя и заывая, ринулись к нему. Зверь кое-как поднялся и, хромя, напал вновь. Двунogie бросились врассыпную, крича от ужаса. Зверь обхватил одного из них хоботом, поднял вверх, повертел над головой и швырнул на верхушку дерева.

Затем вновь повалился наземь и издох в луже грязи и крови.

Как ни странно, заброшенный на дерево вуфеа отделался парочкой ушибов и царапин.

Прошло немало времени, прежде чем слух Улисса восстановился, а сам он пришел в себя. Когда его перестало трясти, он обследовал животное. Как Авина и говорила, зверь был самой настоящей шагающей горой. Даже отрезать его бивни и перетасщить их в деревню вуфеа — труд немалый. Но Улисс знал: когда вуфеа, вагарондиты и алканквибы совершат туда паломничество и увидят грандиозные бивни, вкопанные в землю перед храмом, они почувствуют, что их Каменный Бог — воистину бог. А заодно, как он надеялся, и проникнутся чувством единства. Заклятые враги втроем участвовали в общей охоте на своего кровного недруга. Втроем им и славу делить.

Лишь одно омрачало триумф Улисса — Глих.

Он спросил крылана, что с ним случилось.

— Прости меня, Повелитель! — заверещал бэтмен. — Я аж вспотел от волнения! Вот бомба у меня из руки и выскользнула. Я очень сожалею, но что я мог поделать?

— А заорал и спугнул своим воплем Древнюю Тварь ты тоже от волнения?

— Воистину, Повелитель! Меня извиняет только панический ужас, который гигантское чудовище вселяет в сердце каждого смертного. Тебя самого едва не подбили в панике ракетой.

— Но ведь не подбили, — заметил Улисс.

— Теперь, когда Древняя Тварь мертва, я могу уйти во свояси? — спросил Глих. — Я хотел бы вернуться домой.

— Куда? — спросил Улисс, надеясь застать его врасплох.

— Как я уже говорил, Повелитель, на юг, через много-много переходов.

— Можешь идти, — сказал Улисс, раздумывая, что за камень прячет Глих за своей несуществующей пазухой. Ему казалось, что тот должен перед кем-то отчитаться, но перед кем — оставалось только гадать. Задерживать его не было никакого смысла.

— Скоро ли мы с тобой вновь увидимся?

— Не знаю, мой Повелитель, — сказал Глих, поглядывая искоса, что всегда так раздражало Улисса. — Но ты, по всей вероятности, еще увидишь мне подобных.

— Я увижу тебя раньше, чем ты думаешь, — сказал Улисс.

Казалось, Глих был удивлен его словами.

— Что ты хочешь этим сказать, мой Повелитель?

— Счастливого пути, — отрезал Улисс. — И спасибо тебе за все.

— Прощай, мой Повелитель, — вымолвил Глих после недолгих колебаний. — Это было самое волнующее предприятие в моей жизни... и самое поучительное.

Он ушел, чтобы попрощаться со всеми тремя вождями и Авиной. Улисс наблюдал за ним, пока тот не взлетел и не исчез за холмом.

— Думаю, он отправился доносить кому-то о том, что ему удалось разнюхать, — сказал Улисс Авине.

— Мой Повелитель... — произнесла она. — Разнюхать?

— Да. Я уверен, что он работает не только на себя и свой народ, но и еще на кого-то. Не могу указать пальцем, на кого именно. Но чую, что так оно и есть.

— Может быть, на Вурутану? — предположила она.

— С него станется, — ответил Улисс. — Мы это выясним. Мы пойдем на юг искать Вурутану, как только установим перед храмом эти бивни.

— А я тоже пойду? — спросила Авина. Ее громадные, синие, как у сиамской кошки, глаза так и уставились на него, а ее поза выдавала напряжение.

— Думаю, это будет очень опасно, — сказал он. — Но ты, кажется, не из пугливых. Да, я буду очень рад, если ты

пойдешь со мной. Но не стану никому приказывать меня сопровождать. Я беру только добровольцев.

— Я была бы счастлива пойти с тобой, мой Повелитель, — сказала Авина и неожиданно добавила: — Ты хочешь узреть Вурутану или найти своих сыновей и дочерей?

— Своих — кого?!

— Тех смертных, о которых говорил Глих. Существ, которые так походят на тебя, что вправе называться твоими детьми.

— Ты очень умна и наблюдательна, Авина, — улыбнулся Улисс. — Разумеется, я преследую обе эти цели.

— И ты будешь искать себе пару среди смертных, которые являются твоими детьми?

— Не знаю! — ответил он более резко, чем намеревался. Почему этот вопрос так задел его? Конечно, он будет искать себе пару. Что за вопрос! Хотя она ведь женщина, подумал Улисс, и для нее вполне естественно спрашивать о таких вещах.

После этой беседы Авина грустила несколько дней подряд. Чтобы развеять ее грусть, Улиссу пришлось изрядно потрудиться, прежде чем он сумел втянуть ее в разговор и развеселить. Но даже тогда он то и дело замечал, что она как-то странно на него поглядывает.

Они достигли деревни вуфеа, обойдя остальные деревни на пути основного маршрута. Бивни установили по углам площади перед воротами храма и соорудили над ними навес. Празднества и церемонии шли до тех пор, пока вожди не пожаловались, что этак вуфеа совсем разорятся. Более того, никто не заботился о посевах, а непрерывная охота с целью накормить всех гостей истребила дичь на многие мили в округе.

Улисс приказал наделать побольше бомб и несколько ракет. Пока его приказ исполняли, он отправился на большую охоту в южные равнины. Заодно ему хотелось изловить живьем несколько диких лошадей и подобраться поближе к Вурутане.

Основная часть отряда вернулась в деревню, таща за собой волокуши с грудями копченого мяса. Их сопровождало множество пойманных лошадей, с которыми было велено обходиться по-хорошему и ни в коем случае их не резать.

Улисс в сопровождении сорока воинов и Авины продвигался все дальше к югу. Они миновали гигантские стада слонов, размером с африканского слона, с горами жира на ляжках и невообразимо длинным мехом. Они шли мимо стад антилоп самых различных видов и пород. Иные из них в точности походили на американских и африканских антилоп его времени.

Им попадались на глаза стаи остроухих собак, похожих на волков, с белыми и рыжими подпалинами по всему телу. Попадались прайды громадных полосатых котов, напоминающих гепардов или похожих на ягуаров, но размером со льва. Двенадцатифутовые птички-бегунчики им тоже попадались. Однажды Улисс увидел, как две громадные птицы отгоняют двух ягуаров от лошади, только что задранный этими «кошками».

Но отряд волновали не столько птицы или животные, сколько куриэйаумеа — рослый длинноногий народ с рыжеватым мехом и белыми лицами. Очень дикий народ, как выразилась Авина. Они не были родственниками вуфеа, вагарондитов или алканквивов. Они применяли боло и копье-металки — атлатли.

Никто не заговаривал о возвращении, но чем глубже они забирались на территорию куриэйаумеа, тем больше нервничали воины.

Улисс настаивал, что путь на юг следует продолжать. Однако спустя два дня они не приблизились сколько-нибудь заметно к темной массе на горизонте, и пришлось повернуть назад. Правда, с помощью окольных вопросов он выудил кое-какие сведения, хотя и не знал, способен ли поверить в них.

Если он только все понял правильно, Вурутана был деревом. Но деревом, подобного которому свет не видывал с тех самых пор, как появились самые первые деревья.

Так и не повстречав ужасных куриэйаумеа, отряд вернулся, и Улисс тут же начал приготовления к большому путешествию. Однако листва уже опала, задул холодный ветер, и он решил подождать до весны.

Через месяц, едва лишь выпал первый снег, в деревню прилетел Глих со своей женой Гуах. Нацепив легкие шкуры, они походили на крохотных крылатых эскимосов. Гуах была еще меньше, чем Глих, но куда голосистее. Она была бесстыжей, громкоголосой, привередливой и назойливой

самкой, которую Улисс моментально невзлюбил. Будь у нее перья и птичьи лапы, ее вполне можно было бы принять за гарпию.

— Что, устал меня дожидаться? — усмехнулся Улисс.

— Дождаться? Воистину, Повелитель, я не понимаю, что ты хочешь этим сказать, — ответил Глих.

Выложив свои сплетни, новости и сообщения о всеобщей откочевке дичи к югу, они с женой задали множество вопросов деревенским. Им было нетрудно выяснить, что после весенней распутицы Каменный Бог собирается идти походом на Вурутану... Улисс тем временем расспросил Авину и многих других — и выяснил, что крыланы редко прилетают в это время года. А верховный жрец вообще заявил, что ни один «крылатый рот» за последние двадцать лет, а может, и того больше, так поздно не объявлялся.

Услышав это, Улисс кивнул. Он подозревал, что крыланов подослали выяснить, что могло его задержать. И он был уверен, что оба вернутся обратно ранней весной, намного раньше обычного. Однажды холодным утром он простился с ними и решил, что придется сниматься с места даже раньше, чем он собирался.

Тем временем он объездил лошадей и обучил воинов верховой езде. Зимние снега были не столь сильными, как он привык. Географически это место могло быть и Сиракузами, но климат стал мягче. Частые, но не обильные снегопады то и дело сменялись оттепелью. Места для верховой езды хватало. Лошадей Улисс содержал в храме. По весне родились первые жеребята, и он обучил свой народ за ними ухаживать. Особо строго он следил, чтобы с животными обращались по-человечески.

Наконец весна растопила ледяную корку, покрывавшую землю, и грязь затопила равнины. А Улисс так и не успел отправиться в поход из-за постигшей вуфеа болезни. За несколько недель умерли несколько дюжин, а потом слегла в лихорадке Авина. Улисс выхаживал ее собственноручно, почти никуда не отлучаясь. Аифира неустанно устраивал очистительные церемонии. Инфекционная природа болезней забылась. Взамен возродилась старая теория об одержимости демонами и колдовских наговорах. Улисс не спорил. Без микроскопа он не мог подтвердить своих объяснений, а если бы и смог, лихорадку объяснением не излечишь. Жар и сопутствующее ему воспаление мозга продолжались

в течение недели. Кто-то умер, кто-то выздоровел. Казалось совершенно непонятным, почему выживают одни и погибают другие. Хоронили каждый день, но постепенно эпидемия сошла на нет.

Улисс представил себе, как было бы смешно, случись ему пасть жертвой лихорадки после стольких миллионов лет неуязвимости. Но болезнь его не коснулась. Улисс усмотрел в этом еще одно преимущество: ведь стоит ему почувствовать недомогание, как все прочие могут усомниться в его божественности.

Эпидемия свирепствовала в округе около месяца. А когда схлынула, восьмая часть населения оказалась под землей. Лихорадка возраста не разбирала: она уносила младенцев, детей, взрослых и стариков.

Улисс находился в скверном расположении духа по нескольким причинам сразу. Во-первых, он сблизился с этим народом, несмотря на их нечеловеческую природу и психологию. Некоторые смерти заставили его искренне горевать, в том числе и гибель Аифиры. Возможно, горе Авины, потерявшей отца, тронуло его больше, чем сама смерть, но он был подавлен. Во-вторых, вуфеа недоставало рук для охоты и весеннего сева. Они действительно не могли отпустить воинов, в которых нуждалась его экспедиция.

Однако Каменный Бог даровал им лук и стрелы, дал средство передвижения — лошадей. Они могли охотиться гораздо успешнее, чем до его пробуждения. Несколько крупных охотничьих вылазок принесли племени много лошадиного и антилопьего мяса. Более того, вуфеа и без его божественной подсказки догадались разводить лошадей ради мяса. Табун разделили надвое: половине лошадей предстояло остаться средством передвижения, а от второй добивались коротких ног и большого тела. Вуфеа знали толк в селекции — ведь они уже давно для различных целей разводили собак и свиней.

Отправляться в путь было уже поздно... или еще рано — это как посмотреть. Пока грязь не просохнет, с места не сдвинуться. Поэтому Улисс ждал, делая все новые приготовления и измышляя все новые препятствия, к которым следует подготовиться, — и такие, подготовиться к которым невозможно. Его воины тоже томились ожиданием. Чем больше экспедиция откладывалась, тем более жуткими

и зловещими становились рассказы о неизменно гнусных деяниях Вурутаны.

За три дня до выхода экспедиции в голубой дали показались Глих и его жена Гуах.

— Мой Повелитель, я полагаю, что мог бы тебе пригодиться! — сказал Глих. Его дубленое, клыкастое лицо сморщилось, напоминая мордочку летучей мыши. «Или очень уродливой лисы», — подумал Улисс.

Улисс согласился, что Глих мог бы ему пригодиться. Он и мог — до известного предела. Стоит переступить этот предел, и доверять Глиху нельзя. У Улисса было достаточно времени, чтобы обмозговать инцидент с Древней Тварью, а также рассказы о крылатом народе.

Глаза Глиха широко раскрылись, когда он увидел сооруженные Улиссом четыре повозки.

— Повелитель, ты дал своему народу много новых и полезных вещей, — сказал Глих. — С луками и стрелами, порохом и лошадьми твои люди смогут покорить все народы к северу отсюда.

— Верно, — согласился Улисс. — Но меня интересует только один противник.

— Ах да — Вурутана!

Казалось, Глих не удивился. Скорей уж он выглядел удовлетворенным.

На третье утро караван вышел в путь. Улисс Поющий Медведь восседал на самом крупном пони, какого только сумел сыскать. Сбоку на кобылке ехала Авина. Далее за спинами двоих всадников взгромоздились Глих и Гуах. За ними ехали сорок воинов, а затем влекомые лошадьми четыре повозки и еще шестьдесят воинов. На флангах, спереди и сзади двигались разведчики. Отряд был составлен почти поровну из вуфеа, вагарондитов и алканквибов. Улисс предпочитал, чтобы все сражающиеся бойцы были одной расы, потому что устал предотвращать и прекращать распри, ссоры, а то и открытое кровопролитие между давними врагами. Но он хотел сохранить единство, а взять с собой только одну расу значило бы оскорбить две другие.

Вместе они составляли причудливую и пеструю компанию. К этому времени Улисс пришел к выводу, что все три расы произошли от общего кошачьего предка. Сходство вагарондитов и алканквибов с енотами было чисто поверхностным.

Путники двигались по равнине, останавливаясь с наступлением сумерек или раньше около родников или ручья. Они набили много дичи, и все ели вдоволь. День за днем громадная масса на юге, казалось, почти не увеличивалась в размерах, а потом внезапно начала быстро разрастаться. Однажды к ним приблизился маленький боевой отряд куриэйаумеа, но путешественники превосходили их числом. К тому же при виде людей верхом на лошадях куриэйаумеа, казалось, обомлели. Они пытались все же настичь всадников, держась на почтительном расстоянии, но на второй день безнадежно отстали. Спустя еще два дня путники столкнулись почти с тысячной армией выраженных в перья и бусы куриэйаумеа. Их появление не застало Улисса врасплох. Дхулулихи заметили их еще вчера.

Улисс остановил караван и пригляделся. Куриэйаумеа были почти такими же рослыми, как и он сам, но поджарыми, как борзые. У них был рыжеватый мех, уши торчали вперед. Лица казались такими же человеческими, как у вуфеа, — но зубы были зубами хищников. В них не было ничего кошачьего. Скорей уж они напоминали собак. От них даже пахло псиной, и их тела, испаряясь, охлаждал не пот, а слюна, капающая с вываленных языков.

— Повелитель, мы нападем на них? — спросил вождь алканквивов Кдангвинг.

Остальные вожди заворчали, недовольные тем, что он набрался наглости и заговорил. Улисс взял его за руку, призывая выждать, и повнимательней присмотрелся к противнику. Вражеские воины били в большие барабаны и приплясывали от нетерпения, подзуживаемые своими вождями. Они выстраивались полумесяцем, понемногу окружая караван.

Улисс отдал приказы, и отряд перестроился клином. Во главе клина был сам Улисс. Повозки оказались в центре отряда. Не знающим военной дисциплины дикарям нелегко будет опрокинуть подобное построение.

Большинство бойцов было вооружено луками и стрелами, а некоторые несли базуки. Этим для большей эффективности пришлось спешиться, ибо стрелок не мог сам поджечь запал. Крыши повозок представляли собой платформы, где на поворачивающихся лафетах были установлены направляющие ракет.

Улисс отдал приказ наступать, и клин рысью помчался к собакам. Оттого, что их посмели атаковать на собственной территории столь малыми силами, собак на несколько минут словно парализовало. Но, наконец, вожди привели их в чувство, и те бросились на отряд Улисса. Их ряды по мере приближения к всадникам теряли стройность, и к тому моменту когда оба отряда схлестнулись, собаколюди пребывали в состоянии полного хаоса. Каждый человек — или каждая собака — сражался сам за себя.

Улисс остановил кавалерию, стрелки с базуками спешили, и лучники дали первый залп. За ним последовало еще шесть, каждый по указке сержантов, пристально наблюдавших за сигналами Улисса. Это было превосходное упражнение. Тренировки не пропали даром, и около двухсот куриэаумеа пали со стрелами в груди.

А потом, когда их ряды дрогнули и обратились в бегство, в самой их гуще грохнулись и взорвались ракеты. Хотя боеголовки и были заряжены щебенкой, заменяющей шрапнель, основным эффектом снарядов была паника. Куриэаумеа побросали оружие и побежали. Кавалерия наступала медленно, а потом и вовсе остановилась: всадники подбিরали свои стрелы и отрезали уши у убитых в качестве военного трофея.

Двумя часами позже собаколюди, перестроившись и подогрев храбрость насмешками своих вождей, вновь атаковали. И вновь их разбили и обратили в бегство.

Это был великий день для кошачьих, которые обычно проигрывали битвы с собаками на их территории. Они рвались вперед: сжечь деревни собак и вырезать самок и детенышей — но Улисс им запретил.

Через два дня черная масса впереди стала темно-зеленой. Потом в ней завиднелись цветы самой различной окраски. По зелени потянулись серые полосы. Потом они воплотились в необъятные стволы, ветви и сучья.

Вурутана *действительно* был деревом — самым могучим из всех существующих. Улисс припомнил Иггдрасиль*,

* Мировой ясень. По преданию, он пронизывает собой все девять миров, связывая их воедино. Его три корня расходятся к миру богов — небесному обиталищу Асгарду, — в край вечного холода и в подземный мир Нифльхейм; ствол поддерживает землю, населенную людьми, а крона поднимается выше небес. На ветвях мирового ясеня расцветают все цветы и растут все плоды, какие только существуют, а в ветвях обитают все существующие звери и птицы.

мировое дерево скандинавских мифов, и подумал, что Вургутана ему ничем не уступит. Настоящее мировое дерево, если верить Глиху и его описаниям. Нечто наподобие баньяна высотой десять тысяч футов, простиравшееся на тысячи квадратных миль. Его ветви по мере роста постепенно клонились к земле, ныряли в нее, укоренялись, и от новоявленных стволов отходили уже новые ветви. Громада, устойчивая на всем своем протяжении. Где-то в глубине этого древесного спрута еще жив его самый первый ствол.

Подойдя к первой ветви, протянувшейся из изрядной дали, они остановились и благоговейно обозрели вонзенный в землю гигант. Потом объехали вокруг покрытой сморщенной серой корой колонны и решили, что ветка достигает в диаметре почти пятисот ярдов. Кора казалась такой сморщенной, потрескавшейся и рубцеватой, что ветвь походила на иссеченный ветром и дождями утес.

Все молчали. Вургутана ошеломлял, словно море, гигантское землетрясение, потоп, ураган, циклон или падение огромного метеорита.

— Гляди! — сказала Авина, указав рукой. — Вон деревья растут из Древа.

Во множество глубоких трещин набилась почва, ветер и птицы роняли семена, и деревья пускали корни в грунте трещин коры. Некоторые из них достигали сотен футов в высоту.

Улисс заглянул в мрачную глубину. Растительность вокруг была так густа, что сюда пробивалось чересчур мало солнца. Но Глих сказал, что проще путешествовать в верхних террасах, чем понизу. Слишком много воды стекало с Древа, и она образовала обширные болота. Были там и зыбучие пески, и ядовитые растения, которые, казалось, вовсе не нуждались в свете, и смертоносные змеи, которым свет вообще был вреден. Болота поглотили бы караван, самое большее, за несколько дней.

Улисс не доверял крылану, но этим его словам он верить мог: от корней исходил сырой нездоровый запах. От них несло гнилью, бледными порождениями тьмы и болотной трясиной, способной засосать любого, у кого хватит глупости вступить на нее.

Он посмотрел вверх вдоль ближайшей ветви. Та спускалась под углом в сорок пять градусов из чего-то

зеленого и многоцветно-хаотического в нескольких милях отсюда.

— Мы поедem к следующей ветке, — распорядился он, — а там уж посмотрим, что к чему.

Хотя и так было ясно, что лошадей придется оставить. Жаль, что они приручили лошадей, а не коз. Улисс увидел коз, скакавших с одного выступа коры на другой. То были создания с оранжевой шерстью, дважды изогнутыми рогами и маленькой черной бородкой.

Хватало вокруг и прочей живности. Чернотелые, желтолицые обезьяны с длинными хвостами колечком. И другие, похожие на бабуинов с зеленым задом и алой шерсткой. Крошечные лани с шишечками рогов. Какие-то свиноподобные, хрюкающие животные. И птицы, птицы, птицы!

До следующей ветви — или корня, выступающего из земли, — пришлось скакать около полумили. Вода низвергалась вниз потоками и водопадами и растекалась по земле ручьем. Глих говорил, что там, в углублениях на вершинах веток, существует множество рек, ручейков и речушек. Теперь Улисс поверил. Каким могучим насосом было это Дерево! Оно, наверное, посылало корни глубоко в землю, те прорывались через камень и всасывали влагу, содержащуюся в скалах и запертых водоносных слоях глубоко под землей. Оно могло даже выпить океан и опреснить его воду. Затем оно выделяло воду в различных местах, и та растекалась ручьями, реками и речушками.

— Это место не хуже любого другого, — сказал Улисс. — Распрягайте лошадей. Пусть себе уходят.

— Столько хорошего мяса! — проговорила Авина.

— Знаю. Но мне неохота убивать их. Они нам служили и имеют право на жизнь.

— Их съедят не позже чем через неделю, — возразила Авина, но передала приказ.

Пока с животных снимали поклажу, Улисс наблюдал за крыланами. Те сидели рядышком в тени гигантской ветви и о чем-то переговаривались вполголоса. До сих пор им позволялось сопровождать отряд: они были полезны как разведчики и болтали так безудержно, что снабжали информацией, даже когда хотели утаить ее. Они предупредили отряд о собаколюдях и сообщили Улиссu достаточно дан-

ных, чтобы сложить из этих кусочков хотя бы часть картины того, что ожидало их впереди.

Но с тем же успехом крыланы могли и шпионить за непростеными гостями, и предать отряд в любой момент. По крайней мере, Улиссу не стоило сбрасывать со счетов такую возможность.

Он в задумчивости расхаживал взад-вперед, а потом решил, что позволит им сопровождать отряд еще несколько дней. Никто, кроме крыланов, не знал толком, что представляет собой Дерево. Отряду пригодятся любые советы. И хотя внутри Дерева было не так уж много свободного места, этой парочке будет где развернуться. Они могут лететь впереди и разведывать обстановку. Вот только что делать, если они полетят предупредить кого-нибудь, что Улисс со своим отрядом приближается?

В ближайшие дни этим риском придется пренебречь.

Он вернулся к груде вещей и отобрал то, что следует взять. Взбираться на Дерево было все равно что карабкаться на гору: взять с собой можно лишь самое необходимое. Вряд ли от тяжелых базук и ракет будет много толку. Поколебавшись несколько минут, Улисс решил от них избавиться. Однако несколько бомб все же прихватил с собой.

Он не хотел, чтобы крыланы прилетели и забрали ракеты, поэтому выпотрошил снаряды и поджег порох. В результате взрыв потряс Дерево на много миль вокруг. И прошло несколько часов, прежде чем обезьяны и птицы перестали метаться и верещать.

Убедившись, что все надежно привязано и упаковано, Улисс дал сигнал следовать за ним. Они взбирались вдоль потока, карабкаясь по коре с выступа на выступ, словно переходили по камням ручей. Он был рад, что захватил с собой четыре пары отличных мокасин. Их тонкая кожа быстро изнашивается на жесткой коре. Мозолистые подошвы остальных были тверже железа. Зато крыланов пришлось нести. На их слабых кривеньких ножках далеко по веткам не уковыляешь. Когда Улисс слышал, как жалуются их носильщики, он решил, что незачем бэтменам быть обузой. Он велел им лететь вперед и дожидаться остальных под тем предлогом, что без разведки им не обойтись: устроить засаду в здешних местах было ужасающе просто.

Весь остаток дня путешественники плелись вдоль ручья. Его русло, сбегаящее по хребту ветви, достигало пятидесяти

футов в поперечнике и десяти в глубину. Под углом в сорок пять градусов течение было слишком стремительным, чтобы его можно было преодолеть. Но Глих уверял, что выше, где ветвь горизонтальна, течение замедляется настолько, что впору искупаться. Водились в ручье и рыбы, и лягушки, и насекомые, и водяные растения, и, конечно, существа, которые их пожирали. А заодно и те, что пожирали пожирателей.

За полчаса до сумерек они вышли на горизонтальный участок и остановились, ожидая, пока Улисс оценит обстановку. Вокруг царил сумрак, и когда солнце будет стоять в зените, они окажутся в непроглядной тьме. Ветви над головой не уступали в размерах той, на которой стоял отряд, а то и превосходили ее. Их сплошь покрывала растительность, в том числе и высокие деревья. Да вдобавок в пространствах между ветвями, в вертикальной и горизонтальной плоскостях, виноградные лозы и лианы сплетались сплошной стеной, способной выдержать прорыв стада слонов.

В переплетении цветов и лиан там и сям виднелись странные сооружения, похожие на морские ракушки. В них обитали крохотные зверьки с хитроумными мордочками. По всей видимости, они строили свои гнезда из слюны, которая на воздухе загустевала и твердела наподобие картона. Глих посоветовал не приближаться к маленьким тварюшкам, ибо их укусы были болезненными, а слюна — ядовитой.

Вокруг было полно и других опасностей, о которых Глих поведал Улиссу подробно. Во всяком случае, он утверждал, что не забыл упомянуть ни одной.

Улисс постарался не выказывать страха. Но Авина и некоторые другие были подавлены. Вечером, когда они варили мясо на маленьких бездымных костерках, отряд был до странности неразговорчив. Улисс не пытался их расшевелить — в здешних местах лучше помалкивать. Но если они и впредь будут такими же угрюмыми, ему придется придумать что-нибудь для поднятия духа.

Улисс собрал удилище, наживил на крючок оленье мясо и отправился ловить рыбу. Он поймал беспанцирную черепаху и едва не выбросил ее обратно, но потом передумал и решил приготовить ее на завтрак. Его вторая попытка подарила ему маленькую рыбку, которую он выкинул. Че-

рез пять минут попалась рыбина в полтора фута длиной. У нее были крепкие шипы и коротенькие усики по обеим сторонам тела. Когда наконец Улисс выволок ее на берег, то вдруг обнаружил, что та может дышать воздухом. Она поквакивала и старалась поцарапать его тонкими коготками, растущими на кончиках плавников. Он положил ее в корзинку, но рыба квакала по-прежнему, да так громко, что Улисс ее выпустил. Он всегда мог поймать ее саму или ее сестриц на завтрак утром.

Проблема ночлега решилась достаточно просто, хотя и не совсем удовлетворительно. Вокруг хватало щелей, где можно было упрятать весь отряд целиком. С другой стороны, путники не могли ночевать достаточно близко друг к другу. Враг мог напасть на них и вырезать одного за другим, а караульные ничего бы не заметили.

С этим Улисс ничего не мог поделать — разве что удвоить количество караульных по сравнению с обычным. Он сказал, что будет нести караул во вторую смену, и, улегшись в щель возле Авини, закрыл глаза, но вскоре вновь открыл их. Вопли, визг, завывания, стоны, птичий посвист и карканье, гул и грохот мешали уснуть и действовали на нервы. Улисс сел, лег, снова сел, повернулся и шепотом заговорил с Авиней. Когда его потрепали по плечу, зовя на вахту, он и глаз сомкнуть не успел.

Взошла луна, но ее лучи не проникали в растительную каверну. Как бы хотел сейчас Улисс оказаться всего в нескольких милях отсюда, на равнине, залитой ярким лунным светом!

Утро застало всех с глазами красными, как восходящее солнце. Улисс напился из ручья и решительно отправился ловить рыбу. Он поймал пять амфибий, трех рыб наподобие форели, двух лягушек и еще одну черепаху, отдал улов Авине, и та с несколькими вуфеа взялась за стряпню.

Улисс говорил негромко, но весело, и, отведав рыбы (а рыбу все любили), путешественники изрядно приободрились. Однако, подняв тюки, они вновь ощутили усталость. Узкие полосы солнечного света редко проникали сквозь гущу ветвей и лиан. То и дело на путников падала тень, и они понемногу примолкли. Встречались места, где растения сплетались так густо, что крыланы не могли взлететь, и воинам приходилось тащить их.

На второй день их состояние улучшилось. Ночные вопли стали более привычными, и все смогли немного выспаться. Ели они вдоволь. Рыба ловилась замечательно. Вагарондиты подстрелили большого алого борова с тремя парами изогнутых клыков, которого поджарили и съели. Кругом было полным-полно деревьев и кустов с ягодами, фруктами и орехами. Глих заверил, что они не ядовиты, но Улисс приказал ему и его жене попробовать все самим, перед тем как будут есть другие. Глиху приказ не понравился, но он только угрюмо усмехнулся и повиновался.

На третий день по совету Глиха отряд взобрался по стволу наверх. Крылан сказал, что, если подняться на верхние террасы, идти станет легче. Улисс подумал, что какой-нибудь крылатой твари — например другим бэтменам — заприметить их сверху тоже будет несравненно легче, но решил до поры до времени последовать советам крылана.

Конечно, сначала пришлось заставить отряд вскарабкаться по стволам наверх. Перебираться с ветки на ветку оказалось делом несложным — то тут то там лианы и прочая растительность сцепляли их воедино. По большей части так оно и было. Однако время от времени, чтобы перейти на другую ветку, приходилось огибать ствол. Медленный способ передвижения, но достаточно безопасный — если, конечно, не смотреть вниз. Кора была шербатой, как утес, и карабкаться по ней было не труднее, чем по трубе. Улисс успешно проделал весь подъем, хотя его руки и спина покрылись ссадинами и кровоподтеками. Здесь его жилистые легкие воины, сплошь покрытые мехом, имели перед ним преимущество.

Тяжело дыша, Улисс подтянулся на последнем выступе и оказался на ветви. Он начал карабкаться рано утром, а сейчас почти стемнело. Внизу уже наступила ночь, глубины наполнял пещерный мрак. За спинами путешественников раскатился дальний рык леопардовой кошки. Футов на тысячу ниже вопила стая обезьян. По прикидкам Улисса, они уже поднялись над землей примерно на восемь тысяч футов. Но вершины Деревя все еще не достигли. Ствол тянулся вверх еще на добрых пару тысяч футов, и от верхушки отряд отделяло не меньше дюжины гигантских ветвей.

С наступлением темноты похолодало. Сучья, хворост, ветки с засохших деревьев — все шло в дело, все можно было сложить в кучу на дне тех щелей, что не были напрочь забиты землей. Здесь, наверху, пыли было меньше и она не полностью покрывала кору. Солнце село, и вокруг закружились облака. Мокрые и продрогшие, путники придвинулись поближе к кострам.

Улисс заговорил с Глихом, который грелся у костра подле него:

— Я не уверен, что это была хорошая идея. Что верно, то верно: растений здесь намного меньше, и передвигаться мы можем быстрее. Но зато здесь впроку заболеть от холода и сырости.

В отблесках пламени и клубах тумана расплывчатые силуэты крылана и его жены напоминали демонов. Они закутались в шерстяные одеяла, и наружу торчали лишь их кожаные крылья и лысые головы.

— Завтра, мой Повелитель, — постукивая зубами, вымолвил Глих, — мы построим плот и поплывем вниз по течению. Тогда ты поймешь всю мудрость моего совета. Мы будем покрывать за день огромные пространства, и сделаем это играючи. Тогда ты и сам увидишь, что по сравнению с легкостью дневного пути ночными неприятностями можно и пренебречь.

— Посмотрим, — сказал Улисс и забрался в спальный мешок.

Туча дохнула сыростью ему в лицо и окропила его каплями дождя. Но в спальном мешке было тепло. Улисс закрыл глаза и тут же приоткрыл их, чтобы взглянуть на Авину. Та сидела в своем спальном мешке, прислонившись спиной к серой стенке пещеры. Ее огромные глаза так и уставились на него. Тогда Улисс снова смежил веки, но все равно продолжал видеть перед собой ее глазища, даже во сне.

Пробудился он от ужаса. Сердце колотилось, дышать было трудно. Чей-то вопль все еще отдавался в ушах.

Улисс решил было, что ему это все приснилось. Но потом услышал, как остальные выкрикивают что-то и с шумом выбираются из спальных мешков. Огонь почти угас, и в полутьме казалось, что это обезьяны копошатся на дне ямы.

Улисс встал и выхватил свой ассегай, приготовившись к чему-то — но к чему? Ответом на его вопрос было невразумительное бормотание: каждый пребывал в таком же недоумении. Отряд разделился на три группы, и каждая сгрудилась вокруг костра на дне каньоноподобной расщелины, которая вздымалась вверх выше Улиссовой головы. Потом рядом с ним из тумана вынырнуло нечто округлое и раздался голос:

— Мой Повелитель! Двое наших людей мертвы!

Это был Эдджаувандо, вагарондит из соседней группы. Улисс выбрался из трещины, за ним последовали другие.

— Их убили копьем! — сказал Эдджаувандо.

Улисс осмотрел умерших в свете костра, который разгорелся, когда в него подбросили веток и сучьев. Раны на горле могли быть действительно нанесены копьем, но ведь Эдджаувандо всего лишь высказал свою догадку.

Караульные сказали, что ничего не заметили. Они находились снаружи расщелины, но сидели на своих постах в спальных мешках и полузакутавшись в одеяла. Они утверждали, что крики доносились оттуда — и указали при этом на облако, — а не от жертв.

Улисс удвоил охрану и вернулся в свою расщелину.

— Глих, какие разумные существа обитают в этой местности? — спросил он.

— Их две разновидности, мой Повелитель, — помигав, ответил Глих. — Великаны вуггруды и народ, именуемый себя храушмиддумами. Они похожи на вуфеа, только ростом повыше, и мех у них пятнистый, как у леопарда. Но они так высоко не обитают. Разве что немногие из них.

— Кем бы они ни были, — сказал Улисс, — их здесь мало. Иначе они перерезали бы нас всех.

— Похоже на то, — признал Глих. — Но, с другой стороны, храушмиддумы любят поиграть со своими жертвами, как леопард с козленком или кошка с мышкой.

Этой ночью никому не удалось выспаться. Едва Улисс задремал, как чья-то рука встряхнула его за плечо.

— Повелитель, очнись. Двое наших мертвы! — сказал алканквиб Вассунди.

Улисс последовал за ним к расщелине, в которой ночевали алканквибы. На сей раз убили двоих часовых. Их за-

душили, а тела столкнули в расщелину на головы товарищей. Трое других караульных, находившихся всего в нескольких футах, ничего не слышали, пока тела не шлепнулись о дно расщелины.

— Будь у врага побольше сил, он бы не упустил случая поубивать нас всех, — пробормотал Улисс.

Больше этой ночью никто не спал. Взошло солнце и разогнало мрак. Улисс огляделся, ища следы нападавших, но ничего не увидел. Он приказал положить трупы в спальные мешки и сбросить с ветви. Конечно, не раньше чем жрецы произнесут короткое прощальное напутствие. Согласно их верованиям, мертвых следовало бы похоронить. Но на этой ветви почти не было земли — только та, что набилась меж корней кустов и деревьев. Поэтому мертвых просто скинули с края ветви — единственно возможное подобие похорон. Тела завертелись на лету, едва не ударились о громадную ветвь на тысячу футов ниже и исчезли за завесой лиан.

После молчаливого завтрака Улисс приказал выступать. До полудня он вел отряд вдоль ветви. Вскоре после этого он решил перейти на соседнюю, которая шла чуть ниже, параллельно их собственной почти несколько миль. Растительность на ней была во много раз гуще; причиной тому послужила речушка, шириной примерно в треть ветви. Улисс решил последовать совету Глиха и построить плот.

Переход был совершен по лианам, переплетенным почти горизонтально. Улисс разбил отряд на три группы. Пока одни карабкались, остальные стояли на страже с луками наготове. Самый подходящий случай для внезапного нападения: во время перехода все внимание занято тем, чтобы покрепче держаться за лианы и не ступить ненароком на обманчиво твердую, но непрочную поверхность. Стоящие наверху внимательно всматривались в сплошную стену растений, чтобы вовремя заметить возможную засаду. Тысячи врагов могли запросто подкрасться незамеченными.

Перебравшись на другую сторону, первая группа изготовилась прикрывать отход второй, в то время как третья оставалась в арьергарде. Улисс шел с первой группой. Потом он наблюдал за следующей группой, перебирающейся по переплетению растений, которое только чуть

прогибалось под весом алканквибов, несущих бомбы и припасы. Он уже обследовал окрестности и пришел к выводу, что засады поблизости нет

Когда первого алканквиба отделяло от ветви не больше двадцати футов, третья группа разразилась воплями. Перепуганный Улисс сообразил, что они указывают наверх. Он поднял глаза — как раз вовремя, чтобы увидеть, как на алканквибского воина валится бревно в десять футов длиной. Не задев его, бревно грохнулось на путаницу растений, разрывая сплетение лоз, лиан и вьюнов. Воин внезапно оказался висящим на конце лианы. Те, что шли следом, в первый миг застыли на месте, а потом бешено рванулись вперед, осыпаясь градом бревен, булыжников, ветвей и комьев земли.

Первый алканквиб разжал руки и с воплем полетел в бездну. Второго ударило по спине двухфунтовым бревном, и он исчез. Третий прыгнул, чтобы избежать удара куском коры величиной с его голову, и не сумел уцепиться за лиану. Четвертый споткнулся и сорвался в отверстие, которое, казалось, поглотило его окончательно. Впрочем, вскоре он появился вновь и сумел достичь относительно безопасной ветки.

Бревна валились все ближе к первой группе, вынуждая ее отступать вдоль ветви. Улисс тоже отступил, но не раньше, чем убедился, что нападавшие находятся на ветке точно над ними. Точнее, они висели по обеим сторонам ветки, уцепившись за кору, чтобы иметь возможность толком прицелиться. Не более шестисот футов отделяло их от лучников — вагарондитов под предводительством Эдджаувандо. Не утратив присутствия духа, тот коротко отдал приказ, и к верхней ветви тотчас устремились стрелы, поражая нападавших.

Враги оказались кошками с пятнистым, как у леопардов, мехом, пучками волос на ушах и козлиными бородами. Шестеро, сбитые стрелами, грохнулись на переправу. Один рухнул прямо на алканквиба, и оба полетели вниз. Остальные алканквибы перешли на другую сторону и бросились в кусты, под ветки, где храушмиддумы не могли до них добраться. Вагарондиты прекратили обстрел, и Улиссу пришлось орать им через двухсотфутовую пропасть. Выяснив, что леопардовые, уходя из-под обстрела, вскарабкались обратно, он приказал вагарондитам начать переправу

Те торопились, как могли, но, прежде чем им удалось достичь безопасного места, их вновь атаковали сверху. На сей раз ни одно бревно не попало в цель.

Наконец Улисс отыскал обоих крыланов, укрывшихся под высоким кустом с громадными алыми шестиконечными листьями. Они перебрались первыми, снявшись со ствола и перелетев на другую сторону. Жаль, что он не догадался послать их в разведку на верхнюю ветвь. Впредь он будет поступать именно так. Ну да у него и сейчас найдется работа для бэтменов.

— Я хочу, чтобы вы летели, пока не найдете, где обитают храушмиддумы, — распорядился он.

Глих почти совсем посерел.

— Зачем? — спросил он. — Что ты надумал?

— Я их изничтожу, — ответил Улисс. — Мы не можем им позволить перебить нас поодиночке.

Ни один из парочки крыланов не горел желанием отправиться в полет, но Улисс пригрозил, что оборвет им крылья и оставит здесь, если они не будут подчиняться приказам. Потом он решил оставить Гуах заложницей, куда ее муженек будет отсутствовать. самого слова «заложница» он не произнес и не стал объяснять, почему хочет послать в разведку лишь одного крылана, но они его поняли. Глих неохотно сорвался с выступа коры на боку ветви, сверкнул на прощание глазами, захлопал крыльями и ушел по спирали вверх. Враги не бросили в него ни одного снаряда.

Дождаясь его возвращения, Улисс велел своим людям пустить в дело каменные топоры и построить шесть больших плотов. Через час бэтмен спикировал вниз, совершил посадку на соседнем переплетении лиан и, вскарабкавшись на ветвь, доложил, что видел множество людей-леопардов, но нигде не заметил и следа их поселений.

Тогда Улисс потребовал, чтобы крылан слетал вниз по ручью и разведкал, как там дела. Он не хотел, чтобы засада подстерегла плывущие плоты: слишком уж они уязвимы. Гуах лучше остаться с ним. Не проронив ни слова, Глих снялся с места и вернулся через полчаса. Ему ничего не удалось разглядеть в гуще растительности.

Не только растительная жизнь могла похвастаться своей многочисленностью. Джунгли так и кишели разноцветными бабочками с прихотливым узором на крылышках

и спинке. Стрекозы, распахнув свои крылья на добрых четыре фута, метались над водой, то и дело снижаясь, чтобы изловить паука-водомерку. Иногда, обернувшись на шорох листы, Улисс обнаруживал таракана длиной с его руку. По соседству приземлялись летучие ящерицы с широко растопыренными ребрами и тонкой перепонкой, натянутой между ними. Однажды с противоположного берега ринулся в воду бобр. Этот ни за кем не охотился, а сам спасался от охотника. За ним гналась трехфутовая птица — карликовая разновидность гигантского равнинного бегунчика. Она нырнула вслед за животным, и ни один из них не выплыл.

Покуда одни стояли на страже, а другие валялись на мягких мхах, облепивших почти всю ветвь, Улисс сидел и размышлял. Речушка вытекала из огромной дыры в том месте, где ветвь отходила от основного ствола. Если верить Глиху, дерево всасывало воду и выбрасывало ее в различных местах, подобных этому. Вода либо просто бежала по каналу, когда он медленно понижался, водопадом ниспадающая там, где ветвь резко изгибалась вниз, либо, что было чаще всего, когда ветка шла горизонтально, добавочные ключи делали поток полноводным, даже несмотря на небольшие пороги.

Этот поток, очевидно, бежал на много миль вперед — по приблизительной оценке Глиха, миль на тридцать пять, хотя точнее не мог сказать и он. Ветвь, как и многие другие, делала зигзаги. Здесь были даже ветки, обвившиеся вокруг самих себя.

Наконец Улисс поднялся на ноги. Авина, которая лежала рядом, тоже встала. Он отдал приказ, и они вступили на первый плот. Несколько вуфеа взошли на плот вместе с Улиссом и оттолкнулись длинными шестами, вырезанными из бамбукоподобных растений.

В этом месте скорость течения не превышала пяти миль в час. Глубина в центре канала составляла футов двадцать, но ниже первых шести футов взгляд не проникал — на большей глубине вода мутнела. Глих сообщил, что в этом повинны растения, обитающие на дне и время от времени выделяющие коричневую жидкость. Крылан не знал, для чего служила эта коричневая жидкость, но, несомненно, она использовалась в экологии Древа. Не знал он и о том,

почему жидкость не подымается на самый верх, окрашивая при этом всю воду.

Рыба в реке водилась — самых разных видов и размеров, однако самые большие не превышали двух с половиной футов. Они походили на красно-черных крапчатых карпов и, наверное, питались растениями. Рыбешки поменьше размером и попроворнее, с длинным копьевидным выростом на нижней челюсти, поедали водяных пауков, а также гонялись за лягушками. Но те, как правило, либо удирали, либо разворачивались и давали отпор. Зубов у них не было, но они вцеплялись в рыбий бок и старались выцарапать глаза. Одна рыба проткнула своим копьем заднюю ногу лягушке — остальные мигом налетели и разорвали раненое животное на части.

Плотогоны старались править ближе к берегу, чтобы можно было дотянуться шестом до дна или до берега и оттолкнуться. Они работали слаженно, следуя тихим командам вождей и с криканьем отталкиваясь под счет командиров. Остальные стояли, держа наготове луки и стрелы.

Уровень воды почти достигал берегового края, где плотной стеной смыкались растения. Иные окунали ветви прямо в воду. Другие росли прямо посреди речушки на плавающих островках. Там было полным-полно птиц, обезьян и прочей живности. мех у обезьян был гораздо гуще, чем у их собратьев с нижних веток.

Если бы не угроза нападения людей-леопардов, Улисс наслаждался бы путешествием. Как было бы приятно просто сидеть и плыть наподобие Гека Финна вниз по реке, которую Марк Твен и вообразить бы не сумел.

Но судьба распорядилась иначе. Следовало держаться настороже и быть готовыми действовать при малейшем признаке опасности. И каждый, как предполагал Улисс, ожидал, что вот-вот из ало-зеленых зарослей вылетит копьё.

Миновали два напряженных часа, и плоты вышли на широкий проток, который вполне мог бы называться озером. Улисс видел другие ветви, уходящие в сторону, на которых он уже никогда больше не побывает. Озеро становилось все глубже и вскоре разлилось почти на четверста футов. Чтобы пересечь его, путникам надо было либо воспользоваться течением, которое заметно ослабело, либо держаться ближе к берегу, где можно достать до дна шестами. Улисс предпочел остаться на середине, где можно

было хоть немного расслабиться, благо здесь храушмидду-мы до путников не доберутся.

Секундой позже он раскаялся в своем выборе. Стадо животных, издали напоминавших гигантских гиппопотамов, вывалилось из джунглей на берег и шумно погрузилось в воду. Они плескались и фыркали, понемногу приближаясь к плотам, хотя вроде бы и без определенной цели.

В десяти ярдах они выглядели как огромные грызуны, которые, очевидно, приспособились к жизни в воде. Их ноздри и глаза находились на макушке, а уши снабжались кожаными клапанами. Волосы у них отсутствовали, за исключением шейной гривки наподобие лошадиной.

В тот же миг, словно в фильмах о диких джунглях, на поверхности озера появились три каноэ. Два вывернули из-за стада, а третье — из устья озера. Все каноэ были сделаны из раскрашенного дерева, со змеиными головами на форштевне, и в каждом находилось по девятнадцать леопардолюдей — восемнадцать гребцов и один командир.

Несколькими секундами позже Улисс заметил нескольких громадных созданий, выползающих из береговых зарослей на озерную гладь — что-то вроде укороченных безногих крокодилов.

Улисс раскрыл на плоту водонепроницаемый кожаный баул и достал оттуда бомбу. Пиаумиву, в чьи обязанности входило всегда держать наготове зажженную сигару, за исключением тех случаев, когда под рукой был факел, подал ее Улиссу. Тот раскурил ее, пока не запылал кончик, и коснулся ею бикфордова шнура. Шнур вспыхнул, пуская густой черный дым, который ветер относил в сторону каноэ. Улисс дождался, пока огонь почти совсем исчез, и швырнул бомбу в середину стада гиппопокрисов.

Та взорвалась перед самым ударом о воду. Животные нырнули. Многие из них больше вообще не всплыли, и только одно появилось по другую сторону Улиссова плота. Его тело, всколыхнувшее озеро, так окатило плоты водой, что Улисс оказался в ней по лодыжку. Чудище фыркнуло и нырнуло вновь. Второй раз оно всплыло под последним плотом и перевернуло его. Вагарондиты с воплями полетели в воду, тюки с провизией и бомбы последовали за ними. По-

том бегемот нырнул еще раз, и когда он появился опять, в воздухе над ним взорвалась вторая Улиссова бомба.

Люди-леопарды громко орали, предчувствуя добычу, но после взрыва первой бомбы мигом замолкли. Даже грести перестали и не взялись за весла, хотя их предводители оглашали воздух приказами. К этому времени Авина извлекла еще несколько бомб, и лучшие метатели подожгли запалы. Четыре бомбы полетели навстречу лодкам, одна приземлилась поблизости от трех громадных гиппопокрысов. Три бомбы не долетели до каноэ, но их взрыв поверг храушмиддумов в панику. Они свернули — стремясь, по всей вероятности, выйти за пределы досягаемости бомб, но надеясь остаться на расстоянии полета копья.

За дело взялись лучники, и несколько гребцов вместе с предводителем свалились со стрелами в груди. В тот же миг упали трое лучников, пронзенные брошенными с берега копьями.

Гиппопокрыс выскочил из воды, словно подкинутый катапультий, ухватился за борт боевого каноэ двумя громадными передними лапами и налег, опрокидывая его набок. Весь экипаж с воплями обрушился в воду.

То тут то там возникали водовороты. Улисс увидел безногого крокодила, крутящегося с задней лапой леопардо-человека в коротких челюстях. Рептилии так и сновали среди его людей, упавших в воду, когда гиппопокрыс перевернул плот.

Кругом происходило так много событий, что Улисс не мог за всем уследить. Он сосредоточился на берегу, где таилась самая большая опасность. В проеме листвы нападавших можно было разглядеть лишь время от времени, когда они высовывались, чтобы метнуть копьё. Улисс велел лучникам стрелять в эту густую зеленую стену вдоль побережья. Затем привлёк внимание вождей на других плотях и приказал им также открыть огонь по джунглям. Как только упавших вытащили из воды, приказ был исполнен.

Третье боевое каноэ, то, что вышло из устья, оказалось под командой храброго до глупости вождя. Он стоял на носу каноэ, потрясая своим копьем и понукая гребцов нажимать изо всех сил. Очевидно, он решил протаранить первый плот или же вылететь на него и потом взять на абордаж.

Лучники вуфеа всадили стрелу ему в бедро. Еще шесть стрел поразили столько же гребцов. Но вождь встал на колени за змеиными головами и велел своим людям грести дальше. Каное пошло чуть медленнее, но все еще быстрее, чем устраивало Улисса. Он поджег одну бомбу и швырнул ее как раз в тот момент, когда гребцы побросали весла и встали с копьями в руках. Каное мчалось наперерез их плоту. Казалось, ничто не могло его остановить.

Бомба Улисса разнесла переднюю часть каное, а вместе с ней и вождя. Вода хлынула в пролом и затопила лодку, которая погрузилась в воду и исчезла буквально перед самым плотом.

Бомба шлепнулась так близко, что оглушила и ослепила на плоту всех. Но сквозь слезы Улисс все же увидел, что случилось в следующий момент. Большая часть воинов с разбитого суденышка плавали оглушенными или мертвыми, а потом зубастые челюсти потащили их под воду.

Люди-леопарды на берегу все еще наносили тяжелый урон своими копьями. Улисс поджег еще одну бомбу и швырнул ее. Она упала в воду, взорвавшись сразу же после приземления. Над берегом взлетел вверх гигантский фонтан, но ущерба никому не причинил. Однако панику в стане врага он скорее всего вызвал, ибо огонь прекратился. Улисс приказал грести к берегу. Оставаться на озере было слишком опасно. Оно так и кишело безногими крокодилами — и откуда они только взялись? А на упавших в воду нападали гиппопокеры.

Остальные два каное, полные мертвых и умирающих, уплыли прочь. Стрелы разили без промаха. Благодаря храбрости своих людей, а заодно и выучке, отряд сумел оказать эффективное сопротивление.

Теперь они могли обратить внимание на густую листву. Оттуда донеслись крики: стрелы нашли свою невидимую цель. Когда плоты ударились о берег, люди похватили ящики и тюки и нырнули в заросли на глубину нескольких футов. Там они остановились и перевели дух.

Улисс послал нескольких человек к плотам, чтобы довести их вдоль берега до дальнего края озера, и пересчитал своих людей. Двадцать погибли. Оставалось сто — из них десять раненых. А ведь их путешествие только начиналось.

Они прошли вдоль берега без каких-либо дальнейших приключений. В конце озера догнали плывущие плоты, взобрались на них и продолжали свой путь по течению. Вскоре русло сузилось, и течение стало стремительней. Спустя некоторое время ветвь, должно быть, круче изогнулась вниз, ибо скорость плотов увеличилась приблизительно до пятнадцати узлов.

Улисс спросил Глиха, безопасно ли продолжать путешествие на плотях. Тот заверил его, что на ближайшие десять миль путь безопасен. Потом придется пристать к берегу, ибо дальше на целых три мили река изобилует водопадами.

Улисс поблагодарил его, хотя ему даже разговаривать с бэтменами было противно. Во время битвы они укрылись позади лучников и сидели в обнимку. Улисс признавал, что не вправе ожидать от них участия в битве. Не их это дело. Но его не оставляло подозрение, что Глих видел засаду. Он летел над самой водной гладью и уж боевое каноэ должен был заметить. Хотя мог и не заметить. К тому же, если он завел их в ловушку, с какой стати ему оставаться с ними? Ведь он подвергался такой же опасности, как и остальные.

Поразмыслив, Улисс решил, что он несправедлив, поскольку позволяет своей неприязни брать верх над здравостью суждений. Не то чтобы он доверял бэтменам. Ему по-прежнему казалось, что они работают на Вурутану, кем бы он в действительности ни был — возможно, даже самым крылатым народцем.

Плоты продолжали двигаться с той же скоростью. Через некоторое время путешественники услышали глухой рокот водопада. Улисс позволил плотам мчаться еще три минуты, а потом приказал покинуть борт. По его приказу первыми попрыгали в воду стоявшие ближе к краю плота. Следующая шеренга тоже придвинулась к краю и прыгнула. Двое упали в воду, когда плоты врезались в берег. Один не успел вывернуться и был раздавлен между берегом и плотом, второго унесло течением.

Оставшиеся на плотях побросали все запасы, за исключением бомб, на берег. Улисс не считал порох достаточно стабильным, чтобы бомбы могли выдержать удар оземь. Их бережно перекинули в руки стоявших на берегу.

Улисс оставил плот последним. Он глядел, как шесть плотов уплывают по течению, ударяясь о покрытые мхом прибрежные деревья. Потом русло реки изогнулось и плоты скрылись за густой листвой. Через несколько миль отряд вышел к водопадам. Река бушевала в сужающемся русле, изгибалась вдоль Деревя и низвергалась в бездну. Улисс прикинул, что до земли приблизительно восемь тысяч футов — водопад был вдвое выше самого высокого водопада его времени, венесуэльского водопада Ангела.

Отряд перебрался на другую ветку, где тек только маленький ручеек десяти футов шириной и трех глубиной. Они двинулись вдоль берега, хотя проще было бы идти по ручью. Но там, в воде, водились удивительно красивые ядовитые змеи, а также некоторое количество безногих крокодилов. Улисс решил их назвать снолигостерами в честь похожих животных из легенд о Поле Баньяне*.

До наступления сумерек путники сделали еще один переход по сплетению лиан. Отряд следовал вдоль ветви, пока Глих не приметил глубокое дупло в месте, где ветвь перекидывалась от ствола к стволу. Он сказал, что там можно переночевать, если только выгнать сначала животных, обитающих в дупле.

— В Дереве встречается множество таких пещер, — сказал Глих. — Особенно там, где ветви отходят от ствола.

— Что-то раньше я ни одной не видел, — проговорил Улисс.

— Ты не туда смотрел, — усмехнулся Глих.

Улисс смолчал. Он не мог совладать со своими подозрениями. Хотя, возможно, он несправедлив к бэтменам. Да и Глих, по всей вероятности, даже больше заинтересован в надежном убежище, нежели он сам... Но с другой стороны, хорошее убежище может стать хорошей ловушкой, если враг перекроет выход. Что, если люди-леопарды последуют за ними и окружают их?

Наконец Улисс принял решение. Его людям необходимо место, где можно хоть как-то отдохнуть. К тому же необходимо перевязать раненых. Если решиться продолжать путь прямо сейчас, кое-кого из них придется нести.

* Поле Баньян — персонаж американского фольклора, гигант-лесоруб обладавший титанической силой.

— Отлично, — сказал Улисс. — Мы заночуем в этом дупле.

Он не сказал, что собирается остановиться там на несколько дней, поскольку не хотел, чтобы Глих прознал о его планах.

Выгонять из дупла никого не пришлось, хотя раздробленные кости и свежий помет указывали на то, что обитатель дупла — огромное животное и может вернуться в любую минуту. Улисс велел выкинуть помет, и отряд вошел внутрь. Вход был двадцати футов в ширину и семи в высоту; само дупло представляло собой полусферу со рока футов в поперечнике. Стены были так гладко отполированы, что казалось, будто их обрабатывала рука разумного существа. Глих заверил, что это естественный феномен.

Путешественники набрали хвороста и, сложив в кучу у входа, разожгли костер. Ветер занес немного дыма внутрь, но его было слишком мало, чтобы причинить неудобство.

Улисс сидел, прислонившись спиной к глянцевой стене. Через некоторое время к нему присоединилась Авина и принялась вылизывать свои руки, ноги и живот, потом поплевала на ладони и вытерла ими лицо и уши. Удивительно, на что только способна слюна! Через несколько минут ее мех, пропахший кровью и потом, стал абсолютно чистым. Правда, вуфеа расплачивались за это волосяными комьями в желудке, от которых избавлялись, поедая целебные травы.

Улиссу понравились результаты умывания, но не сама процедура. Действия были чересчур животными.

— Воины утратили боевой дух, — сказала она, просидев рядом с ним в молчании довольно долго.

— Неужели? — спросил Улисс. — Они кажутся чересчур тихими. Но я думал, что виной всему усталость.

— И усталость тоже. Но они еще и подавлены. И ропщут между собой. Они говорят, что, конечно, как Каменный Бог ты очень великий бог. Но мы находимся в самом теле Вурутаны. А по сравнению с Вурутаной ты ничтожен. И не можешь уберечь наши жизни. Экспедиция только начинается, а мы уже многих потеряли.

— Перед тем как пуститься в путь, я предупредил, что многие погибнут, — напомнил Улисс.

— Ты не говорил, что погибли все.

— Но все и не погибли.

— Пока не погибли,— сказала Авина и, увидев, что Улисс нахмурился, добавила: — Это не мои слова, Повелитель! Это *они* так говорят! Да и то не все. Но достаточно, чтобы от пересудов в душу запал страх. А некоторые говорят о вуггрудах.

Она произнесла это слово как «угорто», выговаривая таким образом трудные для нее сочетания звуков.

— О вуггрудах? Ах да, Глих упоминал о них. Это такие великаны, которые лопают незнакомцев. Большие вонючие твари. Скажи, Авина, ты или кто-нибудь из твоего народа видел хоть одного вуггруда?

Авина устремила на него взгляд темно-синих глаз и облизнула черные губы, словно они внезапно пересохли.

— Нет, Повелитель. Никто из нас их не видел. Но мы много слышали о них. Наши матери рассказывали нам страшные сказки. Наши предки знали их, когда жили ближе к Вурутане. Глих их видел.

— Так это Глих языком треплет?

Улисс встал, потянулся, но тут же снова сел. Он едва не пересек пещеру, но вовремя вспомнил, что не бог должен являться к смертному, а смертный к богу.

— Глих, а ну вставай! — крикнул он.

Человечек поднялся на ноги и заковылял по залу.

— В чем дело, Повелитель? — спросил он, остановившись перед Улиссом.

— Ты зачем распускаешь слухи о вуггрудах? Стараешься лишить моих воинов присутствия духа?

Лицо Глиха оставалось бесстрастным.

— Я не помышлял ни о чем подобном, мой Повелитель. Я не распускал никаких слухов. Я только правдиво отвечал на вопросы, когда твои воины расспрашивали меня о вуггрудах.

— Они и вправду такие мерзкие, как говорится в сказках?

— Таких мерзких созданий попросту не бывает, — усмехнулся Глих. — Но приятного в них мало.

— Мы на их территории?

— Если ты внутри Вурутаны — значит, ты на их территории.

— Хотел бы я повстречать хоть нескольких вуггрудов и воткнуть в них свои стрелы. Тогда мы выбили бы страх из моих людей.

— Вуггруды — это такие создания, — заметил Глих, — что ты их так или иначе увидишь. Рано или поздно. Скорее всего слишком поздно.

— Теперь ты стараешься запугать меня!

Глих приподнял брови:

— Я, Повелитель? Чтобы я запугивал бога? Ну уж нет, только не я, Повелитель! — Он помолчал и добавил: — Это Вурутана, а не вуггруды, ввергает твоих воинов в такое глубокое уныние.

— Они храбры! — «Я скажу, — подумал он, — что с Вурутаной незачем связываться. Это просто дерево. Жутко большое дерево. Но это только безмозглое растение, которое ничего не может с ними сделать. А остальные, все эти храушмиддумы и вуггруды — просто травяная вошь в его листе».

С этим сообщением он подождет до утра. Сейчас все слишком устали и измучены. А после ночного сна и хорошего завтрака он скажет, что можно отдыхать здесь несколько дней. И еще выдаст пламенную речь.

Улисс прошелся вокруг; убедился, что хворосту достаточно и охрана выставлена. Потом вновь уселся размышлять над своей речью, и сон сморил его незаметно.

Поначалу он подумал, что его будят в караул и пришло его время заступать на вахту. Потом осознал, что перевернут лицом вниз и руки у него связаны за спиной.

Чей-то голос заговорил на незнакомом языке. Более глухого баса Улиссу слышать не приходилось.

Он огляделся. В пещере полыхали факелы. Их держали гиганты. Существа семи, а то и восьми футов ростом. У них были очень короткие ноги, очень длинные туловища и длинные громадные руки. Они были голыми, и распределение волос на теле было сродни человеку, за исключением меха на животе и в паху. Кожа казалась белой, как у шведов, а волосы рыжеватыми и коричневыми. Их лица носили сходство с человеческими, но круглые влажные носы слишком выдавались вперед. Острые уши располагались на самой макушке. От них несло потом, грязью и дерьмом.

Вооружение великанов составляли громадные шишковатые дубинки, деревянные, с длинной рукояткой молоты и копыя с закаленными на огне наконечниками.

Существо, которое наверняка и было вуггрудом, заговорило вновь. Зубы у него были редкими и острыми.

Раздался писк. Лишь через несколько секунд Улисс уразумел, что тоненький голосок принадлежит Глиху и что он говорит с вуггрудом на его языке.

Улисс испытывал такой гнев, что, казалось, вот-вот разорвет путы на запястьях. Но они выдержали.

— Ах ты, подлый вонючий предатель! — крикнул он. — Мне следовало тебя прикончить!

Глих обернулся.

— Да, мой Повелитель, — ухмыльнулся он, — следовало!

Он плюнул на Улисса и пнул его по ребрам. Но его ножка пострадала от пинка куда больше, чем Улисс. Вуггруд прорычал что-то, и Глих на одной ножке упрыгал прочь.

Гигант протянул свою лапищу, сграбастал Улисса за шею и усадил прямо перед собой. Его рука буквально придушила Улисса. Придя в себя, Улисс увидел, что все его люди связаны. Хотя нет, не все. Около десятка лежали мертвыми с проломленными головами.

Задняя стена сдвинулась в сторону, открывая проход. В стенных креплениях вдоль прохода горели факелы.

Так вот как их схватили. Но как несколько человек смогли одолеть многих, даже если эти несколько — великаны? Что случилось с охраной? Почему шум драки не разбудил его?

Перед ним присел Глих.

— Я взял у вуггрудов порошочек, — пропищал он. — И подсыпал тебе в воду. И всем остальным. Он действует медленно, но верно. И очень сильно.

Хитро! Вода на вкус казалась чистой, и зелье не напоминало о себе ни головной болью, ни тошнотой.

Улисс огляделся. Авина сидела рядом со связанными за спиной руками. Мысль о том, что с ней может что-то случиться, привела Улисса в исступление.

Его намерение спросить Глиха, почему десять воинов убито, погибло в зародыше. Вуггруд наклонился и одним поворотом своей громадной лапы оторвал алканквибу ногу.

Он вгрызался в плоть, отдирая большие куски и жадно проглатывал их, чмокая, жуя, чавкая и рыгая.

Улисс подумал, что его вырвет. Жалко, что не вышло. Авина отвернулась. Глих и Гуах стояли в уголке с совершенно равнодушным видом.

В пещере было десять людоедов — самое лучшее для них название, — и все жрали трупы. Потом они отбросили кости и утерли кровь с губ. Несъеденные куски мяса они прижимали к груди. Их вождь громоподобно взревел, когда Глих указал ему на Улисса и что-то произнес. Вождь взмахнул грязным окровавленным пальцем — один из гигантов подошел к Улиссу и, подняв его за загривок, поставил на ноги. Его пальцы впились в шею Улисса с такой силой, что, казалось, кровь рванет из лопнувших вен. Гигант встал за спиной Улисса и концом своего копья подтолкнул его ко входу в туннель.

Улисс попытался ободрить Авину взглядом, но та по-прежнему смотрела в другую сторону. Он шел по туннелю, и тишину нарушало лишь шарканье гигантских ног да потрескивание горящих факелов. Туннель понемногу забирал вправо, выпрямлялся, изгибался вновь, и наконец они очутились в громадном помещении в сердцевине ствола.

Вдоль стен стояли факелы. Их дым поднимался к закопченному потолку и исчезал, очевидно, через вентиляционные отверстия. Зловоние также поднималось к потолку. Смерд стоял потрясающий, запахи отбросов и экскрементов были такими сильными, что казались не газообразной субстанцией, а твердым телом. Они забили Улиссу глотку, угрожая удушьем.

Глих за его спиной вымолвил: «Шай!» — эквивалент человеческого «фу!»

По комнате бродили с десятка взрослых самок и около тридцати подростков и детенышей. Самки были такими же громадными, как и самцы, и куда более жирными. Груды, бедра, ноги и животы у них были огромными и отвислыми. При виде мяса в руках самцов они поднимали жуткий крик. Самцы кинули им обглоданные остатки, и женщины и дети принялись за еду.

Помещение было поделено на две части. Меньшая располагалась в высокой нише на другом конце, где на стене висел вертикально какой-то округлый предмет. В нишу

вели вырезанные в дереве ступени. Чувствуя, как деревянное острие уперлось ему в спину, Улисс полез туда. Вождь с Глихом последовали за ним.

Диск оказался мембраной, вставленной в окантовку живого дерева, выступавшего из стены. Рядом с ним находились две палки с чуть закругленными концами. Глих поднял их и стал постукивать по мембране. Улисс слушал и считал. Удары представляли собой определенного рода код, в этом он был уверен. Возможно, примитивная азбука Морзе.

Глих прекратил постукивать, и мембрана завибрировала. Ее поверхность изменяла форму, слышались звуки. Импульсы. Точки и тире.

Крылан стоял, склонив голову и поводя своими огромными ушами. Когда мембрана замолчала, он застучал по ней снова. Потом остановился, вслушиваясь в новую, более длительную серию импульсов неравной продолжительности. Улисс смог выделить элементы типа «точка-точка-тире-точка», «тире-тире-точка-тире-точка» и многие другие, но они, конечно, ничего ему не говорили.

Мембрана могла быть чем-то вроде барабанной перепонки или же телефонной диафрагмы. За ней мог находиться конец длинного растительного кабеля-нерва, а на другом конце, Бог знает где, должно быть какое-то подобие передатчика с другой мембраной.

Улисс подивился: зачем они посчитали необходимым привести его сюда? Догадался он минутой позже, когда Глих начал задавать вопросы.

— Как ты собирался покорить Вурутану?

Улисс не ответил, и Глих сказал что-то вождю, который тут же проревел приказ гиганту, стоявшему за спиной Улисса. Улисс подпрыгнул, когда в него воткнулся наконец копья, и удержался от крика, только стиснув зубы. Собственно, молчать смысла не было. А давая ответы, он мог ухитриться выудить какие-нибудь сведения о Вурутане.

— Я понятия не имею, как покорить Вурутану, — ответил Улисс. — Я пришел сюда, в основном чтобы понять, что такое Вурутана.

— Ты еще забыл добавить, — ухмыльнулся Глих, — что собирался отправиться на юг, чтобы узнать, нет ли там твоих сородичей.

Он застучал по мембране, а потом прислушался к ответу.

— Вурутана решил, — заявил Глих, — что тебя следует доставить в город моего народа. Вуггруды препроводят тебя туда.

Он заговорил с вождем, который, казалось, сначала воспротивился. Но малявка Глих настаивал на своем, потрясал крохотным кулачком и верещал. Гигант угрюмо покорился: Улисса проводили вниз по ступенькам и вывели из зала. Как только они оказались в туннеле, дышать сразу же стало легче.

— Глих, а что будет с Авиной? И с моими людьми?

— О, они, конечно, пойдут на пропитание вуггрудам.

Он что-то сказал гиганту, и тот буквально взвыл от смеха.

— Мы выступим в путь на рассвете, — сказал Глих. — Не всех твоих людей убьют. Во всяком случае, не сразу. Некоторых возьмем с собой и заберем по мере надобности.

Улисс вздохнул. Он хотел спросить, захватят ли они с собой Авину. Мысль о том, что ему придется увидеть, как ей проламывают череп, разрывают ее тело на куски и пожирают их, заставила его содрогнуться от подступившей рвоты. Было бы проще, если бы ее оставили и ему не пришлось это видеть. Но, с другой стороны, всегда есть надежда на спасение, пусть даже и слабая. Если Авину оставят здесь, для нее все потеряно. С Улиссом она может выжить.

Но Глих его ненавидит и сделает все наперекор. Попроси Улисс взять Авину — и можно быть уверенным, что ее оставят. Или хуже того — Глих, зная, как Улисс к ней привязан, может зарезать ее прямо у него перед глазами.

Придется пойти на этот риск. Он больше не в состоянии держать язык за зубами.

— Глих, — произнес он, — кажется, ты пользуешься здесь известным авторитетом, как представитель Вурутаны, кто бы он ни был. Ты не мог бы устроить так, чтобы Авину взяли с нами?

Глих усмехнулся и промолчал. Потом, когда они почти достигли конца туннеля, бросил: «Посмотрим».

Он хотел помучить Улисса неопределенностью. Да будет так. Улисс может и подождать. Все равно сейчас ничего больше не поделать.

Когда вошли в пещеру, Глих приказал, чтобы Улисса поместили рядом с Авиной. Сделав это, он осклабился, и Улисс понял, что тот просто наслаждается при мысли об их полной страданий и мук беседе.

Едва очутившись рядом с Авиной, Улисс прошептал:

— При первой же возможности залезь ко мне в карман и достань оттуда нож.

Он увидел Глиха, который на противоположном конце комнаты говорил со своей женой. Та смотрела на них и плотоядно улыбалась.

— Я прильну к тебе ближе и сделаю вид, что говорю, — шептал Улисс, — а ты залезь в мой карман, достань нож и открой лезвие. Ты ведь умеешь. А потом займись веревками.

Он ухитрился приблизиться и наклонить к ней голову, двигая губами, будто что-то шепча. От нее несло потом и ужасом, она дрожала.

— Даже если они не заметят и если я смогу освободить твои руки — что мы сможем сделать против них? — сказала Авина, кивнув в сторону гигантов.

— Поживем — увидим, — отозвался Улисс.

К ним направился гигант, и Улисс похолодел. Но вугруд повернулся к ним спиной и уселся напротив. Лучшей стены, чтобы спрятаться, Улисс и пожелать не мог. Вскороности гигантская голова склонилась, и раздался похожий на дальние раскаты грома храп великана. Остальные тоже отправились на боковую, за исключением того великана, что стоял в проходе. Но он присматривал за пленниками без особого усердия. Да и зачем ему усердствовать? Пленники такие маленькие, так крепко связаны, а сам он преграждает единственный выход.

А вот Глих и Гуах Улисса беспокоили. В любой момент каждый из них мог вспомнить о ноже, подойти и отобрать его. Со своего места Улисс не мог их видеть, а это значило, что и они не могли видеть его. Глиху это может не понравиться, ведь он так жаждет насладиться страданиями Улисса.

Но Глих так и не подошел. Возможно, они с женой решили вздремнуть перед началом тяжелого путешествия. Во всяком случае, Улисс горячо на это надеялся.

Поскольку за ними никто не наблюдал, Авина работала быстро. Она перекатилась к Улиссу спиной и залезла в его карман. В такой ситуации ее кошачья гибкость и малый размер рук служили немалым подспорьем. Ее пальцы ухватились за кончик ножа и медленно вытащили его. Нож упал с легким стуком, и оба они окаменели. Великан издал глубокий горловой звук и на мгновение поднял голову. Храп прекратился. Улиссу показалось, что у него сейчас сердце остановится. Но голова гиганта вновь повисла на грудь, и храп с присвистом возобновился с новой силой.

Авина нажала кнопку, и лезвие выскочило. Через десять минут неуклюжих попыток кожаные ремни были перерезаны. Улисс помассировал запястья и повертел руками, чтобы возобновилось кровообращение. Затем, не спуская глаз с часового, который демонстрировал им свой звериный профиль, перерезал пути Авине.

Наступал критический момент. Если их увидит часовый или если бэтмены не спят, поднимется тревога. Что могли сделать два слабых пленника с окружавшими их гигантами?

Он шепнул Авине, чтобы та тихо пробиралась вдоль стены. Он медленно следовал за ней, пока спящий перед ними гигант не закрыл его от взора часового. Между тем Авина резала пути соседнего вуфеа. Тот, в свой черед, должен был освободить соседа. И так далее. Когда будет освобожден десяток воинов, нож следовало возвратить Улиссу: освобождать всех сейчас неразумно — процедура слишком долгая и слишком явная.

Авина переслала нож по цепочке, а также передала инструкции Улисса. Ни он, ни она крыланов не видели, но соседний вуфеа сказал, что те сидят на корточках подле стены, свесив голову до самых колен, и вроде бы спят.

Факелы почти потухли, а огонь у входа погас давным-давно. Скоро вход, а затем и стены пещеры станут серыми в рассветных лучах. Часового могут сменить в любой момент. Ему могли приказать разбудить всех на рассвете.

— Они говорят, что готовы, — прошептала Авина, вкладывая нож в руку Улисса.

Он окинул взором спину гиганта. Часовой почесывал спину кончиком палки и смотрел на отверстие. Луки, стрелы, копья, ножи, бомбы и поклажа пленников были сложены у входа. Оружие гигантов лежало на полу рядом.

Улисс медленно и осторожно встал, уверившись, что спина вуггруда надежно прикрывает его, — на случай, если часовой вдруг обернется. Он протянул руку с ножом, направив острие вниз, и перерезал великану сонную артерию. Кровь так и хлынула, храп сменился клокотанием, голова повисла до самых ног. Улисс поднял копьё, зажал окровавленный нож в зубах и бросился на часового.

За спиной у него, как он надеялся, остальные похватили копьё и мечи своих тюремщиков и пустили их в дело.

Один из великанов все-таки успел вскрикнуть в момент удара.

Часовой уронил палку и молниеносно обернулся.

Улисс вогнал копьё ему в живот, но не слишком глубоко. Копьё оказалось недостаточно острым, да и живот вуггруда был защищен многослойным слоем жира и массивных мускулов. Он весил, наверное, фунтов пятьсот пятьдесят, а то и больше. Великану было достаточно отступить на шаг, чтобы копьё упало, — а потом он переступил через копьё и бросился на Улисса. Человек отпрянул и схватился за копьё. Ему ничего не оставалось, кроме как продолжать схватку с вуггрудом. Счастье еще, что часовой безоружен.

Но тут часовой с диким ревом остановился, схватил копьё и метнул его с такой силой, что сбил Улисса с ног. Из брюха великана хлестала кровь, но он наклонился и поднял копьё, собираясь проткнуть им Улисса. Да с такой силой в пору быка телеграфным столбом проткнуть!

Улисс уклонился от удара, вогнал лезвие в толщу меха и жира и рванул вверх. В тот же миг сзади на плечи гиганту вспрыгнула черно-белая фурия, а каменный нож вонзился в его правый глаз.

Великан выронил копьё и пошатнулся. Улисс ухватился за нож крепче и выдернул его из гигантского брюха. И снова ринулся на великана — тот уже потянулся, намереваясь схватить Авину. Улисс воткнул нож ему в пах, повер-

нул лезвие и рванул. Гигант схватился за рану, и нож Улисса прошелся по тыльной стороне его ладоней.

Прозвенел лук, и гигант упал со стрелой, пронзившей его шею. Авина перекатилась через него, чтобы не быть раздавленной. Она упала, когда гигант потянулся назад, собираясь схватить ее.

Улисс обернулся. Рев, крики и удары разом смолкли. Все великаны лежали мертвыми. Большинство из них были убиты во сне. Трое успели вовремя проснуться и прикончили троих вуфеа.

Улисс вновь повернулся к выходу и увидел, как Гуах снимается с ветки, а Глих следует за ней.

Чертыхаясь, он побежал за ними, выхватил лук и стрелы у вуфеа, который пристрелил часового, и выскочил наружу. Глих взлетел с громадного выступа и, хлопая крыльями, ринулся вниз. Улисс наложил стрелу на тетиву, бессознательно сделал поправку на ветер, прицелился и отпустил тетиву. Стрела насквозь пробила тонкую перепонку правого крыла.

Глих вскрикнул и начал было падать, но потом его крылья вновь захлопали, и он спустился в управляемом полете на соседний ствол. Там его уже поджидала Гуах. Улисс наблюдал несколько минут, как жена осматривает дыру в крыле Глиха и рты у обоих не закрываются ни на миг.

Улисс возвратился в пещеру и отдал нож воинам, чтобы они перерезали пути остальным. Когда все поднялись и вооружились, он велел им идти во внутреннюю пещеру. Они жаждали мести. В большой пещере они перебили всех вуггрудов за считанные мгновения. Они перестреляли взрослых самок, которые были так же опасны, как и самцы, а потом закололи копьями детенышей и подростков.

Потом Улисс прошел в нишу и застучал по мембране. Ответ на сей раз оказался быстрым, понятным и почти смертельным. Из тысячи доселе невидимых отверстий в стенах в них ударили мощные струи воды, сбили и покатали по полу. Вуфеа поднялись на ноги и были сбиты снова. Их волокло все дальше и дальше, пока они не оказались в уже полузатопленном туннеле. Задыхаясь, кашляя, спотыкаясь о тела убитых вуггрудов, оскальзываясь и падая, они добрались до внешней пещеры, а потом вышли наружу. И тут внезапный толчок воды чуть не выбросил их с ветви.

Через некоторое время поток уменьшился и исчез совсем. Улисс осторожно вернулся в пещеру, откуда смыло все трупы и все тюки с поклажей. К счастью, большую часть припасов все же удалось выловить и сложить подальше от бешеного потока.

Вход в туннель запечатала густая липкая масса наподобие медовых сот.

Улисс пересчитал своих людей, остатки провизии и амуниции. Половине воинов удалось сохранить луки и набитые стрелами колчаны. Десяток бомб уцелел. В живых осталось восемьдесят четыре воина, не считая его и Авины — усталая, побитая и потрепанная компания. Оперение стрел и тетивы намокли и, таким образом, были сейчас бесполезны. Запалы у бомб тоже отсырели; возможно, подмок и порох. И провизии осталось совсем мало.

— Повелитель, мы готовы, — произнес Ауфаиеу, занявший теперь место предводителя вуфеа. Он помолчал и добавил: — Следовать за тобой в обратный путь к нашим селениям.

Улисс хотел посмотреть ему в глаза, но Ауфаиеу упорно отводил их в сторону.

— Но я не собираюсь возвращаться, — ответил Улисс. — Я отправлюсь на южное побережье, чтобы узнать, существуют ли смертные, похожие на меня.

Ауфаиеу ни слова не сказал о том, что богу полагалось бы это знать.

— А как насчет Вурутаны, Повелитель? — только и спросил он.

— Пока что с Вурутаной связываться незачем.

Да и что мог предпринять он сам или кто-нибудь другой? Вурутана — всего лишь дерево. Того, кто сидит у власти, кто контролирует крыланов, вуггрудов, а возможно, и леопардолюдей, никак не обнаружить. Во всяком случае, пока. Дерево было слишком обширным. Контролирующая и управляющая сила могла скрываться в любом месте. Но когда-нибудь Улисс изловит бэтмена и выбьет из него местонахождение короля Вурутаны.

А может быть, и нет. Если взять да здраво поразмыслить — к чему искать этого скрытого правителя? Пока тот остается на Дереве и не суется во внешние земли, пусть себе вытворяет все, что заблагорассудится. Улисс пришел сюда лишь потому, что не знал, что такое Вурутана, а ву-

феа и все прочие думали, будто Вурутана для них опасен и что Каменный Бог мог для них что-то сделать.

А с самим Деревом ничего не поделаешь. Оно будет продолжать расти, пока не покроет всю Землю. Вуфеа и остальным придется либо приспособиться к нему и научиться жить на нем, либо построить лодки и плыть в другие земли.

— С Вурутаной сейчас незачем связываться, — повторил он. — А что касается нас, что касается *меня*, то я пойду дальше, разведу земли вдоль южного побережья. Если вы хотите бросить меня, пожалуйста. Я не хочу, чтобы меня сопровождали трусы.

Улисс не хотел их так называть. Они не были трусами. Он не винил их ни за то, что они пали духом, ни за то, что хотели вернуться. Он и сам был настроен точно так же, просто не желал сдаваться.

— Вот именно, трусы! — подхватила Авина. — Возвращайтесь в свои деревни, в свои кланы, которые вы опозорили! Дети и женщины будут над вами издеваться и плевать в вас! И вас не похоронят вместе с храбрыми воинами! Вас похоронят в земле, предназначенной для трусов! И души ваших предков на Счастливом Поле Боя будут в вас плевать!

Ауфаиеу дернулся, будто она ударила его хлыстом, и беззвучно выругался, а его темно-синие глаза сверкнули. Такое и из уст мужчины услышать нелегко. Но от женщины! Тем более от женщины, которая прошла сквозь те же тяготы и лишения.

— Я ухожу сейчас же, — сказал Улисс, указывая на юг. — Ухожу туда. И не поверну назад. Можете следовать за мной или уйти. Я все сказал.

Ауфаиеу был в панике. Сама мысль о возвращении без Каменного Бога, который указывал путь и заботился о них, пугала его. Они зашли так далеко только потому, что Улисс вызволял их из всех затруднительных положений. И потом, даже если они сумеют проделать без него обратный путь, им придется объяснять своему народу, почему они покинули Каменного Бога.

Улисс взвалил на плечи мешок с провизией и двумя бомбами.

— Пойдем, Авина, — сказал он.

Он прошел мимо входа в дупло и начал прокладывать себе путь вокруг ствола. Выбравшись на другую сторону, где начиналась могучая соседняя ветвь, он остановился передохнуть.

— Авина, они идут? — спросил он, заслышав голоса позади.

— Идут, — улыбнулась она.

— Отлично! Тогда — вперед!

Он остановился в сотне ярдов там, где из впадины на вершине ветки била вода и бежала дальше по глубокому желобу. Ярдов через пятьдесят русло расширилось и речка начинала свой долгий путь. Улисс подождал, пока остальные обогнут ствол, цепляясь за выступы коры, и, когда все добрались до источника, заговорил:

— Спасибо за то, что вы остались верны мне. Я не могу обещать вам ничего, кроме новых трудностей. Но если мы найдем что-нибудь ценное, то разделим добычу поровну.

Кое-кто промолчал, иные пробормотали:

— Не стоит благодарности, Повелитель.

— Теперь, — сказал Улисс, — мы вновь построим плоты. Но на сей раз соорудим загородку по краям, чтобы никакие безногие твари или водяные крысы не могли стянуть нас в воду.

Пока треть отряда срезала похожие на бамбук растения для шестов и загородок, Улисс отправил вторую треть на стражу. Оставшиеся занялись охотой. Когда плоты были готовы к отплытию, охотники вернулись с тремя козами и четырьмя обезьянами, ленивцем и большой страусоподобной птицей. Путешественники разожгли костры, разделили туши и повесили их жариться. Когда запах мяса достиг их ноздрей, сердца их вновь воспрянули. Вскоре послышались шутки и смех. А потом вернулись Улисс и Авина со связкой из восьми рыб.

Пока Авина готовила рыбу, Улисс размышлял о недавних событиях и о том, что делать дальше. Хотя он не видел крыланов с тех пор, как обогнул ствол, он понимал, что им ничего не стоит его выследить. Единственное, что от них при этом потребуется, — не приближаться на расстояние выстрела из лука. А когда они соберут побольше леопардолюдей или вуггрудов, которые, по его убеждению, произошли от медведей, то те тут же вступят на тропу войны.

Более того, в округе должно быть еще много пещер с мембранами. Может, даже целая сеть связи между самыми дальними ветками и неким верховным органом управления пронизывает все Дерево. И возможно, что во главе находится правитель бэтменов. Но хотя у Улисса не было никаких оснований, он чувствовал, что Вурутаной правит не народ Глиха, а кто-то другой.

Если он достигнет южного побережья, то может обнаружить, что Глих соврал ему. Он мог накормить Улисса байками о живущих там людях, чтобы тем вернее заманить его на Дерево.

Он пришел к заключению, что ему остается одно — идти вперед, доверясь судьбе, а также мужеству и опытности своего отряда, а заодно и собственным. Но попадись ему на пути город бэтменов — и он ворвется туда, если сумеет. Даже если крыланы и не являлись Вурутаной или его правящей силой, они были у него на побегушках. И могли располагать ценной информацией.

Улисс не видел солнца, потому что с обеих сторон над головой высились стволы, ветви и листва, но самые упорные лучи, казалось, все-таки прорывались откуда-то слева. Он дал приказ выступать, и четыре плота были спущены на воду. Они проплыли без затруднений около десяти миль. Теперь солнце светило уже справа. И тут они увидели Глиха, летящего параллельным курсом. Он был в шестидесяти футах слева и на такой высоте, что его едва было видно над верхушками деревьев, которые заполняли пространство между руслом и стороной ветки. Когда крылан увидел, что за ним наблюдают, то захлопал крыльями быстрее и исчез за стеной зелени. Несколько минутами позже путники увидели его сидящим на ветке гигантского красного дерева, растущего на громадной ветви.

Кто-то из воинов вознамерился подстрелить его, но Улисс посоветовал не тратить стрел попусту. Он подивился, куда же запропастилась Гуах, и тут до него дошло, что скорее всего она улетела вперед, чтобы предупредить вуггрудов и храушмиддумов. А может быть, отправилась в город дхулулихов, чтобы натравить их на пришельцев.

Плоты миновали дерево, на котором восседал Глих. Он наблюдал за ними, пока речка не свернула в сторону, скрыв плоты от его глаз. Мгновением позже воины увидели, как он взмахнул крыльями и был таков. Но он вернулся

и опять уселся на ветку другого красного дерева — на сей раз настолько близко, что Улисс смог разглядеть пробитую стрелой дыру в его крыле.

Глих оставался на ветке, пока плоты не скрылись за новым поворотом. Едва он пропал из виду, как Улисс спрыгнул с плота и помчался сквозь густые заросли. Он надеялся, что сможет пробиться раньше, чем Глих покинет свою ветку. В конце-то концов, торопиться Глиху некуда. Далеко его поднадзорные не уйдут.

Торопясь перебраться сквозь заросли, Улисс наделал куда больше шума, чем хотелось бы. Будь он Тарзаном, он мог бы одним махом перелететь с ветки на ветку по паразитирующим деревьям. Окажись у него чуть больше времени, он мог бы попытаться. Но времени у него не было. Поэтому он продирался сквозь мешанину деревьев, мясистых отростков и густых ветвистых кустарников, колючек и лиан, которые росли, перекидываясь с растения на растение. Он нес лук, поднимая и вытягивая его перед собой. Но, прорываясь сквозь кустарник или заросли колючек, он то и дело цеплялся за них стрелами из колчана. Приходилось останавливаться и отцеплять их.

Наконец Улисс положил колчан на землю и взял две стрелы в руки. После этого дело пошло на лад. Дважды он вспугнул оленя ростом с чихуахуа и раз отскочил от шипящей змеи с треугольной головой и бегущими по боку черными, желтыми и оранжевыми шевронами.

Он выбрался из зарослей как раз в тот момент, когда Глих сорвался с ветки, расправил крылья, взмахнул ими и взлетел. Он то снижался, то поднимался, пролетая вдоль ветки в двенадцати футах от куста, где спрятался Улисс. Улисс вскочил, прицелился в Глиха с упреждением и спустил тетиву. Стрела пронзила его правое ухо и улетела вперед.

Глих завершал и начал заваливаться набок. Улисс пробрался к самому краю ветви и наложил новую стрелу. Но Глих уже прекратил вопить и выровнял полет. Сейчас он находился в пятидесяти футах впереди и ниже Улисса, и на сей раз Улисс взял меньшее упреждение.

Стрела пронзила правое крыло и плечо Глиха. Должно быть, она вырвала только кусок мяса на правом крыле, потому что оно продолжало работать. Но Глих был ранен и стал падать, тщетно взмахивая крыльями, в мрачную без-

дну. Улисс постарался проследить его падение, но потерял его в сумраке и переплетении растительности.

Если бэтмен обо что-нибудь не треснется, то скорее всего очухается и благополучно приземлится. Улисс вздохнул и вернулся к плоту. По крайней мере, ему удалось перепутать бэтмена насмерть.

— Остановитесь за следующим поворотом, — велел он, вспрыгнув на плот. Он рассказал спутникам, что произошло, и хотя все были разочарованы, что убить бэтмена не удалось, описание ужаса Глиха доставило им немало удовольствия. Они выбрались на берег вслед за Улиссом, затаскивали плоты в чащу, где перерезали узлы лиан и засунули бревна в кусты. После чего начали трудный, но не невозможный спуск на соседние ветви. Там, где передвигаться по вертикали не удавалось, отряд шел по горизонтальной плоскости. До сумерек они были уже в одной из громадных полостей, изобилующих по обеим сторонам ветви. Здесь частенько водились животные: всевозможные обезьяны от макак до бабуинов, коты самой разной величины — от домашней кошки до леопарда.

Хозяина полости дома не оказалось, но некоторое время спустя он вернулся. Это была полосатая, как тигр, кошатина размером с оцелота. Она не стала драться с чужаками за логово.

— Мы останемся здесь, пока не кончатся мясо и вода, — сказал Улисс. — Если только Глих не убит и не ранен тяжело, он вернется. Но нас он не найдет. А если и обнаружит, то получит стрелу в брюхо.

Улисса не прельщало отсиживаться в пещере, потому что его люди нуждались в действии. Но если они сумеют оторваться от бэтменов и преследователей, которых те смогут пустить по следам отряда, вынужденное бездействие и напряжение ожидания покажутся очень малой платой.

На следующее утро он несказанно обрадовался, что во время спрятался. Его разбудила Авина, которая доложила, что слышала чужие голоса, много голосов, и где-то близко. Улисс подобрался поближе к отверстию и прислушался. Такие высокие тонкие голоса могли принадлежать только дхулулихам. Они перекликались друг с другом, летая над джунглями или ковыляя среди растений. Невзирая на малый рост, им было трудно пробираться сквозь заросли: они

то и дело цеплялись крыльями, а тонкая перепонка рвется так легко!

— Мы останемся здесь на весь день, — сказал Улисс, — но если они не уберутся и к вечеру, то выйдем и поймаем одного.

Они забились в пещеру как можно дальше и сделали это как раз вовремя, потому что часом позже мимо пролетел крылан. Он мчался полным ходом, но было совершенно ясно, что он высматривает трещины и пещеры по эту сторону ветви.

Когда дхулулих улетел, Улисс подобрался к краю входа и жестом приказал вождю вуфеа подойти к другому. Как он и ожидал, крылан решил вернуться и приглядеться получше. Их маленький «дружок» без малейшего предупреждения ворвался в отверстие и прошмыгнул внутрь настолько быстро, что ему пришлось немного пробежаться, прежде чем он смог остановиться. Это было довольно глупо. Должно быть, бэтмен не предполагал всерьез, что там кто-нибудь есть. Возможно, он только подчинялся приказу и решил осмотреть дыру, лишь следуя заведенному порядку.

Если так, то он пережил самое большое в своей жизни потрясение. Не успели его глаза привыкнуть к полумраку пещеры, как на него уже навалились спереди и сзади. Громящая рука заткнула рот, а ребро жесткой ладони рубануло по тонкой шее.

Улисс связал потерявшего сознание крылана и запихал ему в рот кляп. Когда он увидел, что глаза бэтмена открылись, то объяснил ему на аирате, что тот должен делать, если хочет жить. Крылан кивнул в знак повиновения, и кляп вынули. Но к горлу приставили острый нож.

Его звали Хиукс, и он принадлежал к специальной группе захвата.

Кто вызвал их сюда?

На это Хиукс не ответил. Улисс слегка вывернул его хилую ножку, а Ауфаиеу зажал бэтмену рот рукой. Хиукс все равно молчал, и тогда Улисс проковырял несколько дырок в его крыле. После соответствующей обработки Хиукс заговорил. Он сообщил, что донесла им Гуах, жена Глиха.

Если так, то город крылатого народа должен быть где-то неподалеку, подумал Улисс. Повезло ему.

Но Хиукс его разочаровал. Он сказал, что перед ними лишь маленькое поселение, аванпост.

Сколько дхулулихов в этой группе захвата?

Примерно пятьдесят.

В данный момент у Улисса не было возможности это проверить.

Как именно они собирались сражаться с пришельцами?

Спрашивая, он не сводил взгляда с деревянных дротиков с каменными наконечниками, которых было полным-полно у Хиукса на поясном ремне.

Дхулулихи, разумеется, собираются метать дротики сверху. А понизу в атаку пойдут храушмиддумы.

В этот момент приземлился еще один крылан. Он подлетел, остановился снаружи и лишь на несколько шагов прошел внутрь. Стоявший у входа алканквиб бросился на него, но бэтмен увернулся, нырнул в дыру и был таков. Однако вуфеа послали ему вслед стрелу, и крылан рухнул без единого звука. Люди скрючились в дупле, ожидая, какой поднимется переполох, когда пронзенного стрелой человечка заметят. Но криков не последовало.

— Они попозже начнут пересчитывать, все ли в сборе, — сказал Улисс. — И уж тогда, будьте уверены, пропавших воинов начнут искать.

— Что же нам делать? — спросила Авина.

— Если они не начнут искать до сумерек, то мы скроемся отсюда. Уйдем обратно в верхние джунгли. Ну а если они найдут нас до темноты, нам предстоит дьявольская заварушка.

Он не добавил, что бэтмены могут запросто заставить их выйти наружу, вынудив голодать.

На одни вопросы Хиукс ответил. На другие — не захотел. Он был таким хрупким существом, что не выдерживал сильной боли. И когда она становилась для него невыносимой, он терял сознание. А если привести его в чувство и вновь подвергнуть мучениям, он опять хлопался в обморок.

Он не сообщил им, где находится город дхулулихов. Зато сказал, что город содержит «дух» Вурутаны. Он не сказал, где находится этот самый «дух». Утверждал, что не знает. Он никогда не видел Вурутаны. Его видели только вожди. Во всяком случае, он предполагал, что видели. Он никогда не слышал, чтобы кто-то из вождей говорил, что

видел Вурутану Или скорее «дух» Вурутаны. Дерево было его телом.

Вурутана был богом дхулулихов. А также и людей-леопардов, и медведелюдей, хотя простофили вуггруды поклонялись и другим богам.

Улиссу было любопытно, до какой степени Вурутана контролирует окрестные племена. Он спросил, не враждовали ли между собой храушмиддумы и вуггруды.

— О да, — ответил Хиукс. — Каждое племя враждует со своим соседом. Но никто не воюет против нас, все подчиняются голосу Вурутаны.

— А сколько вообще дхулулихов?

Хиукс не знал. Даже потеряв сознание несколько раз, он утверждал, что не знает. Знает только, что много. Очень много. А почему бы и нет? Ведь они — любимцы Вурутаны.

Существовали ли на южном побережье люди, похожие на Улисса?

Хиукс не знал, но слышал, что были. К тому же побережье находилось во многих перелетах отсюда, и лишь немногие крыланы забирались так далеко.

Наконец наступили сумерки. Хиукс опять лишился чувств. Крыланы прекратили свои полеты. Улисс подумал, что они, должно быть, искали пропавших сородичей ниже по течению. Они уже обнаружили, что двое запропастились куда-то, но не знали когда. А поиски в здешней темноте почти невозможны.

Как только Улисс решил, что стемнело достаточно, он дал приказ выступать. Хиукса привязали к спине Улисса и заткнули ему рот кляпом. Улисс дал слово, что крылану оставят жизнь взамен за информацию. Конечно, Хиукс ответил не на все вопросы, но сказал достаточно. И Улисс восхищался храбростью и стойкостью маленького человечка. Он знал, что проявлять сочувствие к врагу опасно, но ему совсем не хотелось убивать этого храброго заморыша. К тому же тот мог пригодиться в дальнейшем.

Они вернулись туда, где были спрятаны разобранные плоты. Их связали вновь, и отряд отправился вниз по темной реке. Лунный свет почти не просачивался вниз. Разве что луч-другой время от времени пробивался меж ветвей. Один раз тонкий луч высветил громадные круглые черные предметы впереди. Раздалось фыркание, и из какого-то от-

верстия на теле животного ударила струйка воды. Потом вода забурлила, и животные погрузились. Пока плоты не миновали бурлящую воду, экипаж напряженно ожидал, что гигантские гиппопокрысы вот-вот появятся возле плотов — или, что еще хуже, под плотами. Но все обошлось благополучно.

Несколько раз Улисс замечал казавшиеся бесконечными шеренги безногих крокодилов, выскальзывавших из-под серебристо-черных кустов прямо в серебристо-черную воду, и с дрожью ждал, что из бурлящей воды на плоты вдруг вылезут тупорылые многозубые головы и сомкнут клыки на чьих-нибудь ногах, а может быть, и его. Или ударит во тьме могучий хвост — и рушатся кости, рвется плоть, и падают в поток бездыханные тела.

Но путешествие продолжалось без приключений. Неведомые птицы и звери издавали зловещие вопли. Затем течение усилилось, и плоты поплыли так быстро, что не нужно было отталкиваться шестью от дна. Зато приходилось отталкиваться от берега, чтобы не врезаться в него.

Ветка быстро понижалась, хотя в темноте люди на плотках этого почти не замечали. Если бы не возросшая скорость потока, им показалось бы, что они плывут по равнине.

Улисса скорость и радовала и волновала. Он склонился к связанному Хиуксу и плеснул ему в лицо водой. Вода привела обеспамятевшего крылана в чувство.

— Я хочу пить, — прохрипел он.

Улисс зачерпнул тыквой побольше воды и приподнял голову Хиукса, чтобы тот мог напиться, и лишь затем принялся за расспросы.

— Кажется, впереди водопад. Ты что-нибудь о нем слышал?

— Нет, — угрюмо произнес Хиукс. — Не знаю я ничего ни о каких водопадах.

— И что бы это значило? — поинтересовался Улисс. — Ты никогда не бывал в этой местности, или же впереди нет никаких водопадов?

— По пути сюда я не пролетал над концом этой ветви, — ответил Хиукс.

— Ну ладно, — сказал Улисс. — Сами узнаем, есть там водопады или нет. Мне хочется убраться отсюда как можно быстрее, и мы останемся на плотках до конца. Покинуть

плоты в самый последний момент будет трудно, но я надеюсь, все-таки возможно.

Улисс не измышлял новых угроз. Хиукс не настолько ошалел от боли, чтобы не суметь вообразить себе, что может произойти. Каждый сам за себя — а связанный по рукам и ногам Хиукс будет зависеть от того, вытащит ли его кто-нибудь на берег. А даже если кто и захочет, некому и некогда будет тащить его или выбрасывать на берег.

Спустя самое малое время Хиукс заговорил. Он явно мучился отвращением к самому себе. Ему хотелось удерживать язык за зубами — и будь что будет. Но смерть, поджидающая у края ветки, вызывала у него ужас. «Должно быть, — подумал Улисс, — гибель в воде таит в себе что-то особенно жуткое для него».

— Судя по силе течения, — медленно вымолвил он, — нам осталось три мили до края ветки. До первого водопада.

Улисс подумал, что Хиукс, возможно, вовсе и не испуган. Он может лгать, чтобы заманить их в ловушку, послать на смерть в пучину водопада и погубить вместе с собой.

— Мы пройдем еще около мили, — решил Улисс. — Потом бросим плоты.

Было достаточно светло, чтобы разглядеть лицо Хиукса. Лунный свет то и дело пробивался сквозь отверстия между листвою, ветвями и стволами в тысяче футах над головами. Лицо крылана было невыразительным, как кожаная подметка.

В тот же миг чей-то вопль заставил Улисса подскочить, и по его телу пробежал озноб. Он обернулся кругом, чтобы посмотреть, куда указывала Авина. В пятидесяти футах от них из заполненной землей трещины росло громадное дерево. Оно было всего пятидесяти футов высотой, но простиралось горизонтально на восемьдесят футов или около того по одну сторону массивного ствола. Крик доносился с одной из его ветвей. А мгновением позже Улисс увидел, кто издает этот вопль. Множество темных тел сорвалось с горбообразного выроста в пропасть под гигантской ветвью, где росло дерево. Огромные перепончатые крылья распахнулись, и маленькие бэтмены скрылись за живой стеной растительности. Через минуту первый из них появился вновь, натужно размахивая крыльями и стремясь проле-

теть над плотами. А еще через минуту их стало уже куда больше.

Улиссу оставалось только одно. Если его люди останутся на плотях, они будут беззащитны перед нападением сверху. Хуже того, им придется вскоре покидать плоты в куда более трудных условиях, да еще под огнем противника.

Он отдал приказ, и шести по одну сторону плота коснулись дна. Плоты двинулись к берегу, люди попрыгали на песок и кинулись в кусты. Улисс стал выкидывать тяжеленные тюки на землю. Он надеялся, что от сотрясений черный порох не взорвется. Ящики с бомбами упали в кусты без каких-либо последствий.

Затем Улисс поднял Хиукса и швырнул его с такой силой, что плот накренился. Недомерок с верещанием приземлился ничком прямо в самую чашу. Его подобрал вагондит Вулка.

В тот же миг на плот ринулся первый бэтмен, сжимая в руках короткую пику. Но он так и не достиг цели: стрела воткнулась ему в грудь, и он с громким плеском свалился в воду. Что-то громадное и безногое с воем выскочило из кустов на противоположном берегу.

Улисс выстрелил, отметив, что его стрела угодила крылану в плечо, потом повернулся и спрыгнул на берег, не выжидая, когда тот упадет в воду. Правой рукой он вытянул лук перед собой, а левой схватился за ветку. Его ладонь сомкнулась на колючем стволе, и он вскрикнул от боли, но руку не разжал.

Что-то ударилось о землю около его правой ноги. Снаряд, потерянный или сброшенный одним из крыланов. Улисс нырнул в кусты и спрятался с головой, не заботясь о возможном уроне для тетивы. Оказавшись в кустах, он продирался сквозь чащобу до тех пор, пока не оказался под громадным, вздымавшимся ввысь кустом. Он кликнул своих вождей и Авину. Кричал, пока те не отозвались. Повинуясь его приказу, они помчались сквозь чащобу и наконец оказались рядом со своим повелителем. Все это время бэтмены носились над джунглями, метали сверху ассегай, дротики и пускали маленькие стрелы. Но никто не пострадал, и через некоторое время крыланы прекратили бомбардировать отряд вслепую. Они теряли при этом слишком много боеприпасов.

А лучники тем временем подстрелили пятерых бэтменов. Пришлось крыланам удалиться на дерево, чтобы посоветоваться.

Несмотря на вынужденное отступление, преимущество было на их стороне. Противник мог передвигаться только в одном направлении, а потом ему неизбежно придется карабкаться по стволу вверх или вниз, чтобы перейти на другую ветку. При этом враги непременно себя обнаружат, и крыланы смогут перебить отряд, не понеся значительных потерь — а то и вовсе никаких.

Если же враг по-прежнему будет прятаться в густых зарослях, то лишь отсрочит неизбежную гибель. Крыланы могут запросить подкрепления и выставить врагов из зарослей. А если крылатый народ не захочет вступать в открытое единоборство, голод все равно выгонит неприятеля наружу, когда его охотничья территория лишится дичи.

Улисс постарался подсчитать своих врагов, пока те носились туда-сюда в проблесках лунного света. И насчитал около сотни. Сейчас они все улетели, за исключением шестерых караульщиков, которые сновали вокруг, так и не приблизившись ни разу на расстояние выстрела из лука.

Улисс скрючился под кустом и постарался придумать, что делать дальше. И пока он думал, его все время донимал какой-то слабый, бормочущий звук. Улисс потребовал от своих воинов полной тишины, вслушался и через минуту сообразил, что это за шум. То был дальний рокот водопада.

Он отдал распоряжение стоящей неподалеку Авине, которая передала его дальше. Вышла небольшая заминка, потому что отряд в большинстве своем не желал расстаться с его теперешним убежищем. Оно давало им превосходную защиту, но Улисс знал своих людей и отлично понимал, как надо с ними обращаться. Он прикрикнул на них и объяснил, что ожидает их в будущем, если они откажутся повиноваться. Уразумев, те действовали достаточно быстро. Просто они не привыкли заглядывать далеко в будущее — им вполне хватало и настоящего.

Конец ветви или скорее то место, где она резко поворачивала на девяносто градусов к горизонту, находился в двух милях отсюда. Из-за густоты зарослей, а также из-за приказа идти тихо и осторожно отряд продвигался очень медленно.

В четверти мили от места их высадки Улисс вдруг увидел черно-белую пену. Он взобрался на высокое дерево, чтобы лучше оглядеться, то и дело проверяя, не заметили ли его крыланы, постоянно сновавшие над головой. Как он надеялся, поднялся туман, и видимость несколько уменьшилась. Рокот водопада сверху был слышен отчетливо.

Улисс собрался было спуститься обратно, когда увидел хлопающего крыльями дхулулиха. Улисс вжался в дерево и постарался слиться с наростом коры. Лунный свет не падал прямо на него, хотя через листву пробивались лучи и сумрак был скорее серебристым, чем черным. Почти тут же мимо пролетел крылан. Он размахивал крыльями так медленно, что полет его напоминал парение. Но тут его крылья вновь захлопали, и он пошел на снижение. Он летел прямо к дереву сквозь перемежающуюся бледно-желтым светом темноту. Его лысая голова так и сияла в лунном свете; бледные лучи касались его крыльев, более темных, чем тело. Крылан пролетел над самыми зарослями и, замолотив крыльями воздух, взмыл вертикально вверх. Перед тем как приземлиться на ветвь по другую сторону ствола, он вновь перешел на парение и сел на ветку бесшумно, как сова.

Когтей, чтобы уцепиться за ветку, у него не было, и он схватился за маленький сучок рукой, чтобы не рухнуть вниз. Потом сложил крылья и повернулся к Улиссу спиной. На нем был пояс с каменным ножом, а в руке он сжимал тонкое копьёцо. Со шнура на его шее свисало какое-то витое приспособление. Улисс решил, что это сигнальный рог. Этот тип расселся здесь, чтобы высмотреть неприятеля — и если заметит, затрубит в свой рог, призывая сородичей.

Снизу сквозь шум водопада не доносилось ни звука. Люди Улисса заметили бэтмена и ждали дальнейшего развития действий. Джунгли выглядели необитаемыми.

Улисс покинул свое убежище и двинулся вокруг ствола. Его лук и стрелы лежали у подножия дерева — к счастью, на противоположной от крылана стороне ствола, и тень скрывала их. У Улисса оставался только складной нож, и он зажал лезвие в зубах: ему приходилось цепляться обеими руками, да и то продвигался он медленно — хотя водопад и заглушал шорох, но уж хруст сломанной ветки или сильный шум листвы от чуткого слуха бэтмена не укроются.

Когда Улисс ступил на ветку, где сидел крылан, тот по-прежнему смотрел в сторону. Ветка была толстой, и Улисс выпрямился, не потеряв равновесия. Его ступня скользнула вперед, вторая поднялась в воздух, коснулась земли, скользнула — и так далее. Немного погодя Улисс остановился и вынул из зубов нож. Крылья бэтмена полуоткрылись, всплеснули и сложились вновь. Тут-то Улисс и разглядел дыру в правой перепонке. Узнал он и этот профиль, и наклон головы. Перед ним был Глих.

Улисс мигом раздумал убивать. Глих ему еще пригодится.

Но убить было проще, чем взять живьем. Нужно оглушить Глиха — и в то же время уберечь его от падения. И хотя Глих весил всего каких-нибудь сорок пять фунтов, он мог разбиться и даже погибнуть, упав с тридцатифутовой высоты. И бросаться на бэтмена слишком стремительно тоже нельзя, иначе Улисс рухнет вниз вместе с ним.

Улисс подкрадывался очень медленно, опасаясь, что крылан почувствует дрожание ветки под его ста сорока пятью фунтами. Но Глих, к счастью, расположился не на тонком подвижном конце ветки, а на самой ее середине. Так что Улиссу не составило труда подкрасться и рубануть его ребром ладони по шее — не слишком сильно, чтобы не сломать хрупкие, а возможно, и полые косточки. Глих беззвучно осел и рухнул ничком, так что Улиссу пришлось протянуть руку и ухватить его за крыло. Он позвал своих людей и мгновением позже опустил обеспамятевшего крылана в поджидавшие руки. Когда Улисс спустился с дерева, Глих уже был связан, и в рот ему засунули кляп. Несколько минут спустя крылан открыл глаза. Улисс встал в лунном свете так, чтобы Глих увидел, кто его пленил. Глих выпучил глаза и забился, пытаясь освободиться. Когда его закинули за спину Улисса, словно рюкзак, он все еще брыкался. Улисс велел Вулке, вождю вагарондитов, который нес Хиукса, стукнуть Глиха еще разок, и тот с радостью повиновался.

Полмили они прошли с максимальной скоростью. Улиссу выпала честь спускаться первым. Его окутывал туман, скрыв не только от бэтменов, которые могли появиться с минуты на минуту, но и вообще от всех. Из-за тьмы и облаков, поднимавшихся из бездны, он едва видел на два фута перед собою. На его теле осели капельки воды, и стало

холодно. К тому же роса сделала кору и пальцы скользкими.

Ничего не поделаешь, надо спускаться. Будь он один или же с людьми, которые не считали его богом, он не полез бы в туман, пусть даже крыланы его и заметят. Но он не мог снять с себя полномочия или нарушить слово.

— Туман — это наша защита, — сказал он. — Но как всякая защита, он имеет свои недостатки. Одно другого стоит. Туман укроет нас от врагов, но в нем таится опасность. Будет скользко, и мы ничего не увидим.

«И вдобавок мы слишком медленно идем», — подумал он, нащупывая ногами опору. Его руки вцепились в нарост коры, одна нога оказалась в расщелине, а другая описывала круг в поисках выступа или щели. Наконец, нащупав выступ, он осторожно спустился, удостоверился, что держится надежно, и двинулся дальше. Этот процесс повторялся уже бесконечное число раз, а потом сумрак посветлел, и Улисс смог хоть что-то разглядеть.

Оказавшись на твердом карнизе, Улисс пошел по нему, осторожно ощупывая каждый невидимый дюйм коры пальцами. Слева от него рокотал водопад, возле левой ноги журчал ручеек. Когда что-то коснулось его, он отпрянул и выхватил нож. В полумраке смутно виднелась маленькая стройная фигурка Авины. Она подошла поближе; ее округлившиеся глаза потемнели. Улисс убрал нож, и она на мгновение прильнула к нему. Ее мех был мокрым, но через минуту их тела стали согревать друг друга. Улисс погладил ее округлую головку, потрепал мокрые шелковистые ушки и ласково провел рукой по спине. Сейчас она походила скорее на утонувшую крысу, нежели на то восхитительное нежное пушистое существо, которое он некогда знал.

Из тумана вынырнули фигуры остальных. Улисс отодвинулся от Авины, считая их по мере появления. Все.

Глих дернулся. На протяжении всего спуска он был неподвижен, как мешок с костями, но теперь решил, что неплохо бы подвигаться и на всякий случай разогнать кровь. Улисс снял его со спины и развязал на ногах ремни. Маленький человечек запрыгал на своих тонких ножках с громадными ступнями, а двое вагарондитов стояли рядом, готовые прикончить его, если ему вздумается сбежать или взлететь.

Улисс осторожно вышел из тумана. В пятидесяти футах над головой маячила вершина водопада. Крыланов поблизости не было. Только кусты и склонившиеся деревья загораживали край верхней части ветки. Улисс обернулся и увидел, что ветвь тянулась по горизонтали насколько хватал глаз. Ничто не мешало путешественникам построить новые плоты и продолжить путешествие вниз по течению. Но до прихода ночи им придется прятаться в джунглях. Вольшую часть дня можно потратить на сон, хотя следует уделить время и охоте. Съестных припасов у них здорово поубавилось.

Поздно вечером отоспавшийся, но изнывающий от голода отряд разделился на четыре охотничьи партии. Через час они забили безногого крокодила, гиппопокриса, двух больших рыжих коз и трех громадных обезьян.

Они хорошо поели этим вечером, и каждый почувствовал себя куда лучше. Потом нарубили деревьев, нарезали лиан, связали их вместе и вышли в плавание. Перед закатом они добрались до следующего понижения громадной ветви и нового водопада, который миновали по берегу, не заходя в полосу тумана, и к заходу солнца достигли русла следующего потока. А после сна и охоты построили новые плоты. Русло третьего потока лежало у основания Дерева, или, как сказала Авина, у Подножия Вурутаны.

Гигантские стволы, ветви и прочая растительность, вздымающаяся на десять тысяч футов в высоту, сплетались так густо, что лишь немногие солнечные лучи пробивались сквозь заслон. Здесь и в полдень царили глубокие сумерки, а до и после полудня ночь накрывала вороновым крылом все промежутки между стволами, подымающимися из болота. Земля под Деревом впитывала водопады и ливни, которые скатывались с ветвей и колоссальных листьев, когда их не могла поглотить покрывающая Дерево растительность. У его подножия образовалось болото — обширная, невыразимо гнетущая топь. Глубина воды колебалась от одного дюйма до нескольких футов — достаточно, чтобы утонуть. Из воды и грязи тянулось вверх множество странных, мерзко пахнущих, блеклых пятнистых растений.

Сумрак был населен кошмарами. Громадные куски коры, многие размером с бунгало, падали с Дерева вниз, ломая ветви и сбивая с ветвей другие гигантские ошметки подгнившей коры. Дерево, словно Мировой Змей северной

мифологии, сбрасывало свою шкуру. Кора подгнивала, обламывалась и либо падала на вершины могучих ветвей, догнивая там, либо летела вниз и подобно холодным черным падающим звездам рушилась в воду или жижу болот. Там, полузатонувшая, она сгнивала окончательно, а насекомые и паразиты, которые кишели в этом сумеречном мире, буравили громадные массы обломков, делая их своим домом.

Там жили длинные, тонкие, трупного цвета черви с волосатыми головами; темно-синие жуки с громадными челюстями; длинноносые саблезубые землеройки; бледно-желтые скорпионы; яркие красно-черные змеи с крошечными рожами, венчающими их трехгранные головы; многоногие, мягкотелые, с дюжиной антенн, длинные существа, которые, когда до них дотрагивались, с громким хлопком выделяли мерзкий вонючий газ, и множество других отвратительных тварей. Повсюду в сумраке высились гигантские обломки коры, словно оставленные ледником валуны, где кишела ядовитая паразитическая жизнь.

Вокруг искромсанных глыб росли высокие, стройные, лишенные ветвей растения, усыпанные сердцевидными желто-зелеными ягодами, растущими прямо из трещин роговой оболочки растений. Росла там и густая, скользкая трава, подымавшаяся на фут-другой над болотной мутной жижей. А над ней порхали какие-то ширококрылые насекомые с телом и крыльями цвета кожи покойника, головы их были абсолютно белыми с двумя круглыми черными метками по бокам и одной чуть изогнутой меткой посередине, так что с виду они напоминали череп. Они летали бесшумно, лишь иногда касаясь кого-нибудь из отряда кончиками крыльев, заставляя того шарахаться в сторону. Но любое движение или звук казались здесь приглушенными. Путники переговаривались очень тихо, подчас шепотом, и совсем не смеялись. Они погружали ноги в воду и в хлябь под ней, а потом медленным, едва ли не виноватым движением вытаскивали их наружу, так что чавкающие звуки казались слабыми и нежными. Отряд держался вместе, и никто не хотел отойти в сторону даже на шаг, в кусты или под высокие, бледные, серо-голубые стебли, чтобы справить нужду.

Сначала Улисс подумал, что ему следует держаться болот. Хотя путешествие будет медленным и тяжелым, эти места казались более безопасными по сравнению с

районами вершин, где водилось слишком много разумных созданий. Но одного дня и одной ночи у Подножия Вурутаны оказалось для него (а тем более для его людей) вполне недостаточно. Следующим утром, подскочив на добрый фут кверху, как только кроваво-красная лягушка спрыгнула с обломка коры ему на плечи, а потом в мелкую лужу, он решил, что с него хватит. Люди пробовали уснуть на куске коры величиной с небольшой дворец, но всю ночь были вынуждены отбиваться от созданий, повывлезавших из своих нор в коре, и выслушивать крики болотных тварей.

Улисс решил, что им следует вернуться на одну из ближайших ветвей. Пришлось пересечь обширное пространство, полное каверн с зыбучими песками, так что до твердой поверхности гигантской колонны, ныряющей с небес в болото, они добрались только к полудню. Преисполнившись благодарности, путешественники начали карабкаться вверх и к сумеркам достигли желанного горизонтального участка ветви; здесь имелся даже ручей, правда, с виду не иначе как ядовитый. Вода в нем была карминово-алой.

Улисс исследовал ее и обнаружил, что виной тому миллионы крошечных созданий, почти неразличимых по отдельности. Глих предпочел развязать язык и сказал, что эти животные плодятся здесь каждый год. Он не знал, откуда они берутся и куда исчезают. Воды речки и источников будут оставаться красными еще около недели, а потом очистятся совсем. А до тех пор крохотные создания послужат пищей для птиц, рыб и лесных животных. Глих порекомендовал сварить из них суп.

Улисс внял его совету, но заставил крылана первым отведать варево. Через несколько часов, прошедших без каких-либо последствий для бэтмена, Улисс решился. Он выпил полную миску и нашел суп очень вкусным и сытным. Следующие несколько дней путешествия на плотах путникам было достаточно для пропитания зачерпнуть воды с красными существами. Они быстро продвигались вперед, ибо не испытывали необходимости останавливаться для охоты. Отряд пересек приблизительно пятьдесят миль, преодолев три водопада, и наконец достиг нижнего уровня потока. К этому времени алые тварюшки исчезли.

Когда настала пора нового подъема, Улисс не то из любопытства, не то повинувшись случайной причуде настроения, велел подниматься как можно выше. Восхождение по

сучковатому и изъеденному трещинами вертикальному стволу заняло три дня. Ночью путники спали на выступах коры, достаточно больших, чтобы разместить весь отряд. На третий день они вошли в облака и вырвались на свободу только вечером. Но утро оказалось безоблачным, и отряд мог заглянуть в бездну. Они находились на высоте по меньшей мере десяти тысяч футов. Ствол вздымался еще на две или три тысячи футов, но подниматься выше не имело смысла. Ветвей на такой высоте уже не было. А эта ветвь неожиданно оказалась удачной: она тянулась, казалось, вечно и имела очень пологий наклон.

У соединения ствола с ветвью бил источник, в него вливалось еще множество ручьев, образуя поток, который через милю уже становился судоходным.

Каждую милю или около того ветвь выбрасывала вертикальный отросток, который тянулся, насколько путники могли судить, до самого дна или соединялся с другими ветками ниже.

Чтобы бэтмены не попытались смыться, Улисс понаделал дырок в их летательных перепонках и связал их вместе тонкими жилыми веревками. Он заставлял их карабкаться по стволу, ибо их объединенный вес был слишком велик, чтобы при длительном восхождении кто-то тащил их на закорках. Когда отряд взбирался по отвесному стволу, покрытому корой, крыланы во избежание побега находились в самой середине шеренги: ведь эти легкие создания могли подыматься куда быстрее, чем даже самые ловкие из вуфеа.

Улисс приказал разбить лагерь. Несколько дней путники отдохнут, поохотятся, поразведают все вокруг. Улисс надеялся найти еще одно дупло в стволе и поэкспериментировать с коммуникационной мембраной внутри. После пребывания у вуггрудов он постоянно искал такие дупла, поскольку был уверен, что их существуют тысячи, но пока не заметил ни одного. А ведь, по словам крыланов, их повсюду полным-полно. Какая досада — знать об этом и оказаться не в состоянии отыскать их. Однако Улисс был уверен, что каждое дупло охраняют медведеподобные вуггруды или храушмидумы — люди-леопарды. И если они превосходили числом его отряд, он не мог себе позволить новой встречи с ними. Но Улисса распирало. Только бы добратся до коммуникационной мембраны. Теперь он узнал код.

Он был сделан на основе обычного торгового языка и напоминал азбуку Морзе, благо тоже состоял из комбинации длинных и коротких импульсов.

Эти сведения Улисс выудил из Глиха во время долгих ночей, когда все отдыхали от дневных забот. Хиукс наотрез отказался сообщить ему код. Более того, крылан не хотел даже признать, что он вообще существует. Но Глих был из другого теста. То ли у него был ниже болевой порог, то ли меньше силы воли. А может, он просто оказался поумнее Хиукса и понял, что рано или поздно заговорить придется. Так почему бы не сказать сразу и уберечь себя от излишних страданий?

Хиукс обзвал Глиха предателем и жалким бесхребетным трусом, а тот ответил, что, если Хиукс не заткнется, он сам его прикончит при первой же возможности. Хиукс отпарировал, что это он сам убьет Глиха при первом же удобном случае.

И хотя Глих выдал код, он не выдал — или не смог — местоположение центральной базы своего народа. Он клялся, что ему надо подняться над Деревом довольно высоко, чтобы разглядеть основные навигационные ориентиры, которые окончательно укажут ему путь к базе. Этими ориентирами были высокие стволы с особыми листьями, которые можно было отыскать только с высоты двух тысяч футов. Возможно, сейчас отряд находился под одним из них, но крылан был не в силах определить это сразу.

Улисс разочарованно пожал плечами. Он не вынашивал бы планов нападения на базу, даже если бы знал о ее расположении. Ему недоставало сил для вторжения. Но Улиссу хотелось знать, где она находится, чтобы когда-нибудь, обладая достаточными силами, ее атаковать. Ничего, так или иначе он сумеет все выведать.

Он сидел, прислонившись спиной к относительно плоскому выступу растрескавшейся коры; в десяти футах перед ним горел костер. Ночь почти наступила. Внизу она *уже* наступила. Небо было все еще синим, и лишь вдалеке облака тронуло розовым, светло-зеленым и темно-серым. Крики и рев охотящихся животных и их жертв доносились как порождение давно забытых кошмаров, настолько они были далекими и слабыми. Оба крылана сидели возле Улисса бок о бок, но не переговариваясь и даже не глядя друг на друга. Вуфеа, вагарондиты и алканквибы расположились

вокруг шести огромных костров. На ветке, а также спрятавшись на выступах коры, стояли часовые. От аромата жареного мяса и рыбы так и текли слюнки. Охотники уже прошлись по ветке и возвратились с тремя четверорогими, поросшими каштановой шерстью козами, десятью громадными рыбами (отнятыми у черно-серого пятнистого кугуара, который поймал их), с полными сумками самых разнообразных ягод и тремя огромными мохнатыми обезьянами.

Охотники доложили, что растительность на вершине составляют в основном низкорослые хвойные деревья с толстыми стволами, ягодные кусты, трава высотой по колено, растущая из набитых землей трещин, и мох. Речка изобиловала рыбой, но крокодилов и гиппопотамов нигде не было видно. Казалось, хищников здесь представляли только черно-серые пумы, маленькие медведи и несколько видов выдр. Из других животных встречались в основном козы и обезьяны.

Этой ночью путники сытно поели и улеглись спать как можно ближе к огню, только чтобы не обжечься: на такой высоте после захода солнца становилось морозно.

Позавтракав поутру остатками ужина, путники принялись за постройку плотов. Они повалили несколько елей, достигавших в высоту едва ли двадцать футов, и связали вместе. А затем в наилучшем расположении духа окрыленный надеждами отряд отправился в плавание.

В кои-то веки они не обманулись и не разочаровались. Поток нес их с постоянной скоростью, где-то около тридцати миль в час, и доставил к расширению ветви. Здесь он не сорвался вниз отвесным водопадом, а лишь разлился во все стороны по широкой площади, отгороженной уходящим вверх изгибом ветви. Отряд разобрал плоты и перенес бревна вверх по косогору. Сразу же на вершине путники нашли еще один ручей, который вскоре превратился в реку. Они связали плоты и отдались на волю потока. Раз десять им пришлось повторить переправу. Наконец они добрались до места, где течение реки не прерывалось дольше всего. На протяжении шестидесяти миль уклон был таким медленным, что русло то и дело заболачивалось. По прикидкам Улисса отряд покрыл уже около ста пятидесяти миль по одной ветви. Глих заверил, что им просто повезло найти такую — подобных ей совсем немного.

Выбравшись из холодной липкой трясины болота, путники карабкались до тех пор, пока не нашли подходящую ветвь на высоте около шести тысяч футов. Десятью днями позже они вышли к водопаду, подножие которого находилось в пяти тысячах футах под ними. И здесь Дерево кончилось.

Улисс был ошеломлен. Ему стало немного не по себе. Он так привык к миру одного гигантского Дерева со множеством листьев, переплетающихся и извивающихся ветвей, протянувшихся до небес стволов, густой растительности, что весь мир начал представляться ему Деревом.

А теперь его взгляду открылась равнина, тянувшаяся, возможно, миль на пятьдесят—шестьдесят, а дальше виднелись вершины гор. По другую сторону, если верить Глиху, находилось море.

Авина стояла так близко к Улиссу, что ее мохнатое бедро коснулось его тела. Ее длинный черный хвост ходил взад и вперед, то и дело щекоча пушистым кончиком его ноги.

— Вурутана пощадил нас, — сказала она. — Я не знаю почему. Но на то у него были свои причины.

Улисс возмущился.

— А ты не думаешь, что мы обязаны своим успехом моей божественной силе? — поинтересовался он.

Авина вздрогнула и искоса взглянула на него. Ее глаза были огромными, как всегда, но зрачки превратились в узкие щелочки.

— Прости меня, Повелитель, — вымолвила она. — Мы все обязаны тебе. Без тебя, конечно, мы все давно бы погибли. И все же по сравнению с Вурутаной ты маленький бог.

— Больше размером — не означает сильнее, — возразил Улисс.

Он злился не потому, что она отрицала или принижала его божественную сущность — он еще не настолько спятил. Просто он рассчитывал на благодарность за то, что ему удалось вывести свой отряд наружу. Хотелось, как простому смертному, хотя и вынужденному напоминать о своей божественности.

А благодарности Авина Улисс жаждал больше, чем чьей-либо другой. Почему бы это? Почему это красивое, но со-

вершенно ему чуждое создание, разумное, но несхожее с человеком, столько значит для него?

Хотя почему бы и нет? Она с первого дня стала для Улисса опорой, обучила его языку, разговаривая с ним, оказывала ему разнообразную помощь — и, не в последнюю очередь, моральную поддержку. И физически она очень привлекательна. Улисс так давно не видел ни одного человеческого существа, что свылся с обликом нечеловеческих. Авина была очень красивой самкой (он едва было не подумал — женщиной).

Но все же, несмотря на искреннюю привязанность, Улисс порой испытывал к ней отвращение. Это случалось, когда она оказывалась чересчур близко к нему. Улисс отодвинулся, и Авина бросила на него загадочный взгляд. Догадалась ли она, о чем он думает? Правильно ли истолковала его движение?

Он надеялся, что нет. Ибо если она догадалась, у нее хватит ума и понятливости сообразить, что уклонение от физического контакта было просто обороной. И она поймет, как понимает и сам Улисс, почему он вынужден обороняться.

Он окликнул Вулку и остальных вождей:

— Вперед! Спускайтесь с Дерева вслед за мной. Вскоре мы вступим на хорошую, твердую землю!

Спуск прошел достаточно легко, хотя Улиссу и приходилось подавлять в себе стремление рвануться вниз очертя голову. Теперь, когда он вот-вот вырвется на свободу, черно-серая громада Дерева казалась еще более угрожающей, чем когда они были внутри. Но ничего не случилось. Ни вуггруды, ни храушмиддумы не вырвались из Дерева, чтобы совершить свое последнее нападение.

Однако, раз они вышли на открытую равнину, их стало просто обнаружить с воздуха. До наступления темноты было бы лучше оставаться под сенью Дерева и лишь потом двигаться дальше.

На счастье, здешняя почва у основания Дерева была не столь болотистой. Едва сойдя с ветви, по которой бежал ручей, путники вступили на сухую, твердую землю. Они разбили лагерь по северную сторону ветви, уходившей в землю под углом в сорок пять градусов. Улисс изучил равнину, покрытую невысокой, буро-зеленой травой и изредка

встречавшимися акациевидными деревьями. Там бродили громадные стада травоядных: лошадей, антилоп, буйволов, жирафоподобных существ, которые, как он предполагал, произошли от лошадей, слоноподобных животных, вероятнее всего, происходящих от тапиров, громадных, толстоногих кроликов и голубых, с изогнутыми клыками, длинноногих свиней. Там водились и хищники — двенадцатифутовый бегунчик, гепардоподобный леопард и стаи мохнатых, как дикобразы, львов.

Этой ночью отряд двинулся прочь от Дерева. Они ушли далеко, потому что охота заняла слишком много времени. На рассвете путники разожгли костер в рощице акаций и поджарили мясо, а потом уснули в тени деревьев, выставив нескольких часовых.

На третий день отряд достиг горной гряды. Глиху даже пытками угрожать не пришлось. Он добровольно сообщил о перевале, и отряд два дня продвигался вдоль гор, пока перевал не был найден. Еще два дня ушло на то, чтобы перебраться через горы. Как-то под вечер отряд обогнул склон горы, и за ним в закатном сиянии перед ними предстало море.

Потом солнце зашло, и небо почернело. Сам не зная почему, Улисс чувствовал себя счастливым. Возможно, горы заслонили от него облик Дерева, а ночь сокрыла все, способное напомнить, что он не в том времени и не на той Земле, где родился. Звезды слагались в необычные созвездия, но он мог не обращать на них внимания. Куда сложнее оказалось немного спустя не обращать внимания на Луну — слишком уж она была большая, синевато-зеленоватая с белыми крапинками.

Путники поднялись на рассвете, позавтракали и начали спускаться по склону горы. К вечеру они достигли ее подножия и следующим утром двинулись по относительно гладкой равнине к морю. Вначале отряд пробирался густым лесом, но уже на второй день вышел к полям, к домам и огороженным сараям.

Дома были квадратными, иногда двухэтажными, сооруженными по большей части из бревен, а порой и из гранитных блоков, грубо обработанных и скрепленных известкой. Сарай были частично каменными, частично деревянными. Улисс обошел несколько и обнаружил, что там никого нет,

кроме разве что диких зверей. Повсюду оказалось полным-полно деревянных и каменных статуй и несколько картин — очень примитивных, но на них хватало человеческих фигур, чтобы уверить Улисса, что художник, вероятно, был человеком.

Улисс подумал *был*, потому что нигде не нашел ни одного человеческого существа, живого или мертвого.

Он то и дело натывался на обгоревшие останки домов и сараев. Была тому причиной война или несчастный случай, он не мог определить.

Домашние животные поудирали либо подошли с голоду.

Нигде не осталось даже человеческих костей.

— Что здесь произошло? — спросил Улисс у Глиха.

Крылан взглянул на него, пожал костлявыми плечами и распростер крылья насколько позволяла веревка.

— Не знаю, Повелитель. Последний раз я был здесь шесть лет назад, и тогда здесь жили врумау. Если не считать случайных набегов нешгаев* и вигнумов, они вели мирный образ жизни. Возможно, мы выясним, что произошло, когда войдем в главную деревню. Вот если бы мне разрешили полететь вперед, я мог бы живо разузнать...

Он наклонил голову и кисло улыбнулся. Конечно, он не мог всерьез на это надеяться, и Улисс даже не потрудился ответить. Отряд впервые натолкнулся на кладбище, и Улисс остановил шествие. Он побродил внутри, изучая надгробные памятники. Они были вытесаны из толстых обрубков красного дерева и увенчаны черепами различных птиц и зверей. Больше на них не было ничего, а Глих и Хиукс понятия не имели, что эти черепа значат.

Далее отряд следовал по узкой грязной дороге. Все более многочисленные фермы по-прежнему пустовали.

— Судя по тому, насколько разрушились дома, и густоте поросли вокруг, я бы сказал, что их покинули примерно год назад, — произнес Улисс, — может, даже два.

Глих сообщил ему, что врумау были единственными человеческими созданиями, о которых он знал, — не считая,

* Название «нешгаи» является откровенной анаграммой «ганеши». В индуизме Ганеша — слогоголовый сын Шивы, бог и покровитель поэтов, актеров, художников и вообще людей творческих. Отличается изрядным хитроумием. Как вскоре увидит читатель, автор воспользовался этой анаграммой отнюдь не зря.

конечно, тех, что являлись рабами нешгаев. Собственно, врумау могли быть потомками беглых нешгайских рабов. Но, с другой стороны, нешгаи могли раздобыть рабов, напав на врумау. В любом случае врумау обитали на площади в сотню квадратных миль и имели население в сорок пять тысяч человек. У них было три главных поселения с пятью тысячами горожан в каждом, а остальные жили на фермах или охотились. Они торговали с дхулулихами и паусаидурами. Последние, согласно Глиху, обитали в море, а не на побережье. Если верить описаниям бэтмена, они были своего рода дельфинокентаврами.

Улисс принялся расспрашивать об истории людей, но Глих открыто признал свое полное невежество в этом вопросе.

Улисс решил, что знает об этом мире еще меньше, чем когда открыл глаза в горящем храме вуфеа. Ну, может, и не меньше. Зато путаницы у него в голове прибавилось. Существовало великое множество разумных видов, и большинство из них явно вопреки теории эволюции, а тут еще человеческие существа исчезли так внезапно и загадочно. Все эти дни он жил одной надеждой: увидеть вновь человеческие лица, услышать человеческий голос, прикоснуться к человеческой коже. А люди исчезли.

Проселочная дорога тянулась все дальше и дальше и наконец вывела путников в прибрежную деревеньку на сваях. Она располагалась в бухте со множеством вытасненных на берег судов, начиная от маленьких лодок и кончая кораблями, похожими на корабли викингов. Очевидно, буря порвала их якорные цепи и выкинула их на отмель.

Деревня выглядела так, будто все решили оставить дневную трапезу и убраться восвояси. Около четверти домов было сожжено начисто, но это можно было приписать и небрежному отношению с огнем в очагах.

И лишь одно портило картину всеобщего добровольного исхода — высокий деревянный столб в центре главной площади. Его вершину венчала вырезанная деревянная голова. Безволосая голова с огромными веерообразными ушами и длинным, как змея, носом. Из открытого рта торчали четырехфутовые слоновьи бивни. Раскрашена голова была темно-серой краской.

— Нешгаи! — воскликнул Глих. — Это голова нешгаев. Они оставили это в ознаменование победы.

— Если они захватили эту деревню штурмом, где следы борьбы? — не поверил Улисс. — Где скелеты, например?

— Очевидно, нешгаи прибрали за собой, — ответил Глих. — Они — очень опрятный народ. Любят чистоту и порядок.

Улисс огляделся в поисках массовых захоронений и нашел несколько гигантских могил. Он раскопал одну и обнаружил около сотни скелетов, сплошь человеческих.

— Нешгаи, должно быть, забрали своих погибших к себе на родину, — заметил Глих. — Они всех хоронят в одном месте, очень священном месте.

— Как долго жили здесь врумау? Уж столько-то ты о них знаешь?

— О, на мой взгляд, около двадцати поколений, — сказал Глих и скорчил рожу.

— Около четырехсот лет, — проговорил Улисс.

Почему он не очнулся на сотню лет раньше? Тогда он нашел бы своих сородичей и обосновался среди них, завел бы детей. А с его технологическими познаниями нешгаи бы людей не одолели. Скорей уж наоборот.

Конечно, теперь он был бы уже мертв. А над его могилой высился бы столб с черепом какого-нибудь животного на верхушке и надписью: «ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ УЛИСС ПОЮЩИЙ МЕДВЕДЬ, 1952 — 10 000 000».

Около часа Улисс пребывал в самом мерзком расположении духа. Все равно ведь помирать — так зачем еще о чем-то беспокоиться? Почему бы ему не вернуться в деревню вуфеа, не поселиться среди народа, который поклоняется ему как божеству? А что до подруги жизни, в которой он так нуждается...

Но через час Улисс стряхнул с себя остатки подавленности. В самой природе жизни таится неверие в собственную смерть и стремление поступать так, словно эта самая жизнь будет продолжаться вечно. И словно пустяки имеют громадное значение. Относиться к жизни и смерти реалистически можно только за гранью реальности. Там, где начинается безумие. Ну не смешно ли — чтобы не стать безумным, надо забыть о том, что безумен мир... или хотя бы поступать так, словно мир не спятил.

Он исследовал дома и храмы, а потом спустился к пляжу. Там все еще стоял на якоре корабль, не успевший рассыпаться окончательно. Его корпус был поврежден, и

несколько бревен нужно было заменить, но в доках на складах вполне хватит всего необходимого. Улисс объяснил вождям, что от них требуется. Те закивали, будто все отлично поняли, но взгляды их выдавали сомнение. Или скорее испуг.

Улиссу пришло в голову, что они ничего не знают о мореплавании. Все, кроме бэтменов и самого Улисса, видели море впервые.

— Поначалу мореплавание покажется вам странным, а то и опасным, — сказал Улисс. — Но вы научитесь. А когда узнаете, что делают и чего не делают на море, вам может даже понравиться.

Вожди все равно выглядели исполненными сомнений, но поспешили выполнить приказ. Улисс принялся изучать мачты и снасти. Все лодки и корабли имели прямые паруса. Очевидно, косо́го паруса врумау не знали. А значит, и понятия не имели о лавировании или плавании против ветра. Этого Улисс понять не мог. Пусть человек вышел в море за много тысяч лет до изобретения паруса, дававшего ему возможность лавировать против ветра, но раз косо́й парус был когда-то изобретен, ему следовало бы навечно остаться в человеческой технике. Если же этого не случилось, значит, в преемственности человеческих знаний существовал катастрофический пробел. Люди впали в варварство и по крайней мере несколько поколений не имели контакта с морем. И не осталось никаких знаний, даже устных преданий.

Улисс выбрал для жилья большой дом, в котором разместился с Авиной и вождями, велев остальным занять три других дома. Часовых расставили у главных ворот, приказав при виде чего-либо подозрительного бить в громадные барабаны в караулке над воротами.

Через три недели корабль был готов. Его спустили на воду из дока, и Улисс вывел свою команду в первое плавание. Матросы получили устные указания — и изо всех сил старались воплотить свои скудные знания в жизнь. Несколько раз они чуть не перевернули судно. Однако после недели упорных тренировок команда была готова к длительному каботажу вдоль берегов. Улисс наряду с разработанной косо́й оснасткой построил и установил руль. Корабли врумау оснащались для управления большими веслами.

Он окрестил судно «Новой надеждой» и в один прекрасный день отбыл в земли нешгаев.

Берег был пологий, со множеством великолепных пляжей, и только иногда встречались редкие утесы. Море казалось относительно мелким на протяжении двух миль от берега и свободным от мелей и громадных скал. Почти к самому пляжу спускались заросли гигантских дубов, платанов, елей, сосен и некоторых неизвестных на земле его времени деревьев. Там водилось множество животных: оленей, антилоп, длинношеих громадных лошадей, которых он называл, думая по-английски (а это случалось нечасто), «жирконь», буйволов, высоких, похожих на волков животных, тюленей и черепах.

Как-то раз Улисс спросил у Глиха, почему земли между нешгаями и врумау оказались лишенными разумной жизни.

— Я могу только предполагать, — заявил недомерок бэтмен. — Но, на мой взгляд, так случилось потому, что все разумные существа побережья ушли жить с Деревом.

Улисс отметил про себя это «с Деревом». Почему не *на* Дерево? Глих говорил так, словно разумные существа получили приглашение и отправились жить в один общий дом.

— С Деревом жить проще, — продолжал Глих. — Там можно укрыться от врагов, а пища обильна и доступна.

— А крокодилы и гиппопокрысы поедают зазевавшихся рыболовов, — подхватил Улисс. — И если Дерево изобилует дичью, то оно изобилует и кровожадными зверями, большинство из которых не брезгует полакомиться человеком. А если племени проще скрыться, то к нему не менее просто незаметно подкрасться, когда оно уже обнаружено. У густой растительности есть не только преимущества, но и недостатки.

Глих пожал плечами и улыбнулся с видом собственного превосходства:

— Верно. Но это хорошо, что некоторые умирают, иначе племена так расплодились бы, что не хватило бы ни места, ни еды. Кто-то должен страдать во имя большинства. Кроме того, между народами Дерева нет войны. Во всяком случае, такой, какой представляешь ее ты и народы равнины. Дерево следит за своими племенами и, когда племя становится слишком многочисленным, уведомляет его

соседей, что они вправе пойти на него войной. Оно также предостерегает племя от нападения. Потом молодые воины обоих племен устраивают сражение. Или иногда, на короткий срок, им разрешается нападать на поселения. Тогда позволяется убивать самок и детенышей. Но так случается довольно редко. А когда случается, никто не возражает. Эти маленькие стычки придают жизни содержание и колорит.

— Тогда почему нешгаи и врумау не пошли жить с Деревом? — спросил Улисс.

— Нешгаи возомнили, что они лучше Дерева! — гневно выпалил Глих. — Эти неуклюжие, толстопузые носопыры были такими же дикими, как вуггруды и храушмиддумы. А потом они откопали захороненный город Шабавзинг и нашли в нем множество вещей, которые помогли им подняться от варварства к цивилизации за три поколения. К тому же они такие большие и неповоротливые, что не смогли бы ни устроиться удобно на Дереве, ни вскарабкаться повыше.

— А врумау?

— Они жили с Деревом — когда-то. А потом, вопреки приказанию Дерева оставаться на месте, ушли. Очень упрямый, склочный и вздорный народец. Да ты и сам увидишь, если найдешь их. Они перебрались к морю и построили там свои жилища. Некоторые говорят, что сначала они объединились с нешгаями, которые потом их предательски поработили. А потом некоторые врумау бежали и пришли сюда, чтобы основать нацию, мечтая однажды выступить в поход против своих бывших хозяев... Но, очевидно, нешгаи их опередили.

Казалось, Глих был очень доволен участью людей.

— Теперь настал черед нешгаев, — добавил он. — И их смерть придет с Дерева, которое ничего не забывает и не прощает. Сейчас нешгаи терпят урон от нападений фишнумов — собратьев вуггрудов, и глассимов, родственников храушмиддумов. Их посылает из своих недр Дерево, чтобы истерзать, обескровить нешгаев и истребить их. — Он помолчал и сказал с еще большим злорадством: — Та же участь ждет народы северных земель. Если они откажутся жить с Деревом. Дерево понемногу разрастется и захватит все равнины, всю землю, за исключением узкой полосы

вдоль побережья. И Дерево не потерпит никаких разумных существ на берегу. Так или иначе оно их погубит.

— Дерево? — переспросил Улисс. — Или дхулулихи, которые используют Дерево, чтобы навязать всем свою волю? Мнимые слуги Дерева и его настоящие хозяева?

— Что? — воскликнул Глих и покачал головой. — Нехужели ты в это веришь? Да ты просто рехнулся!

Все же он едва сумел скрыть торжествующую улыбку, так что Улисс призадумался, не попал ли он ненароком в самую точку.

Если его теория была не только теорией, она могла многое объяснить. Но многое по-прежнему требовало объяснений. Откуда взялось Дерево? Улисс не мог поверить, что оно естественным порядком развилось из какого-то растения, жившего в его дни.

А тут еще загадка происхождения всех этих совершенно не родственных друг другу разумных существ.

Судно плыло вдоль побережья, держась вблизи берега и бросая якорь, когда небо покрывалось тучами, затрудняя надежную навигацию. Когда была видна луна, корабль плыл всю ночь. Глих и Хиукс время от времени сообщали что-нибудь о нешгаях. Большей частью они жались на платформе у основания мачты, их крылья едва ли не подметали дощатую палубу. Их головы над закутанными в одеяла плечами часто сближались. Невзирая на обоюдную ненависть, крыланы переговаривались. Слишком уж они были напуганы, несчастны и одиноки, чтобы не прибегнуть к единственному утешению — родной речи.

Улисс не знал, что с ними делать. Они сообщили ему почти все, что ему хотелось знать. Он был уверен, что смог бы получить и другие сведения, если бы знал, о чем спрашивать. Но он опасался, что когда-нибудь пленники найдут способ сбежать и вернуться с целой ордой своих сородичей. Каждый минувший день увеличивал для бэтменов возможность побега.

Улиссу не хотелось убивать их, хотя это было бы вполне логично. Да, но ведь крыланы так и не выдали расположение основного города. Бэтмены утверждали, что дорогу домой они могут найти только по воздуху.

И Улисс воспользовался этим предлогом, чтобы сохранить им жизнь. Когда-нибудь они смогут указать путь к

своей базе, пусть даже с воздуха. В конце концов, никто из бэтменов и не подозревал о существовании шаров и дирижаблей, а посему пусть пока тешатся мыслью, что их секрет останется в безопасности.

На шестой день Улисс увидел первых дельфинолюдей. Корабль отклонился от береговой линии, ибо на его пути стоял громадный утес. Когда до утеса оставалось около двухсот ярдов, на его склоне, всего в нескольких футах над поверхностью воды Улисс разглядел каких-то причудливых животных. Он подвел «Новую надежду» так близко к утесу, как только осмелился — лот показывал глубину в четыре фатомы, — и вместе с экипажем уставился на четырех загорававших на рифе созданий.

Больше всего они напоминали легендарных тритонов* его дней, а не описанную Глихом помесь дельфина с кентавром. Ниже груди они походили на рыб. Или все же на дельфинов — ведь плавники были горизонтальными, а не вертикальными. Окраска нижней части тела была такой же золотисто-бронзовой, что и на верхней. Половые органы самок и самцов скрывались паховыми складками. Выше груди тела были совершенно человеческими, а между пальцами, вопреки ожиданиям Улисса, перепонки не оказалось. Носы были очень тонкими. Глих объяснил, что ноздри могут плотно сжиматься благодаря сокращению мышц. Глазные яблоки закрывались плотными и прозрачными оболочками, выходящими из-под век. Волосы на головах были очень короткими и лоснящимися. На таком расстоянии они казались скорее тюленьим мехом, чем волосами. У двоих были черные волосы, у одного — светлые, а у четвертого — каштановые.

Улисс помахал им рукой и улыбнулся. Женщина и мужчина помахали ему в ответ.

— Хорошо сделано, — одобрил, подходя к борту, Глих. — С морским народом лучше вести себя дружелюбно. Стоит им захотеть, и корабль мигом останется без днища.

— А насколько велико их дружелюбие?

* Разумеется, речь идет не о животных с таким названием. Тритоны, как и морганы, русалки, тюлений народ и др. — разные названия сказочных обитателей моря у разных народов. Трудно сказать, кого из этих существ имел в виду Улисс, поскольку паусандуры обладают чертами всех вышеупомянутых мифических существ

— Иногда они торгуют с нешгаями и людьми. Они приносят занятные морские камни, рыбу или драгоценности с затонувших кораблей и меняют их на вино или пиво.

Улисс призадумался, не удастся ли сделать из них союзников в войне против нешгаев — если, конечно, он ее затеет. По мнению Глиха, они не склонны принимать чью-либо сторону, разве что одна из сторон их смертельно оскорбит. Но даже высокомерные нешгаи обращались с морским народом почтительно и задабривали его дарами. Флот нешгаев был велик, и им не хотелось обнаружить его на дне моря.

Скала и ее странные обитатели остались за кормой.

— С такой скоростью ты не сегодня-завтра выйдешь к берегам нешгаев. А что дальше? — спросил Глих.

— Посмотрим, — отрезал Улисс. — Ты бегло говоришь на их языке?

— Еще как, — ответил Глих. — К тому же многие из них говорят на аирате.

— Надеюсь, они не слишком изумятся, увидев меня и мой экипаж. Я не хотел бы подвергнуться нападению только под влиянием паники.

Назавтра через час после восхода судно миновало громадный, вырезанный из камня символ. Гигантское «Х» внутри разорванного круга. Это был знак Неш, бога-прародителя нешгаев, как объяснил Глих. Монумент, заметный с моря издали, обозначал восточную границу их владений.

— Скоро увидишь большую бухту, — сказал Глих. — И город с целым гарнизоном. А заодно торговые суда и быстроходные военные корабли.

— Торговые суда? — переспросил Улисс, игнорируя скрытую в тоне бэтмена угрозу. — С кем же они торгуют?

— В основном друг с другом. Но иногда их громадные корабли заплывают далеко вдоль побережья к северу и торгуют с тамошними обитателями.

Улисс места себе не находил. Его не столько страшило столкновение с неизвестностью, сколько захватила новая идея. Возможно, нешгаи не станут его врагами. Возможно, они окажутся союзниками и помогут ему. Они наверняка заинтересованы в борьбе с гигантским Деревом или теми, кто его использует. И, возможно, они будут сотрудничать

с людьми, а не обращать их в рабство. Кто знает, какую ложь мог преподнести ему бэтмен.

Вскоре побережье изогнулось в глубь суши, и Улисс увидел слева волнорез, сложенный из громадных каменных плит. Он тянулся на несколько миль. То был не просто волнорез, а высокая стена, защищавшая залив и город от неприятельских кораблей. На вершине утеса Улисс увидел несколько высоких серых зданий, а потом, пройдя первый проход, разглядел корабли и сам город на склоне холма.

Миновав башню, возведенную на вершине волнореза, путники заметили какие-то силуэты в узкую прорезь бойниц. Что-то заревело, и, оглянувшись назад, они увидели на башне громадное создание. Возле огромного рта оно держало необъятный рупор. Слоновый хобот поднялся над инструментом, словно не инструмент, а он сам издавал этот трубный рев.

Улисс решил, что лучше корабль войдет в гавань, нежели вынудит нешгаев выйти в море навстречу ему. Едва ли нешгаям придет в голову, что этот маленький кораблик собирается на них напасть. Он направил судно в широкие ворота волнореза между двумя башнями по обеим сторонам входа и приветственно помахал рукой обитателям башни — к его удивлению, большинство из них оказались людьми. На них были кожаные шлемы. В руках они держали щиты — как полагал Улисс, деревянные. Люди потрясали копьями — с каменными наконечниками, конечно, — или держали Улисса под прицелом своих луков. Позади возвышались серокожие нешгаи. Вероятно, гиганты были офицерами.

Огня с башен не последовало. Должно быть, как Улисс и предполагал, их обитатели решили, что один кораблик не может заявиться с воинственными намерениями.

Спустя мгновение Улисс уже не был так в этом уверен. Наперерез его суденышку вышел огромный корабль, длинное судно типа галеры с низкой осадкой. На нем было полным-полно солдат, и две трети этого воинства составляли люди. Управлялось судно при помощи руля. Парусов на нем не было. Гребцов тоже.

Улисс так и выпучил глаза. Его посетила тошнотворная мысль: он только что сам, по доброй воле, положил голову на плаху. Он не слышал ни слова о том, что технология нешгаев настолько развита.

Но когда галера обогнула их сзади и прошла вдоль борта, словно пастух, собирающий стадо, не было слышно ни звука — только шипение разрезаемой острым носом воды и плеск волн о борта. Если внутри корабля находился двигатель внутреннего сгорания, он имел превосходный глушитель.

— Как он движется? — спросил Улисс у Глиха.

— Я не знаю, *Повелитель!* — ответил Глих.

Слово «повелитель» он произнес так подчеркнуто, что ясно было: он считает, что божественности Улисса пришел конец. Но и особой радости бэтмен не выказал. Возможно, крыланы тоже опасаются порабощения. Хотя едва ли — говорил ведь Глих, что дхулулихи торгуют с нешгаями.

Улисс глаз не сводил с корабля. Как может сочетаться столь прогрессивный способ передвижения с примитивным оружием экипажа?

Улисс пожал плечами. Со временем он обо всем узнает. А если нет, значит, у него будут более важные поводы для размышлений. Он и раньше отличался терпением, а после пробуждения эта черта его характера только усилилась. Возможно, когда он невообразимо долгие века пребывал окаменелостью, его душе сообщила в некоторой степени твердость камня.

Его корабль спустил паруса, гребцы принялись табанить, замедляя бег корабля, а затем, когда корабль заскользил вдоль дока, который им указал офицер галеры, подняли весла. Люди, одетые лишь в килты, приняли брошенные мохнатым экипажем канаты и проволокли корабль вдоль шеренги резиноподобных мешков. Галера скользнула в док мгновением позже, застопорила свои невидимые бесшумные моторы и остановилась в дюйме от возвышавшихся перед ней строений.

Теперь Улисс мог поближе присмотреться к нешгаям. Ростом они достигали десяти футов, а то и больше. Их короткие тяжелые ноги оканчивались скошенными наружу ступнями. Тела у нешгаев были длинные — по мнению Улисса, такое сложение приносило им массу неудобств, — а руки так и бугрились мускулами. На каждой руке у них было по четыре пальца.

Их головы имели сходство с деревянными изображениями, которые Улисс уже видел в селении врумау. Гигантские уши были все же не так велики по сравнению с

головой, как у слонов. Широкий лоб выпячивался у висков. Брови отсутствовали начисто, зато ресницы у нешгаев отличались редкостной длиной. Глаза были карими, зелеными или голубыми. Тощий морщинистый хобот свисал до самой груди. Широкий рот окаймляли выпяченные губы — совершенно негроидная черта! Из рта под прямым углом к плоскости лица торчали два крохотных бивня. Во рту имелось только четыре коренных зуба, отчего дикция нешгаев изрядно страдала. Торговый язык аирата в их исполнении отличался шепелявостью. Произношение было настолько неразборчивым, что казалось, ты слышишь совершенно незнакомое наречие. Но стоило по привыкнуть, и их речь делалась внятной. Зато людям с трудом давалось произношение нешгаев, и в их устах аирата представлял собой компромисс между тем, как говорят все остальные народы, обладающие полным набором зубов, и тем, как говорят нешгаи. К счастью, сами нешгаи как-то разбирали произношение своих рабов.

Цвет кожи у нешгаев варьировал от светло-серого до серо-коричневого.

Они носили остроконечные кожаные шлемы с четырьмя отворотами, наподобие охотничьего кепи Шерлока Холмса. На кожаных шнурках с толстых шей свисали громадные камни и бусы. Тяжелые костяные кирасы, размалеванные красным, зеленым и черным, скрывали относительно узкие груди. Единственной одеждой, общей как для людей, так и для нешгаев, был килт. Ноги офицеров были обернуты в зеленые обмотки, а громадные ступни обуты в сандалии. Некоторые носили плащи из плотной ткани, утыканной большими белыми перьями.

Улиссу эти существа показались чем-то отвратительно чуждым, но окруженным ореолом силы и мудрости. Последнее исходило, конечно, из его личного отношения к слонам. Улисс напомнил себе, что хотя нешгаи и могли произойти от хоботных, но теперь они такие же слоны, как он — обезьяна. И хотя огромные размеры и гигантская сила давали нешгаям некоторое преимущество, они с тем же успехом могли обернуться и недостатком. У всего есть своя оборотная сторона.

Чуть впереди и в стороне от остальных на причале стоял величественный нешгай. Именно он и заговорил с Улиссом, а все остальные почтительно внимали. Он что-то про-

зительно протрубил своим длинным хоботом — как предстояло узнать Улиссу, приветствие, — и затем произнес краткую речь. И хотя Улисс понял, что говорит нешгай на аирате, из-за странного произношения невозможно было уловить суть. Он велел Глиху перевести, предупредив, чтобы тот не вздумал лгать.

— А что ты со мной сделаешь, *Повелитель*? — спросил Глих, искоса взглянув на Улисса с нескрываемой ненавистью.

— Убью на месте, — отрезал Улисс. — Рано ты злорадствуешь.

Глих беззвучно выругался и повторил на более разборчивом аирате, что сказал чиновник Гушгоз.

Смысл речи сводился к тому, что Улисс со своим экипажем должен сдать Гушгозу. Их проводят в город в главное административное здание — дом правителя и его главного помощника Шегнифа. Там Шегниф с ним и побеседует. Если же Улисс откажется подчиниться, Гушгоз велит своим людям применить силу.

— Это столица? — спросил Улисс, махнув рукой в сторону города на холме. Хоть это и было самым большим поселением, виденным им за последнее время, но и здесь не могло обитать больше тридцати тысяч жителей, включая людей.

— Нет, — ответил Глих. — Бруузгиш находится в десятках миль западнее. Там обитает Рука Неша и слуга его Шегниф.

Говоря о высоком положении Шегнифа, Глих использовал слово, которое можно было интерпретировать как Великий Визирь.

Гушгоз заговорил вновь, и Глих перевел: пришельцам следует оставить корабль и подняться на холм к крепости. Там их обеспечат транспортом до столицы. Очевидно, тот факт, что отряд вооружен, нимало не беспокоил Гушгоза.

Улисс первым предстал перед огромным Гушгозом. От гиганта несло скорее потной лошадью, нежели слоном. Улисс нашел это даже приятным. Зато желудок нешгая урчал вовсю — с этим феноменом Улисс постоянно встречался в здешних краях. Более того, нешгай принялся жевать большую плитку прессованных растений и жевал все время, пока отдавал приказы своим солдатам. Чтобы

наполнить огромный желудок, нешгаи очень много времени уделяли еде. Но, конечно, не так много, как слоны.

Наконец, построившись, кавалькада двинулась по улице, ведущей к вершине холма. Нешгайские солдаты, люди-рабы и негуманоидные офицеры сопровождали шеренгу прибывших. Вулка нес на спине Хиукса; Улисс, несший Глиха, следовал за громадным Гушгозом. Тот подымался вверх по косогору величавой и медленной поступью. Добравшись до вершины холма, он сильно запыхался, изо рта у него стекала слюна. Улисс вспомнил объяснения Глиха, что нешгаи склонны к сердечной недостаточности, одышке, ревматизму, быстрой усталости ног. Они расплачивались за сочетание огромных размеров с передвижением на двух конечностях.

Улица, вымощенная булыжником, достигала в ширину пятидесяти футов. Треугольные крыши покрывали прямоугольные дома, украшенные множеством барельефов и геометрических конструкций и разрисованные на тот манер, что звался во времена Улисса «психоделическим». На улицах не было ни горожан, ни рабов — их разогнали солдаты. Но из окон и дверей на путников взирало множество серых и коричневых лиц. По словам Глиха, нешгаям не доводилось прежде видеть кошачьих созданий.

Гушгоз оставил их стоять снаружи гарнизонной крепости, которая напоминала замок, сложенный из циклопических гранитных плит. Прошел час, за ним другой. Совсем как в армии, подумалось Улиссу. Знай поторапливайся — и жди, поторапливайся — и жди. За десять миллионов лет возникли новые разумные существа, а армейская рутина осталась прежней.

Авина долго переминалась с ноги на ногу и наконец не выдержала, подошла к Улиссу и оперлась о него.

— Мне страшно, мой Повелитель, — тихо промолвила она. — Мы отдали себя в лапы длинноносых людей, и что они захотят теперь, то и сделают. Нас слишком мало, чтобы бороться с ними.

Улисс похлопал ее по спине и погладил, даже несмотря на тревогу наслаждаясь чувственной нежностью ее меха.

— Не бойся, — ободряюще произнес он. — Нешгаи вроде не дураки. Они поймут, что я слишком ценен для них, чтобы травить нас, как свору диких собак.

Только по этой причине он и решился отправиться на территорию нешгаев. Но при виде галеры призадумался. А вдруг этот народ так продвинулся, что Улисс не сможет им предложить ничего, что выдерживало бы сравнение с тем, чем нешгаи уже обладают? Правда, он нигде не заметил следов наземного транспорта — а вот это уже странно. Вероятно, двигателям галеры требовалось слишком много места и топлива, чтобы использовать подобные в автомобилях. В таком случае он покажет им, как сделать паровой автомобиль.

Вдруг ворота крепости распахнулись, и оттуда выехала колонна легковых и грузовых машин. Своим сходством с усовершенствованными каретами и повозками они напоминали старинные автомобили. Они были сплошь деревянными за исключением колес и шин. Колеса казались стеклянными или сделанными из похожего на стекло прозрачного пластика. Шины были сделаны из чего-то, напоминающего белую резину. Как Улиссу довелось узнать впоследствии, их изготавливали путем специальной обработки сока некоего дерева, которого в его время не существовало.

Автомобили, в которых гиганты-нешгаи могли разместиться, были поистине огромны. Гигантский руль напоминал скорее корабельный штурвал. Чтобы его поворачивать, нужны были громадные руки. Вот почему водителями во всех машинах, даже в грузовых, были только нешгаи. Да Глих и говорил, что людей не подпускают ни к каким сложным техническим устройствам, за исключением переговоров.

Из-под капота не доносилось ни звука. Улисс положил руку на деревянный борт, но не ощутил ни малейшей вибрации. Он спросил Глиха, что движет этот экипаж, но тот лишь пожал плечами.

— Не знаю, — отозвался бэтмен. — Нешгаи предоставляют мне известную свободу передвижения как поставщику товаров и сведений. Но они не рассказывали мне о своих механизмах и даже не позволили приблизиться хоть к одному из них без сопровождающего.

То-то горем это явилось для Глиха, ухмыльнулся Улисс. Ведь главной целью пребывания бэтмена среди нешгаев наверняка было выведать секреты их технологии.

Их культура содержала множество противоречий. Примитивнейшие вещи уживались в ней бок о бок со сложней-

шими механизмами. Нешгаи использовали луки со стрелами и копья с пластиковыми наконечниками, но не порох. Возможно, порох и был им знаком, но они не производили огнестрельного оружия за неимением металла или пластмассы, способной его заменить.

Гушгоз восседал на заднем сиденье автомобиля, возглавлявшего колонну. Он оторвался от огромного блюда овощей и кувшина молока ровно настолько, чтобы приказать накормить людей и вновь прибывших. Пища состояла по большей части из овощей с небольшой добавкой конины. Как Улисс выяснил впоследствии, лошади применялись и как транспортное средство — они тащили повозки с людьми-рабами или возделывающими землю нешгаями.

Когда с едой было покончено, основную часть отряда Улисса загнали в грузовики, а следом за ними туда поналезли люди-солдаты. Улисс, его вожди, Авина и оба бэтмена сели в машину, следующую за автомобилем Гушгоза. Автомобиль гиганта двинулся по дороге, вымощенной пластиком, куда для вящей прочности были вставлены куски битого кирпича. Улисс наблюдал за водителем, который управлял тормозом и газом с помощью единственной педали под правой ногой. Приборная доска содержала большое количество шкал и циферблатов с различными символами. Улисс не без интереса изучал их, так как это были первые увиденные им здесь признаки письменности. Среди них находились и знакомые ему символы — перевернутая четверка, поваленное набок Н, О, Т и перечеркнутое Z. Но сама простота этих знаков наводила на мысль о возможности их самостоятельного изобретения.

Машины имели ветровые стекла, но с боков были открыты. Поскольку скорость их не превышала двадцати миль в час, ветер не был особой помехой. А взбираясь вверх по крутому склону холма, автомобиль сбросил скорость до десяти миль. Моторы не издавали даже легкого урчания.

Примерно через полтора часа автоколонна выехала на площадь гигантской крепости, и отряд пересел из одних автомобилей в другие. Улисс не понимал, зачем понадобилось менять экипажи, будто они ехали на перекладных. Потом до него дошло, что его догадка о перекладных могла оказаться недалеко от истины. Возможно, природа этих двигателей не механическая или электрическая, а биоло-

гическая. Возможно, нешгаи использовали мускульную силу.

Он присмотрелся к рабу, заливавшему топливо в бак через воронку на боку кузова, и это только усилило его подозрения. Жидкость не походила на бензин или что-то ему подобное. Она была густая, как сироп, и имела явно растительный запах. Пища для живого мотора?

Автоколонна двинулась дальше. Вокруг простирались покатые холмы, поросшие густыми лесами. Кое-где виднелись расчищенные поля и фермы. На полях росли какие-то причудливые растения, и во время очередной остановки Улисс прогулялся к ближайшим посадкам. Никто не пытался его остановить, хотя трое лучников все время держались поблизости.

Тонкие зеленые семифутовые стебли оканчивались чем-то вроде коробочек. Улисс потянул одну к себе, чтобы посмотреть. Стебель с готовностью согнулся, не ломаясь. Улисс запустил пальцы в щель у самого верха мясистой коробочки и раскрыл ее. За слоями нежно-зеленых листьев находилась тонкая хрящевидная пластинка, поверхность которой пересекали толстые и тонкие темные линии. На стыке этих линий торчали маленькие зеленые мясистые бугорки. Улисс попытался представить себе, на что будет похожа созревшая пластинка.

Если только у него не разыгралось воображение, перед Улиссом была еще не вполне созревшая приборная панель.

Гушгоз что-то сказал, и все разошлись по машинам. Улисс глядел на поля со все возрастающим интересом. Через миг он увидел еще один посев, который мог теперь распознать. Или скорее высказать определенную догадку о его природе. Эти низкорослые приземистые растения плодоносили округлыми коробками, обвернутыми листвой. Коробки были четырех футов длиной, трех шириной и двух высотой. Улисс предположил, что это и есть автомобильные моторы. Природа их была не животной, а растительной, и они наверняка отличались высоким содержанием белков.

Улисс обдумывал важность своего открытия, а автоколонна двигалась вдоль многочисленных полей с разнообразными растениями, природу которых он не мог себе даже представить. Они миновали несколько деревенок, состоявших из больших, изящно разукрашенных и разрисованных домов нешгаев и маленьких, убогих, часто некрашенных

человеческих жилищ. Через некоторое время Улисс прекратил размышлять о растительной технологии нешгаев и принялся обдумывать устройство ферм и деревень. На каждого нешгая здесь приходилось около шести людей — примерно около трех взрослых мужчин на одного взрослого нешгая. Но даже высоким и, по всей видимости, сильным нешгаям не управиться каждому с тремя быстроногими противниками, действующими сообща, даже если среди них окажутся и женщины.

Что удерживало людей от восстания? Рабский образ мыслей? Какое-то оружие, которое делало нешгаев непобедимыми? Или люди попросту жили с нешгаями в симбиозе, который приносил им такие преимущества, что они не имели ничего против рабства?

Улисс разглядывал людей-солдат, сидящих лицом к нему. Они были наполовину лысыми. Как мужчины, так и женщины, которых он видел в деревнях, были полулысыми, хотя у детей волосы росли вполне нормально и были кудрявыми, почти курчавыми. Всех людей отличала красивая темно-коричневая кожа, карие или зеленовато-карие глаза и довольно узкие лица с орлиными носами, выступающим подбородком и высокими скулами.

Нечеловеческим в них было только отсутствие мизинца на ногах. Но это можно было отнести на счет эволюции. К тому же всякие демагоги, провидцы и ученые давно предупреждали, что человек утратит мизинец на ногах. И зубы мудрости.

Улисс наклонился к сидящему напротив солдату и обрattился к нему на аирате. Тот поначалу как бы немного опешил и даже встревожился. Улисс повторил свою просьбу медленнее. На сей раз солдат его более или менее понял. Его аирата не вполне походил на то наречие, которым пользовались Глих или Улисс, — это была его родная речь, значительно отклонившаяся от первоначального варианта. Но Глих знал незнакомые им обоим слова и перевел просьбу Улисса.

Вначале солдат, казалось, засомневался. Но Улисс заверил, что не желает ему зла. Солдат обернулся и спросил гиганта на переднем сиденье, стоит ли ему повиноваться. Громадная слоновья голова повернулась, взглянула на Улисса и что-то проговорила. Солдат открыл рот пошире, Улисс

заглянул внутрь и пробежал пальцем по зубам. Зубов мудрости не было и в помине.

Улисс поблагодарил. Нешгай вынул блокнот и что-то записал в нем авторучкой размером с электрический фонарик.

Путешествие продолжалось до поздней ночи. Экипажи менялись пять раз. Под конец они миновали гряду холмов и выехали на плоскогорье, расположенное над самым морем. Город был неплохо освещен фонарями и электрическими лампочками — или чем-то похожим на лампочки, подумал Улисс, хотя они могли быть и живыми организмами. Они крепились на твердые коричневые ящички с живыми растительными батареями или топливными элементами.

Город был окружен стеной и больше всего напоминал Багдад из «Тысячи и одной ночи». Автоколонна проехала ворота, которые закрылись за ними, и направилась к центру города. Здесь Улисс со своим отрядом вышел из машины. Их провели в высокое здание, препроводили вверх по лестнице в громадную комнату, где за ними замкнулись тяжелые двери. Зато там путников ожидала пища, и, поев, они отправились спать.

Авина взбродилась на верхнюю полку, но посреди ночи Улисс проснулся оттого, что она прильнула к нему, дрожа и тихо всхлипывая. Он слегка перепугался, но быстро взял себя в руки и тихо спросил Авину, что она тут делает.

— Я видела страшный сон, — всхлипнула Авина. — Такой страшный, что проснулась. И теперь боюсь заснуть. И даже оставаться одна в постели. И пришла к тебе набраться храбрости и силы. Я поступила плохо, Повелитель?

Он почесал ей между ушами, а потом нежно погладил само ухо, шелковистое, как у котенка.

— Нет, — прошептал Улисс. Он привык, что эти поклоняющиеся ему кошки то и дело дотрагивались до него, чтобы набраться от него божественных качеств. Безвредное суеверие, а им в психологическом отношении на пользу.

Он огляделся. Лампочки, висевшие гроздьями на стенах, горели не так ярко, как поначалу. Однако их света вполне хватало, чтобы разглядеть лежащих поблизости. Вроде бы все спят. И никто не заметил, что Авина пробралась к Улиссу в постель. Не то чтобы кто-то стал возражать. Он уже усвоил, что может делать с ними все, что

заблагорассудится, и никто не станет возражать. Он ведь был их богом, пусть даже и маленьким.

— Что за сон? — спросил он, продолжая гладить Авину. Теперь его пальцы двигались вдоль ее скул вверх, над закругленным влажным носом.

Авина вновь вздрогнула.

— Мне снилось, — прошептала она, — что я сплю здесь, в этой самой комнате. И вдруг входят двое серокожих, выволакивают меня из постели и куда-то тащат. Вниз, вниз, через множество комнат, коридоров и лестниц, в глубокую темницу под городом. Затем они приковывают меня к стене и начинают ужасно мучить. Они вбивают в меня свои бивни, стараются оторвать мне ноги своими хоботами и, наконец, расковыряют, бросают на пол и начинают топтать меня ножищами. И тут дверь распахнулась, и я увидела в соседней комнате тебя. Ты стоял там и обнимал человеческую самку. Она тебя целовала. А когда я закричала и позвала тебя на помощь, ты увидел меня и засмеялся. И тут дверь опять закрылась, и нешгаи снова начали меня топтать, а один и говорит: «Этой ночью Повелитель взял себе в жены человеческую самку!» И я сказала: «Тогда позвольте мне умереть». Но на самом деле я не хотела умирать. Только не вдали от тебя, Повелитель.

Улисс задумался над ее сном. Ему самому Авина снилась достаточно часто, чтобы понять, в чем подсознание старается убедить его, хотя в своих сознательных чувствах он не сомневался. Однако истолковать сон Авины не так-то легко. Если следовать теории Фрейда, что сон выражает неосознанное желание, то она хочет, чтобы Улисс нашел себе пару среди людей. А еще она хочет себя наказать. Но за что? Даже если бы Авина и желала его, подобное желание не могло вызвать у нее чувства вины. Вуфеа стыдились многих желаний — так уж в любой культуре водится, будь она человеческой или нет, — но не этих.

Однако правота Фрейда никем не доказана, да и подсознание потомков кошек (если, конечно, то были кошки) может и отличаться от подсознания потомков обезьян.

Как ни растолковывай ее сон, было очевидно, что ее мучает мысль о человеческой самке. Но ведь Улисс ни разу не давал ей ни малейшего повода думать о нем иначе как о боге. Или думать о себе как о чем-то большем, чем верной его помощнице, даже если она и нравится богу.

— А теперь все в порядке? — спросил Улисс — Как потвоему, ты сможешь заснуть?

Она кивнула.

— Тогда ступай-ка лучше в свою постель.

Авина на мгновение притихла. Ее тело напряглось у него под рукой.

— Хорошо, мой Повелитель, — еле слышно произнесла она. — Я не хотела тебя обидеть.

— А ты меня и не обидела, — возразил Улисс. Он решил, что не скажет больше ни слова. Не то, чего доброго, размякнет и попросит ее остаться. Он ведь и сам нуждается в утешении.

Авина слезла с его койки и по приставной лесенке забралась на свою. Долго еще Улисс лежал с открытыми глазами — а вокруг стонали, вскрикивали, бормотали во сне измученные и уставшие вуфеа, вагарондиты и алканквибы. Что ждет их завтра? Или скорее сегодня, ведь оно уже наступило.

Словно само время укачивало его в своей колыбели. Время. Никто не понимает, что такое время, никто не может объяснить. Время загадочнее самого Бога. Бога хоть понять можно, Бога представляют себе в человеческом обличье. Но еще никто не понял Времени, его сути и происхождения — а оно идет себе да идет.

Время укачивало его в своей колыбели. Младенец десяти миллионов лет от роду! Может, даже миллиардов... Десять миллионов лет. Ни одно живое существо столько не продержится — а для времени, чем бы оно ни было, это сущие пустяки. Пустяки. Улисс продержался — не прожил — десять миллионов лет. Скоро он умрет. А если умрет — *когда умрет*, — он все равно что и не родился никогда. Он бы и не родился, случись у какой-нибудь первобытной самки выкидыш за пару миллионов лет до его рождения. Только и всего. Так зачем ему жить? Ему или кому-то другому...

Улисс попытался вычеркнуть из памяти всю эту череду мыслей. Он жив, а для разумных существ подобные философствования бесполезны — хоть и неизбежны. Даже самые неразвитые из человеческих созданий наверняка задумывались о бренности личной жизни и непостижимости ВРЕМЕНИ. Но заикливаться на подобных мыслях было

неврозом. Жизнь сама по себе уже была ответом, вопросом и ответом, живущими в одной шкуре.

Если бы только заснуть...

Улисс проснулся, когда громадная дверь распахнулась и вошедшие нешгаи затопали ножищами. Он позавтракал, принял душ (его люди от душа воздержались) и соскреб ножом свои реденькие усики. Бриться ему приходилось всего лишь раз в три дня, и отнимала у него эта процедура не более минуты. То ли борода росла плохо из-за индейского происхождения Улисса, то ли по какой-то иной причине.

Улисс не стал надевать свою одежду, слишком грязную и рваную, а отдал ее Авине — выстирать и зашить — и надел принесенный рабом килт, засунул нож в боковой карман, обул новые сандалии и вслед за Гушгозом вышел из комнаты. Остальных не приглашали присоединиться — дверь захлопнулась прямо у них перед носом.

Большое четырехэтажное здание было заполнено барельефами и размалевано не менее ярко, чем снаружи. В просторных переходах было очень много людей-рабов и очень мало солдат. Большинство стражников составляли двенадцатифутовые нешгаи в кожаных шлемах, обернутых ярко-алыми тюрбанами. В руках они держали копья величиной с молодые сосенки и щиты, на которых был изображен «Х» внутри разорванного круга. При виде Гушгоза стражники подтянулись и отдали ему честь, громко стукнув тупыми концами копий в мраморный пол.

Гушгоз провел Улисса через множество залов, поднялся с ним вверх на два пролета по винтовой лестнице с перилами, украшенными изысканной резьбой, и пошел дальше по коридорам, которые заканчивались гигантскими залами с массивной мебелью, усыпанной драгоценными камнями, и раскрашенными статуями, также покрытыми драгоценностями. Там Улисс узрел множество нешгайских самок. Рост их достигал восьми-девяти футов, и у них не было даже намека на бивни. На самках были все те же килты и длинные серьги с самоцветами. Кое-кто пристроил колечки себе в хобот или навел по его бокам татуировку. Груды у них свисали до живота. Как у всех известных Улисса разумных существ, груди у них были полностью развиты независимо от того, выкормила самка детеныша или нет. От них исходил мощный приятный запах, а лица молодых самок были еще и подкрашены.

Наконец они остановились перед резной дверью красного дерева, изукрашенной самыми разными фигурками и символами. Стражники отсалютовали Гушгозу, один из них отпер дверь, и Улисса ввели в комнату величиной с небольшую пещеру, сплошь уставленную книжными полками. Напротив огромного стола с креслом стояли несколько стульев. За столом сидел нештай в очках без оправы и высоким бумажном коническом колпаке со множеством всяких символов.

Это был Шегниф, Великий Визирь.

Минуту спустя офицер ввел в комнату Глиха. Тот скалил зубы — частично он наслаждался тем, что у него развязаны крылья. Но частично он скалился, предвкушая унижение — и, что хуже всего, для Улисса.

Шегниф задал Улиссу несколько вопросов глубоким и густым даже для громкогласных нештаев голосом. Улисс отвечал правдиво, не колеблясь. По большей части гостя спрашивали о его имени, откуда он прибыл, где живут такие, как он, и т. п. Но когда он сказал, что прибыл из другого времени, возможно, десяти миллионов лет назад, что его «разморозил» удар молнии и что он прошел через Дерево, то Шегнифа, казалось, самогохватило ударом молнии. Глиху его реакция явно не понравилась; он перестал ухмыляться и начал топтаться на своих огромных костлявых ступнях.

В течение долгого времени тишину нарушало лишь урчание в брюхе троих нештаев. Наконец Шегниф снял огромные очки и протер их тряпочкой размером с хороший коврик. Потом водрузил их на нос, перегнулся через стол и уставился на сидящего перед ним человека.

— Или ты лжец, — произнес Шегниф, — или шпион Девеа. Или, что тоже не исключено, ты говоришь правду.

Он повернулся к Глиху:

— Скажи-ка мне, крылан, — он говорит правду?

Глих словно усох. Он переводил взгляд с Улисса на Шегнифа и явно пытался решить — объявить Улисса лжецом или сказать, что его рассказ правдив. Бэтмен был бы только рад дискредитировать человека, но если его попытка провалится, он дискредитирует только себя. Может, утрата доверия нештаев грозит ему смертью — иначе почему он весь покрылся потом в такое прохладное утро?

— Ну? — настаивал Шегниф.

У Глиха имелись все преимущества — ведь он был знаком Шегнифу. С другой стороны, Шегниф мог уже начать подозревать Глиха и его сородичей.

Слова о «шпионе Дерева» означали, что Шегниф считает Дерево разумным существом, да вдобавок враждебным. Если так, он должен иметь представление об истинных движущих мотивах Глиха — ведь он должен знать, что крыланы живут на Дереве! Хотя знает ли это Шегниф? Дхулулихи могли сказать ему, что живут по другую сторону Дерева, и он не смог бы их проверить. Во всяком случае, до появления Улисса.

— Не знаю, лжет он или нет, — заявил Глих. — Он сказал мне, что был Каменным Богом и ожил, — но как он оживал, я не видел.

— А видел ли ты Каменного Бога вуфеа?

— Да.

— А видел ли ты Каменного Бога после появления этого человека?

— Нет, — признал Глих после минутного колебания. — Но я не заглядывал в храм, чтобы проверить, там он или нет. Я поверил ему на слово, хотя не стоило бы.

— Я могу расспросить о нем кошачий народ. Они-то уж знают наверняка, Каменный Бог он или нет, — заметил Шегниф. — А так как они считают его воскресшим Каменным Богом, мне что-то не верится, что они объявят его слова ложью. Будем считать, что он говорит правду.

— Так выходит, он и в самом деле бог? — спросил Глих, не в силах скрыть презрения.

— Есть только один бог, — возгласил Шегниф, не отводя глаз от Глиха. — Единственный. Или ты посмеешь отрицать это? Живущие на дереве говорят, что Дерево — единственный бог. А ты что скажешь?

— О, я согласен, существует только один бог, — торопливо ответил Глих.

— И это — Неш, — сказал Шегниф. — Верно?

— Воистину Неш — единственный бог нешгаев, — произнес Глих.

— Это не то же самое, что сказать, что существует только один истинный бог — бог нешгаев, — произнес Шегниф и рассмеялся, продемонстрировав пасть с белесыми деснами и четырьмя коренными зубами.

Потом он поднял большой стакан воды, в котором торчала стеклянная трубка, и принялся посасывать через нее воду. Улисс удивился: он уже видел, как нешгаи втягивают воду хоботом и потом выпускают ее в рот. Но тут он впервые увидел, как один из нешгаев пьет через соломинку. Впоследствии ему случалось видеть, как они пьют прямо из стакана с узким носиком, приделанным специально, что-бы можно было поднести его к губам, минуя бивни.

— Это неважно, — изрек Шегниф, поставив стакан на место. — Мы не требуем, чтобы кто-то помимо нешгаев поклонялся Нешу: ведь его заботит поклонение только его сыновей и он отказался бы от поклонения посторонних*. Я нахожу, Глих, что ты слишком изворотлив. В будущем высказывайся прямее. А выкрутасы оставь нам — неуклюжим тугодумам нешгаям!

Он вновь усмехнулся. Улисс подумал, что Великий Визирь начинает ему нравиться.

Шегниф расспросил Улисса поподробнее. Наконец он разрешил ему и Глиху сесть, и офицеры заботливо усадили их в кресла. Улисс примостился на краешке, ноги его болтались. Но он хотя бы не выглядел таким маленьким и жалким, как Глих, который казался крохотной птичкой, сидящей у входа в громадную пещеру.

Шегниф сложил вместе кончики бананоподобных пальцев и нахмурился, насколько вообще лишенное бровей создание способно это проделать.

— Я изумлен, — возвестил он. — Так ты и есть живой источник тех мифов, которые зародились неисчислимые тысячелетия тому назад. Хотя мне не следовало бы называть их мифами — ведь твоя история кажется правдивой. Вуфеа нашли тебя на дне озера, которое существовало много тысячелетий назад. Нет сомнений, что они нашли каменную статую, похожую на тебя. Даже увертливый крылан признал это. Но знаешь ли ты, что побывал под землей не один раз, пока тебя нашли вуфеа? И множество раз тебя крали, теряли, находили?

* Черта, свойственная Ганеше, — здесь автор выказывает верность первоисточникам. Ганеша интересуется исключительно своими подопечными. Человек, не являющийся актером, поэтом, певцом и т. д., может поклоняться Ганеше всю жизнь, но его дары не будут приняты, а его молитвы — услышаны

Улисс покачал головой.

— Ты был богом, или средоточием, нескольких религий, — сообщил Великий Визирь. — Ты был богом то в одной, то в другой маленькой примитивной деревеньке самых разных племен и сидел, окаменелый, на своем троне, пока деревушка превращалась в метрополию, в столицу высокоразвитой империи. И продолжал сидеть, пока империя разваливалась, цивилизация гибла и в руинах вокруг тебя оставались лишь совы да ящерицы.

— Я Озимандия, великий царь царей*, — пробормотал Улисс по-английски. И впервые звучание английских слов показалось ему чуждым.

— Что? — переспросил Шегниф, глядя на него поверх нацепленных на хобот очков.

— Я просто говорил сам с собой на языке, который мертв вот уже миллионы лет, ваше визирство, — ответил Улисс.

— Вот как? — воскликнул Шегниф, и его зеленоватые глазки заблестели. — Наши ученые обязательно должны его записать. Собственно, в ближайшее время ты будешь очень занят. Ученые уже прослышали о тебе и теперь не в силах сдержать любопытства.

— Это интересно, — отмахнулся Улисс. Не оставаться же ему, в самом деле, подопытным кроликом для нешгаев. — Но из меня можно извлечь больше проку, чем рассказы о прошлом. Я определенно могу пригодиться в настоящем и в будущем. Я могу оказаться ключом к выживанию нешгаев.

Глих как-то странно посмотрел на него.

— Нашего выживания? — воздел хобот Шегниф. — Да неужто? Объясни подробнее!

— Я предпочел бы говорить в отсутствие дхулулихов.

— Ваше визирство, — заверещал Глих, — я протестую! Я молчал, как вы и повелели, пока этот человек рассказывал свои байки о вымышленных похождениях на Дереве! Но больше не могу молчать! Это слишком серьезно! Он приписывает нам, дхулулихам, чудовищные замыслы, а ведь мы всего-навсего хотим жить в мире со всеми и выгодно торговать!

* Цитата из стихотворения великого английского поэта XIX в. П. Б. Шелли «Озимандия», говорящего о бренности всех свершений, приведена в переводе К. Бальмонта.

— Но приговор еще не огласили, — оборвал его Шегниф. — Мы выслушаем всех, включая твоего дружка Хиукса. Собственно, некоторых допрашивают уже сейчас, и я прочту протоколы допросов сегодня же. Кстати, крылан, тебя, возможно, заинтересует, что в наших архивах хранятся записи, из которых ясно, что Каменный Бог побывал и здесь. И он определенно похож на Каменного Бога. И так же определенно не похож на наших людей. Ты ведь заметил, я полагаю, что у него на голове целая шапка прямых волос, а на ногах по пять пальцев?

— Но я не говорил, что он раб или врумау, ваше визирство, — возразил Глих.

— Тем лучше для тебя, — сказал Шегниф.

Он произнес что-то в оранжевый ящичек, и большие двери распахнулись. Уж не радио ли это, подумал Улисс. В городе он не заметил никаких антенн, но ведь дело было ночью.

— Мы продолжим беседу завтра утром, — объявил Шегниф, поднимаясь. — Мне предстоит заняться более неотложными делами. Хотя, если ты можешь доказать, что ты и впрямь ключ к нашему выживанию, я выслушаю каждое твое слово. Я могу побеседовать с тобой отдельно сегодня вечером. Но мое время очень дорого — не отнимай его понапрасну.

— Я поговорю с вами вечером, — кивнул Улисс.

— Так мне даже защищаться не позволяют? — возопил Глих.

— Позволят сколько угодно, — ответил Шегниф, — сам ведь знаешь. И не задавай больше дурацких вопросов. Сказано тебе было — я занят.

Улисса препроводили обратно, а Глиха повели в какую-то другую комнату, где, вероятно, содержался и Хиукс. Допросная команда, состоявшая из нешгаев и людей, покинула помещение как раз к приходу Улисса.

— Все в порядке, Повелитель? — кинулась к нему Авина.

— Мы во власти далеко не глупых созданий, — ответил Улисс, — и я надеюсь, что они станут нашими союзниками.

У них не отняли ящиков с бомбами. Собственно, им оставили все оружие. Даже если нешгаи оставили им оружие из одного презрения, Улисс со своим отрядом способен

доказать им, как они заблуждаются. Одной бомбы хватит, чтобы разнести в клочья запертую дверь, а еще несколько могут убить и оглушить достаточно хоботяр, чтобы проложить отряду путь в гавань. А там они смогут захватить галеру — ведь ею сравнительно легко управлять. А если им захочется уплыть подальше, можно захватить парусное судно — их в гавани полным-полно. И они наверняка, как подозревал Улисс, оснащены добавочными растительными двигателями.

Но делать этого не стоит, разве что в безвыходном положении. Если нешгаи надумают убить пришельцев или обратить в рабство, то наверняка отберут у них оружие. А Улисс прикажет своим воинам сопротивляться, если им прикажут сдать оружие. И расскажет им свой план побега, если придется.

А сам он тем временем попытается наладить контакт с нешгаями. Он нужен им, как и они ему. У него были знания и энергия, а у них — сырье и работники. Вместе они могли одолеть Дерево. Или крыланов, которые, как он считал, правили от имени Дерева.

Вечером за Улиссом пришел офицер, назвавшийся Таршкратом. Следуя за развешивающимся плащом гиганта, Улисс отправился в кабинет Шегнифа. Великий Визирь предложил гостю сесть и порекомендовал ему темную, похожую на вино жидкость. Тот поблагодарил, но от обильного питья воздержался: у него и от одного глотка в голове зашумело.

Шегниф набрал жидкость хоботом и отправил ее в рот. По щекам у него покатались слезы — не то от боли, не то от удовольствия. В каменном сосуде перед ним находилось не меньше двух галлонов этого зелья, но больше пить он не стал. Только делал вид. Слушая речь Улисса, он часто окунал свой хобот в каменный сосуд. Но с тем же успехом он мог просто помешивать напиток хоботом.

Наконец движением руки Шегниф прервал Улисса.

— Так ты полагаешь, что Дерево не является разумным существом? — проревел он.

— Полагаю, нет, — ответил Улисс. — Но думаю, что дхулулихи хотят, чтобы все верили этому.

— Должно быть, ты искренне веришь в то, что говоришь, — прогремел Великий Визирь. — Но я знаю, что ты

ошибаешься. Я знаю, что Дерево — единое разумное существо.

Улисс выпрямился еще сильнее.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

— Об этом нам поведала Книга Тиснака, — сказал Шегниф. — Собственно, поведала кому-то из нас. Я не мог прочитать всю книгу, только несколько мест. Но я верю тем, кто утверждает, что читал о Дереве.

— Я не понимаю, о чем вы толкуете.

— А я и не ожидал, что ты поймешь. Но скоро ты все узнаешь. Я об этом позабочусь.

— Разумно Дерево или нет, но оно растет, — напомнил Улисс. — При теперешних темпах оно покроет эти земли за пятьдесят лет. А куда потом денутся нешгаи?

— Похоже, Дереву трудно расти поблизости от побережья, — сказал Великий Визирь. — Иначе оно поглотило бы нас давным-давно. Оно растет на север и, очевидно, заполнит всю территорию к северу, за исключением берега. Мы не самого Дерева опасаемся. Мы боимся народов Дерева. Дерево науськивает их против нас, и его не остановить, пока оно не истребит нас или не заставит жить с ним.

— Вы действительно в это верите? — изумился Улисс.

— Я это знаю!

— А как же дхулулихи?

— Пока ты не сообщил мне, я и не знал, что они живут с Деревом. Они всегда утверждали, что прилетают с севера. Если твой рассказ правдив, они — наши враги. Можно сказать, «глаза» Дерева. А прочие народы, вроде вигнумов, — это «руки» Дерева.

— Если Дерево — разумное существо, — гнул свое Улисс, — у него должен быть мозг. А если этот мозг найти, его можно уничтожить. Если же Дерево — безмозглое растение, которым управляют дхулулихи, можно найти и уничтожить дхулулихов.

Некоторое время Шегниф размышлял. Потом посмотрел на Улисса поверх бокала и отхлебнул немного. До чего же странно, подумалось Улиссу, сидеть в великанском кресле и беседовать с потомком слонов. Беседовать о крылатых человечках и о том, имеет растение один мозг или много.

Шегниф закинул хобот вверх и назад и почесал раздвоенным кончиком затылок.

— Но как уничтожение центрального мозга Дерева или убийство всех дхулулихов остановит рост Дерева? — спросил он.

— Уничтожить мозг зверя — значит убить его, — сказал Улисс. — Если то же самое верно и для высокоорганизованного растения, то можно считать, что Дерево погибнет. И у нешгаев хватит топлива на много тысячелетий, — добавил он.

Нешгай даже не улыбнулся. Возможно, нешгайское чувство юмора отличалось от человеческого.

— Но если Дерево и выживет, хотя мозг уничтожен, оно хотя бы не сможет приказывать своим народам нападать на вас. Это сплошь дикари, и относительно малочисленные, которые давно передрались бы между собой, если бы Дерево — или дхулулихи — не воспрепятствовали. А если Дерево для дхулулихов — только предлог, чтобы управлять остальными, тогда уничтожение дхулулихов дезорганизует народы Дерева. А тогда можно заняться и самим Деревом. Я бы его отравил.

— Понадобится слишком много яда, — заметил Шегниф.

— А я хорошо разбираюсь в ядах.

Шегниф наморщил кожу там, где полагалось бы находиться бровям.

— Да неужто? Ладно, не говоря уже о ядах — как можно обнаружить дхулулихов? Или напасть на них? Все преимущества на их стороне.

Улисс объяснил, как он думает это сделать. Распинался больше часа. В конце концов Шегниф сказал, что с него хватит. Предложи эту идею кто другой, он отверг бы ее без колебаний. Но Улисс заверил его, что подобные устройства были когда-то во всеобщем обиходе, так что сомневаться в них незачем. Он обдумает это предложение.

Улисс покинул Великого Визира чуть навеселе. Настроен он был оптимистично, хоть и понимал, что Шегниф наверняка побеседует еще раз с бэтменами, и как они повлияют на него, предугадать невозможно.

Сопровождающий офицер отвел его в отдельные апартаменты. Улисс спросил, зачем его отделили от его людей.

— Не знаю, — ответил офицер. — Я получил приказ, а он гласит, что тебя следует поселить здесь.

— Я предпочел бы остаться с моими людьми.

— Несомненно, — сказал офицер, глядя на него вдоль своего неуклюжего хобота, вытянутого под углом в сорок пять градусов к плоскости лица. — Но мой приказ утверждает обратное. Однако я могу передать твою просьбу начальству.

Апартаменты создавались для нешгаев, а не для людей. Мебель была громадной и для Улисса неудобной. Зато одиночество ему не грозит. Ему будут прислуживать две человеческие самки.

— Я не нуждаюсь в услугах рабов, — возразил Улисс. — Я и сам могу о себе позаботиться.

— Несомненно, — кивнул офицер. — Я передам, что ты предпочел бы остаться один.

«Как бы не так, — подумал Улисс. — Рабыни приставлены ко мне не только для услуг. Они еще и соглядатаи».

Нешгай задержался в дверях, положив руку на круглую ручку.

— Если тебе понадобится что-нибудь, чего не смогут дать тебе женщины, говорить об этом нужно в коробку на столе. Стража снаружи откликнется.

Он открыл дверь, отсалютовал прикосновением правого указательного пальца к кончику поднятого хобота и закрыл дверь за собой. Громко лязгнул дверной засов.

Улисс попросил женщин назвать свои имена. Одну звали Лаша, вторую Феби. Обе были молоды и привлекательны, если закрыть глаза на полулысые головы и сильно выступающие подбородки. Лаша была тоненькой, с маленькими грудями, но грациозной, и ее бедра приятно покачивались. Полногрудая Феби была пухленькой, почти толстой. Глаза у нее были зеленые, и она часто улыбалась. Она очень напоминала Улиссу его жену. Возможно, она и была дальним потомком его жены — а значит, и его собственным — ведь у них с женой было трое детей. Но ее сходство с Кларой могло быть разве что случайным совпадением — не могли же сохраниться в неприкосновенности гены столь дальнего предка.

Густые темные, почти курчавые волосы Лаши и Феби начинали расти от макушки, ниспадали до талии и были украшены маленькими фигурками, колечками и множеством разноцветных ленточек. В ушах женщин позвякивали серьги, пухлые губы были накрашены, а глаза подведены

голубой краской. На шее женщины носили бусы из разноцветных камешков, а животы украшала роспись — как они объяснили, то был знак их хозяина, Шегнифа.

На женщинах красовались ярко-красные килты с зелеными пятиугольниками. Узкие черные полосы сбегали по обеим сторонам их ног и заканчивались кольцами вокруг лодыжек. Сандалии были позолоченными.

Женщины проводили Улисса в ванную, где всем троим пришлось вскарабкаться по деревянной стремянке, предусмотрительно оставленной дворецким. Улисс уселся в тазик, где нешгаи обычно мыли руки, а обе женщины устроились по краям «ванны» и вымыли его.

Потом Феби заказала для него еду и темный напиток — на языке аирата он назывался «амуса». Улисс влез по стремянке в постель и уснул, а женщины свернулись калачиком на полу, подстелив одеяло.

Утром после завтрака он открыл коробку на столе и осмотрел содержимое. В коробке лежали жестковатые листья, напоминающие печатные микросхемы. Остальная часть оборудования была твердой на ощупь, хотя и не металлической. Она выглядела живой и питалась из ящичка с помощью трех переходников. Должно быть, это питательный отсек. И никаких переключателей. Вероятно, растением управлял какой-то биологический механизм, который рефлекторно действовал то как приемник, то как передатчик, реагируя на произнесенные вслух команды.

Обследовав переговорник, Улисс принялся расспрашивать женщин. Несомненно, они — соглядатаи, но ведь и он может получить от них кое-какие сведения. Отвечали обе довольно охотно. Да, они рабыни и происходят из рода рабов. Да, они знают о покорении врумау. Точнее, части врумау. Некоторые сдались без боя, соблазнившись посулами нешгаев. Другим пришлось покориться, когда превосходящие силы нешгаев наводнили их земли. Потом врумау перевезли или пригнали на границы территории нешгаев, где и оставили вместе с семьями в качестве местного гарнизона. Им полагается защищать нешгаев от вторжений народов Деревя. Это свободные поселенцы, вот только свобода передвижения у них ограниченная. Они мало общаются с рабами. Феби хотя и не сказала впрямую, что общение между рабами и пограничными гарнизонами куда теснее, чем известно нешгаям, но дала понять, что так и есть.

О настроениях рабов Феби распространялась не столь охотно. Наконец до Улисса дошло, что она весьма далека от искренности. Возможно, боится, что Улисс донесет на нее хозяевам. А может быть, эти покои прослушиваются. Улисс осмотрел комнату в поисках прослушивающих устройств и не обнаружил ни одного. Но он ведь не знаком с живым оборудованием — может, он их и видел, да не сумел опознать.

Причем Феби могла и не знать ничего о недовольстве среди рабов, равно как и об его отсутствии. Возможно, она вообще была изолирована от жизни за пределами дворца. Хотя вряд ли — слишком уж много она знала о том, что творится на границе. Правда, все это она могла узнать, наслушавшись нешгаев.

Улиссу предстояло выяснить самостоятельно, счастливы ли рабы. Не то чтобы он вынашивал планы поднять мятеж среди рабов или присоединиться к уже существующему подполью. В рабство он не верил, но и не собирался беспричинно менять существующий порядок вещей. Теперь, когда он нашел людей, его основная цель — борьба с Деревом.

А тут еще поиски подруги жизни, которая могла бы стать подходящей спутницей и матерью его детей. Генный набор этих людей отличался от его собственного, но Улисс надеялся, что они все же не относятся к различным видам. Хотя, если ему удастся завести детей, он не сможет узнать, не стерильны ли они, пока они не подрастут*.

Утро было в самом разгаре, когда Улисса призвали в кабинет Шегнифа. Великий Визирь не стал тратить попусту время на приветствия.

— Оба дхулулиха удрали. Улетели, как птицы из клетки!

— Должно быть, они решили, что вы мне поверите, — заметил Улисс. — Они поняли, что правда рано или поздно обнаружится.

Сам он в это не верил, но решил, что было бы неплохо убедить в этом Шегнифа.

* При межвидовой или отдаленной гибридизации потомки очень часто оказываются бесплодными. Это скорее правило, чем исключение, хотя плодотворное потомство возможно и в этом случае — например, при скрещивании различных видов ив, яблук, и т. д.

— Офицер охраны открыл дверь, чтобы войти, а они вылетели прежде, чем он сумел их схватить. Они куда проворнее нас. Они пролетели через зал: там им хватило места, чтобы распахнуть крылья. Им повезло: в зале никого не оказалось. Они вылетели в окно — к несчастью, на нем не было решеток. А теперь мне придется объяснять шаугрозу причины этого побега.

Слово «шаугроз» означало — «правитель», «король», «султан», «верховный владыка». А дословно — Самый Длинный Нос. Нынешний шаугроз звался Зигбруз IV, и ему оставалось еще два года до совершеннолетия. Так что реальным правителем был Шегниф, хотя он мог быть смещен в любой момент, стоило только Зигбрузу захотеть избавиться от него. Правда, подросток был очень привязан к Шегнифу. И имел вескую причину не желать отставки Великого Визиря. По словам Феби, иногда случались дворцовые перевороты, когда великие визири вырезали правящее семейство и основывали собственную династию. Случалось это нечасто, поскольку нешгаи были более уравновешенны и менее агрессивны, чем люди. Но даже одного прецедента достаточно, чтобы правитель хорошенько призадумался, прежде чем смещать визиря. Особенно если учесть, что племянник Шегнифа был армейским генералом и владел многочисленными фермами, рабами и торговыми кораблями.

— А причина в том, — подхватил Улисс, — что дхулулихи знали, что я собираюсь сделать. И для них само собой разумелось, что вы со мной согласитесь. А это значит, что они нападут раньше, чем мы успеем осуществить мой план. Примете вы мои предложения или нет, они все равно нападут — они-то считают, что примете. Так что единственный способ противостоять неизбежному нападению — это действительно принять мой совет.

— Не будь так самоуверен, — отрезал Шегниф. — Может, тебе и кажется, что ты поймал меня за нос, но я могу рассудить иначе. Мы — древний народ. Единственный народ с высокоразвитой наукой и технологией. И нам не обязательно полагаться на коротконосых штукарей, чтобы одержать победу.

Улисс не стал прерывать его. Шегниф расстроен, а возможно, и напуган побегом обоих крыланов и его последствиями. Он прекрасно знает, что нуждается в том, что Улисс

может ему предложить, — но ведь ему надо поразглагольствовать, подхлестнуть собственную храбрость и исцелить рану, нанесенную его представлениям о всемогуществе нешгаев. Пусть краснобайствует и распинается сколько угодно — ведь потом он сядет вдвоем с Улиссом и обсудит, как теперь быть. Спустя минут пятнадцать, когда дыхание и воображение Шегнифа иссякли, он так и поступил.

Наступила долгая тишина. Потом Шегниф улыбнулся, воздев свой хобот так, что Улисс мог сполна насладиться его улыбкой.

— Однако, — произнес он, — обсудить твои предложения не повредит. Надо быть реалистами. А ты происходишь из народа, куда более древнего, чем нешгаи, хотя я не желал бы, чтобы ты сказал это нашим рабам. Или даже нешгаям, если на то пошло.

Шегниф явно не жаждал изготавливать порох, ибо не хотел, чтобы о нем прознали люди, будь то рабы или свободные поселенцы.

А значит, рабы не были довольны своей участью и, возможно, когда-то уже восставали. А может, они и были довольны судьбой, да только Шегниф достаточно хорошо разбирался в человеческой натуре и понимал, что они постараются взять верх при первом удобном случае — и неважно, что им не на что пожаловаться.

Улисс предложил контролировать производство пороха. Шегнифу понравилась идея секретных заводов, где порох будут производить только нешгаи. Улисс не возражал, ведь получить порох как можно скорее было жизненно необходимо. Да и скрыть так называемый секрет не удастся. Производящие порох нешгаи хоть раз да обмолвятся, а чуткие уши рабов их услышат. А если нет, Улисс и сам может шепнуть словечко. Людям достаточно знать, что уголь, серу и селитру нужно смешать в определенной пропорции. А стоит «секрету» выйти наружу, и его уже никогда не забудут. Никогда? Неверное определение. Человеку, который пережил десять миллионов лет, не следует бросаться подобными словами. Скажем так — прежде чем люди забудут секрет, пройдет очень много времени.

Потом Улисс поведал, как строить дирижабли. Это требовало больше сырья и снаровки, чем порох. Шегниф нахмурился и сказал, что кое-какие ограничения снимет, но ради собственной безопасности Улисса и по причинам

государственной безопасности не позволит ему шнырять, где вздумается.

Ясно было, что Шегниф не понимает, куда клонит Улисс, — или не хочет понять. Шегниф собирался направить первый удар воздушного флота против вигнумов. Собственно говоря, он предпочел бы использовать флот лишь по периметру Деревя. Там он не подвергнется нападению крыланов и сможет наблюдать за передвижениями врагов возле границы.

Улисса раздражали эти робость и недалёковидность. Однако нешгаи — не единственный народ, страдающий этими недостатками, напомнил он себе. Сначала ему следует подготовить оружие, авиацию и войско, а уж потом позаботиться об их назначении.

Но тут собеседники столкнулись с новым затруднением. Шегнифа не радовало, что экипаж дирижаблей должен состоять в основном из людей. Он предпочел бы, чтоб на борту было побольше нешгаев.

— Но здесь дело в весе, — убеждал его Улисс. — Чем больше нешгаев на корабле, тем меньше топлива и бомб. Вы снизите радиус действия и боевую мощь.

— Это несущественно, если дирижабли действуют у края Деревя. Они находятся вблизи базы и для компенсации могут совершить больше полетов. Тут трудностей не возникнет.

Встретившись на завтра с Авиной, Улисс почувствовал себя виноватым — но и счастливым. Хотя с чего бы это ему чувствовать себя виновным? В конце концов, Лаша и Феби — люди, а не мохнатые хвостатые кривоногие создания с зубами хищников и кошачьими глазами. Улисс вправе делать, что ему вздумается, и он очень привязался к Феби.

И все же при виде Авины он вспыхнул от чувства вины. А заговорив с ней минуту спустя, испытал такую радость, что сердце его заколотилось в груди до боли.

Это было не то чувство, которое его современники называли влюбленностью. Никакая это не любовь, и Улисс даже не помышляет о физической близости с Авиной. Но он так привык к ней, к ее манере говорить и ухаживать за ним, так рад ее обществу, что полюбил ее. Полюбил как сестру. Ну, не совсем как сестру. В его отношении к ней крылось нечто большее. На самом деле его чувство к ней

еще не определилось. А возможно, сказал себе Улисс в приступе искренности, лучше бы ему и не определяться.

Но если не вдаваться в определения, она принесла Улиссу больше счастья, чем кто-либо другой после его «пробуждения». А возможно, и до него.

В ее чувствах сомневаться не приходилось. Когда Авина увидела обеих женщин, глаза ее широко раскрылись, а черные губы изогнулись, обнажив острые зубы. Хвост выгнулся. Она замедлила шаг, а потом взглянула на Улисса и улыбнулась, но улыбка ее тотчас исчезла. И когда она подошла ближе, он смог прочесть выражение ее лица под черной маской бархатистого меха. Она была сильно разгневана.

Улисс понимал ее возмущение, но мириться с ним не собирался. Авине придется взглянуть правде в глаза. А если нет, им придется расстаться. Этого Улисс не хотел. Ему было бы грустно отослать ее прочь. Чудовищно грустно, но он перенесет это, а потом печаль забудется. Лучше чем кто-либо он сознавал, что может сделать время.

Но это ему совсем не помогло.

Авина не пыталась скрыть свои намерения, хотя и подавила явное желание вцепиться Улиссу в глотку.

— Как хорошо снова быть рядом с тобой, Повелитель! У тебя снова есть твоя преданная помощница и почитательница, да притом *не рабыня*.

Она говорила на аирате — наверняка чтобы обе женщины ее поняли.

— Хорошо, что ты опять со мной, — серьезно ответил Улисс и вздрогнул при мысли о том, какую боль причинит ей, когда скажет, что теперь ей предстоит спать в отдельной комнате. Паршивый он бог. Бог должен быть превыше чувств простых смертных.

Сознавая свою трусость и ненавидя себя за это, Улисс отложил это сообщение. Чтобы смягчить угрызения совести, он заверил себя, что сейчас его занимают более важные вопросы. Но он понимал, что попросту лжет самому себе.

Авина пошла на совещание вместе с ним, а обе женщины остались в комнате. Авина умна и сможет объяснить потом остальным, что происходит. Поначалу их будет снедать беспокойство и разочарование, поскольку в планах Улисса для них нет места. Им не хватает знаний и умений,

необходимых на этой стадии войны против Дерева и его прислужников. Но он им все объяснит и скажет, что придет время, когда они очень даже пригодятся. При нападении на дхулулихов три группы кошачьих принесут внутри Дерева больше пользы, чем все толстокожие и человекообразные, вместе взятые. Они проворнее и лучше знают Дерево.

Дни и ночи были заполнены трудами — хотя и не настолько, как хотелось бы Улиссу. Нешгаи были так похожи на слонов, что казались выше таких чисто человеческих черт, как мелочность, завистливость, подозрительность, жажда престижа, денег и положения, жадность и просто глупость. К сожалению, они только казались выше этого. Правда, эти черты проявлялись в них не так сильно, как в людях. Но только оттого, что нешгаи были медлительнее. События развивались со скоростью больной черепахи. Или отошавшего слона. Половина времени Улисса уходила на разбор административных склок, утешение оскорбленного самолюбия, прошения о субсидиях или бредовые проекты использования дирижаблей, на выяснения, куда подевалось сырье и где необходимые ему работники.

Улисс жаловался Шегнифу, а тот лишь плечами пожимал да хоботом помахивал.

— Такова система, — отвечал Шегниф. — И я не в силах ничего поделать. Я могу пригрозить отрубить несколько хоботов или даже голов. Но если искать виновных и привлекать их к суду, времени уйдет еще больше. Ты угрозишь не один день, свидетельствуя в судах, вместо того чтобы потратить его на свои проекты. Наша судебная процедура чересчур медлительна. Как гласит пословица: «Отрезав голову, обратно не приставишь». Мы, нешгаи, всегда помним, что Неш, первый из нас, был богом справедливости. Нельзя оказаться слишком осторожным там, где речь идет о том, чтобы избежать ошибок.

Улисс решил схитрить.

— Разведчики на границах сообщают, что на ветках с края Дерева собралось много вигнумов и глассимов. Их нужно атаковать как можно быстрее. Неужели вы думаете, что ради справедливости надо подождать, пока они не нападут первыми? Или вы предложите им выбирать место и время?

— Ты хочешь сказать, — ухмыльнулся Шегниф, — что если мы замешкаемся с новым оружием и кораблями, то нам нанесут серьезный урон? Возможно, ты и прав, но я никак не могу ускорить строительство. Или снизить затраты. И не спорь со мной!

Обращаться было больше не к кому. Любая апелляция к правителю, Зигбрузу IV, должна сначала пройти через Шегнифа. А если даже тот и пропустит жалобу, вряд ли Зигбруз станет пренебрегать советом Визира. Особенно если жалоба исходит от чужака.

Улисс подозревал, что Шегниф собирается избавиться от него после того, как будут сделаны корабли и порох, а техника навигации будет полностью изучена и освоена. В конце концов, он — человек, и у него нет причин хранить нешгаем верность. Вполне возможно, что Шегниф подозревал в нем агента Дерева. Улисса могли послать шпионом на землю, чтобы подговаривать рабов к восстанию и соблазнить нешгаев построить воздушный флот, дабы обратить его против самих же нешгаев.

Улисс признавал, что на месте Шегнифа учел бы такую возможность. И соблазнился бы идеей отправить чужака в темницу, как только его труд будет в основном закончен.

Ему оставалось лишь надеяться, что Шегниф понимает — Улисс еще долго будет ему нужен. Должен же Шегниф знать, что, если нешгаи не убьют Дерево, оно не оставит их в покое.

А тем временем началось производство черного пороха, бомб и ракет. Предварительные приготовления серной кислоты и добыча цинка, реагируя с которым кислота выделяла водород, подходили к концу. Железо, которое могло сослужить ту же службу, напрочь отсутствовало даже в минимальных дозах. Ну, не совсем, конечно, — в горных породах его хватало. Но, чтобы добыть его, потребовались бы чудовищные затраты сил и времени, а Шегниф не мог этого позволить. Улисс снарядил команду на поиски цинка и через десять дней нашел его в форме сфалерита. Эта серо-содержащая руда спекалась до получения оксида, который потом смешивали с прессованным древесным углем и нагревали до температуры тысячи двухсот градусов Цельсия (или шестисот *гренгзинов*). Парообразный цинк конденсировался снаружи реактора, а потом отливался в блоки. Применяя низкотемпературный процесс, сульфид переводили

в сульфат и разводили водой. Чистый цинк выделяли потом электролизом с помощью растительных батарей.

Оболочку дирижаблей делали из внутренней кожицы растений, которые шли на двигатели. Она была чрезвычайно легкой, прочной и эластичной: сшивая их по пятьдесят, можно было получить изрядноеместилище для водорода.

Главной проблемой оставался двигатель. Не хватало железа даже на один мотор, и не было никакого намека на бокситы, чтобы получить алюминий или какие-нибудь подходящие металлы. Единственной тягловой силой оставался растительный мускульный мотор, применявшийся для привода автомобилей, грузовиков и кораблей. Вначале Улисс попытался использовать воду на манер примитивного реактивного механизма в наземных двигателях, но они не могли вращать пропеллер достаточно долго и достаточно быстро. Он поэкспериментировал с реактивными двигателями на морских кораблях, которые забирали и выпускали воду на манер осьминога. Однако в воздухе они оказались не столь эффективны.

Решение проблемы предложил человек по имени Фабум, надсмотрщик с плантации моторов. Он послал Улиссу официальный запрос. Бумага затерялась где-то в административных джунглях, которые разрослись вокруг зародыша воздушных сил. Фабум устал дожидаться ответа и добился от своего непосредственного начальника-нешгая позволения на самостоятельный эксперимент. Фабум объединил два автомобильных мотора в гондолу и срастил мускульные выводы обоих моторов вместе. В результате исходная энергия не удвоилась, а утроилась. Четыре таких гондолы с восемью моторами могли, вращая пропеллеры, сообщить дирижаблю скорость в двадцать пять миль в час при спокойном воздухе.

Босс Фабума отправился прямо к Улиссу (что вызвало позже некоторые нарекания) и рассказал ему, что придумал подчиненный. Фабуму еще повезло, что начальник не попытался приписать честь открытия себе — но ведь бывают же на свете и честные, благородные нешгаи.

Конечно, увеличение количества моторов потребовало больше топлива, а это, в свою очередь, увеличило вес. Но путешествие к основному городу дхулулихов, по прикидкам Улисса, должен был облегчить попутный ветер. А вот

возвращение — совсем иное дело. Если придется бросить дирижабли и возвращаться пешком — что ж, да будет так.

Услышав последние донесения, Шегниф остался доволен. Он даровал Фабуму свободу — на деле это означало, что Фабум по-прежнему остается рабом. Но теперь он может иметь жилье получше и зарабатывать побольше — если, конечно, его наниматель сочтет должным платить ему больше. И ему не придется просить позволения, чтобы покинуть места проживания.

Великого Визиря совершенно не заботило ограничение дальности и скорости дирижаблей. Он собирался использовать их только на периметре Деревя, вблизи нешгайской границы.

Через три недели первый дирижабль совершил пробный полет. День выдался солнечный, скорость ветра составляла лишь около шести миль в час. Корабль сделал несколько кругов вокруг дворца, чтобы его население могло лицезреть дирижабль. Через час, на обратном пути в ангар, дирижабль сбросил двадцать тридцатифунтовых бомб на служивший мишенью старый дом. Только одна бомба упала точно в цель, но этого было достаточно, чтобы разнести его на куски. И Улисс заверил Шегнифа, что по мере тренировок меткость возрастет.

Пока экипажи проходили базовую подготовку, было построено еще девять дирижаблей. Улисс опять пожаловался на избыток офицеров-нешгаев и соответствующее снижение радиуса действия и огневой мощи. Шегниф сказал, что это не имеет значения.

Разведчики все чаще сообщали о скоплении гигантских медведоидов и леопардоидов и участвовавших столкновениях между пограничными патрулями и отдельными группками врага. Улисс не понимал, почему они до сих пор не предприняли большой широкомасштабный рейд. У них, конечно, было недостаточно войск, чтобы продвинуться на нешгайскую территорию и предпринять внезапную атаку. Более того, чтобы заключить мир между этими вечно враждующими группами и обеспечить их пищей, потребовалась бы очень мощная организация. Поскольку ни одно из племен не выглядело достаточно сообразительным, чтобы до этого додуматься, Улисс подозревал бэтменов. Разведчики сообщали, что крыланы стали появляться чаще, но не настолько, чтобы об этом стоило тревожиться.

Трижды одинокий крылан появлялся над аэродромом на расстоянии полета стрелы и наблюдал. Четырежды бэтмены следовали за летящим дирижаблем. Но на большее, чем несколько оскорбительных жестов, они не отважились.

К этому времени Улисс с дозволения Шегнифа перенес свою штаб-квартиру из дворца на летное поле, находящееся в десяти милях от города, поскольку не мог себе позволить таскаться туда-сюда. Однако дважды в день он отчитывался перед Шегнифом при посредстве растительного радио.

Лаша отбыла. Хотя ее и откомандировали к Улиссу, она была помолвлена с солдатом на границе. Невзирая на радость предстоящего замужества, она распрощалась со всеми со слезами на глазах. Даже Феби, которую нельзя было винить за ревность, расплакалась, расцеловала ее и сказала, что надеется на скорую встречу. Авина была заметно рада, что хоть от одной женщины избавилась, но, как только Лаша скрылась с глаз долой, перенесла всю свою неприязнь на Феби. Та почувствовала себя более уверенно и принялась помыкать Авиной, как девчонкой-рабыней. Авина не стала отвечать тем же на завуалированные оскорбления и бесцеремонные издевки. Она явно не хотела ставить под удар свои отношения с Улиссом и не вцепилась в глотку обидчице. Но ярость в ней так и кипела. Это даже Улисс заметил. Он сделал Феби выговор, отчего та разразилась слезами, а Авина улыбнулась, как кошка, которая знает, чье мясо съела.

Улисс работал до поздней ночи, вставал спозаранку и под конец дня мечтал только об одном — поскорее завалиться в постель. Он никого не пускал в свою спальню, и Авина ликовала. Феби не протестовала, что ей почти не оставляют возможности услужить ему. Она ведь была рабыней, да и не настолько доверяла Улиссу. Несмотря на сходство с ее народом, он оставался для нее чужаком, и его образ мыслей и действий казался ей странным. Все же она окольным — а иногда и не очень окольным — путем несколько раз дала Улиссу понять, что ее это задевает.

Улисс устал разрываться между двумя женщинами. У него не было времени деликатничать, и иногда он страстно желал, чтобы они обе оставили его в покое. Но хотя он и мог их отослать прочь одним словом, ему не хотелось причинять им такую боль. К тому же они нравились ему обе,

хотя и по-разному. Авина была очень умна и сообразительна. Она происходила из примитивного общества, но очень быстро все усваивала, и из нее получился толковый секретарь. Подобные обязанности оказались недоступны для Феби. Она была искусной и сноровистой в домашнем хозяйстве, но помимо заботы о муже и детях ее ничто не интересовало.

Как-то раз Улисс поднял все десять дирижаблей и разучивал с ними несколько очень важных маневров. С побережья дул ветер в добрых пятнадцать миль в час, и большие газовые баллоны едва двигались против ветра. Один раз два корабля столкнулись, повредив друг другу двигательные гондолы. Почти тотчас же они расцепились, и их начало сносить ветром. Улисс отдал приказ по радио спустить газ, чтобы посадить корабль на землю. Экипажам пришлось бы идти к полю пешком около двадцати миль, поэтому он приказал по радио, чтобы навстречу выслали автомобили.

Дирижабли вернулись домой только перед закатом. Когда его корабль втягивали в ангар, Улисс глянул в заднее окно гондолы. Там, на фоне кровавых лучей солнца, у самого горизонта мелькали какие-то крошечные фигурки. Это могли быть и птицы, но их силуэты скорее напоминали крыланов. Улисс велел всем удвоить бдительность и ушел к себе.

Этой ночью его разбудили доносившиеся из-за двери вопли. Он соскользнул с постели (сооруженной специально для человека) и, открыв дверь, увидел часового, который пытался разнять две кричащие, дерущиеся фигуры. Лицом к лицу, рука к руке стояли Авина и Феби. Авина держала кремневый нож, а Феби сжимала ее запястье. Авина была меньше ростом и легче, но и гораздо сильнее, и только отчаяние Феби и усилия часового помешали ей проткнуть противнице живот.

Улисс приказал Авине бросить нож.

В тот же миг снаружи здания раздался взрыв, и стекло разлетелось, изрезав всех осколками.

Улисс и часовой шлепнулись на пол.

Феби, ослабив хватку, обернулась к окну. Авина, не обращая внимания на эту и три последующие вспышки, бросилась на женщину.

Но та вскинула руку, нож скользнул по ней и, поранив, плеснул струей крови в лицо Авине. Потом рванулся дальше вверх и вонзился в челюсть Феби. Однако сила удара уже ослабла.

Феби завопила. Улисс вскочил и, ударив Авину по руке ребром ладони, выбил нож.

Еще один взрыв, гораздо ближе, громыхнул в дверях на другом конце зала и заполнил комнату громадным облаком дыма.

Авина упала на колени, но, учуяв дым, тут же вскочила. Улисс поднял нож.

— Нет! — закричала Авина. — Отдай! Я не трону Феби. Неужели ты не понимаешь? На нас напали. Мне нужно оружие!

Хотя Улисса и оглушило взрывом, он смог ее расслышать и молча протянул ей окровавленный нож. Она взялась за рукоять. Сквозь дым прорвался кто-то и закричал:

— Повелитель, крыланы напали!

Это был вагарондит Вулка, раненный в плечо, окровавленный, весь покрытый пороховой копотью.

Улисс выскочил мимо него в ангар, служивший ему одновременно и кабинетом и жилыми апартаментами. Два дирижабля были пришвартованы к земле толстыми пластиковыми кабелями. Из темноты в верхней части строения метнулись длиннокрылые недомерки, осыпав Улисса градом стрел. Улисс отпрянул. То ли по этой причине, то ли стрелок попался скверный, но крохотная отравленная стрела зарылась в грязь у самых его ног. Алканквибский лучник поднял лук, хладнокровно прицелился в крылана и пустил стрелу, которая прошила ногу бэтмена и вонзилась ему в живот. Крылан рухнул наземь в нескольких футах от Улисса.

Несколько дхулулихов летало в верхней части ангара, другие засели на верхушках дирижаблей — и все метали отравленные стрелы. Очевидно, находящиеся в ангаре уже бросили свои бомбы. Снаружи, освещенные неровным светом электрических лампочек и факелов крыланы так и роились. Они сновали туда-сюда через иллюминаторы, метали свои крошечные, утяжеленные камнями деревянные дротики, выпускали короткие стрелы или бросали маленькие круглые бомбы с подожженным запалом.

Взрывы бомб работали как фотовспышки.

Повсюду, внутри ангара и снаружи на поле, валялись тела. Большинство из них принадлежало защитникам: неш-гаям, людям и кошкам, но потом Улисс различил дюжину пар кожаных крыльев, распростертых среди убитых и раненых.

Он обернулся к Авине.

— Беги отсюда! — гаркнул он. — Через другую дверь!

Та совершенно растерялась, и он повторил приказ. Она бросилась назад, к дверям здания. Улисс повторил свой приказ кошачьим, стреляющим по бэтменам в ангаре.

— Бежим от дирижаблей, пока они не загорелись! — заорал он.

До сих пор им везло. Ни одна из взорвавшихся бомб не подожгла водород в громадных баллонах. Если бы это случилось, в ангаре все погибли бы.

Не успел Улисс повернуться, как раздался мощный рев, и из ближайшего ангара вырвался сноп света. Дирижабль, а возможно, оба дирижабля, так как в ангарах они находились попарно, охватило пламя. А это значило, что огонь мог перекинуться на соседние ангара и поджечь находящиеся там аппараты.

Улисс подождал, пока его люди выбегут через дверь или незакрытый передний конец ангара. Это не всем удалось — многие упали под градом отравленных стрел.

Улисс рванул, втолкнул бегущего перед ним вуфеа в дверь, пронесся через несколько комнат к боковым дверям ангара. Когда все выбрались наружу, он выстроил их в боевом порядке, и отряд двинулся между двумя ангарами в открытое поле. Справа, в грохоте и пламени, взлетел на воздух еще один ангар, а через минуту все шесть строений уже полыхали огненным заревом. Флот Улисса был уничтожен.

Ему оставалось только увести своих людей в открытое поле. Возвращаться было некуда. Следовало покинуть освещенное пространство и укрыться во мраке ночи. Дхулулихи не отставали — они кружились поверху, явно стремясь уничтожить весь персонал воздушных сил. Соратники Улисса падали со всех сторон, но он подхватил щит, брошенный кем-то из убитых, и держал его над головой. В обтянутый кожей деревянный диск вонзилось несколько стрел, стрелы и тяжелые дротики с каменными наконечниками свистели мимо него, то и дело поражая

кого-нибудь рядом. Бомб на них не сбрасывали, хотя это и был вернейший способ разом с ними покончить. Очевидно, весь боезапас был израсходован в самом начале атаки. Хотя, возможно, бэтмены уже вызвали подкрепление с бомбами.

Наконец отряд добрался до деревьев и под их сенью укрылся в темноте. Воины встали концентрическими кругами и принялись отстреливать тех бэтменов, которые спускались достаточно низко, чтобы в них оказалось возможно попасть.

Далеко на западе, где находился город, в облаках отражались яркие всполохи — наверное, от горящих зданий.

Опасностей хватало и помимо крыланов. Подъехал броневичок, из него выскочил вооруженный человек и, подбежав к Улиссу, велел отчитаться перед сидящим в машине офицером-нешгаем. Улисс повиновался. В машине он обнаружил Близмага — нешгая в чине полковника броневых войск, — ожидающего у открытой дверцы. У Близмага были глубокая рана поперек лба, легкий порез хобота и дыра в левой руке. Солдаты-люди выскочили из автомобиля и принялись стрелять деревянными короткими болтами* из деревянных арбалетов.

— У меня приказ Великого Визиря: вывезти вас из опасной зоны, — сказал нешгай, потом высунулся и взглянул на длиннокрылые фигурки, мерцающие в темноте в отблесках горящего газа. — Дважды нам на крышу сбрасывали бомбы, но особого вреда не причинили, только оглушили. В машину!

— Я не могу бросить своих людей, — запротестовал Улисс.

— Еще как можешь! — отрезал Близмаг. Он нетерпеливо, даже слегка истерически, протрубил в свой хобот. — Здесь не только дхулулихи! В нападении участвуют все народы Деревя! И идут они не беспорядочной ордой, если наша информация верна, а организованным строем. Они построились клином и прорвали почти все наши заслоны в

* Хотя стрела и называется по-английски «aggow», но арбалетная и вообще любая *утяжеленная* стрела носит наименование «olt». Обычно этот термин было принято переводить словом «стрела», но в последнее время термину «болт» отдается предпочтение как в художественной, так и в специальной литературе на русском языке.

этом районе. Сейчас их остановили, но отступать они не собираются! Великий Визирь говорит, что скорее всего они намереваются взять тебя в плен! Они не могут надеяться на захват города! Но до тебя могут добраться запросто!

Что-то пробиралось в темноте к ним сбоку и, наконец, появилось в образе еще одного броневичка. Подобно первому, он выглядел как черепаха на колесиках. Изогнутая крыша состояла из трех слоев пластика. Боковые стенки были двойными и имели двери и амбразурные щели. Внутри помещались водитель, офицер и шесть стрелков. Хотя несколько лет назад, когда автомобиль строили, ни у кого и в мыслях не было, сможет ли он выдержать взрывы, но он оказался способным противостоять маленьким бомбам крыланов.

Улисс нагнулся поближе к двери, пока его прикрывали стоящие снаружи арбалетчики. Потом кивнул, подзывая Авину. Она подбежала, едва не угодив под отравленную стрелу. Та миновала ее всего в нескольких дюймах, а потом уже Авина оказалась подле Улисса. Лучник с удовольствием всадил стрелу в бэтмена, который подлетел, чтобы подстрелить Авину. Стрела пронзила ему руку и пригвоздила ее к боку. Крылан завопил, выронил лук и рухнул вниз. А когда его ноги коснулись земли, вторая стрела глубоко застряла в его ребрах.

— Полезай! — бросил Улисс Авине и обернулся к Близмагу: — Я поеду, если ты позаботишься увезти и всех остальных.

— Ладно, — отозвался Близмаг.

Улисс махнул своим людям под деревьями, и те, помогая раненым, перебрались через открытое пространство к автомобилям. То ли крыланы исчерпали свои запасы бомб, то ли в полной мере оценили мастерство лучников, но, как бы там ни было, они не рискнули нападать на беззащитных людей.

Машины двигались по дороге со скоростью двадцать миль в час. Фары оказались не столь яркими, как на современных Улиссу автомобилях, и освещали дорогу футов на двадцать вперед. Улисс спросил Близмага, зачем включили фары: ведь они могли только привлечь внимание неприятеля, реальной необходимости в них не было, ибо водители хорошо знали дорогу.

— Я не получил приказа их выключить, — отозвался нешгай, откинувшись на сиденье и тяжело дыша ртом. Из его ран все еще бежала кровь.

Улисс сидел рядом с ним на сиденье, которое предназначалось для второго нешгайского офицера — вероятно, погибшего или выведенного из строя. Справа находился нешгайский водитель, за ним, в центре, прижались друг к другу Авина и семеро вуфеа. Лучники всматривались сквозь щели в темноту, чуть освещенную огнями ехавшей сзади машины.

— Ты не получил приказа? — изумился Улисс. — Тебе что, запрещается выключать их без приказа?

Близмаг кивнул.

— Тогда я приказываю тебе выключить фары, — заявил Улисс. — Может, уже и поздно, но мы должны это сделать.

— Я полковник броневых войск, а ты офицер военно-воздушных сил, — сказал нешгай. — Ты не вправе мне приказывать.

— Но ты за меня в ответе! — воскликнул Улисс. — Тебе поручено доставить меня в столицу. Моя жизнь в твоих руках! Пока не выключены огни, ты подвергаешь меня опасности! Не говоря уже о моих людях, за чьи жизни отвечаю я!

— Не приказано, — сонно произнес Близмаг и умер.

Улисс обернулся к переговорнику:

— Командир Поющий Медведь говорит от имени полковника Близмага, передавшего мне полномочия из-за тяжелых ранений. Выключить фары!

Через мгновение броневички катили по магистрали уже в полной темноте. Дорога просматривалась достаточно, чтобы следовать со скоростью пятнадцать миль в час, и Улисс надеялся, что они достигнут столицы незамеченными.

Улисс нажал кнопку, помеченную нешгайским эквивалентом HQ на боку ящичка. Возникло давление на нервное окончание растительного организма, и полоса частот изменилась.

Улисс повторно запросил связи с Великим Визирем, но ответа не получил, даже назвав себя. Он переключился обратно на частоту, используемую между броневиками, и велел оператору в следующей машине послать запрос в штаб.

Потом пробежался по всем частотам, надеясь выяснить, как обстоят дела с обороной. Он услышал множество переговоров, но только запутался вконец. Потом он попробовал вклиниться в один из них, надеясь, что его запрос передадут в штаб, но тщетно.

Нешгайский водитель, прильнув к смотровой щели, проговорил:

— Командир! На поле впереди что-то виднеется!

Улисс велел ему держать скорость и выглянул сам. Бледные фигуры стремительно мчались через поле, очевидно, стремясь перехватить машины. Они включили фары, и фигуры стали немного яснее. В отраженном свете сверкали красными искрами глаза, бледные тени превратились в пятнистых хвостатых двуногих, вооруженных пиками и круглыми предметами — видимо, бомбами. Откуда народ Деревя достал пороха?

— Противник справа! — рявкнул Улисс в передатчик. — Тридцать ярдов! Приказываю: полный вперед! Окажутся на пути — давить! Лучники, огонь!

Первый из леопардолюдей достиг дороги. Вспыхнули красные искры, потом зажегся огонек — видно, враг открыл огниво и запалил бомбу. Огонек описал дугу — бомба полетела в ведущую машину. Тренькнул арбалет, и из правой смотровой щели метнулась стрела. Неприятель вскрикнул и повалился наземь. Раздался удар по крыше, а потом взрыв, который потряхнул машину и полуоглушил пассажиров. Но бомба отскочила от крыши и взорвалась на обочине дороги. Машина двигалась дальше.

На дорогу выбежали другие фигуры, кто с копьями, кто с бомбами и огнивами. Копьеносцы пытались вонзить свое оружие в смотровые щели, а бомбардиры швыряли гранаты в борта броневиков.

Копейщики падали, пронзенные стрелами арбалетов. Бомбы отскакивали от брони и взрывались на дороге, причиняя больше вреда леопардолюдям, чем водителям.

Потом передовая машина прорвалась, а уцелевшие враги напали на следующие. Больше половины их уже лежали убитыми и ранеными. Один отчаянный храушмиддум, разбежавшись, вскочил на покатую крышу последнего броневика, положил бомбу, спрыгнул и был застрелен в спину. Бомба сорвала два верхних слоя брони и повредила третий

Машина остановилась ненадолго, а потом спокойно показала дальше.

Когда кавалькада въехала в город, их взглядам представили несколько горящих зданий. Другие разрушения были незначительны. Крыланы бросали бомбы, обстреливали солдат и штатских. В открытые окна дворца (которые так и не были зарешечены, хотя приказ был отдан две недели назад) влетела команда камикадзе. Своими отравленными стрелами они перебили множество народа, но добраться до правителя и Великого Визиря так и не смогли, а сами, за исключением двоих, были перебиты.

Улисс узнал об этом от Шегнифа.

— Не убивайте этих двоих пленников, ваше визирство, — попросил он. — Мы можем пытками вырвать у них тайну расположения их главного города.

— И что тогда? — отозвался Шегниф.

— Тогда мы используем новый воздушный флот, во много раз лучше первого, чтобы снести главный город дхулулихов до основания. А еще — нападём на само Дерево.

Шегниф был удивлен.

— Разве случившееся этой ночью тебя не смутило? — осведомился он.

— Ничуть, — ответил Улисс. — Реально враг не добился почти ничего, зато сослужил нам хорошую службу. Если бы дирижабли не погибли, я бы потратил много времени, убеждая вас построить новые, более совершенные корабли — большие, намного большие. На моем родном языке они называются дирижаблями. Это слово можно перевести как «управляемые». Они потребуют больше материалов, подготовки и времени, но зато намного лучше подойдут для той миссии, которую я запланировал.

Он подумал, что Визирь разъярится из-за его дерзости, но Шегниф остался доволен.

— Это вторжение, которое, кстати, до сих пор продолжается, хотя и без успеха, убедило меня в одном. Ты прав — врага надо бить в самое сердце. Охраняя границы, мы только распылим силы и средства. Но я не понимаю, как мы можем навредить Дереву, даже если уничтожим его «глаза» — дхулулихов. Видно, у тебя есть решение?

Улисс обрисовал свой план. Шегниф слушал, кивая огромной башкой, ощупывая бивни и почесывая лоб раздвоенным кончиком хобота.

— Я принимаю твой план, — сказал он, выслушав. — Вигнумов и глассимов отбросили назад, и мы подтягиваем сюда свежие войска. И мы подобрали еще два десятка раненых крыланов.

— Некоторые могут дать нам нужные сведения, — сказал Улисс. — А остальных можно использовать и для тренировки ястребов.

И вновь он был занят от рассвета до заката. Правда, он выкроил время, чтобы разобраться в ссоре Феби и Авины. Женщину он не видел с момента бегства из кабинета, но через пару дней она появилась сама. По ее словам, она выскочила вслед за Улиссом и потеряла сознание где-то между ангарами, а очнувшись в поле, среди груды трупов. Рана ее сильно кровоточила, но оказалась неглубокой.

Обе женщины признались, что повздорили из-за его любви — кому следовало считаться главной его подругой и постоянной спутницей. Феби набросилась на Авину, стараясь расцарапать ее, а та схватилась за нож.

Улисс решил не наказывать спорщиц. Он строго разграничил их права и обязанности и установил правила поведения, которые придется выполнять, иначе обе окажутся в немилости, причем надолго.

Феби плакала, Авина причитала, но обе поклялись повиноваться.

Первым делом Улисс велел созвать всех дрессировщиков ястребов. Это были свободные люди, которые только тем и занимались, что науськивали и обучали хищных птиц для своих хозяев, которым нравилась ястребиная охота. Теперь, вместо того чтобы натаскивать своих питомцев на уток, голубей и прочую пернатую дичь, им надлежало обучить их нападать на крыланов. Пленных дхулулихов, оклемавшихся от ран, хватило бы на это с лихвой.

Пять месяцев спустя Улисс увидел первые плоды своих трудов. Вместе с ним демонстрацию посетили Великий Визирь, юный правитель и высшие армейские чины. Развязали угрюмого бэтмена, прекрасно знавшего, что его ожидает. Он сбежал по склону холма, хлопая крыльями, и неуклюже оторвался от земли. Летя против ветра, он набрал высоту, развернулся и полетел к демонстрационному полю. Ему дали короткое копье с каменным наконечником и обещали свободу, если он сможет отбиться от двух ястребов.

Возможно, крылан не поверил нешгаям. И был бы прав. Глупо было бы разрешить пленнику донести весть о новом оружии своему народу. Если бы он убил двух ястребов, на него спустили бы остальных. Шанса на победу не оставалось.

Но он поступил, как ему было велено: развернулся над полем и набрал необходимую высоту, чтобы зрителям было удобно следить за атакой. Ловчие сняли клобучки с двух ястребов и подбросили птиц в воздух. Несколько секунд те покружили, осматриваясь, а потом, хрипло крича, бросились на крылана. Тот отчаянно замахал крыльями. Оба ястреба ударили, как пернатые молнии, с такой силой, что звук столкновения был слышен на земле, сорока футами ниже. За мгновение до этого бэтмен сложил крылья и повернулся к ним лицом. Один ястреб нацелился в голову — его пронзил нож, но даже мертвый, он не разжал когтей. Второй ударил мгновением позже, впившись когтями в живот крылана. С истошным воплем летучий человечек рухнул вниз, ударившись о землю с такой силой, что сломал обе ноги и крыло. Оставшийся в живых ястреб продолжал терзать его утробу.

— Конечно, мы не можем взять по ловчему на каждую птицу, — пояснил Улисс. — Теперь мы натаскиваем их так, чтобы они сидели в отдельных клетках, двери которых открывались бы одновременно. Оказавшись на свободе, они вылетят и накинутся на ближайшего крылана. А уж драться они умеют.

— Будем надеяться, — сказал Шегниф. — Я не особенно верю в эффективность ястребов. Ничто не мешает им броситься всем скопом на одного крылана, в то время как остальные прорвутся невредимыми.

— Мои дрессировщики работают над этим, — отозвался Улисс.

Несмотря на свои возражения, Шегниф, казалось, остался доволен. Он раскланялся и потерял хоботом с правителем, которого затем повезли во дворец в затейливо раскрашенном автомобиле. Шегниф прошелся немного, болтая с Улиссом, и даже коснулся однажды кончиком хобота его носа в жесте дружбы.

— Нам и вправду повезло, что Каменного Бога разбудил удар молнии, — заметил он. — Хотя, без сомнения, эту молнию послал Неш

Он улыбнулся. Улисс до сих пор так и не понял, чего было больше в показной набожности Визиря — искренности или иронии.

— Неш вернул тебя к жизни, чтобы ты послужил его народу. Так сказали мне священники. И даже я, Великий Визирь его величества, склоняю голову, когда нижайший из жрецов открывает мне ничтожнейшую из истин. А потому я послан был сообщить, что тебе несказанно повезло. Ты — единственный чужак, которому позволено прочесть Книгу Тиснака. Даже из нешгаев немногие удостоены такой чести.

Что имел в виду Шегниф, Улисс понял на следующее утро. К нему явился священник, облаченный в рясу с капюшоном, такие же серые, как и его кожа. В руках жрец держал жезл с резьбой на конце — «Х» в разорванном круге. Звали священника Жишбруум. Он был молод, приветлив и чрезвычайно учтив. Но он дал понять, что верховный жрец требует, а не просит Улисса явиться в храм.

Улисс доехал до западной окраины; его привели в квадратное каменное здание под тремя куполами. Незначительность строения поразила его. Это был шестидесятифутовый куб, совершенно пустой внутри, если не считать стоящей в центре громадной статуи Неша. Бог походил на самца нешгая, хотя бивни его были длиннее, а хобот — толще. По углам равностороннего треугольника, в центре которого возвышалась статуя бога, несли стражу три священника.

Жишбруум провел человека мимо первого стража, остановился и, нагнувшись, нажал на крошечную каменную пластинку. В тот же миг одна из гранитных плит пола опустилась. Священник повел Улисса вниз по крутым каменным ступенькам, освещенным холодным растительным светом. Гранитная плита скользнула обратно, и они оказались погребенными — почти.

Улисс и не подозревал, что под верхним городом может находиться еще один — подземный

Он занимал площадь в четыре квадратных мили и имел четыре этажа. Строили его не нешгаи — об этом можно было догадаться, даже не спрашивая священников. Улисс понял, что они находятся в каком-то очень древнем музее.

— Кто построил этот город? — спросил Улисс.

— Мы не знаем, — ответил священник. — Есть свидетельства о том, что прежде в нем жил народ, произошедший от собак или им подобных животных. Но мы не думаем, что они построили его. Они нашли его и жили здесь, ничего не трогая. А потом исчезли. Может быть, их уничтожили, или же они ушли сами по каким-то неведомым причинам. С Деревом живет народ, отдаленно напоминающий древних обитателей этих мест. Возможно, это их потомки.

Как бы там ни было, мы, нешгаи, были маленьким и примитивным племенем, когда пришли сюда — некоторые говорят, что мы бежали от гнева Древа. Мы нашли здесь многое, что смогли пустить в ход. Растительные батареи, моторы, радио, к примеру, были выращены из семян, хранившихся в закрытых контейнерах. Мы нашли также множество предметов, в которых так и не смогли разобраться. Если бы мы определили их назначение, то, возможно, сумели бы уничтожить Древо. Возможно, поэтому Древо и стремится уничтожить нас. Оно хочет убить нас, прежде чем мы найдем способ убить его. — Он остановился и добавил: — И еще существует Книга Тиснака.

— Тиснака? — переспросил Улисс.

— Он был величайшим из наших жрецов. Он первым догадался, как прочитать Книгу. Пойдем. Я проведу тебя к Книге, как мне было приказано. И к Куушмуржу, верховному жрецу.

Куушмурж оказался очень старым и очень дряхлым нешгаем в очках с толстыми стеклами. Руки его тряслись. Он благословил Улисса, не вставая с великанского мягкого кресла, и сказал, что увидится с ним после того, как тот прочтет Книгу, — конечно, если Улисс сможет ее прочесть.

Улисс последовал за священником, минуя витрины за прозрачными стенами из какого-то загадочного материала. А потом они вышли в кубическое помещение, совершенно пустое, за исключением металлической платформы с табличкой.

— Странно! — сказал он, остановившись перед ней. — Что здесь было когда-то?

— Наверное, ты, — отозвался Жишбруум. — Во всяком случае, согласно легенде. Когда нешгаи нашли это место, платформа была пуста.

Сердце Улисса забилося чаще, и он почувствовал, как его кожа покрывается липким холодным потом. Он нагнулся, чтобы разобрать черные буквы на желтом металле. В комнате было так тихо, что он слышал, как стучит в висках кровь. Бестеновой свет давил на плечи, как крышка саркофага.

На первый взгляд буквы напоминали латинский алфавит или Международный Фонетический Алфавит (МФА), который основывался на нескольких алфавитах. Улисс изучал буквы, а за его спиной терпеливо, как его слоновьи предки, ждал священник. Если допустить сходство букв с МФА, то можно попытаться прочесть надпись. В ней было тридцать строчек — наверняка он встретит знакомые слова, даже если с тех пор язык сильно изменился.

Конечно, сказал он себе, язык может оказаться и не английским. Полной уверенности, что он находился на Североамериканском континенте, не было. Его могли перевезти в Африку или Евразию, а язык надписи — произойти от любого из тысяч наречий его времени.

Все же арабские цифры не изменились бы. А вот их в надписи как раз и не оказалось, за исключением одной или двух — если это они... Может, их почему-то решили написать словами?

«КУЗИЗ ПУЩИ НЕДЬ». Написано заглавными буквами. Возможно, это значит «Улисс Поющий Медведь»? Звук «у» по каким-то причинам сменился на «ку». Свистящие озвончились. Только в «пущи» сразу угадывалось «поющий». «М» превратилось в «н», а в результате эволюции языка слово «медведь» потеряло свою середину и неузнаваемо изменилось.

Если следовать этой теории... Улисс присвистнул.

— Кажется, получается!

Слова обретали смысл. Буквы возникли из МФА или чего-то подобного. А язык был английским, но изменившимся и по структуре напоминавшим кельтские языки его времени. Были слова, перевести которые он не мог — об их значении оставалось только догадываться. В конце концов, любой язык постоянно обогащается новыми словами, и некоторые из них остаются.

Вот что у него получилось:

**«ЗДЕСЬ... УЛИСС ПОЮЩИЙ МЕДВЕДЬ, ВСЕМИРНО
ИЗВЕСТНЫЙ ЗАМОРОЖЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК, СЛУЧАЙ-
НО... ЕМУ... МОЛЕКУЛЯРНЫЙ СТАЗИС ВО ВРЕМЯ**

НАУЧНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СИРАКУЗАХ, НЬЮ-ЙОРК, ДРЕВНЕМУ НАРОДУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ. В ЗАМОРОЖЕННОМ СОСТОЯНИИ С...»

Дата была невразумительной. По каким-то соображениям арабские цифры не применялись. Но число должно было соответствовать 1985 году. Дата появления экспоната в музее также оставалась непонятной.

Не все ли равно, что там стояло, год 6985-й или год 50000-й, хотя, возможно, первая дата была бы вернее. За пятьдесят тысяч лет язык изменился бы до неузнаваемости.

Но это неважно. А важно то, что именно он когда-то сидел на этой металлической (или пластиковой?) платформе с табличкой, и бесчисленные посетители, наверное, читали эти слова (в различной форме, поскольку язык постоянно менялся) и с благоговением гладели на неподвижную каменную фигуру. А может, с усмешкой — человек не удержится от острот даже в присутствии смерти. Но они глядели бы на него с завистью, если бы знали, что он будет жить, когда сами они сотню тысяч раз превратятся в прах.

«Что же со мной случилось?» — удивился Улисс. Неужели его кто-то украл? А может, он стоял где-то в другом месте, а потом его решили переместить сюда? И по дороге он пропал? Кто знает, что произошло. Это было так давно, что навсегда останется тайной.

Улисс выпрямился; Жишбруум вновь двинулся вперед. Они миновали множество коридоров и наконец остановились перед глухой стеной. Нешгай произнес одно слово, и стена, казалось, растаяла, растеклась, открыв проход. Улисс шагнул за гигантом в маленькую сферическую комнату. Стены были покрыты серебристой зеркальной субстанцией, а в середине комнаты свободно плавал в воздухе громадный серебряный диск. Жишбруум взял Улисса за руку и подвел к диску. Тот висел вертикально, и Улисс увидел в нем свое отражение.

А вот изображения стоящего за спиной Жишбруума в диске не было.

— Мне не дано читать в Книге, — печально сказал Жишбруум и добавил: — Позови, когда закончишь читать. Дверь откроется сама. Я провожу тебя к Куушмуржу, и ты сможешь рассказать ему, что увидел.

Улисс не слышал, как нешгай удалился. Он продолжал смотреть на свое отражение, и вдруг оно исчезло. Испарилось. Слой за слоем пропадала плоть, через несколько секунд перед ним стоял скелет, а потом и он превратился в ничто — остался лишь диск.

Он шагнул вперед, думая, что невозможно войти в твердый материал — но откуда он взял, что диск *твердый*? — и оказался внутри. Или так ему показалось. Как Алиса в Зазеркалье.

Вокруг него проявлялся ландшафт, будто скрытый до толе невидимым туманом, который с его приходом разогнало солнце.

Улисс шагнул вперед, протянул руку и ничего не почувствовал. Он прошел через гигантское дерево, через темноту и вышел с другой стороны. Сквозь него прошла женщина, прекрасная смуглянка, носившая только сережки, кольцо в носу, кольца на пальцах, бусы и какие-то немыслимые узоры на полтела. Она двигалась быстро, будто в ускоренном фильме.

Все помчалось — кто-то перематывал ленту. Затем она опять замедлилась. Улисс стоял перед другим гигантским деревом, освещенным полной Луной — той Луной, которую он знал до превращения в камень. Дерево было втрое больше самой большой калифорнийской секвойи. У основания в нем было несколько отверстий, откуда лился холодный свет. Юноша лет шестнадцати с ленточками и кисточками в спутанных волосах, вокруг ушей, пальцев и прочих придатков прошел сквозь ухоженный парк и исчез в дереве. Улисс последовал за ним — по лестнице. Он не понимал, как ему удается подниматься вверх, не касаясь ступеней. Когда он попробовал дотронуться до юноши, рука прошла насквозь.

Юноша жил в дереве вместе с дюжиной друзей. В комнатах — ячейках? — дерева находилось немного украшений и вещей. Была кровать из похожего на мох материала, несколько столиков не выше шести дюймов каждый, маленькая печка, несколько горшков, мисок и ложек. В углу стоял разрисованный каким-то пачкуном-любителем ящик — там лежали пища и какие-то напитки. И все.

Улисс покинул дерево и побрел парком, который начал блекнуть. Время летело — долгое, долгое время. Когда ландшафт снова уплотнился, опять была ночь. Луна изменилась.

Видно было, что на ней появились атмосфера и моря, но это еще не была та планета, которую он увидел, когда очнулся. Всю землю покрывали деревья, во много раз больше тех секвойеподобных, которые он уже видел. Он проходил через них как тень. Вокруг бробдингнесского центрального ствола в землю уходили подпорки, расходящиеся от массивных ветвей. То были уменьшенные копии знакомого ему Древа. Они образовали маленькие поселки, на них росли другие деревья, дававшие жителям необходимую пищу, за исключением мяса.

В некоторых деревьях находились исследовательские лаборатории. Там Улисс увидел кошек и собак, чьи черепные коробки показались ему непропорционально большими. Там жили обезьяны, потерявшие большую часть шерсти и хвосты и научившиеся ходить прямо. И еще множество всяких животных, измененных генетиками.

Мир начал двигаться быстрее, и в мгновение ока Улисс оказался на Луне. Бурая Земля висела низко над горизонтом; несмотря на облачность, он смог распознать восточную часть Азии.

Лунный ландшафт был нежен и прекрасен. Вокруг росли громадные деревья; Улисс видел множество ярких растений, птиц, мелких животных. На востоке занималась заря. Потом взошло солнце, осветило западные склоны гор — бывшую стену кратера, сглаженную эрозией или, возможно, преобразованную божественной силой тех созданий, которые подарили Луне атмосферу и океаны, превратили каменную поверхность в плодородный чернозем.

Богopodobные существа, должно быть, раскрутили Луну, как волчок, потому что Солнце восходило быстро — Улисс прикинул, что спустя двенадцать часов оно сядет. Потом он заскользил над краем, превращенным в огромный парк; он видел росшие вокруг деревья, населенные людьми и множеством других видов разумных существ. Все они, кроме одного, произошли, судя по всему, от земных животных.

Исключением служили высокие розовокожие двуногие с курчавыми волосами на голове, под мышками, на лобке и на задней стороне ног. Их лица были похожи на человеческие, за исключением мясистых наростов на носсах, как у крота-звездорыла. Подобных созданий, очевидно, пришельцев с планеты иной звезды, Улисс увидел немало, но ни одного звездолета — если они у них были.

Улисс продолжал скользить, как призрак, над поверхностью Луны и вдруг нежно, осторожно, будто легкий ветер, влетел в дерево, в котором находилась лаборатория. И там он увидел людей и нелюдей, следивших за экспериментом. Внутри пластикового прозрачного куба находилась неподвижная фигура в скрещении многоцветных дрожащих лучей, испускаемых механизмом вроде лазерной пушки. Потоки энергии пронизывали стенки куба и окутывали застывшую фигуру.

Он узнал статую. Это был он сам.

Очевидно, ученые пытались восстановить естественное движение атомов.

Он знал, какого успеха они добились.

Но что он делал на Луне? Передали ли его тамошним ученым по каким-то неизвестным соображениям? Если так, то позднее вернули — быть может, через тысячи лет.

Он вернулся на Землю так же неожиданно, как покинул ее, преодолев не только пространство, но и время — немалое время.

Земля была опустошена. Раскаленные ветры неслись над ней. Растаяли полярные льды, а землетрясения, извержения вулканов и разрушения берегов изменили лик планеты до неузнаваемости.

Оставалось загадкой, что произошло, что вызвало этот глобальный катаклизм? Возможно, в том были повинны громадные светящиеся капли, которые металась в дыму, покрывавшем опаленную землю. Но некому было объяснить. Дым рассеялся, и воздух очистился вновь — только мощные пылевые бури замутняли атмосферу. Наружу вылезли маленькие группки разумных существ и животные, ушедшие вместе с ними под землю. Они сеяли семена, вскапывая крохотные клочки земли. Посадили несколько деревьев, бережно сохранявшихся в подземных убежищах.

Светящиеся капли появились вновь, но парили над поселениями недолго. Только одна из них плеснула энергетическим разрядом, уничтожив деревце, в котором жили сорок последних представителей вида *Homo sapiens*.

Остальных разумных — кошколюдей, собаколюдей, леопардолюдей, медведелюдей, слонолюдей — капли не тронули. Видно, тот, кто управлял ими — если только они сами по себе не были живыми существами, — хотел истребить лишь человека.

Крыланы были измененной формой человека и тоже подлежали уничтожению. Но когда светящиеся капли удалились, бэтмены вылезли из своего укрытия.

А врумау — нешгайские рабы и свободные — не были людьми. Они произошли от мутировавших обезьян. Вот почему светящиеся капли их помиловали.

Улисс продолжал парить над Землей. Летело время, или он летел мимо времени. Теперь на каждом континенте осталось только по одному дереву. Деревья росли, развивались, встречались, сливались и становились единым. И каждое дерево росло неудержимо. Разумные существа одно за другим уходили жить на его поверхность.

Придет время, когда Дерево заполонит весь континент. Только прибрежные районы останутся свободными — соленая вода сдерживала его развитие. Но, эволюционируя, Дерево могло и должно было преодолеть и эту преграду. И тогда деревья с разных континентов сольются друг с другом, отказавшись от своей индивидуальности посредством какого-то растительного механизма, который Улисс не в силах был вообразить. Они будут иметь один мозг, одну личность, одно тело. И Дерево станет хозяином планеты. Отныне и во веки веков. Аминь.

Если нешгаи и Каменный Бог не сумеют победить его.

Улисс сделал шаг назад, выходя из зеркала — как Алиса.

Позже, побеседовав с верховным жрецом, он высказал собственную теорию действия Книги Тиснака. Куушмурж объяснял странные видения, являвшиеся читателям Книги, с точки зрения теологии. Неш диктовал ее каждый раз заново, в зависимости от того, что каждый читатель должен найти в Книге. Но верховный жрец признавал, что его объяснение может быть ошибочным. Оно не являлось догмой.

Улисс полагал, что, кто бы ни создавал этот диск, он заложил в него запись прошлого — и вряд ли запись делали, когда происходили описываемые события. Особенностью Книги — одной из них — было то, что Улисс назвал «резонансом». Каждый читатель видел в Книге лишь то, что больше всего его интересовало. Это все равно что разыскивать книгу в библиотеке по определенному предмету. Книга телепатически обнаруживала, что хочет узнать чи-

татель и предоставляла ему соответствующую информацию.

— Вполне возможно, — заметил верховный жрец и глянул на Улисса темно-синими глазищами из-под треуголки. — Твое объяснение может вполне соответствовать фактам и в то же время не противоречит признанному объяснению о боговдохновенности Книги. Кто бы ни создал диск, он сделал это по велению Неша.

Улисс покорился. Спорить было бесполезно.

— Теперь ты понимаешь, что Дерево разумно и оно — наш враг? — спросил Куушмурж.

— Книга подтвердила это.

— Но ты не обязан верить Книге? — спросил с улыбкой верховный жрец.

Улисс решил промолчать. Он мог сказать, что большая часть Книги — правда, но диск создали разумные существа, а любое существо из плоти и крови склонно к ошибкам или заблуждениям. Но верховный жрец наверняка заметил бы, что диск не может ошибаться, ибо боговдохновен, а Бог — то есть Неш — не ошибается.

После возвращения на аэродром его отношение к Феби переменилось. Она больше не была потенциальной матерью его детей. И Улисс очень сомневался, что кто-то из рабов или врумау вообще на это способен. Мало отличаясь от человека внешне, она имела совершенно иной хромосомный аппарат и останется бесплодной до тех пор, пока он будет ее единственным любовником. Время уже доказало это.

Конечно, она могла быть бесплодна от природы. Но Ла-ша прожила с ним довольно долго и тоже могла бы забеременеть. Пусть она тоже могла быть стерильна. Или обе женщины могли втайне от него принимать какие-то противозачаточные средства. Но это казалось маловероятным, поскольку Улисс не слышал ни о чем подобном ни от одного известного ему племени. Плодородие почиталось здесь, как во времена палеолита.

За месяцы, прошедшие после его первого посещения храма Неша, Улисс выкроил время еще для нескольких визитов. Хотя ему больше не позволяли читать Книгу Тиснака, он мог спокойно исследовать подземный город, или музей, как предпочитал называть его. Он выяснил назначение многих предметов, хотя большинство так и остались бесполезными, поскольку он не знал, как привести их в действие.

И нашел прибор, который не настолько изменился с его эпохи, чтобы его нельзя было узнать. Он взял у себя и нескольких рабынь срезы кожи и поместил их в сравнитель. Помещенные рядом с его собственными тканями, клетки кожи рабынь окрашивались ярко-красным. Они не могли иметь от него потомства. Вопрос был исчерпан.

Улисс отодвинул прибор, испытывая тоскливое разочарование. И все же где-то в глубине души шевелилась радость.

Он прогнал это смутное чувство прочь. Оно должно было исчезнуть. Если он позволит ему вырасти, вина измучит его.

«Но почему?» — спросил он себя. Он не виноват в том, что ему не дано стать отцом нового человечества. Разве так уж важно, чтобы на Земле вновь появился человек? Его род почти уничтожил Землю. Летающие капли задались целью искоренить человечество, но оставили прочих разумных существ в покое. Не потому, что они были менее опасны. Они не успели причинить вреда Земле, и потому их помиловали.

Зачем ему возрождать свое пагубное и разрушительное племя?

Вроде бы незачем. И все-таки Улисс чувствовал вину из-за того, что это было ему не под силу.

И еще он чувствовал вину, потому что предпочел Авину Феби или кому-то из сородичей рабыни.

Поэтому он оставил Феби своей служанкой, а потом взял еще одну рабыню. Он все еще называл их людьми — в сущности, они ими и были. Второй служанкой стала золотокожая зеленоглазая девочка по имени Фаню. Как и все, она была лысой, но подбородок ее выпирал меньше, а черты лица казались Улиссу приятными.

Авина ничего не сказала, когда Фаню явилась к Улиссу в кабинет, а только одарила Улисса косым взглядом, который был красноречивее всяких слов, и его охватило раскаяние за то, как он обходится со своей давней спутницей. В качестве компенсации он отдал обеих женщин Авине под личный надзор. Ему следовало догадаться, что их жизнь станет похожа если не на ад, то почти. Но он был слишком занят воздушным флотом, чтобы долго обращать внимание на подобные вещи.

И вот пришло время, когда первый дирижабль был закончен. Громадный серебристый корабль нес двенадцать мощных моторов в шести гондолах и мог уместить множество людей, бомб или того и другого, вместе взятого. К этому времени по требованию Улисса склока между армией и флотом завершилась. Каждая сторона пыталась заполучить воздушный флот и его персонал под свое начало. А из-за этого Улисс едва мог доставать материалы, набирать людей и принимать решения. В конце концов он ворвался в кабинет Великого Визиря и потребовал создать отдельный род войск — в тот же час и на месте. Если задержки будут продолжаться, враг успеет организовать новую атаку — и не простой налет, а крупномасштабное вторжение.

Шегниф согласился и сделал Улисса адмиралом, хотя и не главой ВВС. На этот пост он назначил своего племянника Граушпаза. Улисс его не выносил, но поделаться ничего не мог, пока не пришли результаты расследования, проведенного Улиссом тайно. Поставляемые флоту товары, которые заказывал Граушпаз, оказались в большинстве своем самого низкого качества. Шегниф попытался замять открития Улиссовых следователей, но Улисс подал рапорт правителю Зигбрузу.

А продавал воздушным силам дрянные товары сам племянничек Граушпаз.

Более того, офицер-человек набрался храбрости, пришел к Улиссу и рассказал ему, что люди в воздушных силах находятся на грани бунта из-за скверной пищи, которую получают. А продовольствие в воздушные силы поставлял тоже Граушпаз.

Улисс согласился замолвить за визирева племянника слово, если спекуляция и волокита прекратятся.

Шегниф согласился, но настоял, чтобы Граушпаз остался главой военно-воздушных сил. Иначе, как он объяснил, Граушпазу пришлось бы покончить с жизнью, а он, Шегниф, был бы опозорен.

— Да ведь все знают, что он виноват! — взвился Улисс. — Он-то почему не опозорен?

— Все знают, верно, — ответил Шегниф. — Но пока его не ославят публично, он не обязан кончать с собой.

— Я больше его грязные дела терпеть не намерен, — предупредил Улисс. — И настаиваю, чтобы в атаку на дхулухов он с нами не шел!

— Придется ему лететь с тобой, — сказал Шегниф. — Для него это единственный способ искупить вину. Ему необходимо совершить какой-нибудь подвиг, чтобы вернуть лицо. Его же поймали.

Улисс сдался. Потом он горько улыбался, вспоминая этот разговор. Грех состоял в том, что Граушпаза поймали. Слоноподобные нешгаи не так уж отличались от человечества.

Когда Шегниф продолжил свою политику и начал перегружать дирижабли офицерами-нешгаями, Улисс уже не улыбался. Несмотря на уважение, которым он пользовался у правителя и верховного жреца, Великий Визирь доверял ему не до конца. Его отношение было вполне объяснимо, если вспомнить бунт, произошедший десять дней назад в пограничном селении. Солдаты-врумау отказались разместиться в бараках рабов — очевидно, они считали зазорным для себя жить рядом с рабами. Когда нешгаи двинули против них новые войска, те перешли на сторону восставших. Тогда на мятежников обрушились солдаты-нешгаи. Произошла битва. Рабы воспользовались суматохой и вырезали несколько нешгаев-надсмотрщиков. В конце концов нешгаи собрали большой отряд своих могучих воинов и потопили бунт в крови.

Эти новости облетели все человеческое население. Напряжение росло, а предосторожности со стороны нешгаев сильно осложняли Улиссу работу.

Ситуация упростилась, когда три сотни крыланов совершили налет на аэродром. На этот раз их вовремя обнаружили разведчики Улисса, расставленные по окраинам Деревя, и он успел выслать навстречу пять дирижаблей, нагруженных лучниками, катапультиерами и ловчими. Ястребы получили боевое крещение, а воздушные силы выяснили, для чего нужны слаженность и дисциплина, привитые тренировками. Без потерь не обошлось, но вернулись все пять кораблей. Крыланы понесли тяжелые потери, отступили.

Влияние Улисса после этого резко возросло. Но главным результатом рейда было то, что люди поняли — они должны сражаться на стороне нешгаев, а не против них, хотя бы пока. Крыланы разбрасывали листовки, в которых говорилось, что дхулулихи намерены уничтожить как нешгаев, так и их союзников-людей.

Первый из десяти дирижаблей поднялся в воздух холодным утром. Небо было ясным, с моря дул шестимильный бриз. Флагман воздушного флота «Вижгваф» («Голубой дух») имел четыреста тридцать футов в длину и шестьдесят в поперечнике. Его оболочка сверкала серебром, а на носу синей краской был намалеван отвратительный демон. Рубка управления размещалась прямо под носом дирижабля, а с каждого бока свешивалось по три моторных гондолы. Внутри оболочки помещались каркас, сшитый из очень легких стручков, киль, главная палуба, трапы, аккумуляторные камеры и десять гигантских газовых баллонов. Сверху были расположены четыре кабины для лучников, катапультеров, ракетчиков и ловчих с ястребами. По каждому борту, вдоль средней линии шел ряд выступающих отсеков, в которых размещались катапульты и ракетчики. Оболочку пронизывали амбразуры для лучников, бомбовые люки и окна для ястребов. В хвосте тоже находилось несколько кабин, а в нижней части дирижабля тоже шел ряд люков — как для ракет, так и бомбовых, и отверстия для сброса якорей и абордажных крюков.

Улисс стоял на мостике — нижней палубе рубки, прямо за рулевым. В рулевой гондоле находились также радисты, навигаторы, вестовые и несколько лучников. «Не будь здесь столько нешгаев, — кисло подумал Улисс, — на мостике было бы куда как просторнее».

Он пробрался сквозь толпу в хвост гондолы и выглянул наружу. Остальные корабли шли сзади, но быстро нагоняли. Последний казался сверкающей точкой в синем небе; по графику он должен был присоединиться к остальным через час, и дальше все суда должны были идти в боевом строю.

От мысли, что эти удивительные, прекрасные воздушные корабли были его детищем, у Улисса перехватило дыхание. Он безмерно гордился ими, даже зная, что они получились слабее и уязвимее, чем он задумывал. Крыланы могли пролетать над дирижаблями и сбрасывать на них бомбы. Но они не смогут сделать этого, пока те не спустятся. А сейчас корабли поднимались и не остановятся, пока не достигнут эшелона тринадцать тысяч футов. Воздух на такой высоте слишком разрежен, чтобы удерживать крыланов.

Они не смогут подобраться к дирижаблям, пока те не спустятся к цели атаки.

Если верить полученной информации, цель располагалась приблизительно в центре Древа. Боль — великий победитель лжи, а захваченные во время первого и второго налетов бэтмены испытали столько боли, сколько могли выдержать их хилые тельца. Двое держались до самой смерти, но остальные заговорили и божились, что говорят чистую правду. Рассказы их совпадали, что, впрочем, не убеждало в их правдивости.

Тех крыланов, которые могли еще говорить, взяли с собой, чтобы они показали ориентиры и нашли древесный город.

Внизу от горизонта до горизонта раскинулось Древо — путаница ветвей, переплетений сырых сучьев, отблески солнца в водных потоках и яркие краски поселившихся на Древе кустов и деревьев. Раз из самой чащи зеленых джунглей поднялось бледно-розовое облако — необъятная стая птиц, взлетевшая с клубка лиан между двумя могучими ветками. Розовое облако просочилось между несколькими сучьями, опустилось и исчезло в другом сплетении лоз.

Улисс обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как по лестнице с верхней палубы в рубку спускается Авина. Отдыхая, она была прекрасна, как бывает прекрасна лежащая сиамская кошка. Но двигаясь, она была красива, как был бы красив зримый ветер. Теперь, когда Феби и Фаню с ним не было и она одна могла ухаживать за своим повелителем, Авина едва не мурлыкала. Улиссу пришлось в голову попросить ее остаться, но он решил, что не стоит. Она знала, что шанс вернуться у них не больше, чем один к четырем. И она бы обиделась, попроси он ее остаться. И скорее всего ходила бы мрачная, пока не сорвала бы злость на двух женщинах, поскольку считала бы их во всем виноватыми.

Она носила защитные очки, которые Улисс приказал сделать обязательным атрибутом формы вооруженных сил. Нуждались в них редко, если вообще нуждались, но очки ему нравились. Они были отличительной чертой воздухоплатовцев, а у самого Улисса вызывали приятную ностальгию. Авиация времен первой мировой всегда была его слабостью.

На шее Авины висел кожаный ремешок с ярко-голубым мальтийским крестом, а за пояс был заткнут каменный нож — вот и вся униформа.

— Мой Повелитель, — сказала она, взглянув на него и убедившись, что не помешает, — это во много раз лучше, чем карабкаться вверх и вниз по Дереву и плыть на плотках среди снолигостеров и гиппопокровов!

Он рассмеялся:

— Верно. Но не забывай, что домой нам, возможно, придется возвращаться пешком.

«Хорошо, если вообще придется», — подумал он про себя.

Авина придвинулась поближе, так что ее бедро коснулось его тела, а плечо — его руки. Кончик хвоста несколько раз шлепнул его по лодыжке. В гондоле было слишком шумно, чтобы услышать ее мурлыканье, а чтобы Улисс мог его почувствовать, она стояла слишком далеко. Но он мог поклясться, что она мурлычет!

Улисс отодвинулся. У него не было времени думать о ней. Командование десятью кораблями — слишком тяжелый труд. Офицеры и экипажи тренировались столько, сколько он мог устроить за такой короткий срок. Но это не делало их ветеранами.

Пока все шло довольно гладко. На такой высоте попутный ветер увеличивал их скорость до пятидесяти миль в час. Это значило, что возвращаться им придется в другом эшелоне — даже на полном ходу их сносило бы назад. А сейчас они могли достигнуть цели за восемь часов вместо шестнадцати, которые тот же путь занял бы в штиль. Улисс дал моторам несколько часов отдыха, дрейфуя по ветру, чтобы достигнуть города дхулулихов за два часа до заката. Этого времени будет достаточно для выполнения задуманного плана.

Дерево проносилось под ними, подобно громадному серозеленому облаку. Иногда они пролетали над местами, где ветки не закрывали земли, и тогда Улисс почти различал дно бездны. Что за колоссальное создание! Мир не знал ничего подобного все четыре миллиарда лет своего существования — во всяком случае, за последние, как прикинул Улисс, двадцать тысяч лет. Это было Дерево с большой буквы. Гибель этого существа была бы позором, трагедией.

Улисс опомнился. Да кому под силу уничтожить Вурутану? И как?

То здесь то там он видел крошечные крылатые фигурки дхулулихов. Они знали, что корабли Каменного Бога и нешгаев летят к их городу. Даже если бы Улисс никого не заметил, он отдал бы голову на отсечение, что кожистокрылые пигмеи, спрятавшись в джунглях, наблюдают за десятью серебряными иглами в небесах. Им не нужно было посылать курьеров — они уже давно отправили сообщение через мембраны и нервные стволы самого Дерева.

Улисс подозревал, что дхулулихи заранее знали, когда корабли отправятся к их основному гнезду. У них было вдоволь шпионов, и, несомненно, они подкупили рабов, а возможно, и нескольких нешгаев, чтобы те работали на них. Подкуп и предательство начинали казаться ему неотъемлемым признаком разума. Люди здесь не пользовались монополией.

Авина вновь прижалась к нему, и он потерял нить своих мыслей.

Шли часы; ожидание скрашивалось нуждой решать неизбежно встающие проблемы всего флота. Ландшафт внизу почти не менялся. Все разнообразие заключалось в разных углах роста ветвей, узорах кружева лиан, разной высоте стволов да расцветке птичьих стай — розовых, зеленых, алых, лиловых, оранжевых, желтых, — что изредка пронеслись между великанскими ветвями.

Когда солнце достигло зенита, Улисс приказал сбавить скорость почти до нуля. В гондоле наступила тишина, прерываемая голосами младших офицеров, говоривших в радиоящики, шарканьем громадных ног нешгаев, сипением воздуха в хоботах, урчанием нешгайских желудков, покашливанием людей. И мерно поскрипывали жесткие стручки, крепившие гондолу к каркасу дирижабля.

Когда солнце начало клониться к горизонту, Улисс приказал своему помощнику привести старшего из пленных дхулулихов. Им был Кстуувх, покрытый шрамами человек, чьи руки были связаны за спиной, а крылья — сшиты вместе. Огонь, лизавший его кожу во время допросов, до сих пор полыхал во взгляде.

— Город уже должен быть виден, — сказал Улисс. — Покажи его мне.

— Со связанными руками? — фыркнул Кстуувх.

— Кивнешь, когда я укажу на нужное место, — отозвался Улисс.

Большинство стволов достигало в высоту десяти тысяч футов, где они, казалось, взрывались зелеными атомными грибами. В десяти милях впереди виднелся особенно высокий ствол, достигавший почти тринадцати тысяч футов. Где-то на нем, в гуще ветвей, и должен был находиться город дхулулихов. Но с такого расстояния нельзя было различить ничего, за исключением самого Дерева. Крыланы, естественно, до последнего момента будут скрываться.

— Этот громадный ствол и отмечает ваш город? — спросил Улисс.

— Не знаю, — ответил Кстуувх.

Граушпаз обхватил тощую шею бэтмена двумя пальцами и нажал. Лицо Кстуувха посинело, глаза вылезли из орбит, а язык вывалился наружу.

Нешгай ослабил хватку. Дхулулих закашлялся, захрипел и повторил:

— Не знаю.

Улисс восхитился его стойкостью — ведь бэтмен знал, на какие муки идет.

— Если мы не вытянем это из тебя, — предупредил он, — у нас найдется вдосталь твоих приятелей, которые не будут такими строптивыми.

— А ты огнем попробуй, — посоветовал Кстуувх.

Улисс улыбнулся. Бэтмен уже усвоил, как легко воспламеняется водород и сколько предосторожностей было предпринято, чтобы избежать случайных искр, а тем более огня.

— Игла сойдет не хуже, — ответил Улисс.

Но больше он не уделял внимания маленькому человеку, за исключением того, что велел отправить его на верхнюю палубу. Слишком много крыланов, включая самого Кстуувху, описывали этот ориентир под пытками.

Он приказал всем кораблям построиться для атаки цепочкой. Дирижабли начали снижаться. Стрелки занимали боевые посты.

Громадного ствола флагман достиг на высоте десяти тысяч футов. Он все еще находился в безопасности от

дхулулихов, которые могли подниматься не выше десяти тысяч футов, да и то лишь без груза.

«Голубой дух» пролетел мимо, оставив по правому борту крону-поганку. Несколько лилово-красных длиннокрылых птичек и густошерстных зверей, похожих на выдр, усталились на проплывающего мимо серебряного левиафана.

В нескольких милях от ствола флагман развернулся на сто восемьдесят градусов левым бортом и вернулся к стволу уже на высоте девяти тысяч футов над поверхностью. Относительно земли он двигался со скоростью десяти миль в час против пятнадцатимильного ветра. Внизу до сих пор не было видно и следа дхулулихов, хотя прочей живности было сколько угодно. Клин из тысяч чернокрылых летучих мышей с зелеными брюшками и желтыми мордочками поднялся им навстречу, потом отвернул и скрылся в листве.

Город был отлично замаскирован. Наблюдатели на других кораблях тоже не видели ничего, кроме джунглей и обычных древесных рек.

А ведь под пыткой дхулулихи все как один сознавались, что здесь обитало около тридцати пяти тысяч жителей. Они клялись, что с Дерева на защиту города могло взлететь до шести с половиной тысяч крыланов.

Флагман продолжал спускаться. Боковой ветер нес его к стволу. Внизу, в полутысяче футов, проплывала крупная ветвь.

— Бомбардирам — огонь по готовности! — приказал Улисс и глянул в иллюминатор.

Казалось, ствол мчался на них так стремительно, что Улисс с трудом подавил желание отдать приказ повернуть в сторону. Он уже проделал все расчеты; получалось, что они пройдут в сотне ярдов от ствола, прежде чем ветер отнесет их к северу.

Открылись бомбовые люки, и бомбардиры — все люди — принялись ждать появления цели.

Улисс ждал. Граушпаз за его спиной переминался с ноги на ногу. Желудок нешгая урчал, хобот нервно дергался, то и дело касаясь раздвоенным кончиком Улисса плеча. Тот каждый раз вздрагивал.

— Бомбы сброшены, — доложил бомбардир.

Освободившись от груза, корабль тут же пошел вверх. Улисс взглянул в боковое окно. Темные капли еще падали. Некоторые пролетели мимо ветви и врезались в следующую. Около десятка попало в цель. Сверкнуло пламя, сквозь огонь и черный дым посыпались громадные обломки дерева. Среди них виднелись куски меньших деревьев, росших на Дереве, и какие-то темные предметы — туши, но животных или крыланов, определить было невозможно.

Два следующих корабля также сбросили свой груз и тотчас, облегченные, рванулись вверх. Достаточно бомб взорвалось в том же месте, что и снаряды с флагмана, чтобы выбить в ветви громадную дыру — не настолько, впрочем, большую, чтобы та отвалилась под собственной тяжестью. И даже оторванная, она не упала бы. Слишком много вертикальных подпорок росло под ней. Возможно, она осталась бы висеть, даже если подрубить все вертикальные ветви. Тогда бы ее удержали переплетения лиан, связывающих ее с другими ветвями и стволами. Однако вырванные куски взломали русло древесной реки, которая выплеснулась наружу водопадом; сверкающий поток разбился о ветку в трех сотнях футах под ним.

Улисс сознавал, что всей бомбовой мощи флота едва хватит, чтобы перерубить одну ветвь. Но это и не входило в его планы. Он хотел лишь выкурить спрятавшихся дхулулихов. А как только он выяснит, где они скрываются, то сможет атаковать именно это место.

Гигантский дирижабль описал широкий круг вокруг ствола и вступил в действие только после того, как последний корабль сбросил бомбы. На этот раз по приказу Улисса корабль опустил нос и нырнул под взорванную ветвь. Ракетчики из кабин наверху дирижабля доложили, что на них плещет вода из древесной реки. А потом корабль прошел под ветвью, и мгновением позже бомбы обрушились на следующую ветвь. Некоторые, начиненные загущенным спиртом, яростно запылали, посылая в воздух громадные клубы дыма.

Дхулулихов все еще не было и следа.

Улисс отдал приказ побережь бомбы и опять повел флагман вокруг ствола, еще ниже, хотя на большем расстоянии. Ветер здесь был слабее, и дирижабль мог маневрировать с большей легкостью. Но даже при этом расстояние между

двумя ветками, где скользил «Голубой дух», было всего около двухсот футов. Бомб не сбрасывали. Улисс не желал, чтобы корабль, набирая высоту, пропорол обшивку о верхний сук.

Воздух наполнился птицами. Грохот взрывов и гул громадных кораблей всполошили всю живность на многие мили вокруг. Немало птиц разбилось о пропеллеры, и их кровь забрызгала борта корабля. Несколько птах протаранили оболочку корабля и стекла иллюминаторов гондолы управления.

Улисс был слишком занят управлением, чтобы вглядываться в спутанную крону Дерева в поисках входа в город. Но когда корабль начал разворачиваться в относительно широком пространстве между стволами, он услышал сдавленный вздох Авини.

— Там отверстие! — воскликнула она.

— Так держать, — приказал Улисс рулевому.

Впереди, под ветвью виднелось громадное овальное отверстие около сотни футов в поперечнике. Тень ветви не давала заглянуть в темные внутренности. Но Улисс был уверен — там кишат крыланы, поджидающие, пока противник не обнаружит их укрытие, чтобы вступить в открытый бой. Или пока их командир не решится перейти в наступление.

— Там еще одна дыра! — добавил Граушпаз, показывая на темный овал под веткой второго ствола, справа.

Корабль двигался в просвет между двумя дуплами, а это означало, что его могли атаковать с обеих сторон одновременно.

Улисс передал новости другим дирижаблям и приказал не следовать за флагманом, а подниматься по спирали. Он страшно рисковал, подставляя свое судно под удар крыланов. Теперь бэтмены вооружились бомбами, и достаточно было одной прорвать тонкую оболочку, а второй — попасть в образовавшуюся дыру, чтобы «Голубой дух» превратился в груду горящих обломков.

Улисс передал по радио приказ ракетчикам в боковых и верхних кабинах. Через минуту, когда воздушный корабль на скорости в десять миль в час прошел между двумя дуплами, с дирижабля сорвались черные предметы, извергающие огонь и дым. Несколько пролетели мимо, но пять взорвались в одном и три — в другом дупле. Каждая бое-

головка несла десять фунтов пластиковой взрывчатки, фунт черного пороха и детонатор из пикриновой кислоты.

Из отверстий повалил черный дым, посыпались какие-то тела, а потом корабль миновал отверстия. Мгновением позже из дупел непрерывным потоком посыпались крылатые человечки. Они спрыгивали вниз, расправляли крылья, пытались догнать дирижабль.

И в ту же секунду дхулулихи появились из прежде невидимых дыр, сотнями выныривали из переплетений лиан.

Второй залп ракет вновь ударил в ближайшие дупла, поймав зазевавшихся врагов. Летящий над гигантским клубком лиан дирижабль сбросил бомбы замедленного действия туда, где клубок прирастал к ветви. Лианы порвались, и весь клубок повис над бездной. Не меньше тысячи тел посыпались оттуда — в основном женщины и дети. Большинство, правда, успело взлететь.

Авина схватила Улисса за руку и указала вниз по правому борту.

— Там! — воскликнула она. — Там, под третьей ветвью снизу. Там огромная дыра!

Улисс успел разглядеть дупло, пока оно не скрылось из виду за выступом ствола. Треугольное отверстие имело не меньше сотни ярдов в поперечнике. И из него нескончаемой колонной, по сорок в ряд, выходили бэтмены. Они шли, чеканя шаг, спрыгивали с края, расправляли крылья, тормозили падение и начинали подниматься. Они не стремились догнать дирижабль, как их товарищи, а летели прямо вверх, словно на свидание.

Скорее всего они намеревались взобраться как можно выше и оттуда ударить по врагу.

Улисс приказал всем дирижаблям выстроиться чуть выше, чем могли их достать дхулулихи. Маневр занял четверть часа. Кораблям приходилось набирать высоту и в то же время разворачиваться, занимая места в боевом строю.

Затем вслед за флагманом, ушедшим на полкорпуса вперед, флот двинулся на стаю крыланов, круживших близ ствола, чуть ниже грибовидной кроны.

Улисс намеревался атаковать город лишь впоследствии; вначале следовало разделаться с летунами.

Большинство из них имели бомбы. Крыланы узнали тайну его изготовления в деревне вуфеа, которые даже не

подозревали, что дхулулихи стали врагами. Улисс узнал об этом от пленных дхулулихов сразу после того, как нешгаи начали их пытаться.

Сколько ему было известно, о ракетах крылатые люди не знали ничего. Он надеялся, что так и есть — дирижабли были чрезвычайно уязвимы для этого оружия.

Вряд ли у дхулулихов имелся большой запас бомб. Вряд ли серу можно было достать на самом Дереве. Ее приходилось бы доставлять с южного побережья или далекого севера. Улисс надеялся, что внутри Древа нет бомбовых складов. Если крылатые защитники несут все приготовленные ими бомбы, то, покончив с ними, Улисс отведет угрозу и от дирижаблей. Но пока силы дхулулихов казались несметными. Кое-где небо буквально почернело от их тел. Возможно, пленные не врали, говоря, что в городе шесть с половиной тысяч бойцов.

Флот и орда летучих людей летели навстречу друг другу. Корабли еще находились ниже максимальной высоты, доступной для дхулулихов, но прежде чем первый крылан достиг дирижаблей, корабли поднялись и теперь оказались выше стаи. Улисс отдал приказ, и из люков в днищах кораблей вылетели ракеты с ударными взрывателями. Они разорвались в облаке крыланов, и мелкая галька — шрапнель — ударила по телам дхулулихов.

Ракета за ракетой слетали вниз, но корабли берегли запасы. Часть ракет нужно было оставить для высадки — если, конечно, они вообще смогут высадиться.

Сотни крыланов были выведены из строя взрывами и шрапнелью. Они падали, беспомощно трепеща крыльями, и разбивались о ветви, сплетения лиан или рушились в темную пропасть нижних ярусов Древа. Многие сбивали в падении товарищей, ломая им крылья, и те вслед за ними летели вниз.

Корабли промчались на полной скорости, оставив орду за кормой, потом развернулись и двинулись назад, пока крыланы, отчаянно размахивая крыльями, пытались их догнать. На сей раз бэтмены рассредоточились, чтобы ослабить действие осколочных ракет, но, несмотря на это, потеряли еще несколько сотен бойцов.

Флот миновал их, развернулся и приблизился вновь. Теперь ракеты экономили, сбросив несколько бомб из донных

люков и катапульт по бокам дирижаблей. К этому времени до заката оставался один час. Нижние ярусы Дерева уже поглотила ночь.

И третий раз развернулся флот. Теперь носы дирижаблей опустились, и корабли уверенно заскользили вниз. Командиры дхулулихов увидели, что корабли пройдут под ними, и, несомненно, подивились, что за безумие охватило захватчиков, но не воспользоваться преимуществом было бы глупо. Они продолжали парить, описывая в воздухе попеременно восходящие и нисходящие спирали, чтобы не столкнуться. Издали их армия походила на сотни переплетенных штопоров.

Флагман продолжал снижаться, пока не достиг верхнего края армии защитников города, где резко выровнялся. Никто из бэтменов не мог подняться над ним, но сравняться с дирижаблем им было под силу.

Их сеть сомкнулась.

Среди крылатых людей взорвались ракеты, катапульты метнули бомбы. Воздух наполнился дымом, осколками, падающими телами. Секундой позже флагман выпустил часть своих ястребов. Птицы вылетали из бортовых люков и впились в лица ближайших крыланов.

Четыре ближайших к флагману корабля выпустили по четверти своих ястребов. Остальные пять продолжали снижаться, но смятение, вызванное ракетами и птицами, было таково, что ни один дхулулих даже не приблизился к ним.

Моторы работали на полную мощность. Пять дирижаблей прошли по дуге мимо ствола, выпуская, один за другим, ракетные залпы в главное дупло. Одна из ракет, судя по серии взрывов, видимо, попала в бомбовый склад. Край дыры лопнули, и когда дым рассеялся, в стволе зазияла огромная рана.

Улисс злорадно улыбнулся, но улыбка быстро сползла с его лица. Последний в шеренге из пяти кораблей вспыхнул!

И внезапно пошел вниз. Оболочка расплзлась, обнажив каркас; с гондолы посыпались маленькие тела — воздухоплаватели предпочитали падение смерти в огне.

Белый от жара горящего водорода остов дирижабля грохнулся на ветку в трехстах футах ниже дупла и неистово

вспыхнул. Огонь перекинулся на деревья и кустарник, которыми поросла ветвь. Из дыма хлынули сотни женщин и детей, выгнанных огнем из дотолы невидимой дыры. Многие падали в пропасть, задохнувшись в дыму.

От вида катастрофы Граушпаз буквально посинел. Но именно он первый заметил дупло над ветвью. Все прочие находились ниже, а это делало план Улисса невыполнимым. Ему необходимо было место, где можно подвести дирижабль к самому дуплу, заякориться на ветке и посадить десант.

Однако сначала нужно очистить воздух.

Он отдал по радио приказ, и четыре уцелевших дирижабля поднялись и начали разворот. Остальные пять пошли им навстречу. Улисс потратил несколько минут, чтобы удостовериться, что их курсы не приведут к столкновению, а потом устремил все внимание на оборону. Флагман все еще двигался на уровне верхних эшелонов крылатых. Те восстановили в своем строю достаточно порядка, чтобы перестроиться и наброситься на противника всем скопом. Ястребов с тяжелыми потерями перебили или отогнали.

Пришла пора выпустить еще одну партию птиц. Ястребы смяли и опрокинули передние ряды, но немало крылатов прорвалось к дирижаблям. Их встретили градом стрел — бомбы нельзя было взрывать вблизи кораблей. Однако крылатов это не останавливало: они торопливо поджигали запалы своих маленьких бомб, забрасывая ими оболочки кораблей и орудийные гондолы. Некоторым действительно удалось прорвать в оболочке флагмана огромные дыры. Но ни одна бомба не достигла газовых баллонов внутри, а утечка водорода была такой ничтожной, что не представляла угрозы.

Корабли в каждой группе находились так близко друг от друга, что могли с успехом ловить врага в перекрестный огонь. Крылатые воины падали в бездну, пронзенные стрелами; большинство так и не успело кинуть бомбы. Улисс видел, как одна бомба взорвалась в руках дхулулиха, пронзенного арбалетной стрелой. Взрывчатка разнесла на части его и двух его товарищей.

Улисс приказал подниматься и увеличить скорость. Крыланы остались внизу и позади.

— О Неш! — протрубил Граушпаз.

Улисс обернулся и увидел, как вспыхивает еще один корабль. Несколько дхулулихов прорвались к нему с бомбами, и взрывом прорвало газовые баллоны.

Корабль падал медленно и величественно, раскалываясь в полете напополам. Красно-белое пламя ревело вокруг него, оставляя громадный плюмаж черного дыма. Люди выпрыгивали из гондол, уже горя. А рядом падало великое множество почерневших крыланых трупов. Корабль подвергся особенно ожесточенному натиску дхулулихов — именно это позволило бэтменам прорваться к нему с бомбами. Но их оказалось вокруг столько, что взрыв уничтожил сотни их воинов, поджарив их кожу и опалив легкие.

Те, что находились несколько ниже, бросились наутек, чтобы их не зацепило падающим каркасом. Большинство успело, но в воздухе было настолько тесно, что некоторые так и не смогли угнаться за своими, более удачливыми товарищами. Они исчезали в пламени, которое превращало их кости в пепел еще до того, как пламенеющие обломки грянулись о ветвь.

Растения, росшие на ветке, охватило пламя. Но само Дерево, хотя его поверхность была подвержена огню, не загорелось.

Улисс вновь перестроил флот и повел его боевым строем к большой дыре над самой ветвью. Разрозненные дхулулихи вились вокруг, словно мошки над падалью. Казалось, что их намного меньше, хотя они не могли потерять больше четверти своих сил. А это составляло четыре тысячи воинов, — огромная армия, против которой выступали всего восемь дирижаблей.

Вновь корабль прошел над дхулулихами, чуть выше их досягаемости, извергая уже не стрелы, бомбы или ракеты, а окутывавшие крыланов клубы дыма. Корабли выбросили еще по нескольку бомб из донных люков, надеясь, что взрывы и дымовая завеса создадут среди дхулулихов панику.

Дирижабли развернулись вновь и прошли над армией еще раз, пониже, оставляя за собой густой шлейф дыма. Но дозорные в верхних и боковых кабинах докладывали, что множество крыланов вылетает из дымовой завесы и таранит корабль. Некоторые бились так сильно, что прорывали оболочку, но теряли сознание или калечились от

удара, и экипаж хватал их, перерезал им горло и выбрасывал через люки.

Уложив второй слой дымовой завесы, корабли повернули обратно. На этот раз четыре дирижабля осталось на том же уровне, поддерживая завесу, а флагман и три других нырнули под медленно плывущее облако. Солнце, наконец, коснулось горизонта: через минуту оно сядет окончательно.

«Голубой дух» нырнул в необъятную аллею стволов и ветвей на тысячу футов ниже города и несколькими милями южнее. Темнота стояла такая, что Улиссу пришлось включить корабельные прожектора. Он решил, что крыланы, занятые дымовой завесой и другими дирижаблями, не заметят их, пока не станет слишком поздно. Ночью, в дыму, они ослепнут. Некоторые могут заметить огни, но пока догадываются, что к чему, действовать будет уже поздно — как он надеялся.

Стоя за спиной рулевого, Улисс всматривался в белый туннель прожекторных лучей. По обе стороны, снизу и сверху, плыли тысячефутовые ветки и многомильные стволы. Дирижабли мчались вперед, даже не вздрагивая, как это бывало обычно, — постоянная температура и штиль позволяли двигаться ровно, — направляясь к вертикальной шахте, свободной от отростков Дерева и достаточно широкой, чтобы дирижабли могли свободно маневрировать, подходя к цели — огромному дуплу над веткой.

Корабль рванулся вверх, с обеих сторон помчались вниз ветки, огни высветили летающих в дупло крылатых человечков. Большею частью это были женщины и дети, вылетевшие наружу, когда в дупле начали рваться ракеты. Или же они жили в чаще лиан, но решили, что слишком опасно оставаться там этой ночью. Под прикрытием темноты они пробирались в дупло, а оттуда расплзались по пустотам в стволе и ветвях.

Когда лучи света падали на них, некоторые ныряли в дыру, но большинство устремлялось прочь и пропадало в ночи.

Улисс не обратил на них внимания, хотя велел стрелкам и лучникам следить, не появятся ли воины-бомбометатели. Его внимание занимала другая задача — как осторожно и точно подвести дирижабль к дыре над веткой.

Это был дерзкий ход — как говорили некоторые нешгаи. «глупый и самоубийственный».

«Голубой дух» медленно двигался вперед. И когда нос дирижабля оказался точно над дырой, из носовой установки вылетела ракета. Ее острый пластиковый нос вонзился в ствол; привязанный к ней канат натянулся, когда дирижабль повело назад. Из донных люков рванулись другие ракеты, натягивая привязанные к ним тросы. Улисс по нескольку раз проверял швартовочные тросы в условиях, близких к боевым, и все-таки сомневался, что они выдержат.

Сбросили abordажные крючья, застрявшие в трещинах и изломах серой коры. Сбросили линии, люди и кошки устремились по ним вниз, прибивая их концы к коре деревянными колышками.

За ними последовали остальные люди и немало нешгаев. Сброшенный вес заставил корабль подняться и еще сильнее натянуть канаты. Но те выдержали. А потом десантники установили на ветки лебедки и притянули корабль вниз.

Улисс вышел с гондолы на ветвь. Остальные толпились за его спиной.

В тот же миг люди, все еще находящиеся внутри корабля, выпустили ястребов. Некоторые ринулись вверх, в редеющие клубы дыма. Зрение не могло им помочь, но обоняние позволяло находить врага, которого их так долго учили убивать. Другие скрылись в дыре, видно, учуяв там крылатых людишек.

Три дирижабля держались рядом. Им полагалось выпустить ястребов через минуту, а затем бросить якорь на ближайших ветках. Их командам предстояла задача более сложная, чем экипажу «Голубого духа», — лезть вниз по стволу и под ветками, чтобы попасть в другие дупла. Это займет время, а карабкаясь по ветвям, десантники будут уязвимы для любого нападения. Но Улисс рассчитывал, что темнота, ястребы и дирижабли задержат крылатых бойцов. Кроме того, четыре корабля должны были еще раз поставить дымовую завесу.

Вход в дупло оказался совершенно свободен, за исключением валявшихся тел нескольких женщин и детей.

Улисс надел обшитый кожей деревянный шлем с фонариком на лбу. Слабенькая биологическая батарейка не

позволяла ему дать много света, но это было лучше, чем ничего. Кроме того, вместе фонари десантной группы давали приличную видимость.

Улисс встал во главе колонны, но Граушпаз тронул его за плечо. Он обернулся.

— Я требую права оправдаться! — проговорил нешгай.

Ожидавший этого Улисс, втайне радуясь, уступил. Граушпаз обратился к двадцати нешгайским офицерам с короткой и простой речью.

— Я опозорил себя и тем бросил тень на вас, моих товарищей и подчиненных. Вы знаете это. Но вам не требуется смывать позор. Никто не упрекнет вас, если вы не последуете за мной в гнездилище дхулулихов. Скорее всего мы погибнем до единого, ибо идем в авангарде и будем биться в узких пещерах, которые крыланы знают как свои пять пальцев. Но вся раса нешгаев услышит о нашем подвиге. Об этом узнает Неш, и если мы оправдаемся, как нам должно, тогда после смерти мы найдем себе дом на его бивнях.

Офицеры затрубили и встали за Граушпазом. Вооружены они были копьями, дубинками и каменными топорами; на поясах у них висели каменные ножи. В левой руке каждый из них держал обтянутый кожей деревянный щит, достаточно толстый, чтобы выстоять против любого оружия крошечных дхулулихов.

— Подождите минутку, — проговорил Улисс. — Отправим туда дюжину ракет. А потом вы пойдете.

Вперед вышли ракетчики-люди. Наводчики встали на колени, пока их товарищи зажигали фитили. Ракеты рванулись вперед, извергая дым и пламя. Некоторые, видно, отскакивали от стен и взрывались глухо. Улисс надеялся, что они заделали спрятавшихся в засаде дхулулихов. Судя по воплям, так оно и было.

Громадный предводитель нешгаев поднял огромный каменный топор, пронзительно затрубил и проревел:

— За Неша, нашего правителя и Шегнифа!

Он бросился вперед, и два десятка титанов устремились за ним. Улисс досчитал до десяти и приказал своим людям следовать за ними. Сзади шла Авина с вуфеа, вагарондитами и алканквивами, а за ними — солдаты врумау. В дупло не пошли только бомбардиры и ракетчики из гондол. Весь отряд был облачен в доспехи и шлемы с забралами.

Пусть дхулулихи были сорокафунтовыми пигмеями, но их крошечные стрелы смазывались смертельным ядом. От одного укола шестисотфунтовый нешгай умирал за десять секунд, а среднего роста человек — за две.

— Следуйте за мной! — крикнул Улисс и смело вошел в пещеру.

Вначале их окружала темнота. Но за вторым поворотом неширокий туннель вышел в первую из внутренних камер. Ее освещали сотни гроздей каких-то растений, мерцавших холодным светом, озарявшим кровавые останки женщин, стариков и детей. Головы некоторых явно раскололи каменные топоры или дубинки нешгаев.

За этим залом начинался следующий туннель, шириной в двадцать футов. С каждой стороны его виднелись семейные ячейки в четыре уровня. Свет давали все те же растения, заплетавшие стены наподобие плюща.

На улице лежало множество убитых и искалеченных детей и женщин; из дверей верхних ячеек выглядывало несколько испуганных лиц.

Пока казалось, что все взрослые самцы вылетели наружу, на бой с захватчиками.

Улисс быстро принял решение. Он разделил свой отряд надвое, оставив одну часть у первого поворота. Они должны были удерживать вход, если самцы вернутся, пока гононец не приведет остальных. Все ракеты, кроме трех, оставили этому отряду.

Если бы не указания пленных дхулулихов, они заблудились бы в живом лабиринте. Коридор за коридором, такие же высокие и широкие, как первый, отходили в разные стороны. И, заглядывая в них, Улисс видел все новые коридоры. Ствол и отходящие от него ветви были буквально изъедены дуплами. В них поместилось бы куда больше жителей, чем названные пленниками тридцать пять тысяч.

Отряд миновал залы с загонами для животных и другие, где в холодном свете живых ламп росли странные растения. Из открытых дверей выглядывали личики женщин и детей. Изредка Улисс останавливал отряд и посылал разведчиков на верхние ярусы, не желая попасть в засаду. И каждый раз разведчики докладывали, что почти все помещения пусты.

Отряд двигался дальше, пока наконец не дошел до секции, которую так надеялся найти Улисс. Там валялось около сорока изувеченных трупов дхулулихов. Они сражались против великанов храбро, но безуспешно. Двое нешгаев лежали мертвыми, их вечно серая кожа полиловела. Маленькие лучники посылали свои стрелы под забрала шлемов — они забирались на ноги слоновлюдей и делали выстрел за мгновение до того, как топоры раскалывали их черепа.

Бэтмены защищали громадный зал, который являлся главным центром связи крылатого народа. Вдоль стен, в три этажа, размещалось около сотни больших перепонки. А рядом с ними валялось более пятидесяти трупов крылатых и еще три мертвых нешгая. Пол зала был залит кровью по щиколотку.

Граушпаз, увидев Улисса, поднял хобот и пронзительно затрубил.

— Слишком это просто! — крикнул он. — Я не думаю, что испугал вину.

— Еще не все кончено, — ответил Улисс.

Он выставил часовых у входа в гигантский зал, а сам подошел к одной из мембран. Потянувшись, он три раза стукнул по ней пальцами, и мембрана трижды гулко отозвалась.

Улисс воспользовался сведениями, вытянутыми из пленных дхулулихов. Несмотря на то что строительство дирижаблей отнимало почти все его время, он отказывался от многих часов сна ради того, чтобы в совершенстве овладеть пульс-кодом.

Теперь он отбил на мембране:

— Из города дхулулихов говорит Каменный Бог.

Ему говорили, что Дерево — живое разумное существо, а дхулулихи — лишь его слуги. Его убеждала в этом и Книга Тиснака. И все-таки он не верил.

— Последний из людей! — провибрировала в ответ перепонка.

Неужели где-то в этом колоссальном стволе спрятан могучий растительный мозг? Или, может, он находился в другом стволе, в надежно скрытом сердце самого Дерева? Или там, в глубине, перед такой же диафрагмой, сидит на корточках летучий пигмейчик, призванный поддерживать миф о разумном Дереве?

— Кто ты? — выступал Улисс.

Наступила пауза. Он огляделся. Нешгаи, стоящие посреди куполообразного зала, казались гротескными тенями; их кожа в мертвом растительном свете отливала синелиловым. Ави́на, как обычно, стояла рядом с Улиссом. Белые участки ее меха выглядели льдисто-голубыми, а глаза — такими темными, что казались пустыми дырами. Вагарондиты и алканквибы походили на сюрреалистические статуи котов-грабителей. Абаки-счетчики с вертикальными струнами и множеством костяшек походили на бледных подземных роботов. Пленные бэтмены сгрудились в углу; их коричневые шкуры казались черными, а на лицах отражалось предчувствие неизбежной гибели.

Улисс поднял руку, давая знак поднести ему бомбы. И в тот же миг мембрана завибрировала:

— Я — Вурутана!

— Дерево? — отстучал в ответ Улисс.

— Дерево!

Код восклицательного знака прозвучал значительно громче. Так, разумное растение — если это говорит оно — имеет эмоции. Например, гордость. Почему бы и нет? Эмоции так же естественны и необходимы для разумных существ, как умение мыслить. Все научно-фантастические истории о бездушном внеземном разуме основывались на невероятных предположениях. Никакое разумное существо не может выжить, пользуясь одной только логикой. Если это только не белковый компьютер, который по определению самосознанием не обладает.

— Я знаю о тебе уже много тысяч лет, — продрожала мембрана.

Улисс удивился, что у этого существа есть чувство времени. Отмечает ли оно ход лет по смене времен года? Или генетики встроили в него какие-то хитроумные внутренние часы?

— Смертные рассказывали мне о тебе.

Смертные. Так оно называло маленькие подвижные формы жизни, которые общались с ним.

— Смертные тоже могут убивать! — отстучал Улисс.

И получил ответ, которого ожидал:

— Они не могут убить меня! Я вечен! Я непобедим!

— Если так, — отстучал Улисс, — то почему ты так боишься меня?

Вновь наступила тишина. Он надеялся, что растительный мозг содрогается сейчас от ярости. Ему доставляло извращенное удовольствие злить это создание, хотя никакой пользы он от этого не получал.

— Я не боюсь тебя, смертный! — грянула наконец мембрана.

— Тогда почему ты пытался меня уничтожить? Чем я вызвал твою ненависть?

— Я хотел поговорить с тобой. Ты нелепость, ты анахронизм, ты последний представитель вида, вымершего двадцать миллионов лет назад.

Теперь пришел черед Улисса вздрогнуть. Прошло не десять, а двадцать миллионов лет. Двадцать миллионов лет!

Он сказал себе, что не стоило бы так удивляться. Двадцать миллионов или десять — какая разница!

— Откуда ты знаешь? — простучал он.

— Мне говорили об этом мои создатели. Они заложили в клетки моей памяти множество данных.

— Твои создатели были людьми?

Несколько секунд мембрана не двигалась и наконец ответила:

— Да.

Так вот почему оно боялось Улисса, несмотря на все заверения в обратном. Люди создали его, значит, люди могли и уничтожить его — должно быть, так оно рассуждало. Оно не могло знать лишь того, что этот человек был безмерно невежествен в сравнении с создателями Дерева. Но он не был беспомощен. Раздобыв нужные материалы, он мог создать и атомную бомбу. Даже Дереву не выстоять перед дюжиной ядерных взрывов.

Но что, если Земля лишилась всех своих металлов, как на то похоже? Двадцать миллионов лет разумной жизни истощили все, за исключением следов и остатков, не тронутых по причине невыгодности. Нигде не осталось ни меди, ни железа. В этом Улисс был убежден. Человек и его преемники за долгие годы выудили из земли все ее богатства и пустили их по ветру.

Однако Дерево наверняка имело центр, который можно было уничтожить, а после этого умерло бы и тело. Казалось вполне вероятным, что Дерево разместило дхулулихов здесь, чтобы обезопасить этот мозг. Если мозг находится в этом стволе, его можно достать. На это уйдет гигант-

ское количество пороха, каменных орудий и труда, но это возможно. И Дерево знало это.

А может, Дерево поместило сюда дхулулихов как ложную приманку? Может, мозг находится в стволе в сотнях миль отсюда? Или в стволе рядом?

От размышлений Улисса оторвал гул диафрагмы:

— Нам незачем быть врагами! Можешь жить на мне в уюте и безопасности. Я обещаю, что никто из разумных существ, живущих на мне, не причинит тебе зла. Конечно, существа, лишённые разума, подчиняются мне не больше, чем блохи — животному. Но для смертных не может быть стопроцентной безопасности. А жизнь, которую я могу предоставить, во много раз лучше, чем была бы без меня.

— Может, это и правда, — ответил Улисс. — Но народы, выбравшие жизнь на тебе, согласились на существование невежественных и бесправных дикарей. Они ничего не знают о науке и искусстве. И никогда не узнают о прогрессе.

— Прогресс! Что он несёт любой разумной расе, за исключением перенаселения, губительных войн, отравления воздуха, воды и земли? Наука ведёт к злоупотреблению ею, самоубийству расы и едва не губит всю планету, прежде чем раса уничтожает сама себя. Это случалось уже дюжину раз. Как ты думаешь, почему человечество в конце концов сосредоточилось на биологии, предпочтя ее всем другим естественным наукам? Откуда, по-твоему, появились города-деревья? Человек понял, что ему надо объединиться с Природой. И он сделал это. На время. Пока к нему не вернулось его высокомерие, или глупость, или жадность — называй как хочешь. Но его уничтожили андромедыне, решив, что человечество представляет для них серьезную опасность.

А потому другие разумные унаследовали Землю, те, кого создал человек из меньших своих братьев в своих владениях. И они стали повторять человеческие ошибки и преступления, с той лишь разницей, что они были ограничены в возможностях причинять вред, ибо человек израсходовал запасы большинства минералов на Земле.

Я — единственное, что стоит между разумными созданиями, смертными и, как ты верно заметил, убивающими, и погибелью для всего живого на планете. Я Дерево,

Вурутана. Не Разрушитель, как называют меня нешгаи и вуфеа, а Хранитель. Без меня не было бы и жизни. Я держу разумные существа в узде и тем приношу пользу им и всем живущим.

Вот почему ты и нешгаи должны умереть, если не откажетесь от своей затеи. Вы уничтожите Землю вновь, если сможете. Конечно, неумышленно. Но это случится непременно.

Люди жили в своих городах-деревьях, которые служили им и библиотеками, и компьютерами. Гигантские растения содержали ячейки для записи информации и ее обработки по требованию обитателей. Но потом — случайно или по воле его создателей — вычислительное растение обрело самосознание, став разумным существом. Из слуги оно превратилось в хозяина. Из растения — в бога.

Улисс не отрицал, что почти все сказанное Деревом — правда. Но он не верил, любая форма разумной жизни станет в конце концов разрушителем жизни. Разум не может быть лишь орудием в руках алчности.

— Отзови своих слуг, дхулулихов, — простучал Улисс, — и мы обсудим наши цели. Возможно, мы придем к миру и взаимопониманию. И тогда сможем жить бок о бок. У нас нет причин враждовать.

— Люди всегда были разрушителями!

— Положи эти бомбы к диафрагме, — сказал Улисс Вулке. — Начнем отсюда.

Бомбы установили напротив большого диска, завалив абаками. Подожгли несколько запалов, и отряд спешно отступил в соседний зал. Когда эхо взрыва смолкло, а дым рассеялся, они вернулись в комнату связи. Мембрана исчезла. На том месте, где она находилась, осталось только беловатое круглое волокно около трех дюймов в поперечнике — несомненно, нерв.

— Обрубайте древесину вокруг него, — приказал Улисс. — Посмотрим, куда он ведет.

Из предосторожности он поставил нескольких ракетчиков у входа. Поскольку на взрыв мембраны не последовало никакой реакции, Улисс решил, что эти залы не имели такой защиты, как жилища вуггрудов. Возможно, Дерево не считало нужным выращивать ее здесь, надеясь на огромные силы дхулулихов.

Улисс ошибался.

Ответ пришел в тот момент, когда солдаты начали откалывать твердую древесину вокруг нервного волокна. Быть может, взрыв ошеломил Дерево и только теперь оно опомнилось. Возможно... кто знает, чем была вызвана задержка. Что бы там ни было, Дерево пришло в себя. Струи воды из тысяч невидимых дырочек в стене сбивали с ног даже нешгаев. Улиссу казалось, что по нему прошлась великанская дубина. Его сбило с ног и покатило к куче дергающихся тел у входа.

Или к тому, что раньше было входом. Сейчас его закрывала толстая полупрозрачная мембрана, опустившаяся с ровной прежде стены.

Через минуту вода достигла колен. Десантники сумели встать на ноги, хотя стоять было тяжело. Правда, вода быстро прибывала, сдерживая сбивавшие с ног струи. Но стоя или лежа, а через несколько минут они утонут.

В тот же миг мембрана у входа выгнулась и упала на них. Те, кто остался снаружи, взорвали ее бомбами.

Улисс сбросил набухшую стеклянистую пленку и попробовал подняться, но доходявшая до пояса вода повлекла его к выходу. Он вновь оказался в свалке тел, но люди с другой стороны вытаскивали их по одному, помогая вставать на ноги.

Авина, похожая на облезлую мокрую кошку, схватила его за руку и прокричала, перекрывая рокот водяных струй:

— Остальные выходы перекрыты! Чем-то вроде сот!

Он прошел к следующему проходу, который перегораживала бледно-желтая густая текучая мерзость, в которой просвечивала масса полых, соединенных вместе ячеек из какого-то белесого гибкого материала.

Не успел он дойти до другого конца комнаты, как его сбили с ног несколько струй, бивших в различных направлениях. Его швырнуло вперед, отбросило назад, развернуло и кинуло на пол. Его катило и катило, он натолкнулся на мягкое и мокрое тело Авина, потом его понесло прочь, со всего маха ударило о спину Граушпаза и завалило четырьмя или пятью вуфеа.

Пол задрожал. Рокот донесся до Улисса, даже несмотря на крики и барахтанье в воде, доходящей уже до колен, и рев струй, бивших из крошечных отверстий.

А потом из зала хлынул целый вал воды, и Улисс волея-неволей уцепился за зыбкое скользкое месиво обломков сот.

Передышка оказалась недолгой. Вода хлестала из стен коридора, из открытых ячеек на каждом уровне. Визжащих крыланых женщин и детей вышвыривало потоком в коридор и смывало прочь. Некоторые падали на захватчиков, сбивая их с ног.

Ракетчики побросали свои базуки и снаряды, бомбардир-ы забыли о своих бомбах. За оружие никто не держался. Руки нужнее были, чтобы карабкаться, распахивать товарищей, закрываться от мощных струй.

Улисс встал на колени только с седьмого раза. Вода почти доходила до его носа, но это не позволяло струям бить в полную силу. Однако ему удалось проползти таким образом не больше пятидесяти шагов, потом пришлось встать — вода прибывала слишком быстро и через минуту дошла почти до груди.

К этому времени коридоры были забиты скопищем тел — борющимися за жизнь дхулулихами и плавающими повсюду, раскинув кожистые крылья, трупами.

Оружие Дерева было эффективно, но не избирательно. Желая потопить врага, оно топило и союзников.

Улисс надеялся только, что Дерево больше не станет опускать мембраны или соты. Если оно это сделает, десанту конец. Вся взрывчатка осталась где-то под водой.

Он оглянулся вокруг, ища Авину. На мгновение ему показалось, что она отстала или утонула, но тут же он увидел ее цепляющейся за пояс Граушпаза. Громадный нешгай брел по воде, которая доходила ему до пояса, руками закрывая лицо от неистовых струй. Он покачивался взад и вперед, но не падал, как остальные его товарищи. Кроме него Улисс насчитал только шестерых нешгаев, около двенадцати своих людей и десяти человекообразных.

Он поплыл, останавливаясь, только чтобы отпихнуть с дороги крыланых самок. Потом двинулся быстрее, поскольку уклон пола заставлял поток воды течь к выходу.

Он обошел Авину и Граушпаза и крикнул ей, чтобы она плыла за ним. Она отцепилась от нешгая и устремилась за Улиссом.

Минутой позже кошмар коридора кончился. Улисса внесло в первый узкий кривой коридор, протащило дальше,

уровень воды резко спал, и через несколько секунд его вынесло течением на ветку и прибило к берегу, как дохлую рыбу. Вода еще текла вокруг, нежно обмывая избитое тело, но Улисс уже мог встать.

На помощь ему пришли руки товарищей. Люди на дирижабле оставили свои посты. Улисс велел им вернуться на корабль, но они не обратили на приказ внимания и, оставив его, бросились на помощь остальным.

Авину подняли на ноги. Она подковыляла к Улиссу.

— Что нам делать теперь, Повелитель?

Рядом встал выбравшийся из дупла Граушпаз. Через две минуты появились остальные пять нешгаев. Шестой так и не вышел из дупла.

Улисс всмотрелся в ночь. Остатки дымовой завесы рассеивались. Небо очистилось, и только что взошла Луна. Ствол заслонял ее серп от Улисса, но небо явно побледнело. Вверху, пересекая звездную черноту, двигалась остроносая тень.

Он окликнул Бифака, человека, которому передал командование кораблем на время десанта:

— Где дхулулихские солдаты?

— Большинство, очевидно, столкнулось друг с другом в дыму и попадало вниз. Многих растерзали ястребы, многие, спасаясь от них, перекалечили друг друга.

Это могло вызвать тяжелые потери среди крыланов, но полностью уничтожить их — нет. Тогда куда же они делись? И зачем?

К этому времени поток воды, бивший из огромной дыры, превратился в тонкую струйку. Фары дирижабля высветили внутри целый завал тел — в основном дхулулихов — в дупле и на ветви. Бифак сообщил, что тел было гораздо больше, но часть унесло первым валом или смыло потом, а некоторых экипаж сбросил в пропасть.

Внутри были тысячи трупов, подумал Улисс.

Он кликнул уцелевших, приказывая немедленно подниматься на борт «Голубого духа» и готовиться к отправлению. Делать здесь больше было нечего. Когда-нибудь они вернутся — с более мощным флотом, с людьми и снаряжением, чтобы пробиться сквозь сердцевину ствола к мозгу Древа.

Добравшись до гондолы, он велел офицерам начать подготовку к старту, а оператору приказал связаться с остальными кораблями и выяснить ситуацию в воздухе.

Один корабль был разбомблен и загорелся за время высадки. Он упал в пропасть и теперь лежал, вероятно, в болоте у корней Дерева. Два других приземлившихся дирижабля тоже были готовы подняться. Но все десантные отряды погибли — утонули внутри ствола или были смыты потоком в пропасть.

Улисс всматривался в дупло, пока экипаж готовился рубить канаты, удерживающие корабль у ветви. Можно было бы изготовить вещество, чтобы смазывать им стены внутренних помещений. Что-нибудь быстросохнущее и прочное, чтобы удержать напор воды. Вроде эпоксидной смолы. И еще неплохо бы взрывать ствол сверху и снизу — десятки дирижаблей, тысячи тонн взрывчатки. А может, в подземном музее под храмом Неша найдется какое-нибудь лазерное устройство? Тогда удалось бы просверлить в Дереве дыры, и взрывные работы пошли бы быстрее.

Он доберется до мозга, если сумеет его обнаружить. Но если мозг не в этом стволе, о его поисках можно вообще забыть.

А что, если отравить Дерево? Какой-нибудь мощный яд, тонны и тонны, высыпаемые на корни так, чтобы могучая система водоснабжения Дерева разнесла отраву по всем ветвям?

Дерево знало, что делало, пытаясь схватить, а потом и убить Улисса. Он был человеком, а значит — угрозой.

— Готовы рубить канаты, командир, — сообщил стартовый офицер.

— Руби!

Зазвенели лопнувшие струны, и корабль круто пошел вверх. Он быстро поднимался к ветви, лежащей в пятистах футах выше, а потом начал поворачивать, запустив моторы левого борта. Дирижабль медленно развернулся и двинулся вперед. Четыре корабля, остававшиеся над ветвями, пошли вниз, чтобы прикрыть остальные. Их прожектора ошупывали ночь, выхватывая обширные черно-серые трещины и разломы коры, покрытую растительностью поверхность ветвей.

Улисс стоял за рулевым, вглядываясь через его плечо в ночь.

— Интересно, куда они подевались? — пробормотал он.
— Кто? — спросила Авина.
— Дхулулихи. Даже если мы уничтожили половину, их осталось еще немало. Они...

И тут он получил ответ на свой вопрос. С гороподобной вершины гигантского ствола на них ринулась крылатая орда. Они падали, сложив крылья, сотнями сразу и не раскрывали крыльев, пока не набирали скорости. Как туча саранчи, они заполнили пространство между вершиной и дрижаблями.

Они ждали, пока десантные корабли отчалят с ветвей, а остальные спустятся, чтобы прикрыть своих товарищей. Последняя, решающая их атака должна была уничтожить весь флот.

Только потом до Улисса дошло, что крылатые человечки просто не могли скрываться среди листьев грибообразной вершины. Она была тридцати тысяч футов высотой — на четыре тысячи выше, чем могли подняться дхулулихи. А объяснение невозможному явлению оказалось простым. Крыланы вскарабкались по стволу. Хлопая крыльями, чтобы поддержать свои сорокапятифунтовые тела, дхулулихи мчались вверх по шершавому стволу с такой скоростью, что ни одно разумное существо не смогло бы сравниться с ними.

Улисс подивился, возник этот план в мозгу командира дхулулихов или же в мозгу самого Дерева. И почему, удивлялся он, крыланы не атаковали корабли на ветках, когда те находились в самом невыгодном положении, лишенные почти всей команды?

Позже он понял, что, даже если бы крыланам удалось подобраться к «Голубому духу», они не смогли бы сбросить на него бомбы. У них просто не осталось взрывчатки. Даже в самом начале бомбы имелись едва ли у одного из пятидесяти крыланов. Чтобы изготовить и доставить с севера большее число, у дхулулихов не хватило времени. Большинство бомб было израсходовано в первой атаке, а остальные сгнули вместе с хозяевами, когда была выпущена дымовая завеса и появились ястребы. Командир дхулулихов — или Дерево, — осознав это, спрятал крылатых человечков в обширной кроне, пока не рассеялись облака дыма. Командир пошел на риск, решив, что корабли, находившиеся

вне пределов досягаемости, скоро спустятся, чтобы защитить троих на ветках, и оказался прав.

Главной трудностью в защите дирижаблей, поднимавшихся с ветвей, была нехватка людей. Большая часть их команд и десантников погибла внутри Дерева. И поэтому, хотя тройки стрелков в верхних и боковых кабинах и лучники у амбразур сражались отчаянно, их просто задавили числом. Через несколько минут три корабля были буквально облеплены маленькими крылатыми фигурками, точно огромные яйца — мошкаррой.

Чтобы поднять корабль быстрее, Улисс развернул моторные гондолы пропеллерами вверх. Корабль быстро приблизился к эшелону, в котором крыланам держаться было не под силу. Но если им удастся прорвать оболочку хотя одного из газовых баллонов, дирижабль сам спустится им в лапы.

Четыре корабля в верхнем эшелоне, полностью укомплектованные, с почти нетронутыми запасами бомб, ракет и стрел, сопротивлялись более успешно. Взрывы разметали первые ряды крыланов, и в то же время три корабля окутали облака последней дымовой завесы. Крыланы кидались на них очертя голову, но дирижабли успели набрать скорость, и когда атакующие достигли кораблей, они либо отскакивали от их поверхности, как теннисные мячики, либо ударялись о нее с такой силой, что пробивали оболочку и проваливались внутрь, обрывая крылья и ломая хрупкие кости. Через несколько минут дхулулихов снова окутало дымное облако. Шанс уничтожить четыре верхних корабля они упустили.

Три нижних, однако, были усыпаны крылатыми человечками. Перебив лучников, бомбардиров и ракетчиков, они прорвались сквозь отверстия внутрь. Здесь они на время растерялись, не зная, что делать и куда идти — оценив ситуацию, капитаны успели выключить внутреннее освещение. И, несмотря на перегрузку, корабли продолжали медленно подниматься, ведомые повернутыми вверх моторами.

Поблуждав по трапам и переходам (кое-кто из нападавших сорвался вниз), дхулулихи наконец обнаружили главный коридор, а потом и люк в рубку управления. Он был закрыт, но пока несколько бэтменов возились с инструментами, стараясь выломать крышку, остальные пробили еще

несколько дыр в обшивке, вылезли наружу и кинулись на гондолу снаружи. Тех, кто вылез позади гондолы, сносило ветром назад — корабль летел слишком быстро. Но тем, кто вылезал из дыры перед рубкой, повезло. Они взобрались на гондолу и принялись тщетно колотить каменными ножами по пластиковым обзорным иллюминаторам. Улисс приказал открыть иллюминаторы; крылатых человечков перебили и сбросили в ночь.

Люк в гондолу со скрипом подался. Визжа, крыланы скатились по трапу — и были нанизаны на арбалетные стрелы. Потом Граушпаз приказал стрелкам отойти в сторону, а сам с остальными нешгаями поднялся по трапу, размахивая громадным каменным топором. Каждый удар ломал кости одному пигмею. Сияя налобным фонариком, Граушпаз торжественно поднялся по трапу и двинулся по главному коридору. Остальные нешгаи следовали за ним.

Даже с нижней палубы гондолы Улисс слышал вопли крыланов и трубный рев нешгаев. А потом справа во тьме вспыхнуло слепящее зарево — это взорвался дирижабль. За пару секунд огонь поглотил его, и корабль начал падать. Из рубки вывалилось несколько фигур — в основном людей и один огромный нешгай. Большинство крыланов попало в ловушку внутри фюзеляжа. Никто не узнает, что там случилось. Возможно, дхулулихи выпустили ракету или зажгли спичку слишком близко от щели в водородном баллоне. Или скорее капитан, поняв, что корабль обречен, поджег его сам, уничтожив вместе с собой экипаж и несколько сот дхулулихов.

Улисс застонал, увидев объятый пламенем корабль. А потом заорал, потому что второй дирижабль направлялся прямо к падающему судну. Если он не повернет, то протаранит себя левым бортом горящего дирижабля или зацепит его хвостом на развороте.

— Сворачивай, дурак! — взыв Улисс. — Сворачивай!

Но воздушный корабль продолжал идти прямо в бушующее пламя.

Мгновением позже с него посыпались сотни тел. Они выползали из каждой кабины, из каждой амбразуры, из всех дыр, которые прорвали в оболочке врезавшиеся в нее крыланы. Они падали, полураскрыв крылья, а потом, оказавшись на безопасном расстоянии, переходили на планирующий полет.

По мере того как дхулулихи покидали корабль, вес его уменьшался. Дирижабль пролетел намного выше пламенеющих останков. Улисс рассмеялся, поняв, что капитан умышленно послал свой корабль на столкновение с горящим судном. В любом случае дхулулихи уничтожили бы и его, и команду, так что, пойдя на таран, капитан ничего не терял. Но настоящей его целью было именно то, что случилось. Перепуганные бэтмены покинули судно, позволив ему спокойно убраться восвояси.

«Голубой дух», однако, находился в серьезной опасности. Он был настолько перегружен, что не мог подняться выше. И нешгаи, хотя и могли устроить кровавую бойню, рано или поздно будут сметены превосходящими силами врага. Они смогли продержаться так долго лишь потому, что пигмеи не имели луков и отравленных стрел. Через несколько минут новая волна атакующих ринется по трапу в рубку.

— Привяжи штурвал, — сказал Улисс рулевому. — И держи моторы вертикально. А потом присоединяйся.

Рулевой не спрашивал, зачем ему покидать пост. Он понимал, что теперь на счету каждый человек.

Стоя на верхней палубе, залитой кровью дхулулихов, Улисс пересчитывал своих солдат. У него осталось три вуфеа, два вагарондита и один алканквиб. Одним из вуфеа была Авина, но против крохотных бэтменов и она будет страшным воином. Это было все, что осталось от двухсот воинов, которые вошли с Улиссом в Дерево с севера. И еще у него было шесть «людей»-врумау.

— У нас всего один шанс, — проговорил Улисс. — Погибнуть или выбить дхулулихов. За мной!

Он взошел по ступенькам с усыпанной кремневыми шипами булавой в одной руке и держась второй за ограждающий поручень, чтобы не поскользнуться на залитом кровью трапе. Доспехов он не успел снять, и лампочка на шлеме еще горела. Впрочем, пользы от нее не было — Улисс включил внутреннее освещение, как только крыланы прорвались в корпус.

Вначале ему никто не препятствовал. Дхулулихи были слишком заняты нешгаями, чтобы заметить нового противника. Они собрались вокруг последнего оставшегося на ногах великана, мельтеша под ногами и срываясь с балок, чтобы, пролетая мимо, полоснуть гиганта ножом. Дорожка

была завалена изрубленными телами, а по обеим ее сторонам на обшивке валялись разорванные, раздавленные трупы.

Улисс кинулся в бой сломя голову, оскальзываясь на трупах. Он разможил три черепа и перебил две пары крыльев, пока до крыланов не дошло, что Граушпазу пришла подмога. Нешгай, трубя, принялся рубить из последних сил. Его стеганные доспехи и пластиковое забрало были залиты кровью — отчасти его собственной. На хоботе, у самого кончика, зияла рваная рана, а из спины торчало обломанное копьё. Какой-то крылан спикировал с площадки около вершины корабля, и его копьё, пробив панцирь, вошло в тело великана.

Оставалось еще около сорока способных сражаться дхулулихов. Они налетели на десяток вновь прибывших с неистойвой яростью, потеряв многих, но достав почти всех врагов. Один вуфеа, двое вагарондитов и трое врумау погибли в первую же минуту. Но Граушпаз, от которого атака отвлекла внимание крыланов, снес три головы одним ударом топора, потянулся, схватил окровавленной рукой конец крыла и оторвал его напрочь, сметя вопящего карлу с дорожки. Развернувшись, он дико взревел и перенес удары на окружавших Улисса дхулулихов. Его топор, взметнувшись, срубил еще двоих; нешгай стряхнул крылатого человечка со спины Улисса и двумя пальцами сломал ему шею.

Внезапно уцелевшие бросились к дырам в обшивке. Они получили сполна. Но, не достигнув отверстий, они остановились. А потом обернулись с диким ликующим криком. В отверстия лезли новые и новые дхулулихи.

— Выбрасывайте тела! — взвыл Граушпаз. — Уводите корабль вверх, где они нас больше не достанут.

Он подскочил к Улиссу и его товарищам, едва не столкнув их с дорожки, нагнулся, рыча от боли, и скинул тела своих товарищей с дорожки. Оболочка корабля лопнула под их весом. Трупы полетели вниз. В образовавшихся дырах свистел ветер, но это было неважно. Он свистел уже в сотнях дыр.

Улисс крикнул остальным, чтобы скидывали оставшиеся тела. Они подняли тела своих товарищей, перебросили через перила, а потом принялись за крыланов. Через дыры,

проделанные дхулулихами, продолжало поступать подкрепление, но их было не так много, как ожидал Улисс, — едва пять десятков. Вместе с оставшимися — шестьдесят. Вполне достаточно, чтобы перебить тринадцать уцелевших джужину раз.

Улисс кинулся по переходу к люку в гондолу управления. Направо от люка располагалась стрелковая кабина, где он хотел найти бомбу. Он собирался поджечь запал и установить ее у газового баллона. Крыланы увидели бы, что он задумал — этот жест трудно не понять. Или они убираются восвояси, или он взрывает бомбу рядом с баллоном, и все они умрут мгновенно. Возможно, бэтмены были настолько фанатичны, что позволили бы ему сделать это, но другого шанса у Улисса не было. Взорвет он бомбу или отбросит в последнюю секунду, его команда погибнет. А вот крыланы могут испугаться гибели настолько, что обратятся в бегство.

Но бомб и ракет больше не осталось. Все они были сброшены.

Оно и к лучшему. Иначе какой-нибудь крылан нашел бы бомбы, поджег, и атакующие улетели бы, пока дирижабль горит синим пламенем.

Улисс развернулся кругом, пробежал по дорожке назад, добрался до поперечного шпангоута и начал карабкаться по нему к основанию гигантского газового баллона. Улисс заорал так, что все обернулись к нему, — а потом ударом складного ножа рассек оболочку.

Дырка получилась крошечная, но струйка выходящего водорода взъерошила ему волосы. Он отступил, вытащил из кармана спичечный коробок, поднял так, чтобы все видели его действия, и демонстративно сделал жест, будто чиркает спичкой. «Надеюсь, крыланы слышали о спичках, — промелькнуло у него в голове. — Иначе они просто не поймут».

Бэтмены и люди вскрикнули от ужаса.

— Дхулулихи, немедленно покиньте корабль! — рявкнул Улисс. — Или я убью нас всех! Немедля! Сгорите, словно моль в печке!

Послышался треск. Граушпаз перемахнул через оградительные поручни и грохнулся на нижнюю оболочку. Его тело прорвало бумажно-тонкую обшивку и исчезло. Он заплатил свой долг; зная, что ему осталось всего несколь-

ко секунд жизни, он прыгнул, чтобы ускорить подъем корабля.

Солдаты на центральной дорожке, дхулулихи на балках, стропях и площадках правого борта — все замерли. Они не двинулись, даже когда Граушпаз бросился через поручни. Никто не сводил взгляда с рук Улисса, спичечного коробка и спички.

Командир дхулулихов носил алый кожаный шлем — эмблему ранга, соответствующего полковнику. Он скорчился на открытой площадке, зажав в одной руке тонкую пику, а второй держась за оградительные поручни, и явно маялся нерешительностью.

Авина тихо нагнулась, подняла дубинку и метнула ее без замаха. Дубинка разворотила командиру лицо. Он упал без стога.

Бэтмены переглянулись. Их вожак погиб, а его преемнику предстоит решать: то ли через несколько секунд погибнуть всем вместе в огне, то ли отступить. Оставшись, они увлекут своего главного врага за собой. Но...

Улисс мог представить, что они переживали. Их жизнь так коротка, пусть даже жалкая — другой не будет. Бежав сейчас, они смогут сражаться вновь. Это клише, кажется, пережило двадцать миллионов лет.

Держа спичечный коробок в левой руке, Улисс приложил головку спички к боку коробка.

— Одна искорка! — прокричал он. — Этого хватит! Мы все сгорим!

Дхулулих, носивший зеленый шлем, — ранг, эквивалентный майору, — взвизгнул тонким, срывающимся голосом:

— Тогда мы погибнем вместе! — Он махнул копьем и гаркнул: — Взять их!

Не ожидая, последуют ли за ним остальные, он прыгнул с балки, расправив крылья, прямо на Авину. Но в разреженном воздухе он выбрал не совсем правильный угол, а потому врезался точно в поручень, и Авина приложила его по голове томагавком. По его стопам последовало еще два десятка крыланов. Некоторые совершили тот же промах, что и их командир, и врезались в ограждение. Остальные были встречены оружием двенадцати уцелевших защитников, которые стояли спина к спине, шестеро лицом в одну сторону, шестеро — в другую.

Улисс, увидев, что остальные, менее отважные дхулулихи потихоньку выбираются из дирижабля, сунул спичечный коробок в карман и поспешил на помощь своим людям. Он поспел как раз вовремя, чтобы, подобрав копье, вонзить его ближайшему крылану в спину. Уцелевшие после последней атаки четыре дхулулиха упорхнули прочь через дыры в обшивке.

Его люди так устали, что еле двигались, а один вуфеа вдруг осел на пол и умер. Но Улисс настоял, чтобы трое заделали дыру в газовом баллоне, а остальных повел за собой в гондолу. Пока «Голубой дух» не окажется в землях нешгаев, спать им не придется.

Как оказалось, выспаться они все же смогли. Дирижабль провел пятнадцать часов в борьбе со встречным ветром, постепенно теряя высоту. Экипаж ушел на поиски пробоя, нашел четыре небольших, но остальные обнаружить не смог. К тому времени когда дирижабль покинул пределы Вурутаны, он двигался на уровне нижних ярусов великого Дерева. Отсутствие ветра позволяло развить там большую скорость, но на рулевого ложилась громадная нагрузка. Ему пришлось проводить корабль между стволами, под ветками, среди переплетений лиан и сучьев, иногда с трудом протискиваясь между ними. В десяти милях от Дерева дирижабль приземлился на травянистой равнине и опал.

Уцелевшие выбрались из-под неуклюжей громадины, вытащили свои пожитки, после чего Улисс поджег корабль, чтобы тот не попал в руки врага. Хотя он не видел ни одного крылана, он не собирался рисковать. Меньше всего ему хотелось, чтобы дхулулихи узнали, как строить дирижабли.

Они двинулись по равнине к горам, по другую сторону которых лежала страна нешгаев. Остальные дирижабли давно ушли вперед. Их двигатели, работая против ветра, быстро уставали, и кораблям надо было вернуться, прежде чем растительные двигатели погибнут от истощения.

Через два дня путники увидели приближающуюся к ним гигантскую сигару дирижабля. Им заранее сообщили по радио, что корабль возвращается с отдохнувшими моторами.

Когда судно оказалось в поле зрения стоявших на равнине на земле, радио заговорило снова. К Улиссу обратился Кафби, офицер-врумау.

— Нам повезло, что мы вернулись, Повелитель. Вся страна по колено в крови. Пока мы отсутствовали, рабы и врумау восстали против нешгаев. Кругом царит хаос. Часть страны в руках нешгаев, другую удерживают повстанцы. Другие корабли разрушены нешгаями на аэродромах, но мы отогнали их. Теперь мы вернулись за тобой. Рабы и врумау ждут, что ты поведешь их к победе. Они говорят, что ты — бог людей и явился из незапамятных времен, чтобы освободить их и избавить мир от слогоголовых чудовищ.

Очень скоро об этом услышит Дерево — если еще не услышало. Оно созовет дхулулихов, соберет орды народов, которые живут на его ветвях, и нанесет удар, пока люди и нешгаи режут друг другу глотки. Если бы только люди отложили свое восстание, пока не победят своего главного врага... но разумные существа не слишком часто следуют холодной логике. Они живут в маленьких темных кельях времени.

Правитель и верховный жрец убиты, — сказал Кафби. — Теперь правит Шегниф, Великий Визирь. Его войска засели во дворце, и до сих пор мы не в состоянии его взять.

Улисс вздохнул. За его спиной стояло двадцать миллионов лет крови, ужаса и боли. И впереди он видел то же самое, даже если проживет еще столько же.

Пусть так.

Он стоял на огромной равнине рядом с Авиной. Ее хвост легонько постукивал по его правой ноге, пока она возбужденно следила за маневрами корабля.

— Мой Повелитель, а что мы будем делать, когда победим нешгаев? — спросила она.

Улисс потрепал ее по мохнатому плечу:

— Мне нравится твой оптимизм. *После* того как победим, а не *если*, верно? Не представляю, что бы я без тебя делал

На мгновение у него засосало под ложечкой. Сколько раз ее могли убить — и тогда ему пришлось бы жить дальше без нее.

— Бессмысленно рабам и врумау жертвовать собой, чтобы вырезать всех слогоголовых до единого. По-моему, всем было бы куда лучше заключить перемирие и построить новое общество, в котором нешгаи не были бы людям ни рабами, ни хозяевами. Мы нуждаемся друг в друге для

борьбы против Дерева. Нам нужно найти компромисс, Авина. В компромиссах нет ничего позорного. Сила — только в единстве, в союзе.

— Рабы и врумау жаждут мести, — ответила она. — Они сотни лет страдали под властью нешгаев. И теперь хотят рассчитаться сполна.

— Я понимаю, — ответил Улисс. — Но пострадавшие могут забыть о прошлом, если мы предложим взамен светлое будущее.

— Могут? — переспросила она.

— Могут. В мое время старые враги забывали прошлые обиды и оскорбления и становились друзьями.

— Мой Повелитель! — сказала она, коснувшись бедром ноги Улисса; ее хвост хлестнул его по ноге. Она лукаво покосилась на него. — А потом ты заговоришь о компромиссе с самим Деревом! С Пожирателем, нашим исконным врагом!

«Как знать? — подумал Улисс. — Если одно разумное животное может договориться с другим, то почему бы не договориться с растением? Как знать?..»

Содержание

От издательства	5
Врата времени , роман, <i>перевод В. Серебрякова</i>	7
Пробуждение Каменного Бога , роман, <i>перевод Э. Раткевич</i>	173

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том семнадцатый

Составитель *Д. Смушкович*
Переводчики *Э. Раткевич, В. Серебряков*
Редакторы *А. Александрова, М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, И. Лаздина*
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, В. Рихтер
Оформление шмуцтитлов: *В. Ковалев*

ЛР № 065224 от 17.06.97.

Подписано в печать 26.06.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 851.

ООО издательство «Полярис»

101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Врата времени

Когда пилот Роджер Два Сокола выпрыгивал с парашютом из горящего самолета, он не мог предполагать, что приземлится вовсе не в захваченной немцами Румынии, а в загадочной стране, где не знают о лошадях, говорят на ирокезском языке и тоже воюют — но уже с жестоким народом завоевателей-балтов. Каким-то образом он прошел через Врата времени... и обратно возврата нет.

Пробуждение Каменного Бога

Шли миллионы лет. Человеческая раса исчезла с лица Земли. Ее место заняли разумные звери, ищущие спасения от зеленого ужаса Вурутаны в тщетных молитвах к своему божеству — погруженному в стазис последнему человеку на Земле. А Вурутана поглощал все новые земли. Но вот однажды Каменный Бог проснулся...

